

122/15

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
РУСИСТИКА

НИНА ТУМАРКИН

ЛЕНИН
ЖИВ!

7

КУЛЬТ ЛЕНИНА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ
РУСИСТИКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

НИНА ТУМАРКИН

ЛЕНИН ЖИВ!

КУЛЬТ ЛЕНИНА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

МСМХСVII

Tumarkin Nina
Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia
Harvard University Press

Перевод с английского
С.Л.Сухарева

Научный редактор
А.Ф.Белоусов

Редактор
С.А.Прохватилова

Председатель редакционной коллегии
серии "Современная западная русистика"
доктор филологических наук
Б.Ф.Егоров

ISBN5-7331-0058-3

- © President and Fellows of Harvard College, 1983
- © С.Сухарев, перевод, 1997
- © Гуманитарное агентство "Академический проект", 1997

Адаму Уламу

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание книги «Ленин жив! Культ Ленина в Советской России» появилось в начале 1983 года через несколько месяцев после смерти Леонида Брежнева, за пять недель до знаменитой речи президента Рейгана об «империи зла» и за шесть месяцев перед тем, как был сбит южнокорейский лайнер KAL 007, что знаменовало собой наивысшую точку как нового витка холодной войны, так и европейского и американского движения за мир (которое рейгановская администрация называла «антиядерным движением»). В этот момент Ленин имел значение не столько как центральный персонаж политического мифа, но как основатель первого в мире социалистического государства, как не столь уж отдаленный предшественник Юрия Андропова, бывшего главы КГБ, наследовавшего Брежневу в качестве Генерального секретаря правящей Коммунистической партии Советского Союза, чей длинный тонкий палец мог нажать пресловутую кнопку и погубить всех нас. Часть книги была написана еще в предыдущем десятилетии в качестве диссертации, в эру столь отдаленную от нашего времени, что я писала ее авторучкой, израсходовав целый пузырек паркеровских чернил.

Дитя русских эмигрантов-либералов — «стивенсоновских меньшевиков», как я поддразнивала демократические симпатии моих родителей в 50-е годы, годы моего детства — я угодила прямехонько в «антиядерный» лагерь, и после публикации моей книги была немало поражена тем, как она прямо-таки превозносилась рейганистами как разоблачение хитрого механизма большевистской пропаганды, который с первых своих шагов успешно внедрил в сознание угнетенного народа преклонение и почитание разрушительных идей, воплощенных в Ленине, наифальшивейшем из фальшивых богов.

Я же ставила этой книгой куда более непростые задачи, что простекало из значительно более терпимого — или по крайней мере сострадательного — подхода к советской истории. Мне хотелось не столько подчеркнуть эксплуатацию Коммунистической партией народных чувств в ранний Советский период, сколько попытаться извлечь из постреволюционного китча отпечаток мировосприятия как объектов, так и субъектов новой большевистской культуры в десятилетие после революции 1917 года.

Книга «Ленин жив» была опубликована в тот же год, когда и стимулирующая книга британского историка Эрика Хобсбаума «Изобретение традиции», создавшая весьма активно употребляемый (и впоследствии злоупотребляемый) словарь и концептуальные рамки для пони-

мания культуры как конструкции, а не как данности. В книге «Ленин жив» я использовала слово “конструкция” несколько старомодно, описывая, например, строительство Мавзолея Ленина на Красной площади. В то же время моя книга является одной из первых книг по русской истории, где сделана попытка показать и осмыслить литературные, визуальные и материальные воплощения политического мифа.

Когда эта книга вышла из печати, Санкт-Петербург еще именовался Ленинградом, ленинский профиль метил священной печатью советские газеты, и длинные очереди ожидающих лицезрения тела Ленина свидетельствовали о том, что ленинский культ, по крайней мере его костяк, еще функционирует. В эти сумрачные года, позднее названные эпохой застоя, идеальный Ленин как воплощение советской героики был как бы заслонен мощнейшим всплеском пышного всенародного культа победы Советского народа в Великой Отечественной войне, который неуклонно двигался к своему апогею — приближавшейся сороковой годовщине Победы.

Я пишу это предисловие к русскому изданию в 1996 году, следя за судьбоносными летними президентскими выборами в России. Память, восстановленная память, установление и конструкция общественных институтов, класс и род заняли центральное место в американском историческом дискурсе. Советский Союз распался пять лет назад; Михаил Горбачев явился и сошел со сцены как калиф на час (на год, на десятилетие); Ленин, десакрализован, демонизирован, дискредитирован, осмеян, коммерциализован и, наконец, реабилитирован для нужд “обновленной” Российской Коммунистической партии середины 90-х годов.

Хотя уже давно не модно кончать предисловие словами признательности, тем не менее я хотела бы использовать эту возможность и выразить мою глубокую благодарность моему мужу, Гарвею Коксу, сыну Николасу, моим приемным детям Ракель, Мартину и Саре и моим неповторимым Петеру Клеману и Нику Маршаллу — всем тем, кто вошел в мою жизнь с тех пор, как появилось новое издание этой книги — поблагодарить за их верную поддержку в моем писательском труде. Писать ни при каких обстоятельствах не просто, однако дружная семья вроде моей — спасение для любого автора.

июнь 1996г.

ПРОЛОГ

“А когда Ленин оживет?” — послышался у меня за спиной детский голос. Я обернулась и увидела женщину в элегантной меховой шубе, которая поправляла шарф на мальчике лет восьми. “Сын пришел сюда впервые, — пояснила женщина, встретившись со мной взглядом. — Я ему не раз повторяла, что когда Ленина навешают хорошие дети, Ленин просыпается”. Я кивнула, сама закутываясь поплотнее, и окинула взглядом длинную вереницу людей впереди нас. Предстояло провести еще никак не менее двух часов в ледяной слякоти, под зябким мартовским ветром, прежде чем нас впустят в Мавзолей Ленина.

Как иностранка я имею право пристроиться к льготной очереди, но приехала я в Москву с тем, чтобы изучить историю культа Ленина — и потому сознательно решила разделить впечатления с рядовыми российскими туристами. Долгие часы, проведенные на зимнем холоде, в нескончаемой очереди, были, казалось, необходимой составной частью посещения Мавзолея — нелегким испытанием, которое делало, однако, заветную цель еще более желанной и заманчивой. Зрелище множества людей, готовых выдержать любую непогоду, подхлестывало мои ожидания; на лицах окружающих была написана благоговейная скорбь; не заметно было и следа раздраженности, свойственной тем, кто подолгу стоит в очередях за провизией. Возникло чувство, будто мы совершаем медленное паломничество к святыне. Да так это отчасти и было; в стране создан и планомерно поддерживается культ Ленина; Ленин превозносится как бессмертный вождь, нераздельно слитый с народом; постоянно издаются его труды, везде и всюду висят его портреты, а набальзамированное тело выставлено в Мавзолее для всеобщего обозрения.

У самого входа молоденькие часовые в добротной серой форме придиричиво нас оглядели: в Мавзолей не разрешается вносить никакие предметы. Попарно мы вступили в сумрачное строение из мрамора. Вдруг один из часовых схватил меня за правую руку и крепко ее стиснул. “Что у вас в кармане?” Я вспомнила о пухлом бумажнике, который засунула в задний карман брюк. “Деньги”, — упавшим тоном пробормотала я, почему-то очень испугавшись. “Деньги? В самом деле?” — не успокаивался часовой. “Да”. — “Ну хорошо”, — смягчился он и выпустил мою руку. Очередь двинулась дальше; мужчина

впереди меня оглянулся и, явно заинтригованный, спросил: “А что все-таки у вас в кармане?” Часовые одернули нас, напоминая о необходимости соблюдать тишину, — и вот мы спустились вниз, к саркофагу.

Ленин лежал посредине просторной затененной комнаты, залитый мягким, розоватым светом. Мы шли на неожиданно большом расстоянии от тела, вдоль холодных стен из черного и серого мрамора, на котором был выложен красным какой-то геометрический узор. Часовые то и дело нас поторапливали, не позволяя задерживаться: ничего не оставалось, как только смотреть во все глаза на ходу. Здесь, в обыкновенном пиджаке с галстуком, покоился первый глава советского государства. Он не походил на мертвого, но и не казался живым. Руки его отливали глянцем, несстественным для плоти, но голова казалась подлинной, хотя цвет лица (возможно, благодаря освещению) был чересчур розовым для трупа. С учетом всех обстоятельств, выглядел Ленин вполне прилично — даже лучше, в сущности, чем Леонид Брежнев, которому суждено было прожить еще почти пять лет. Но на дворе стоял 1978-й: 71-летнего Брежнева лечили от прогрессирующего артериосклероза, той самой болезни, которая свела Ленина в гроб почти на полвека ранее, когда ему еще не исполнилось и пятидесяти четырех.

Хмурое черное небо показалось нам ярким, когда мы вышли из Мавзолея через заднюю дверь — недалеко от могилы Сталина (украшенной алыми искусственными гвоздиками); поблизости впоследствии похоронили и Брежнева. Три эти советские лидера умерли на своем посту, однако лишь тело Брежнева было предано земле. Набальзамированное тело Сталина на протяжении восьми лет находилось в ленинском Мавзолее — и только позднее по политическим мотивам было спешно опущено в могилу у Кремлевской стены. Останки Ленина покидали Мавзолей только на четыре года во время Второй мировой войны, хотя здание периодически закрывается для проведения профилактических работ.

Иные из посетителей Мавзолея наверняка спрашивают себя: действительно ли перед ними Ленин — или подделка, имитация тела усопшего вождя. Меня преследовали другие вопросы... Почему тело Ленина решили сохранить и выставить напоказ? Связано ли каким-либо образом это решение с кризисом власти, когда после преждевременной смерти Ленина не сразу был определен его преемник? Как возведение Мавзолея соотносилось с широко распространенным культом Ленина, приобретшим с 1924 года общенациональный масштаб? Как и почему государство, впервые в истории назвавшее себя социалистическим, положило начало первому значительному в нашем столетии культу властителя?

Возвеличивание памяти Ленина, обязательное для партийного ритуала 1920-х годов, возникло на заре советской истории — в то время, когда язык политики и общественной практики в России не был еще заключен в строго регламентированные стандартные рамки, как сей-

час. Культ Ленина складывался постепенно в результате усилий многих деятелей, стоявших на всех уровнях советской политической иерархии. Предлагаемая книга обрисовывает политические надежды и ожидания, свойственные коммунистам и беспартийным в первые годы советской власти, когда элементы новой политической культуры находились еще в стадии формирования. Начавшееся официальное обожествление Ленина вызвало ревностный отклик у огромных масс: у фанатиков дела партии, у рабочих с заводов и фабрик, у солдат и матросов; у крестьян, благодарных своему правителю за то, что тот наделил их клочком земли; у неудачливых скульпторов, искавших тему, которая гарантировала бы им сбыт творческой продукции; у профессиональных пропагандистов; у партийных прихлебал, желавших угодить вышестоящему начальству, и у множества других людей, вплоть до ближайших сподвижников самого Ленина. Именно тогда были созданы получившие долгую жизнь атрибуты культа вместе с соответствующими обрядами (включая так называемый “китч”).

Я приглашаю читателя взглянуть в калейдоскоп лиц и событий послереволюционной эпохи и проследить за тем, как осколки старой России, втянутые в коловращение исторических перемен, сложились в новую мозаическую картину, призванную свидетельствовать о законности новой власти. Политическая система, оправдывавшая нестабильность утопического счастья, находила превосходную опору в повсеместном обожествлении Ленина как революционного героя, павшего славной смертью в борьбе за освобождение России — в борьбе, которая снискала ему бессмертие.

ОТ АВТОРА

Оглядываясь на годы, проведенные над работой о Ленине, я не перестаю поражаться громадности моего долга перед Русским исследовательским центром Гарвардского университета. Здесь я нашла сообщество коллег, здесь мне были предоставлены все условия для занятий, доступ в библиотеку, здесь я услышала немало добрых, поощрительных слов, необходимых мне для написания этой книги. Я благодарна Мэри Тоул, Сьюзен Гардо, Роз Ди Бенедетто и всем остальным сотрудникам за оказанное терпение и неизменное дружелюбие. Самую большую благодарность приношу нынешнему директору Русского исследовательского центра Адаму Уламу, который всегда оказывал мне поддержку и поощрял мои труды.

Уэллесли Колледж щедро снабдил меня средствами, необходимыми для напечатания микрофильма, привезенного мной из Советского Союза, и оплатил перепечатку рукописи. Особенно признательна я руководству колледжа за предоставленный мне досрочный отпуск, позволивший мне провести весенний семестр 1978 г. в Советском Союзе, где была проделана важнейшая часть моего исследования. Хотелось бы поблагодарить Отдел по международным исследованиям и культурному обмену, выступивший спонсором моей поездки, а также Роберта Ч.Такера, Стивена Козна и Марка Качмента за помощь в ее организации. Благодарна я и работникам Музея Революции в Москве за неизменную любезную доброжелательность и готовность к сотрудничеству.

Выражаю глубокую благодарность всем тем друзьям и коллегам, кто прочитал мою рукопись и высказал ценные замечания: это Стивен Фосбург, Ричард Пайпс, Адам Улам, Эбботт Глисон, Бренда Михэн-Уотерс, Марк Эдвардс, Роберт Ч.Такер, Роберт Батхерст, Йон Экерман, Дэвид Биндер, Дэниел Филд; Норман Неймарк, кроме того, любезно поделился со мной результатами своего исследования о русских революционерах 1880-х г.; Джеролд Ауэрбах и Дэвид Пауэлл внесли в основной текст книги чрезвычайно важные уточнения. Сидни Монас довольно давно заронил мне в голову идею этой книги. Барбара Синдрилгис оказалась виртуозом машинописи, а Нэнси Дептьюла — великолепным корректором. Сердечное всем спасибо.

Сьюзан Розброу-Райх и Кеннет Райх поощряли меня особым, только им свойственным образом, а Дэвид и Барбара Пауэлл буквально приютили меня, когда работа над книгой была в полном разгаре. Всем четверым приношу самую горячую признательность.

Уэллесли, штат Массачусетс
Декабрь 1982

...истинно народная свобода — это только свобода воображения. Жизнь для <народа> не благо и никогда не будет благом, но всегда — ныне и присно — ожидание блага. Для народа нужен герой, праведник...

...И чем дальше, смутнее, недоступнее герой, тем больше свободы воображения и легче жить. Надо, чтобы кто-то жил-был! Сказка нужна. Не Бог в небесах, а вот на темной земле нашей был бы кто-то великого разума и чудовищных сил...

Максим Горький «Монархист (Заметки из дневника)».

В потоке восторженных печатных славословий Ленину, опубликованных в Советском Союзе, авторы нигде и ни разу не используют для обозначения организованного почитания вождя термин “культ” или “культ личности”. В советском лексиконе под этими терминами понимается непомерное тщеславие и злоупотребление реальной властью в сочетании с систематическим политическим террором. Таким образом, существовал культ личности Сталина и культ личности Мао Цзэдуна; культ личности Ленина — никогда. Я применяю термин “культ Ленина” в смысле, привычном для западного читателя, как “организованное благоговейное поклонение”.

1.

ИСТОКИ КУЛЬТА ЛЕНИНА В РОССИИ

“Увы мне! — воскликнул римский император Веспасиан на смертном одре. — Кажется, я становлюсь богом”¹. Император мог позволить себе пошутить над скорым приобщением к лику бессмертных, поскольку ко времени его кончины в 79 г. н.э. обожествление императоров сделалось обычной практикой. Причиной тому явилась неспособность религии республиканского государства служить нуждам империи. Обожествление императоров способствовало росту и укреплению империи: император, приравненный к небожителям, освящал собой имперский принцип².

Идея божественности императора заимствована римлянами с Востока. Она берет начало в культе египетского правителя, внедренном в эллинистический мир Александром Македонским. Как в Греции, так и в Риме императорский культ обрел благодатную почву, ибо политеистические пантеоны обеих стран легко принимали новых богов и полубогов и не проводили резкой границы между богом и человеком, характерной для монотеистических религий³. Культ Александра, в частности, процветал в Греции, подкрепленный древнейшими традициями возвеличивания героев и культами основателей городов (самому Александру воздавали почести как богу в египетском городе Александрии).

Как обожествление греческих и римских правителей коренилось в древнейших представлениях о власти и о природе божества и стимулировалось насущными потребностями государства, так и позднее революционные культы порождались настоятельными политическими потребностями и одновременно опирались на уже существующие традиционные образы и формы. Такие культы включали в себя и элементы стихийного преклонения перед революционными символами и вождями революции; использовалось также сознательное манипулирование умами со стороны творцов, дирижеров и глашатаев этих культов. Сплошь и рядом возникали новые политические ритуалы, которые призваны были обеспечить лояльность народных масс и продемонстрировать легитимность режимов, претендовавших на то, чтобы выражать интересы прежде угнетенных слоев населения.

Французская революция породила целый комплекс символов, ритуалов и мифологических представлений, во многом связанных с идеа-

лизированным восприятием республиканского Рима; немаловажным было воздействие и национальной культуры, сложившейся под влиянием католической церкви. Возникли “республиканские десять заповедей”, а символ веры сводился к словам: “Верую в Верховное Существо, сотворившее людей равными и свободными”⁴. Появились также многочисленные культы революционных вождей — Марата и Робеспьера; их изображения в форме бюстов или миниатюр повсеместно распространялись на протяжении десятилетия, пока не были вытеснены атрибутами планомерно насаждавшегося культа Наполеона Бонапарта. Американской революции отчасти придал законность культ Джорджа Вашингтона: это был наиболее изощренный культ революционного лидера из тех, что предшествовали ленинскому. Легендарный Вашингтон — предмет хвалебных гимнов и од, герой знаменитой (и по большей части вымышленной) биографии Парсона Уимза — сделался образцовым примером для граждан молодой американской нации. В 1800 г. британский посланник в Соединенных Штатах указывал, что “частые напоминания о подвигах, совершенных на полях революционных сражений, и настойчивое восхваление Вашингтона” воодушевляли народ и “способствовали формированию *национального характера*, какового, по общему мнению, заметно недостает этой стране”⁵. Преклонение перед Вашингтоном приняло такой размах, что в 1815 г. русский путешественник заметил, что каждый американец почитает “священным долгом” иметь у себя в доме портрет Вашингтона, “в точности так же, как мы имеем у себя изображения святых”⁶.

Поскольку в ходе русской революции непрерывно возрастала анархия, требовались новые символы, чтобы внести в хаос какой-то смысл. Коммунистическая партия, став правящей, стремилась узаконить свою власть посредством идеализации Ленина как вдохновителя и творца революции, ее ведущей и направляющей силы. Культ Ленина складывался постепенно, с течением времени; организационная основа была подведена под него в 1923 г., когда Ленин отошел от дел ввиду болезни; в форму гражданской религии общенационального масштаба культ вылился сразу же после смерти вождя в 1924 г. В окончательном виде культ Ленина представлял собой планомерную систему символов и ритуалов, совокупное назначение которых состояло в том, чтобы вызвать как у непосредственных участников, так и у зрителей благоговейное чувство, необходимое для установления эмоциональной связи между ними и партией, олицетворением которой выступал Ленин⁷. Стилизованные портреты и бюсты Ленина стали их иконами, его идеализированная биография — их Евангелием, а ленинизм — их священным писанием. Ленинские уголки являлись местами поклонения вождю, а главным храмом сделался Мавзолей на Красной площади, где останки Ленина были выставлены на всеобщее обозрение. Подобная практика сохранялась до конца 1920-х г., пока ее не начал вытеснять зарождающийся культ Сталина.

Культ Ленина сменился в России всеобъемлющим культом Сталина. Впоследствии — и тому немало примеров — культ личности играл важную роль в развитии и укреплении едва ли не любого коммунистического режима. Отсюда явствует, что культ Ленина послужил исходной моделью для целого ряда имитаций, однако между ним и последующими культурами существует большая разница. В позднейших культурах — культе Сталина, Мао Цзэдуна, Тито — превозносился живой вождь, преследовалась цель упрочить главенство лидера в партии. Нередко сами лидеры активно способствовали собственному обожествлению. Культ Ленина, несомненно, стал образцом для подражания, но все же по нему нельзя судить о коммунизме в целом: гораздо более он характеризует Россию, иллюстрируя процесс формирования новой политической культуры в фарватере революции.

Хотя культ Ленина совпадал по конечной цели со своими прообразами в истории революций, внешние признаки его были специфически русскими. Происхождение его объясняется политическими запросами послереволюционной России, оно прямо связано также с биографией Ленина. Нельзя не усмотреть и явной зависимости этого культа от особенностей социального уклада дореволюционной России, от своеобразия политической культуры огромной части населения, на которую культ опирался, и политического мировоззрения русской революционной интеллигенции; отдельные большевики — выходцы из нее — внесли значительную лепту в создание культа Ленина. Культ отвечал нуждам молодого Советского государства: это был, в сущности, строго регламентированный набор символов и мероприятий, старательно разработанный партией и правительством для привлечения к себе неграмотных масс. Между тем, происхождение этого культа глубоко коренится в российском прошлом, история его развития наглядно демонстрирует всю силу иррационального начала в формировании советской политической культуры; наконец, это свидетельство того, как новый большевистский порядок в стремлении овладеть Россией сам строился именно на тех элементах старой русской культуры, которые Ленин со столь отчаянным упорством стремился уничтожить.

СВЯТЫЕ КНЯЗЬЯ

В начале XVIII столетия Петр Великий взялся за приобщение дворянства к Западу, однако основная часть населения России — крестьянство, или “народ” — сохранила традиционную самобытную культуру. В жизни народа основное место занимали религия и ритуалы. Ритуалы, связанные с рождением, браком и смертью, были христианскими. Церковный календарь делил год на будни и религиозные праздники. Строго соблюдались посты, перемежаемые обильными возлияниями — в особенности на Пасху. Крестьяне в повседневном обиходе

постоянно прибегали к молитвам и заговорам. Иконы, помещенные в углу избы наискосок от печи, служили предметом религиозного поклонения внутри дома. Обычай помещать иконы в “красном углу” восходит к древним временам. Языческие элементы долго сохранялись в религиозной практике русского крестьянства; сюда следует отнести и причудливую демонологию, согласно которой добрые и злые духи влияют, как считалось, на все стороны человеческой жизни⁸.

Помимо Иисуса Христа и Богородицы, православной церковью чтились множество святых, представленных в стилизованном виде на замысловатых иконографических изображениях. Календарь изобилует именами сотен святых, часто греческого или болгарского происхождения (Россия в X в. восприняла христианство от Византии), однако большинство из них были русскими. Первыми русскими, причисленными к лику святых, были Борис и Глеб, погибшие мученической смертью сыновья князя Владимира, который сделал христианство официальной религией молодого Киевского государства.

Канонизация происходила всегда после смерти святого — иногда по прошествии нескольких столетий. Церковные комиссии тщательно изучали признаки святости и высказывали свои рекомендации; канонизация святых совершалась высшими церковными иерархами⁹. Чудеса являлись необходимым доказательством святости; они могли иметь место как при жизни святого, так и после его смерти. Самый известный из всех русских святых — Сергей Радонежский (1314—1392) — исцелял больных и даже воскрешал мертвых. По его воле в глуши забил ключ родниковой воды — классическое чудо, связывающее святого с источниками жизни¹⁰. Впрочем, подлинные святые православной церкви творили чудеса и после смерти. Зачастую последователи человека, почитавшегося при жизни святым, начинали посещать его могилу, упоывая на чудотворные свойства его останков и видя в нем заступника за людей перед Богом. Официальное церковное расследование, как правило, закрепляло стихийно возникшее народное преклонение. В народе верили, что тело настоящего святого нетленно: церковные комиссии неоднократно призывались, если случайно обнаруживались неразложившиеся в земле останки. Сохранность останков не являлась необходимым условием святости и не была достаточным основанием для канонизации; многие просьбы о канонизации отвергались церковными властями¹¹. Однако убеждение в том, что тело святого не разлагается после смерти, оставалось достаточно распространенным, о чем свидетельствует знаменитая сцена смерти отца Зосимы в романе Достоевского «Братья Карамазовы». Старец Зосима при жизни почитался святым; когда в его крошечной келье столпились желающие помолиться возле усопшего и кто-то попросил открыть окно, предложение было с негодованием отвергнуто: “ожидание тления и тлетворного духа от тела такого почившего есть сушая нелепость, достойная даже сожаления (если не усмешки) относительно малой веры и легкомыслия изрекающего вои-

рос сей”¹². К полному смятению почитателей старца, признаки разложения выявились очень скоро, заставив их прийти к выводу, что Зосима отнюдь не был святым.

К мощам святых устремлялись паломники, однако наиболее распространенной формой выражения религиозных чувств была молитва перед иконами, изображавшими почитаемых святых в различные моменты их жизни или же в виде стилизованных портретов (под влиянием византийской иконографии). Особой популярностью пользовался иконографический прием, когда изображение святого помещалось в центре, а по краям располагался ряд картин, последовательно иллюстрирующих наиболее важные моменты из его жизни. Сами иконы не являлись предметами поклонения: считалось, что через посредство икон святые, Богородица и Христос поддерживают постоянную связь с земным миром. Чудотворные иконы непосредственно выражали милости Господа. Иконы держали не только в домах, но и в храмах и монастырях; их выставляли напоказ при религиозных процессиях. Помимо икон, бытовали жизнеописания святых — устные и письменные, подробно излагавшие их чудесные деяния и обстоятельства мученической смерти. Вплоть до середины прошлого века жития святых были излюбленным народным чтением, даже Библия читалась меньше.

Русские святые почитались не только за способность творить чудеса, но также за смирение и аскетизм, за отрешенность от земной жизни. Для нас представляет особый интерес категория русских святых, под которую подпадали “канонизированные князья-страстотерпцы”. Довольно внушительное число разных русских святых составляют князья, канонизированные не по традиционным причинам (таким, как мученичество за веру) — а ввиду того, что их постигла ранняя смерть при исполнении княжеского и воинского долга. К примеру, Андрей Боголюбский, великий князь Суздальский и Владимирский (XII век), отличался жестокостью, однако он не оказал сопротивления напавшим на него боярам (1175 г.) и был впоследствии канонизирован. “Андрей умер святым, поскольку безропотно принял все последствия, сопряженные с княжеским званием”, — пишет Михаил Чернявский. Андрей Боголюбский умер не за Иисуса Христа, но *подобно* Христу — пойдя на мученическую смерть, нередко уготованную князьям. Святой князь, подобно многим другим в святцах, не был бессмертным, однако оставался вечно живым покровителем России. “В этом смысле, после смерти святые князья выполняли ту же функцию, что и при жизни, — заботились о стране и о своих подданных, оказывали им помощь и содействие. Эта роль, однако, возлагалась на них только потому, что смертью своей они делались сопричастными страстям Господним (а это возможно лишь для князей); они принимают смерть добровольно, с готовностью — смерть, которая суждена им как князьям; и благодаря этой готовности способны оставаться князьями и после смерти на веки вечные”¹³. С этой точки зрения, политическое убийство носит жерт-

венный характер: погибший делается святым мучеником. Так, после дворцового переворота в 1801 г. возник местный культ убитого императора Павла I, когда почитатели приходили поклоняться его останкам¹⁴. Подобная традиция может объяснить волну стихийной народной симпатии к Ленину, раненому при покушении на него в 1918 г.; данный инцидент, несомненно, способствовал ускоренному развитию его культа.

НАРОД И ЦАРЬ-БАТЮШКА

После того, как в XIII—XVI вв. русские земли объединились вокруг Великого княжества Московского, а в 1547 г. князь Иван Грозный принял титул царя (от латинского “цезарь”), культ святых князей-страстотепцев постепенно трансформировался в миф о царе — мирском правителе и одновременно Божьем помазаннике. Русская концепция царя отмечена влиянием византийского мыслителя VI в. Агапита, утверждавшего, что император — греховный, как все смертные, — наделен вместе с тем властью, которая уподобляет его Богу: “Хотя телесно император ничем не отличается от всех прочих, в отправлении своей власти он подобен Богу, всемогущему Господу, стоящему над всеми людьми... Следственно, — да не впадет он как Бог в гнев или раздражение; как человек, да не возгордится”¹⁵. Российские монархи XVI в. усиленно подчеркивали свое божественное предназначение, взваливая на себя дополнительное бремя посредничества между своими подданными и Богом. Вплоть до конца XVII-го столетия цари проводили много времени за молитвой, посещали монастыри и принимали участие в других религиозных ритуалах, вне зависимости от собственных религиозных убеждений.

В эпоху Петра Великого положение разительно переменилось. Сделавшись не просто царем, но “Императором”, он, наряду со старинной одеждой и бородами, которые носили русские цари и бояре, совершенно изгнал из обихода религиозные ритуалы, отнимавшие так много времени у его предшественников. С восшествия на трон Петра I и до отречения Николая II в марте 1917 г., русские правители внешним обликом, а во многом и поведением, напоминали скорее западноевропейских. Большинство русских монархов были воспитаны в религиозном духе, однако, несмотря на господствовавший при дворе строгий этикет, придворная жизнь была по большей части светской по сути. Важные события в жизни императорской семьи — рождения, коронации, тезоименитства, похороны — отмечались с величайшей пышностью торжественно и всенародно.

Несмотря на обмирщение монархии после Петра, народ по-прежнему держался за допетровские представления о правителе. Для широких масс царь оставался (по крайней мере, до 1905 г.) добросердечным “батюшкой”, близким к Богу, непосредственно связанным боже-

ственными узами с каждым из своих подданных. Советские историки именуют подобные взгляды “наивным монархизмом”¹⁶. Для полного уяснения политических убеждений сторонников императорской власти среди крестьян нам явно недостает письменно зафиксированных свидетельств. Однако крестьянские прошения, пословицы, сказки, наряду с бунтарскими лозунгами, наглядно демонстрируют присущее народу стойкое убеждение в том, что добрый царь только и мечтает отдать крестьянам самое нужное им — землю, но царские чиновники и помещики мешают ему осуществить свою волю. “Царь помилует, царь пожалует”, — гласила известная поговорка. Даже после отмены крепостного права в 1861 г., крестьяне, привязанные к сельской общине и вынужденные платить владельцу за землю, ими обрабатываемую, изливали свой гнев на помещиков и чиновников, но не на императора, который подписал манифест об освобождении¹⁷. Они верили, что царь действительно собирался дать им свободу и землю. Некоторые не страшились открыто бунтовать, другие обращались с прошениями к самому царю. И тех, и других ожидало неминуемое наказание, однако вера в доброго царя, который — стоит ему только узнать о злой доле крестьян — немедленно восстановит справедливость, не умирала.

Если царь так не поступал, существовало два объяснения: либо его обманывали советники и дворяне, либо он не настоящий царь, а самозванец.

Во время пугачевского бунта 1773—1775 гг. одна восьмая часть российского населения (крестьяне, казаки, рудокопы, рабочие, представители кочевых племен) поднялись с оружием на своих хозяев в интересах “настоящего царя”, самозванца, выдававшего себя за Петра III. Главарь восстания на самом деле был казаком по имени Емельян Пугачев. Петр III был убит во время дворцового переворота, вдохновленного его супругой, императрицей Екатериной (Великой), одиннадцатью годами ранее. Называя себя Петром, Пугачев освобождал крестьян от крепостной зависимости и давал им то, чего они больше всего желали: “И за то будете жалованы крестом и бородою, — рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованием, и хлебом, и провиантом, и свинцом, и порохом, и всякою вольностию”¹⁸. “Царь пожалует” — и вот Пугачев жаловал.

Если подлинный царь оказался в гуще народа, кто же сидел на троне в Петербурге? Еще раньше возникал вопрос: если настоящему царю полагалось носить бороду и традиционно расшитый кафтан, а также наставлять подданных в вере, то кем был великан с нервно подергивающимся веком, одетый по-иноземному, попиравший всякую мораль и именовавший себя: “*Petrus Primus Imperator Russorum*”. Исчерпывающий ответ на этот вопрос был дан старообрядцами — раскольниками, порвавшими с официальной церковью после навязанных ею во второй половине XVII столетия изменений в церковном ритуале. Для староверов Петр Великий был вообще не царем, но Антихристом. Вывод был

продиктован отчаянием, ибо воцарение Антихриста означало скорый конец света. Для многих старообрядцев вся династия Романовых после Петра являлась воплощением Антихриста¹⁹.

Личные добродетели вовсе не служили отличительной чертой подлинного монарха. Царь, по традиционным крестьянским представлениям, отнюдь не обязательно должен был походить на Христа. Напротив, из царей в старинных русских сказаниях наиболее примечательной фигурой выступает Иван Грозный (эпитет “Грозный” обозначает не столько “ужасный”, сколько “внушающий благоговейный страх”). Долгое правление Ивана IV (1547—1584) отмечено беспрецедентной жестокостью, направленной не только против множества бояр и представителей прочих привилегированных слоев, но и против крестьян, которых он систематически закреплял на земле их владельцев, приближая тем самым установление крепостного права на всей территории Московского государства. Тем не менее, песни-предания рисуют его как “справедливого царя”, грозного в гневе, но милосердного к своим сторонникам²⁰. Народные сказания об Иване Грозном, относящиеся к XVII веку, изображают его другом крестьян и врагом бояр. Петр Великий также фигурирует во многих народных песнях и сказаниях. Для старообрядцев он был Антихристом, однако для многих других — справедливым царем, любящим свой народ и обрушивающим гнев на его притеснителей²¹. Крестьяне сохраняли традиционные представления о царе, несмотря на западничество Петра, игнорируя привнесенные им перемены: “В фольклоре и прочих текстах XVII—XIX вв., в которых выразился наивный монархизм, монарх не называется императором; он по-прежнему царь, окруженный не министрами и сенаторами, но боярами и воеводами, и правит он, по старинке, Русью, а не петровской Российской империей”²².

Бог высоко, царь далеко”, — гласит крестьянская поговорка. Однако в описаниях царя, каким он выступает в русских народных сказках, есть одна поразительная черта: царь не только сочувствует простому крестьянину, но и очень схож с ним образом своей жизни. Царь-батюшка, по народным представлениям, живет просто, неприхотливо. В одной сказке царевич, не сумевший подыскать себе подходящую невесту среди девушек, которых царь пригласил на праздник, отправляется на поиски суженой, но прежде того просит батюшку с матушкой испечь ему хлеба в дорогу²³. В другой сказке царь “парился в парилне и ходил с работниками на озеро купаться”²⁴.

Русские императоры не купались вместе с крестьянами, однако, по народной мифологии, царям всегда хотелось жить с простым людом. Красноречивым примером служит легенда, возникшая сразу после кончины Александра Первого, 19 ноября 1825 г. в Таганроге, откуда тело его было перевезено в столицу. Распространились слухи, будто Александр жив и добровольно странствует по русской земле, разделяя скорби и страдания простого народа; в Петербург же доставили тело умер-

шего матроса. Спустя десятилетия легенда была подкреплена свидетельствами очевидцев, якобы встречавших императора под именем старца Федора Кузьмича в Сибири, где он вел набожную отшельническую жизнь и скончался в 1824 г.²⁵

Крестьянская вера в царя вызывала неудовольствие у народников 1870-х г., чьи попытки подбить крестьянство на бунты потерпели неудачу, объяснимую — по крайней мере, отчасти — неискоренимостью наивного монархизма. Крестьяне упорно не желали расставаться с непоколебимым убеждением, что царь в конце концов придет к ним на выручку и даст землю. Монархические круги, отлично осведомленные о лояльности народа, не без успеха наживали на ней капитал. Так, в 1898 г., через семнадцать лет после убийства Александра Второго террористами, правительство Николая Второго, стремясь поддержать миф о добром царе, выпустило популярную биографию умершвенного императора «Царь-Освободитель, Царь-Мученик» — иллюстрированную книгу, предназначавшуюся для грамотных крестьян, число которых в России неуклонно возрастало. Книга вышла двумя изданиями, общим тиражом в 106 000 экземпляров — цифра для того времени громадная. Биография, написанная простым языком, изображала любящего свой народ царя мучеником, пострадавшим именно за эту любовь²⁶.

Последним значительным проявлением наивного монархизма было Кровавое Воскресенье 9 января 1905 г. В этот день многие тысячи рабочих — мужчин, женщин, детей — медленно и торжественно прошествовали через город к Зимнему дворцу в Санкт-Петербурге, с тем чтобы изложить свои претензии Николаю Второму. Манифестанты пели молитвы и национальный гимн “Боже, царя храни”, несли иконы и портреты императора. Они желали добиться повышения заработной платы и улучшения условий труда. Забастовки не привели ни к какому результату — и потому решено было обратиться непосредственно к самому царю. Петиция начиналась словами:

“Нет больше сил, Государь! Настал предел терпению... Государь! Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества; дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, пусть он правит вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье вырывают, чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение”.

Традиционной была форма петиции, но не ее содержание. Рабочие просили монарха даровать им народное представительство: “Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой”²⁷. Напрашивается вывод, что либо сами рабочие, либо их политические лидеры прибегли к мифу о царе с тем, чтобы сформу-

лировать революционные требования. Самодержца, однако, даже не оказалось во дворце; мирных демонстрантов встретили залпами из винтовок: под огнем царских войск погибли тысячи.

Кровавое Воскресенье стало прелюдией к революции 1905 года: тогдашнее либеральное общество увидело в нем свидетельство все усиливающегося духовного и политического банкротства романовской династии. После 1905 г. самодержавие не могло больше находить опору в наивном монархизме, чтобы сохранить власть²⁸. Поразительный факт: ни отречение Николая Второго в 1917 г., ни убийство царской семьи год спустя не вызвали в народе никакого протеста.

Наивный монархизм далек от полной неискренности. Общепринятая формула крестьянских требований бралась на вооружение и крестьянами, и правительством, — и, наконец, революционерами. Представители радикальной интеллигенции, стремившиеся повлиять на деревню, должны были научиться извлекать выгоду из народных концепций власти. Спустя всего лишь два десятилетия после 1905 года новые правители России использовали приобретенный ими опыт для создания культа Ленина. Многие в народе продолжали ждать подлинного избавителя. “Он и Ленин-то, говорят, не настоящий, — с таинственным видом сообщил рабочий писателю Ивану Бунину в 1918 г., — этого давно убили, настоящего-то”²⁹. Другие были готовы считать Ленина “настоящим”, поскольку он дал им землю и нераздельно слился в их сознании с образом России.

СВЯТЫЕ — ГЕРОИ ПЕРА И ПИСТОЛЕТА

У русской интеллигенции издавна существовали собственные святцы, куда заносились имена героических борцов (часто совсем не тех, кого чтит народ). Культ Ленина явился кульминационной точкой процесса ступенчатого развития в среде радикально настроенной интеллигенции. Отсчет следует вести от культа Пушкина — культа проникнутого духом байронизма; позднее политизированный подход к оценке всякой литературной деятельности дал толчок культу Чернышевского; наконец, ореолом почти театрального героизма были окружены самоотверженные аскеты — русские террористы. В начале XX века, когда над социологической мыслью возобладали религиозные тенденции, течение внутри большевизма, известное под названием “богостроительство”, обратилось к поискам новой религии. Двадцать лет спустя богостроители Леонид Красин и Анатолий Луначарский внесли олугимую лепту в обожествление вождя; под их руководством было осуществлено бальзамирование тела Ленина и возведен мавзолей на Красной площади.

Духовная и политическая жизнь образованного общества в эпоху Николая Первого (1825—1855) находилась под тройным жестким гнетом — цензуры, бюрократии и полиции. При самодержавном режиме,

когда жестоко преследовалось малейшее печатное проявление свободной политической мысли (сурово каралось законом даже простое чтение запрещенных к ввозу и подлежащих конфискации так называемых “нелегальных, подрывных” книг) — в таких условиях литература играла в жизни просвещенных россиян первостепенную роль. Литература — и в особенности ее высшая форма, поэзия — служила чуть ли не единственным средством для выражения “истины”.

Творец новых идей, обладатель таланта, способного невозбранно проникать в людские души — при том, что все иные пути заграждены цензурой и охранкой, и даже в столицах царит невыносимо удручающая провинциальная скука — такой человек не мог не снискать всеобщего почета и признания. Им был Александр Пушкин: его первого возвели в ранг божества широчайшие слои русской интеллигенции. Этот великий русский поэт (1799—1837), пользовавшийся громкой прижизненной славой, был и остается предметом любви и поклонения вплоть до сегодняшнего дня. Русские читатели поныне заучивают его стихи наизусть, подолгу всматриваются в скульптурные изображения юношеского лица, толпами посещают излюбленные места поэта — такие, как Царское Село (ныне город Пушкин) и музей-квартиру на набережной реки Мойки, где поэт умер в возрасте тридцати семи лет. Неувядающая любовь русских к Пушкину носит ярко выраженный личностный характер.

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем

Еле слышный шелест шагов, —

писала Анна Ахматова в 1911 году³⁰. Вполне согласуется с обостренно чутким восприятием русскими гениальности, непременно сопряженной для них с нравственным уроком, следующий эпизод: после произнесения Достоевским знаменитой речи о Пушкине в Обществе любителей российской словесности 8 июня 1880 г., посвященной открытию памятника Пушкину в Москве, великого романиста провозгласили “больше, чем гением” и приветствовали криками: “Вы наш святой, вы наш пророк!”³¹. Представление о том, что гениальный писатель должен служить нравственным образцом, отозвалось позднее в культе Ленина, когда биография его всячески идеализировалась, а его сочинения были приравнены к скрижалям. Более того, мы увидим, что Ленин желал, чтобы его последователи брали с него пример, как сам он подражал своему образцу — Н. Г. Чернышевскому.

Три величайших человека в истории — это Иисус Христос, апостол Павел и Николай Чернышевский, — писал один русский публицист 1860-х годов³². Чернышевский, сын священника, воспитанный в религиозном духе, уроженец Саратова — провинциального города на Волге, стал кумиром для нескольких поколений русских радикалов и оказал огромное влияние на развитие русской революции. Критик и ро-

манист, Чернышевский (1828—1889) вел аскетический образ жизни; сосланный на длительный срок каторжных работ в Сибирь, он сделался для русских радикалов великомучеником.

Роман Чернышевского «Что делать?» (1863) был восторженно принят народниками и теми, кто им сочувствовал; позднее Ленин отметил: «Он меня всего перепахал»³³. Это роман-утопия: многие критики отказывали ему в художественных достоинствах, которые и в самом деле невелики. Но в романе описывается поколение «новых людей» (революционеров), готовящихся посвятить всю свою жизнь делу освобождения угнетенного народа. Они мечтают об устройстве небольших коммун и организуют кооперативные мастерские.

Роман стал настольной книгой для многих молодых людей, увлеченных заложеной в нем волюнтаристской идеей, согласно которой путь самоусовершенствования — воспитание в себе нравственной стойкости, беззаветной преданности делу, физической крепости — поможет им в конечном итоге преобразовать Россию. Именно эта идея Чернышевского — о потенциальном могуществе индивидуальной человеческой воли, вкупе с непримиримой ненавистью к либерализму — должна была особенно импонировать молодому Владимиру Ульянову. Вера в негибаскую силу человеческой воли, казавшаяся как нельзя более привлекательной в мире, где не оставалось других надежд на спасение; безграничный оптимизм перед лицом мрачной действительности — вот черты, превратившие роман в черновой проект счастливого будущего. Именно умение внушить читателям оптимизм и окрылить их надеждой и снискало русским либералам-борцам восторженное обожание со стороны современного поколения, а также последующих.

Вероятно, наибольшая привлекательность романа «Что делать?» для русских читателей конца прошлого—начала нынешнего столетия заключалась в том, что он описывал людей действия. Волнующая перспектива действия вдохновляла многих интеллигентов: подкреплялась она безграничной верой в науку, присущей нигилистам-шестидесятникам, радикалам семидесятых—восьмидесятых и марксистам девяностых годов. Это была эпоха Дарвина, Конта и Маркса — блистательные полвека надежды на человеческие способности и вера в возможность пересоздать жизнь к лучшему.

Хотя термин «нигилизм», введенный в оборот Тургеневым в романе «Отцы и дети» (1862), происходит от латинского слова, означающего «ничто», нигилисты, под влиянием позитивизма, полагались в своих убеждениях на науку. Именно в науке искали ключ к действию, ибо только наука могла дать основу для правильного выбора пути. Впервые такая вера в науку, именуемая научным материализмом, возникла в тот период, когда после горького разочарования в реформах 1860-х г. рухнули все ожидания, возлагавшиеся на монархию. Эффектно внешне «хождение в народ» (1874), когда тысячи молодых россиян устремились в села, надеясь просветить крестьян и вести среди них политичес-

кую агитацию, закончилось провалом: пропагандистов избивали, выдавали властям, в лучшем случае — из понятной осторожности — игнорировали; вера в народ, таким образом, оказалась тоже подорванной. Радикалам, следственно, оставалось полагаться только на силу собственной воли и на беспристрастный анализ общественной ситуации, опирающийся исключительно на научный подход к проблемам действительности.

Крайним выражением радикального самосознания стал терроризм — путь, избранный горсткой русских революционеров на исходе 1870-х г. В январе 1878 г. Вера Засулич выстрелом из револьвера ранила губернатора Санкт-Петербурга: это был акт мщения за политического заключенного, подвергнутого телесному наказанию. Последствия ее поступка оказались еще более поразительными, нежели само покушение: суд присяжных вынес Засулич оправдательный приговор, а процесс получил громкую огласку не только в России, но и по всей Европе. Самоотверженность и отвага Веры Засулич сделали ее в глазах русских радикалов подлинной героиней: ее пример всколыхнул революционеров — и по стране прокатилась целая волна террористических актов.

На протяжении трех лет после выстрела Засулич террористы сумели устранить многих лиц, занимавших важное положение на лестнице власти. Целью покушений было продемонстрировать слабость и уязвимость главных фигур в правительстве и одновременно силу и храбрость революционеров. Однако решающим ударом должно было стать убийство самого Александра Второго, ибо только казнь царя-батюшки могла убедить народ в беспочвенности монархических упований и побудить его осознать мощь революционеров: только так виделось создание народнической утопии. После ряда неудачных попыток, предпринятых подпольной революционной организацией «Народная воля», цель была достигнута: 1 марта 1881 г. Александр Второй погиб при взрыве бомбы на одной из улиц Петербурга. Цареубийство встретило одобрение только самого радикального крыла интеллигенции. Главным политическим следствием явилось укрепление самодержавия и усиление режима крайней политической реакции.

И тем не менее радикально настроенная молодежь — по преимуществу студенты — продолжала верить в необходимость террора как единственно возможного вида революционной деятельности в условиях самодержавия. Одним из таких террористов был скромный, вдумчивый блестяще одаренный юноша из дворянской семьи — Александр Ильич Ульянов, старший брат Ленина, студент Петербургского университета, чья работа по зоологии была отмечена золотой медалью. В 1887 г. Александра Ульянова, которому исполнился 21 год, приговорили к повешению за подготовку покушения на Александра Третьего. Советские историки, что вполне понятно, причислили Александра Ильича к лику святых (точно так же они превратили весь клан Ульяновых в святое

семейство), однако Александр Ульянов всем обликом своим действительно походил на святого — обладая необыкновенными талантами, редкой целеустремленностью, смелостью, скромностью и бескорыстием. В конспиративный кружок он вступил с неохотой, будучи по внутреннему складу противником насилия. Террористом он сделался только потому, что моральная ответственность не оставляла ему иного выбора³⁴.

Многие интеллигенты, включая террористов, упорно придерживались неумолимо жесткого нравственного кодекса, заставлявшего их жертвовать собой ради своего дела. Засулич прямо обратилась к образу страдающего Христа, приведя фразу Рылеева, которую считала наиболее вдохновляющей для себя: “Бывают времена — даже целые эпохи, когда нет ничего прекраснее, чем терновый венец”³⁵. Если традиционная крестьянская культура уподобляла Христу убиенных, то террористы, напротив, изображали мучениками-страстотерпцами убийц. Это настроение хорошо выразил Егор Сазонов, убивший в 1904 г. министра внутренних дел Плеве: “Вспомните мои мировые мечты о мировой деятельности на благо несчастного люда. И вдруг при таком-то миролюбивом характере передо мной встала страшная задача... И я не мог сбросить ее с своих плеч. Моя совесть, моя религия, мое Евангелие, мой Бог требовали этого от меня. Мог ли я послушаться? Да, родные мои, мои революционные и социалистические верования слились воедино с моей религией. *Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми... И умер, как политический преступник, за людей*”³⁶. Сазонов, Александр Ульянов и Вера Засулич олицетворяют собой русских святых — героев пистолета, готовых отдать жизнь, подобно Христу, за благо многогосударственного народа.

Радикально настроенная интеллигенция канонизировала святых и героев, выдвигавшихся из ее собственных рядов. Усилиями интеллигенции был выработан также идеал высокого нравственного совершенства и неустанного служения истине, обязательный для каждого мыслящего гражданина России. Ленину суждено было усвоить эту революционную традицию при трагических жизненных обстоятельствах, сложившихся после казни его старшего брата. Отвергая жертвенный терроризм, Ленин избрал путь гениального теоретика, основателя большевизма. Парадоксом выглядит то, что стараниями его единомышленников, глубоко захваченных революционным духом, сам он посмертно был превращен в святого великомученика, схожего с Христом.

НЕБЕСНЫЙ ГРАД ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

С конца 1890-х г. вплоть до революции российская интеллигенция переживала глубокий духовный кризис; многие творческие умы в поис-

как самоопределения и путей выхода России из тупика обратились к религии. “В России конца XIX века нарастают апокалиптические настроения и притом в пессимистической окраске”, — писал философ Николай Бердяев³⁷. Ни в одной другой стране Европы не наблюдалось столь всеобъемлющего распространения в литературе апокалиптической образности, как в русской литературе в эпоху царствования Николая Второго: особенно это заметно в творчестве великих поэтов-символистов Серебряного века. Наиболее видным выразителем апокалиптической темы стал поэт и прозаик Андрей Белый. Подобно многим другим мыслителям своего поколения, Белый стремился связать свое духовное возрождение с творческой энергией народа; он полагал, что осмыслить революционные перемены народ способен только в терминах Апокалипсиса³⁸. Роман Белого «Петербург», опубликованный в годы первой мировой войны, насквозь проникнут апокалиптической образностью — равно как и его стихотворение о революции — Родине (1917), заканчивающееся трагическим призывом:

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!³⁹

Наибольшую известность из революционной поэзии получила знаменитая поэма Александра Блока «Двенадцать» (1918), в которой мотивы Апокалипсиса и второго пришествия нашли ярчайшее воплощение. В поэме описываются двенадцать вооруженных революционеров, собирающихся “пальнуть пулей в Святую Русь”. Но с ними —

Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос⁴⁰.

Пользовавшийся в 1890-е г. большой популярностью Н.Ф.Федоров (1828—1903) также разделял апокалиптические настроения⁴¹. Труды Н.Ф.Федорова оказали, по-видимому, сильнейшее воздействие на Леонида Красина — человека, под чьим наблюдением велись работы по сохранению тела Ленина и сооружению первого мавзолея. По убеждению Федорова, с развитием техники в недалеком будущем будет найдено средство победить смерть — и человечество обретет, в конечном итоге, физическое бессмертие. Федоров полагал, что христианский долг ныне живущих состоит в том, чтобы объединить усилия и воскресить прах отцов; таким образом, вечная жизнь будет достигнута без ужасного Судного дня. Воскрешение отцов, писал Федоров, есть “личное дело каждого человека, как сына и потомка”⁴².

Воскресение Христа издавна являлось главным предметом внима-

ния со стороны русских сектантов, на протяжении многих лет гонимых и преследуемых царским правительством. В начале нашего столетия некоторые русские марксисты пытались, используя ненависть сектантов к самодержавию, переманить их на сторону социал-демократов. В 1903 г. РСДРП приняла резолюцию, согласно которой следовало усилить политическую работу среди сектантов⁴³. С этой целью большевики начали с 1904 г. выпускать в Женеве — под названием «Рассвет» — «социал-демократический листок сектантов», назначением которого было пропагандировать марксизм русским сектантам доступным для них языком, с опорой на близкие им понятия. Редактор издания, В.Д.Бонч-Бруевич, сыгравший позднее видную роль в создании ленинского культа, был специалистом по вопросам сектантства, автором целого ряда соответствующих работ. Для написания цветистых и эмоционально взвинченных статей, характерных для этого незаурядного журнала, требовались талант и эрудиция именно такого человека. Вступительная редакционная статья обличала всех русских царей за преследования сектантов и староверов: далее в ней заявлялось, что журнал намерен оповещать читателей о событиях, происходящих в мире, в «различных уголках нашей необъятной родины, среди сектантов и раскольников»⁴⁴. Первый номер «Рассвета» содержал также песню пробуждающихся польских рабочих «Красное знамя». Картина будущей революции объединяет Маркса и святого апостола Иоанна, коммунистическое учение с Апокалипсисом. Начинается песня так:

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд.
Но день настанет неизбежный —
Неумолимый грозный суд.

А заканчивается следующим образом:

Долой тиранов! Прочь оковы,
Не нужно старых, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

Большевики вели среди сектантов и непосредственную агитацию. Николай Валентинов, чьи сотоварищи занимались подобного рода деятельностью, вспоминает, что сектанты совершенно сбили с толку социал-демократических пропагандистов «никакой... партийной программой не предвиденными вопросами: «Какова связь между телом и душой?», «Нет ли за миром видимым другого мира, который мы познать не можем?», «Что хотел показать и чему научить Иоанн Богослов в Апокалипсисе?»⁴⁵.

Жажда духовного обновления, присущая многим интеллигентам России конца века, нашла отклик и внутри большевистской партии, оформившись в движение, названное «богостроительством». Наиболее видным выразителем богостроительства в литературе стал Максим Горький, а основным его теоретиком — молодой Анатолий Луначарс-

кий, назначенный впоследствии первым народным комиссаром просвещения в Советском правительстве (именно он сделался одним из главных архитекторов культа Ленина)⁴⁶.

Луначарский примкнул к революционерам очень рано, в возрасте пятнадцати лет. В 1892 г. семнадцатилетний юноша уезжает из России в Цюрих, где изучает философию с “эмпириокритицистом” Рихардом Авенариусом, а затем переселяется в Париж. В 1898 г., по прибытии в Москву, Луначарский вступает в социал-демократический кружок; вскоре его арестовывают и на короткое время ссылают в Калугу, далее — в Вологду, где он завязывает дружбу с философом А.А. Богдановым (Малиновским), на сестре которого женится⁴⁷. Вслед за Богдановым — в ту пору наиболее видным, из находившихся в России большевиков, Луначарский присоединяется к большевистской фракции РСДРП. В 1904 г., почти сразу по окончании срока ссылки, Луначарский вновь направляется в Европу — на этот раз для совместной работы с Лениным, который специально приехал в Париж для знакомства с ним⁴⁸.

Интересы Луначарского лежали в области философии и эстетики; позднее он говорил о себе как о “поэте революции”⁴⁹. Луначарский был страстно увлечен искусством, но волновали его (“как марксиста” — не преминул он уточнить) и вопросы религии⁵⁰. Для Луначарского религия была ключом к реализации заложенных в человеке возможностей: социализм неминуемо должен был выработать новую религию — всецело гуманистическую. Марксистская религиозная вера должна была быть верой в будущего человека, свободного от индивидуализма и оков классовой принадлежности. В 1904 г. Луначарский впервые наметил себе видение социалистической религии, обожествляющей способности человека: “Вера активного человека есть вера в грядущее человечество, его религия есть совокупность чувств и мыслей, делающих его сопричастником жизни человечества и звеном в той цепи, которая тянется к сверхчеловеку... законченному организму, в котором жизнь и разум отпразднуют победу над стихиями... Если сущность всякой жизни есть самосохранение, то жизнь прекрасная, благая, истинная есть самосовершенствование ...”⁵¹. В 1908—1911 гг. Луначарский опубликовал двухтомный труд «Религия и социализм», в котором подробно изложил теорию богостроительства.

Карла Маркса Луначарский назвал одним из “драгоценнейших подарков еврейства человечеству” — “вместе с Второисайей, Христом и Павлом”⁵². Фейербах и вслед за ним Маркс “помогли человеческому самосознанию стать человеческой религией”. Огромное впечатление на Луначарского произвела работа Фейербаха «Сущность христианства»: он считал, что автор “схватил религию за сердце, а не за ее одежды, как тов. Плеханов”⁵³. Большевики подчеркивали созидательные способности человеческой воли, отвергая более традиционный детерминистский взгляд Плеханова на историю, однако философия их мало чем от-

личалась от сухого рационализма. Маркс призывал своих последователей изменить мир, но этого можно достичь только в результате религиозного порыва, поскольку религия является эмоциональными узами, связующими воедино человеческие существа⁵⁴. Религия — та единственная призма, глядя через которую человек познает мир, становящийся ему понятным: “Религия — это энтузиазм, а без энтузиазма не дано людям создать ничего великого”⁵⁵. Большевиству необходимо было создать новую религию; Бога, наделенного человеческими чертами; Бога, который воплощал бы в себе все будущее человечество. “Научный социализм, — писал Луначарский в 1907 г., — самая религиозная из всех религий, и истинный социал-демократ — самый глубоко религиозный человек”⁵⁶. Размышляя над чудом человеческого гения, наблюдая за “чудесами победы разума и воли над природой”, Луначарский задает вопрос, “не чуем ли [мы], как крепнет родившийся между волом и ослом Бог”⁵⁷.

Эсхатология Луначарского обещала универсальное “развитие человеческого духа к “Вседуше”. Так он называл процесс богостроительства, а “самым великим и решительным актом” в этом процессе должна была стать революция⁵⁸. По убеждению Луначарского, марксистской религии суждено было даже побороть смерть: благодаря своей способности связать живущих людей с будущими поколениями, благодаря пониманию человеком “всеобщей связи жизни, всежизни, и в самой смерти торжествующей”⁵⁹.

Шурин Луначарского А.А. Богданов, против которого направлена злая книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), также был сторонником богостроительства. Задачу богостроительства он усматривал в создании такого людского сообщества, которое преодолело бы рамки индивидуализма и достигло бессмертия. Оказало ли на Богданова учение Федорова о физическом бессмертии прямое влияние, неясно: он верил, что вечная жизнь может быть достигнута посредством переливания крови; опыты с переливанием крови закончились для него самого смертельным исходом в 1928 г.

Ленин обрушился на Богданова с гневными нападениями не за его религиозные взгляды; он порицал его эпистемологию, согласно которой реальность определяется нашим восприятием и не является абсолютной и существующей независимо от сознания. Однако расхождение между Богдановым и Лениным носило также ярко выраженный политический характер. В период между 1907—1910 гг. Богданов возглавлял группу большевиков, увлеченных синдикализмом, вдохновляемых идеями богостроительства и отклонившихся от Ленина. Леонид Красин — в то время инженер-электрик, изготовлявший бомбы, ввозивший контрабандой оружие и собиравший деньги в партийную кассу, был видным членом этой группы. Встревоженный деятельностью кружка Богданова, Ленин порвал с ним и после длительной атаки на разделявшиеся этим кружком философские и политические взгляды, включая бо-

гостроительство, способствовал его распаду. Язвительные нападки Ленина на кружок Богданова имели в основном политический оттенок. Особенно возмущали Ленина идеи богостроительства в изложении его друга — Максима Горького. Ленин направил Горькому два письма, в которых он напоминал писателю, что бог богостроителей ничем не отличается от всякого другого бога: вера в любого бога есть “труположество”⁶⁰. Богостроительство Горького представлялось еще более опасным, нежели традиционная религия, поскольку его труднее было разоблачить и труднее ему противостоять.

Богостроительство — а позднее усилия по увековечению памяти Ленина — ставило целью подлинное обожествление человека. В марксизме со всей очевидностью выступает прометеевский порыв-убеждение в том, что сознательные свободные труженики станут творцами нового мира; тем же убеждением проникнута и русская революционная традиция, вобравшая в себя как веру в величие русского народа, так и веру в самих революционеров, которые должны преобразить Россию — а в конце концов и весь мир — на началах всеобщего равенства.

Богостроительство возникло на перепутье различных умственных течений — марксизма, русского революционного движения и апокалиптических чаяний. Ирония истории заключается в том, что богостроители приложили немало стараний для обожествления человеческого гения, воплощенного в личности Ленина, который предал анафеме всякую религию — и которому особенно отталкивающим представлялось богостроительство, однако именно Ленину суждено было стать, благодаря иным из его ближайших друзей, богочеловеком коммунизма.

2.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН

Ленин прожил всего 53 года; он не так уж долго пробыв премьером Советской России. Личность его по-особому соотносится с символической фигурой, превознесенной в биографических панегириках: культовые жизнеописания вождя составляют самое ядро священной партийной истории. Некоторые черты идеализированного предмета обожания были присущи реальному Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину; другие — нет. Сама личность Ленина также претерпевала с течением времени различные изменения: расхожий образ середины 20-х годов — образ гениального героя-мученика — значительно отличается от расплывчатого образа добродушного, лучашегося смехом пожилого джентльмена, многократно тиражированного вдохновителями ленинского культа в хрущевскую эпоху. Подлинный Ленин не был ни героем, ни джентльменом, но обладал гением революционера.

В позднейшие годы на все лады воспевалась редкая скромность Ленина, при жизни якобы побуждавшая его нетерпимо относиться к любым проявлениям культа его личности. Это также справедливо лишь отчасти. Ленин ненавидел хвалебные речи и приветствия, не принимал лести, отвергал дорогие подарки, избегал фотографов и художников, сторонился подхалимов. На деле причиной тому была вовсе не скромность, хотя в личном плане вкусы Ленина отличались неприязнательностью. Совершенно по-своему представляя себе выгодные привилегии, сопряженные с властью, он отнюдь не искал традиционных громких славословий — чаще всего пустых, не имеющих цены. Ленину не были присущи ни жажда стяжательства, ни тщеславие; он не стремился к материальным благам и не упивался предвкушением того, как десятки миллионов людей будут с восхищением читать его биографию, выдержанную в высокопарном стиле. Полагаясь исключительно на самого себя, он совершенно не нуждался в столь суетных успехах. На протяжении всего своего жизненного пути он настойчиво искал средств навязать собственную волю народу, который весьма мало сходил с ним и по способностям, и по темпераменту. Как революционер и глава государства, Ленин требовал от своих последователей полного подчинения в форме исполнительности, преданности делу и трудолюбия; ритуальные славословия, по мнению Ленина, не являлись присмелюй

формой выражения политической солидарности.

Из сказанного можно заключить, что подлинный Ленин не был причастен к зарождению его культа личности, получившего широкое развитие уже после смерти вождя. Парадоксально, но и такое суждение не соответствует истине. Предмет созданного культа — бессмертный вождь, олицетворяющий Коммунистическую партию, проложивший столбовую дорожку к социализму — на самом деле представляет собой отражение образа, несомненно присутствующего в ленинских трудах, в его деятельности по созданию партии, которую он возглавлял, и деятельность которой он направлял, в самом стиле ленинского руководства. Ленин не собирался превращать себя в фигуру для поклонения, однако партийная власть, создавшая этот культ, переняла очень многое от склада личности Ленина, от его жизненного опыта.

ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ

Владимир Ильич Ульянов родился 10 апреля (ст. ст.) 1870 г. в Симбирске — городе на Волге, на родине Ивана Гончарова, автора «Обломова». Город представлял собой “картину сна и застоя”, — писал Гончаров в 1888 г.: “Так и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонные окна с опущенными шторами и жалюзи, на сонные физиономии сидящих по домам или попадающихся на улице лица. ‘Нам нечего делать!’ — зевая, думает, кажется, всякое из этих лиц, глядя лениво на вас...”¹. Однако в домашнем укладе Ульяновых не было места сонливости и лени.

Отец Владимира, Илья Николаевич Ульянов, проложил себе дорожку в жизни упорным трудом: его карьера наглядно свидетельствует о возможностях общественного и экономического преуспевания, открывшихся в пореформенной России перед людьми талантливыми и целеустремленными. Мать Ильи происходила из калмыков (монголоидная этническая группа: отсюда раскосые глаза и широкие скулы у Владимира); отец его был крепостным, сумевшим выкупиться на волю и позднее занимавшийся портняжным делом. Благодаря помощи старшего брата, который вносил плату за обучение, Илья получил хорошее образование. Он стал учителем математики и естествознания, впоследствии служил инспектором народных училищ в Симбирской губернии. С каждым продвижением по служебной лестнице расширялись привилегии и добавлялись титулы — в соответствии с Табелью о рангах, являвшейся основой гражданской и военной службы в Российской империи. К 1874 г. — когда Владимиру исполнилось четыре года — Илья Николаевич занимал должность директора народных училищ, имея чин действительного статского советника и титул “ваше превосходительство”. С этим чином старшему Ульянову даровалось потомственное дворянство, что побудило Ленина, спустя тридцать лет, сказать о себе: “В

некотором роде я... помещичье дитя”². Мать Ленина, Мария Александровна Бланк, будучи — по крайней мере, частично — немецкого происхождения, принадлежала к более привилегированному семейству: ее отец был врачом, который, по выходе в отставку, купил имение недалеко от Казани.

Почти все детские годы Владимира Ульяновы прожили в скромном, но приятном доме с большим двором. Дом, расположенный в респектабельной части города, был удобен, хорошо оборудован, хотя семейство и не отличалось достатком. Илья Николаевич нанимал няню, кухарку с дочерью, посыльного, а также сезонных работников для помощи в саду и огороде. Летние месяцы проводили в Кокушкине, семейном поместье Марии Александровны, близ Казани, где дети Ульяновых увлекались купанием, катанием на лодках, прогулками и прочими загородными удовольствиями.

Володя был самым шумным из шести детей Ульяновых — рыжеголовым, круглолицым, непоседливым мальчуганом, неотступно требовавшим к себе внимания. Он всегда верховодил младшими, дразнил братьев, любил командовать и распоряжаться. Он обладал незаурядной физической подготовкой, что не слишком характерно для российского юноши того времени из образованного класса. Он отлично плавал, катался на коньках, ездил на велосипеде, любил греблю и дальние пешие прогулки; позднее он сделался превосходным охотником. Володя был также и образцовым учеником, однако редко удостоивался от отца похвалы за свои достижения. Старшая дочь, Анна Ильинична, подтверждала впоследствии правоту отца: скупое поощрение вносило “полезный корректив”³ в чрезмерную самоуспокоенность мальчика, вызванную неизменно высшими баллами.

Родители любили Володю, хотя очевидец Валентинов утверждает в воспоминаниях, что всеобщим баловнем в семье был его старший брат Александр (Саша). “Саша в семье — пишет Валентинов, — почитался существом особенным. Какой-то истерической любовью, что видно из ее воспоминаний, его любила старшая сестра”. Однако Володя был любимцем няни детей, Варвары Григорьевны, часто говаривавшей, что все дети Ульяновых — чистое золото, “а мой Володенька — бриллиант”⁴. Свидетельств взаимоотношений между Сашей и Володей довольно мало. Советские биографы и авторы путеводителей по отреставрированному дому Ульяновых в Симбирске (ныне Ульяновск) настойчиво повторяют, будто Володя глубоко восхищался своим старшим братом и стремился подражать ему во всем. Возможно, это и так, но, по воспоминаниям их сестры Анны, восхищение не было взаимным. Саша, по видимому, признавался ей, что не одобрял “острых” качеств характера Владимира — высокомерия, склонности к насмешкам, дерзости⁵.

Братья резко различались по характеру и, как признавался Саша сестре, вовсе не были близки. Одним из расхождений, отчуждавших мягкого, самоуглубленного студента от младшего брата, был интерес

Александра к политическим и социальным вопросам, мало волновавшим Владимира. Владимир обожал литературу: наряду с латынью, это был его любимый предмет в гимназии. В особенности нравились ему романы Тургенева, которые он перечитывал много раз и знал от корки до корки. Спустя годы Владимир мог приводить по памяти цитаты из «Рудина» или «Дыма»⁶. Его привязанность к прозе Тургенева была достаточно распространенным явлением в тогдашней читательской среде: это яркий пример того, что русская интеллигенция усматривала в литературе силу, оказывающую непосредственное и определяющее влияние на действительность. Тенденция наделять художественный вымысел животрепещущим значением злободневного опыта сыграла важную роль в формировании Ленина как революционера-марксиста. Однако летом 1886 года — в последнее совместное пребывание братьев в Кокушкине — до этого было еще далеко. Анна вспоминала, что Володя даже не взглянул на кипу книг по политической экономии, привезенных Сашей из Санкт-Петербурга. В комнате, которую они занимали вдвоем, Саша изучал Маркса, тогда как его шестнадцатилетний брат, лежа на кровати, перечитывал Тургенева⁷.

Политические взгляды семьи Ульяновых — довольно щекотливый вопрос для советских биографов Ленина, пытающихся объяснить превращение симбирского гимназиста в величайшего революционера всех времен и народов. Современный культ Ленина дает идеализированный образ его родственного окружения, обязывая советских биографов заведомо приписывать семье Ульяновых фамильное сочувствие радикальному мировоззрению. Встречаются утверждения, будто глава семейства выражал одобрение революционной деятельности и открыто поощрял терроризм; более того — отдельные историки прямо заявляют, что в доме Ульяновых находили приют и гостеприимство политически неблагонадежные лица, сосланные в Симбирск. Реакционером Илья Николаевич, безусловно, не был, однако, как верноподданный царя Александра II, полагал, что реформы вполне могут быть осуществлены в рамках самодержавного строя⁸. Старшая дочь Ульяновых, Анна, настойчиво подчеркивала, что ввиду своего положения Илья Николаевич никак не стремился к дружеским связям с политическими ссыльными — да и не мог позволить себе этого. Он решительно осуждал терроризм и был глубоко подавлен убийством Александра II в 1881 г. «Отец, не бывший никогда революционером... — пишет Анна Елизарова-Ульянова, — хотел уберечь нас, 'молодежь', от влияния революционных идей»⁹. При жизни ему это удавалось. Однако в январе 1886 г., в возрасте пятидесяти четырех лет, Илья Николаевич внезапно скончался от кровоизлияния в мозг, а осенью того же года Саша стал участником конспиративного заговора, направленного против Александра III: его деятельность в кружке имела целью изготовление бомб. Полиция раскрыла готовящееся убийство перед самым покушением на царя — и 1 марта 1887 г. Саша, вместе с тридцатью своими товарищами, был аре-

станов. Свою недолгую связь с террористами он скрывал, и потому его арест явился тяжким ударом по семье, все еще носившей траур по Илье Николаевичу¹⁰.

На судебном процессе Александр Ульянов выказал благородство духа, поразившее всех присутствующих (даже царя, читавшего стенограмму заседаний). Он всеми силами старался взять как можно больше вины на себя — с тем, чтобы обелить товарищей, а после вынесения смертного приговора отклонил настойчивые просьбы матери обратиться к императору с прошением о помиловании. Под конец он все же уступил, сжалившись над материнскими чувствами, однако совершенно недвусмысленно указал в письме, что прощения не заслуживает¹¹. Его решимость пожертвовать жизнью ради дела освобождения России оставалась непреклонной; единственное, о чем он сожалел, — это о страданиях, причиняемом матери. Он был повешен утром 8 мая 1887 г., вместе с четырьмя другими заговорщиками.

ВЛАСТЬ ПЕРА

В день Сашиной казни Владимир готовился к выпускным экзаменам в гимназии. Его выдающиеся академические успехи (он получил высшие оценки по всем предметам, за исключением логики) продемонстрировали редкую способность юноши концентрировать все свои силы и сохранять неослабевающую энергию в периоды эмоционального напряжения. На выпускном акте директор гимназии Федор Керенский (отец будущего главы Временного правительства в 1917 г.) наградил Владимира золотой медалью. Керенский также написал блестящую рекомендацию от своего имени в Казанский университет. Ввиду того, что брат Владимира был казнен за попытку царсубийства, это был поступок, свидетельствующий о цельности и неподкупности: участливость Керенского вступала в резкий контраст с бойкотом осиротевшей семьи Ульяновых многими жителями Симбирска.

За отсутствием надежных источников, суждения о реакции Владимира на смерть брата по неизбежности должны быть гадательными, однако нет ни малейших оснований полагать, будто гимназические успехи Владимира свидетельствуют о холодности его натуры. Отчужденность, существующая между братьями, после ухода Саши из жизни могла казаться Владимиру еще более тягостной. Очевидно, он чувствовал, что недопонимал Сашу, воображая его кабинетным затворником, вечно склоненным над микроскопом — и наверняка запоздало корил себя за предвзятость и узость оценки. Он попытался хотя бы отчасти восполнить упущенное и полнее уяснить себе образ покойного брата, взявшись за чтение любимых книг Александра. Так произошла решающая встреча с книгой, многое определившей в облике будущего Ленина — с романом Чернышевского «Что делать?»

Владимир, собственно, уже читал роман тремя годами раньше, однако, как признавался позднее, истолковал его весьма поверхностно. Поскольку книга пользовалась среди молодежи большой популярностью, юноша непременно натолкнулся бы на нее и сам; сложившиеся же обстоятельства побудили его вчитаться в роман самым пристальным образом. Владимир изучал роман, вдохновленный убеждением, что описанные Чернышевским “новые люди” существуют в действительности и что его собственный старший брат, им неразгаданный, принадлежал к их числу: теперь юношу окрыляла надежда, что сам он тоже может и должен присоединиться к революционерам. Роман “увлек моего брата, он увлек и меня, — признавался Владимир Валентинову. — Он меня всего перепахал” — ибо, объяснял Ленин, Чернышевский показал, что для целеустремленного человека единственно возможная жизнь — это жизнь революционера, “он показал также и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления”¹². Смерть брата обострила восприимчивость юноши — и юный Володя Ульянов нашел в романе «Что делать?» многообразный одушевленный мир, который он мог переживать не менее глубоко и напряженно, чем мир реальный, его окружающий — переживать, вероятно, даже еще более сильно.

Осенью 1887 г. Владимир поступил на юридический факультет Казанского университета; вскоре (учитывая репутацию Александра как террориста и мученика) его пригласили вступить в революционный кружок, члены которого в декабре того же года приняли участие в студенческой демонстрации. Владимир был арестован, пробыл в заключении два дня, исключен из университета, а затем выслан в Кокушкино, где оставался почти год. Во время жизни в Кокушкине Владимир Ильич перерыл всю тамошнюю библиотеку, отыскивая тома журнала Чернышевского «Современник», еще недавно читанного Сашей. Владимир погрузился в чтение с головой, делая многочисленные пометки на полях. Обладая поразительным умением концентрировать свои умственные способности, юноша досконально изучил очерки Чернышевского о Белинском, о Гегеле, о философском материализме, об эстетике, о политической экономии Милля и о крестьянском вопросе. Позднее Ленин отмечал, что именно эти статьи впервые пробудили в нем интерес к вопросам экономики — в особенности к положению русской деревни. Владимир Ильич настолько был захвачен трудами Чернышевского, что раздобыл его адрес и обратился к нему с письмом, однако ответа не получил. Год спустя известие о смерти Чернышевского вызвало у него глубокую скорбь¹³.

“Энциклопедичность знаний Чернышевского, — признавался Ленин впоследствии, — яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант — меня покорили”¹⁴.

Неизгладимое впечатление произвели на Владимира Ульянова не-

примиримая ненависть Чернышевского к либерализму, беззаветная преданность революции и вера в то, что “новые люди” способны освободить от гнета многострадальный русский народ. Владимир Ульянов высоко оценил революционный оптимизм Чернышевского, его убежденность в скором наступлении желанных перемен, приближаемых сознательными усилиями волевых борцов. В высшей степени существенно, что Ульянов проникся благоговейным пиететом по отношению к воздействию книг Чернышевского: ведь именно посредством пера Чернышевский сумел заразить революционным энтузиазмом своих читателей. Власть пишущего над умами — вот черта, присущая Чернышевскому, которая сделала его в глазах Владимира Ульянова образцом революционера. Итак, ему самому суждено стать революционером, обладающим даром вдохновлять, убеждать и мобилизовывать оружием печатного слова.

Подобное решение не слишком удивительно для юноши, который полагал тургеневских персонажей действительнее самой жизни и пытался понять единственного известного ему революционера — старшего брата — путем изучения вымышленных героев, которым, по его мнению, Саша во всем подражал. Эти герои — и в особенности сам Чернышевский — стали теперь образцами и для Владимира; он перенял их революционную целеустремленность; подобно им, он будет завоевывать души силой пера и собственным примером. Перо для Владимира Ульянова было действеннее бомбы.

ДОРОГАМИ РЕВОЛЮЦИИ

Биографы Ленина усматривают в русском радикализме 1880-х годов два различные течения — террористическое и марксистское. Владимир Ульянова представляют решительным сторонником марксистов. Это неверно.

Невзирая на жесткие полицейские гонения, последовавшие за убийством Александра II народовольцами в 1881 г., преданные делу революционеры пытались возродить дух прежней организации, создавая кружки, сходным образом опиравшиеся на конспирацию и террор. Видя разительный контраст между разоряющимся крестьянством и быстро развивающимся городским пролетариатом, народовольцы¹⁵ постепенно стали возлагать свои надежды на революцию на промышленных рабочих: хотя численность их была невелика, они сосредоточивались вокруг крупных фабрик и были, следовательно, более податливы в смысле организации и более чутки к воздействию пропаганды. Перемене взглядов на общественное положение у революционеров во многом способствовал и перевод на русский язык первого тома «Капитала» Карла Маркса (1872), который широко читался и перечитывался¹⁶.

Вопреки отдельным расхождениям, народовольцев объединяла вера

в эффективность террора, а еще более — убежденность в необходимости насильственного переворота. В рамках самодержавия свобода недостижима. Взломать прочную систему способна только конспиративная организация стойких революционеров. Быть может, наиболее примечательной чертой народовольцев были их крайний волюнтаризм, неиссякаемая вера в свои силы и способность по собственной воле создать в России основу для всеобщего социального равенства. Александр Ульянов придерживался именно таких взглядов — и Владимир Ульянов, по видимому, ему следовал.

Путь народовольчества был не единственным для радикально настроенного юноши 1880-х годов. С «Народной Волей» сосуществовали группы социал-демократов, почитавшие себя истинными марксистами. Подобно народовольцам, российские социал-демократы признавали необходимость политической борьбы и повышения сознательности пролетариата с тем, чтобы опираться на него в предстоящей борьбе. Российские социал-демократы, последователи Георгия Плеханова, теоретика марксизма, находившегося в эмиграции, предрекали двухступенчатое развитие революционного процесса: сначала должны объединиться все прогрессивные силы общества с целью свержения самодержавия, затем рабочий класс поставит себя в оппозицию ко всем другим классам и будет настойчиво стремиться осуществить социалистическую революцию. Согласно социал-демократическим воззрениям, объективные, научно детерминированные процессы непременно должны поднять социально-политическое самосознание пролетариата до уровня, который позволил бы провести социалистическую революцию и прийти, в конечном итоге, к коммунизму. Вера марксистов в законы исторического развития резко отличалась от волюнтаризма народовольцев. Социал-демократы отвергали террор в качестве политической тактики. Свою непосредственную задачу они усматривали в обучении рабочих марксизму и сосредоточили свои усилия на установлении связей с рабочими кружками, а также на публикации и распространении марксистской литературы. Ввиду относительно аполитичного характера своей деятельности социал-демократы гораздо менее — по сравнению с народовольцами — подвергались полицейским репрессиям. Могли ли, в самом деле, лица, собирающие рабочих по воскресеньям на лекцию о дарвинизме или для чтения «Капитала», тревожить офицеров охранки, обеспокоенных устранением подлинной опасности — предотвращением террористических актов против государственных чиновников и покушений на священную особу Его величества?

Хотя Плеханов и пытался в памфлете «Наши разногласия» (1885) представить два основные революционные течения эпохи как диаметрально противоположные, для русского революционного движения конца 1880-х г. на деле были характерны чрезвычайная запутанность и нестабильность. В радикальные кружки нередко входили люди с самыми разнообразными взглядами на основные вопросы (до того вре-

мени, когда “фракционная деятельность” сделалась в революционных братствах недопустимой, было еще далеко). Радикалы переходили из одного кружка в другой, меняли точки зрения, охотно вступали в полемику и чутко отзывались на любое новое веяние.

Главное отличие социал-демократов от народолюбцев лежало в области стиля. Волюнтаризм, спешка, установка на избирательный террор — все это было чуждо социал-демократам. Они верили в историческую неизбежность социализма и сторонились террора как романтически-наивного, незрелого заблуждения, могущего принести только обратные результаты. Однако осуждение террористов не лишено было внутреннего противоречия. Самоотверженные смельчаки конца 1970-х г., подвергавшие себя смертельному риску, продолжали вдохновлять едва ли не всех радикалов. Отказ от героического терроризма означал для большинства социал-демократов разрыв с юношескими идеалами. Именно так расценивал это и Владимир Ильич Ульянов. В известном фрагменте своей книги «Что делать?» (1902) он выражал глубокую привязанность к «Народной воле», и его супруга, Надежда Крупская, считала эти строки автобиографическими: “Многие из них начинали революционно мыслить, как народолюбцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы...”¹⁷.

Осенью—зимой 1888—1889 гг. Ульянов впервые познакомился с трудом Карла Маркса. Он читал «Капитал», а равно и нашу шумевшую статью Плеханова «Наши разногласия» — очевидно, с точки зрения народолюбца, убежденного в необходимости насильственного переворота путем террора¹⁸. Хотя эти выдающиеся марксистские произведения заметно повлияли на Ульянова — точно также, как в прошлом романы Тургенева и Чернышевского, — непохоже, что они побудили его пытаться укрепить свои марксистские связи или отказаться от убеждений народолюбца. Во всяком случае, он не вступил в контакт с ведущими марксистами, проживавшими тогда в Казани — Николаем Федосеевым и М.Л.Мандельштамом¹⁹.

В Самаре, куда он переехал с семьей в 1889 г., Владимир Ильич сблизился с группой народолюбцев во главе с А.П.Шкляренко²⁰. Тогда же он возобновил свои усилия по завершению образования, прерванного исключением из Казанского университета. В 1890 г. министерство разрешило ему сдать экзамены за юридический факультет, что он и сделал в следующем году, получив по всем предметам высшие баллы; затем Владимир Ильич приступил к адвокатской практике, продолжая посвящать всю свою энергию призванию, обретенному им за годы вынужденного бездействия.

Сашин знакомый по Петербургу, В.В.Водовозов, часто бывавший в доме Ульяновых в 1891—1892 гг., вспоминает, как жадно и восторженно читал Владимир Маркса, называя себя законченным марксистом: для него “марксизм был не убеждением, а религией”²¹. Владимир Уль-

янов выступал как уверенный в себе, независимый от чужих мнений мыслитель, что проявлялось в его отношениях с революционным кружком, членом которого он тогда состоял. Внутри этого кружка Владимир Ильич был “непререкаемым авторитетом”: все члены его преклонялись перед его интеллектуальной одаренностью, сила его ума вызывала у них восхищение. Его познания в истории и политической экономике были поистине впечатляющими. Он свободно читал на немецком, английском и французском языках, был искусным спорщиком, не давая окружающим ни малейшего повода усомниться в своем доскональном знакомстве с материалом, и особенно хорошо владел он изученной им в совершенстве марксистской литературой²².

Тем не менее, Ульянов все еще оставался “переходным марксистом”²³. Он совмещал в себе веру в способность марксизма объяснить мир с убеждением в возможности переменить его собственными усилиями — черта, унаследованная от народовольцев. Ясно одно: роль Ульянова в самарском кружке недвусмысленно свидетельствует о том, что он обладал незаурядным даром заражать своими взглядами других, ошеломляя аудиторию обилием доказательств в пользу излагаемой им трактовки социально-экономического развития, что заставляло окружающих верить в его исключительные таланты революционера. Водовозов — либерал, чьи воспоминания о Ленине отнюдь не отличаются комплиментарностью, пишет, однако: “Уже тогда я был убежден и открыто об этом говорил, что роль Ульянова будет крупной”²⁴.

Владимир после смерти Саши занял его место семейного кумира — и оставался им до конца. Подросток, всегда жаждавший внимания и не получавший от отца должного поощрения за свои школьные успехи, видевший старшего брата ученым, носителем нравственного совершенства, который отдал жизнь за дело революции, теперь сам, как молодой юрист и радикал, стал в семейном кругу Ульяновых предметом обожания. “Вся семья считала [его] гением... на которого чуть ли не молились не только мать и сестры, но и Елизаров (зять, муж Анны)”²⁵.

К бесспорному удовлетворению, которое Владимир получал от своей новой роли, наверняка примешивалось чувство вины и смутного беспокойства, поскольку желаемого поклонения от родных он добился только после кончины отца и брата. При дальнейшем рассмотрении двойственного отношения Ленина к лъстивым дифирамбам, расточавшимся ему как Председателю Совета Народных Комиссаров, дифирамбам, заложившим основы послереволюционного культа вождя, необходимо учитывать и те трагические обстоятельства, при которых Владимир Ульянов достиг главенствующего положения внутри семьи.

Твердо вознамерившись стать для других тем, кем был для него Чернышевский — образцом гения, молодой Ульянов после казни брата устремился к цели гигантскими шагами. Как среди родственников, так и среди узкого круга радикально настроенных единомышленников, Ульянов считался безусловным лидером. Он блестяще умел вдохнуть

свой революционно-волюнтаристский пыл в окружающих. Однако для осуществления поставленной задачи — выдвинуться в первые ряды освободительного движения — ему необходимо было покинуть Самару, где не было ни промышленности, ни пролетариата, ни даже университета. Осенью 1893 г., когда младший сын Ульяновых — Дмитрий — поступил в Московский университет, и вся семья переехала в Москву, Владимир Ильич направился в Санкт-Петербург, бывший в 1890-е г. центром российской социал-демократии.

Петербургский кружок, в который Ульянов вступил вскоре после своего прибытия в столицу, возглавляли Степан Радченко и Герман Красин, оба — студенты Технологического института; в состав кружка входили также Глеб Кржижановский, будущий председатель Госплана, и Надежда Константиновна Крупская, ставшая впоследствии женой Владимира Ильича. Кружок Радченко включал в себя преимущественно представителей интеллигенции — и в целом эта конспиративная организация во многом сохраняла старые традиции «Народной воли»²⁶. Однако кружок именовал себя марксистским и практиковал, по словам Кржижановского, “особый культ Маркса”. Кржижановский позднее вспоминал с некоторым смущением, как в 1893 г. он полагал, что нельзя выработать здравого подхода к политике без двух-трехкратного прочтения «Капитала». Кржижановский и его друзья ожидали этого не только от интеллигентов, но также и от рабочих, с которыми они пытались (без особого успеха) установить политические связи²⁷.

Одним из первых предложений Ульянова была рекомендация внести в программу деятельности кружка обсуждение докладов, представляемых его членами²⁸. Путь революционного литератора был его призванием: именно как литератор Ульянов создал себе имя в немногочисленной, но быстро растущей когорте российских социал-демократов. Очень скоро молодой, подающий надежды критик привлек внимание собратьев публикацией первой своей крупной работы, полемически направленной против народников — книги «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?» (1894). Темперамент, а также стиль Ульянова, запальчивый и педантичный одновременно, идеально отвечал полемическим задачам. Он обрушил на народников потоки присущего ему особо ядовитого сарказма, подкрепленного громадной массой фактического материала относительно российского крестьянского хозяйства — прием, напоминающий статьи Чернышевского.

Положение Ленина в кругу единомышленников значительно укрепилось летом 1895 г., когда, совершив первую поездку в Европу, он познакомился с двумя светилами российской социал-демократии — Павлом Аксельродом и Георгием Плехановым. Осенью 1895 г. Ленин встретился с Юлием Мартовым, будущим лидером меньшевиков, и вскоре они совместно основали новую революционную организацию — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в которую вошли Кржижановский, Радченко и Надежда Крупская. Главной задачей этой орга-

низации была агитация среди петербургских рабочих. 8 декабря 1895 г. большинство ее членов было арестовано, попал в тюрьму и Владимир Ильич.

Ленин провел в петербургской тюрьме два года и еще на три года был сослан в Западную Сибирь, где, несмотря на вынужденную изоляцию, по-прежнему продолжал напряженно и продуктивно работать. По окончании срока ссылки Ленин отбыл в Европу с целью издания «Искры» — газеты, которая, как надеялись он и Мартов, сплотит стремительно дробящееся российское социал-демократическое движение.

ПРОБА ПРЕДАННОСТИ И ПРЕВОСХОДСТВА

Годы, посвященные изданию «Искры» (1900—1903), завершили период революционного становления — превращения Владимира Ульянова в Ленина, признанного лидера большевистской фракции Российской социал-демократической рабочей партии. В 1900 г., однако, он был всего лишь младшим членом редакционной коллегии газеты «Искра», печатавшейся в Мюнхене и нелегально провозившейся в Россию. Младшими членами были также Мартов и Александр Потресов; старшее трио состояло из Аксельрода, Веры Засулич и старейшего вождя российской социал-демократии Плеханова, к которому Ленин питал глубочайшее уважение.

Вера Ленина в Плеханова как в идеального наставника кончилась личным разрывом, заметно повлиявшим на ленинские представления о революционной политике. С момента первого заседания редколлегии «Искры» (в августе 1900 г. в Женеве), положившего начало изданию газеты, Плеханов держался высокомерно и нетерпимо по отношению к другим, требуя беспрекословного подчинения. Его молодые поклонники, Потресов и Ульянов, чувствовали себя задетыми. Надменность Плеханова проявилась в полной мере, когда он, угрожая отставкой, пожелал занять главенствующее положение в редколлегии, вынудив сотоварищей предоставить ему дополнительный голос при решении редакционных дел. Став, по существу, главным редактором, Плеханов начал всячески помыкать коллегами, что повергло «младших» членов в крайнюю растерянность.

Ульянов и Потресов испытывали тяжелое чувство. Спустя неделю Ульянов писал: «... не будь этой влюбленности, относись мы к нему хладнокровнее, смотри мы на него немного более со стороны, — мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха... Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый. Младшие товарищи 'ухаживали' за старшим из громадной любви к нему, — а он вдруг вносит в эту любовь атмосферу интриги и заставляет их почувствовать себя не младшими братьями, а дурачками, которых водят за нос, пешками, которые мож-

но двигать по произволу... И влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться 'без сентиментальности', надо держать камень за пазухой. <...> Ослепленные своей влюбленностью, мы держали себя в сущности как *рабы*, а быть рабом — недостойная вещь..."²⁹. Обычно склонный скрывать свои эмоции, Ульянов описывает сознание утраты, пережитой им наутро после плехановского демарша, как зашедшее его в тупик. "Просто как-то не верилось самому себе (точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека) — неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой..? Неужели это не дурной сон, а действительность?"³⁰.

Быть может, острота болезненной реакции со стороны Владимира Ильича и не соответствовала степени обиды, нанесенной Плехановым, однако многое проясняется, если учесть обстоятельства биографии Ульянова и тот момент, когда произошла конфронтация. Плеханов был последней из героических фигур, которых, как Чернышевского, Владимир обожал на расстоянии — и это был единственный из кумиров, с которым он свел непосредственное знакомство. По-видимому, остаток нерастраченной любви побуждал его преувеличить привязанность к Плеханову, что делало разрыв еще более мучительным. Не исключено, что чувство утраты всколыхнуло прежние тягостные переживания отрочества, вызванные смертью отца и казнью брата: ни от того, ни от другого он не дождался слов поддержки и ободрения, которых явно желал. (Даже Чернышевский, скончавшийся в 1889 г., оставил без ответа письмо Володи, посланное им годом раньше).

"Горький урок", извлеченный Лениным из разрыва с Плехановым, учил его никому не доверять в политике. Нельзя полагаться на буржуазию как на союзника в предстоящем свержении самодержавия. Разногласия в среде единомышленников заметно расшатали доверие Ульянова к социал-демократической интеллигенции. В довершение всего, к 1902 г. Ленин утратил веру и в революционные возможности русского пролетариата. Если инцидент с Плехановым был и не единственным поводом для усвоения глубокого скептицизма, то, несомненно, способствовал развитию последнего. Однако эта травма была всего лишь наглядным свидетельством тотального кризиса веры, который охватил Ульянова в первые два года нового столетия. Результат можно было легко предсказать: он отнюдь не впал в отчаяние, а понял, что должен опираться исключительно на собственные силы. Вера в себя стала путеводной звездой его революционного пути.

Вооруженный томом Маркса и пером, Ульянов превратился в Ленина. Теперь он уже не искал ничего предводительства, но выступил сам в роли создателя последовательной революционной теории и вождя революционной партии. В 1902 г. он изложил свои взгляды в сухом полемическом трактате, который снискал ему положение независимого руководителя внутри социал-демократической партии. Вслед Чер-

нышевскому, он назвал свою книгу «Что делать?».

Основным содержанием книги Ленина является обоснование теории партийной организации. Ленин заявлял, что рабочий класс никогда не сможет выработать революционного сознания независимо от революционной партии и что без таковой пролетариат способен только на “тред-юнионистское сознание”, озабоченное лишь экономическими требованиями. Все прочие политические следствия проистекают из этой исходной предпосылки, противоречащей убеждению Маркса в том, что пролетариат неизбежно будет действовать в своих собственных интересах, и что необходимо только время для пробуждения революционной сознательности у промышленного пролетариата, готового встать против своих буржуазных эксплуататоров. Согласно Ленину, пролетариат опирается на партию, которая играет решающую роль в революционном процессе, разрабатывая теорию, практику и стратегию борьбы, организуя массы и руководя ими. Партии необходимо централизованное руководство, осуществляемое крепким ядром профессиональных революционеров. “Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем всю Россию!” — провозгласил Ленин. Он декларировал свою веру в “чудеса”, которые может совершить “энергия не только кружка, но даже отдельной личности”, и призывал своих читателей становиться героями, занимать место в рядах не мучеников, но спасителей. Пора было поднять прискорбно уменьшившийся престиж революционеров. Народовольцы, “кружки корифеев” 70-х годов с “их кипучей энергией” должны были служить образцом и источником вдохновения³¹.

Как роман, так и острополемическая брошюра обращались к каждому из российских революционеров в отдельности с призывом посвятить себя без остатка предстоящим великим свершениям, полагаясь исключительно на свои собственные силы. Ленин желал, чтобы воздействие его книги сравнялось с воздействием романа. Сотни людей, как полагал Ленин, стали революционерами после прочтения книги Чернышевского — и он надеялся, что его книга «Что делать?» вдохнет в читателей столь же революционный дух. Если роман Чернышевского смог увлечь за собой Александра и Владимира Ульяновых, труд под тем же названием тоже должен был найти последователей. В этом автор, действительно, преуспел.

Валентинов описывает энтузиазм, с каким книгу Ленина встретили в его киевском социал-демократическом кружке: “Он выдвигал образ ‘профессионального революционера’, Георгия Победоносца, борющегося с драконом, откликающегося ‘на все и всякие проявления произвола и гнета... какого бы слоя и класса они ни касались’. Это нам нравилось... [Книга] полыхала буйным волонтаризмом... и ее призывы ‘волить’, действовать, бороться... находили в нас самый пламенный отклик”³².

Ленину удалось вложить в руки читателей ключ к революционному

действию. “Без революционной теории, — писал он, — не может быть и революционного движения”³³. Только ясная, последовательно изложенная теория способна побудить лучших людей всецело посвятить свою жизнь революционной работе, и только на основе стройной, убедительной теории может быть создана эффективная организация.

Книга «Что делать?» обозначила поворотный момент в становлении Ленина-политика. Юрист из Симбирска сделался революционным вождем, вооруженным собственной теорией и сплотившим вокруг себя единомышленников — в особенности после происшедшего в 1903 г. раскола между большевистской и меньшевистской фракциями Российской Социал-демократической рабочей партии. Ленин стал основателем и лидером большевизма.

ЛИДЕР БОЛЬШЕВИКОВ

От вождя требуется неустанная деятельность. Как лидер — сначала вождь революционной партии, а затем глава нового советского государства — Ленин иллюстрировал эту аксиому с редкой убедительностью. Он доказал полное соответствие своих талантов образу вождя; на протяжении всей своей политической карьеры он обнаруживал необычный дар к сосредоточенной работе при самых трудных условиях, придерживаясь жесткой самодисциплины. Брюс Мазлиш считает Ленина классическим образцом “революционно-аскетического” типа лидера³⁴. Согласно его утверждениям, Ленин почти не имел любовных привязанностей: его чувственное влечение оставалось замкнутым всецело внутри сферы собственной личности. Хотя эмоциональные привязанности Ленина и в самом деле немногочисленны, в особенности после разрыва с Плехановым в 1900 г., образ аскета мало соотносится с личностью Ленина; аскетизм вообще плохо сочетался с культовым образом вождя, поскольку аскетизм — как признак юношеской незрелости — приписывался народовольцам как черта их показного идеализма.

Современников поражали и организованность Ленина, непритязательность окружавшей его обстановки, упорядоченность его жизни: все это составляло резкий контраст богемному образу жизни большинства русских революционеров. Лондонская коммуна, которую Мартов и Засулич называли “домом”, славилась своей безалаберностью³⁵; по сравнению с ней аккуратность Ленина, простота его вкуса впечатляли еще больше. Сочетание радикализма с предельным самоконтролем, непривычное для той среды, придавало Ленину вес и одновременно повышало его революционный авторитет.

Кржижановский писал, что в изгнании Ленин источал “чистоту”. Он не пил спиртного и не курил. Любил быструю ходьбу, шахматы, коньки, охоту³⁶. В работе Ленин был собран, подтянут; изоляция осо-

бенно подстегивала его продуктивность — как в 1890—1891 гг., когда он готовился к университетским экзаменам, или в конце того же десятилетия, когда он не прекращал писать — и писать серьезные труды — в тюрьме и в сибирской ссылке. С началом эмиграции Ленин чурался общения с братьями, которые отнимали массу времени, старательно избегая кафе, где они собирались. Это не было сознательным лишением. Ленин действительно презирал пустую говорильню, повергавшую его в крайнее раздражение. Ленин был не столько аскетом, пренебрегавшим удовольствиями ради какой-то высшей цели, сколько “трудоголиком” в обществе, почти не знавшем подобного типа личности³⁷.

Ленину была свойственна еще одна черта характера, оказавшаяся решающей для его собственного стиля руководства: со всей твердостью он порывал — и часто бесповоротно — с теми, кто не оказывал ему безоговорочной поддержки. Это свойство обусловило едва ли не все расколы и расхождения, занимавшие громадное место в истории большевизма до революции 1917 года. “Раскол, раскол и раскол”, — писал Ленин в начале 1905 г. секретарю бюро комитетов большинства в Санкт-Петербурге, предостерегая его против козней меньшевиков³⁸.

Иногда разрыв давался нелегко — как, например, разрыв с Мартовым³⁹. Во всех случаях, однако, Ленин придерживался непоколебимой убежденности в насущной необходимости своего руководства: он не сомневался, что только ему одному ведома дорога к революционной власти: и это давало ему силы отстаивать свой курс любой ценой, соглашаясь даже на резкое уменьшение числа своих сторонников. Потресов — редактор «Искры», позднее порвавший с Лениным, — писал, что Ленина окружал ореол “избранности” и что он “воплощал в себе волю всего движения, сконцентрированную в одной-единственной личности”⁴⁰. Ленину вряд ли могли понравиться слова Потресова, однако история большевистской партии с 1903 по 1917 г. показывает, что Ленин в самом деле видел себя выразителем политических взглядов, претворению которых в жизнь должны способствовать все прочие соратники. Если же они не поддавались убеждениям, Ленин готов был остаться лишь с горсткой немногочисленных приверженцев, обладающих знанием того, во что должна превратиться Россия.

Белинский считал, что в России писатель представляет на суд современников всего себя — не только свои писания, но и склад личности, нравственный облик, стиль жизни. Создатель большевизма предъявлял к себе и своим соратникам ничуть не меньшие требования. Идеал профессионального революционера явился логическим следствием полученного Лениным воспитания; то же самое можно сказать и о его менявшихся воззрениях на сущность руководства. Каждым своим действием вождь обязан обнаруживать качества, признанные необходимой предпосылкой для членства в партии. Вождь должен служить образцом, определяя генеральную линию для других и тщательно придерживаясь ее сам. Заимствуя элементы русской революционной традиции и

используя их по-новому, более решительно и требовательно, Ленин намечал стиль руководства, ставший едва ли не основным его вкладом в политическую жизнь XX века, на характер которого он наложил столь важный отпечаток. Тем самым он способствовал также, хотя и неумышленно, формированию неоднозначных опор собственного культа.

Первое выступление Ленина в роли подлинного революционного вождя произошло летом 1903 г. на немногочисленном (всего 43 делегата с правом голоса) Втором съезде Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Здесь Ленин, искусно маневрируя ходом полемики по вопросу о членстве, добился раскола. Он выдвинул формулировку — гораздо более жесткую по сравнению с формулировкой Мартова — согласную с его идеей обособленной партии, состоящей из профессиональных революционеров. Хотя в резолюции съезда была принята более расплывчатая формулировка Мартова, Ленин своим давлением на события вынудил к уходу со съезда делегатов — “экономистов” и представителей Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза): тем самым сторонники Ленина временно оказались в большинстве (большевики), а сторонники Мартова — в меньшинстве (меньшевики), отсюда — наименование обеих фракций⁴¹.

На протяжении всего съезда Ленин держался так, словно его позиция лидера была уже упрочена. Троцкий позднее утверждал, что “стариками” (старшие представители движения — Аксельрод и Засулич) отказывались верить себе по окончании съезда: “Ведь не так давно он приехал за границу, учеником... и держал себя, как ученик. Откуда вдруг эта самоуверенность?”⁴². Поведением Ленина были изумлены не одни “стариками”. В России социал-демократы — такие, как Анатолий Луначарский и его товарищи по вологодской ссылке — сочли раскол чистым безумием. “Первый параграф устава? — Разве стоит колотиться из-за этого? Размещение кресел в редакции? — да что они, с ума сошли, за границей?” Огорченные новостью, ссыльные распространяли слух, что “Ленин, склочник и раскольник, во что бы то ни стало хочет установить самодержавие в партии, что Мартов и Аксельрод не захотели, так сказать, присягнуть ему в качестве всепартийного хана”⁴³.

Есть свидетельства того, что социал-демократы, перешедшие на сторону Ленина, сделали это не из согласия с его формулировкой первого параграфа партийного устава, но из желания солидаризироваться с “решительностью” Ленина⁴⁴. Неудивительно поэтому, что Ленин привлекал тех, кому импонировал сильный вождь. Иные из женевских большевиков были ранее народолюбцами, они по-прежнему преклонялись перед отчаянно смелыми, готовыми на любой риск революционерами. Их, несомненно, восхищали волевые качества Ленина, и они сочувствовали неизменным похвалам героям семидесятых годов, столь частым в ранних его сочинениях.

Луначарский отметил, что большинство марксистской интеллигенции в Санкт-Петербурге и в Москве тяготели к меньшевизму, тогда как

большевики привлекали к себе профессиональных революционеров из провинции⁴⁵. Профессиональным революционерам, возможно, легче было освоиться с непритязательными повадками и заурядной внешностью Ленина, нежели с интеллектуальным высокомерием и напыщенными манерами вождей типа Плеханова. Кржижановский говорил, что Ленин походил на волжского крестьянина — и следует думать, что это обстоятельство было немаловажным для русских провинциалов, примыкавших к революционному движению⁴⁶. Ленин принадлежал к их числу. Он был русским, уроженцем Поволжья — сердца России; он не был евреем (как Мартов, Троцкий и Аксельрод); он не учился в столичных университетах. Он обладал даром оратора, но речь его не отличалась гладкостью и изысканностью. Он был уверен в себе, однако чужд надменности, рафинированности, претенциозности.

Красноречивый источник, наиболее ярко описывающий взаимоотношения новой фракции со своим вождем — это мемуары Николая Валентинова. Один из профессиональных революционеров-провинциалов, присоединившихся к большевикам, Валентинов вспоминает, что по прибытии в Женеву из России в январе 1904 г. его глубоко поразила — вернее даже, потрясла “атмосфера поклонения”, окружавшая Ленина. Лепешинский, к примеру, “обожал Ленина почти так, как сентиментальные институтки ‘обожают’ некоторых своих учителей”. Он всем сердцем верил, что когда-нибудь Ленин совершит нечто великое: “Все... увидят, какой он большой, очень большой человек. Старик наш мудр, — по всякому поводу говорил Лепешинский. При этом глаза его делались маслянисто-нежными, и все лицо выражало обожание”⁴⁷.

Религиозное почитание Ленина большевиками женевского периода смутило Валентинова — и он вознамерился препятствовать возникновению у себя подобных чувств. Ему это, однако, не удалось, и позже он признавался, что “влюбился” в Ленина⁴⁸. Луначарский описывал такую влюбленность как неизбежную для всех: “Люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему, как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него”⁴⁹. Потресов объяснял “гипнотическое” воздействие Ленина на окружающих наличием у него необычайной воли и веры в себя: “...никто, как он, не умел так заражать своими пламенными планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью, как этот, на первый взгляд такой невзрачный и грубоватый человек... ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой...”⁵⁰.

Естественно, что самые рьяные сторонники Ленина должны были быть наиболее привязаны к нему в начальный период основания партии, пока не схлынул энтузиазм, вызванный дерзко осуществленным расколом. Труднее судить о степени влияния Ленина на сотоварищей в позднейшие годы, воспоминания о которых не дают должного представления о предмете и нередко тяготеют к гиперболам. Даже лучшие мемуары, не исключая книг Валентинова, не избежали, по-видимому,

этой опасности. Кроме того, харизматичность Ленина не была величиной постоянной: его руководство не всегда было достаточно эффективным, несмотря на прилагавшиеся им неустанные усилия. По иронии судьбы, первое же его столкновение с ситуацией, по-настоящему революционной, заставило некоторых его приверженцев поставить под вопрос его руководство, что обозначило начало разброда в рядах большевиков.

Когда растущее народное недовольство достигло кульминации во всеобщей стачке в октябре 1905 г., открывшей собой недолгий период существования самодержавной России в качестве конституционной монархии, многие революционеры-эмигранты поспешили на родину для участия в драматических событиях. Ленин прибыл в Санкт-Петербург поздно, только в ноябре. «Он действовал главным образом пером, — вспоминал Луначарский в 1919 г. почти не пытаясь скрыть своего тогдашнего разочарования. — Мне казалось, что Ленин вряд ли представил бы собой настоящего революционного вождя, каким он мне рисовался. Мне стало казаться, что эмигрантская жизнь несколько измельчила Ленина, что внутренняя партийная борьба с меньшевиками заслоняет для него грандиозную борьбу с монархией и что он в большей мере журналист, чем вождь»⁵¹. По оценке Луначарского, Ленин продолжал борьбу «в заграбничном масштабе» — и не проявлял достаточного умения активно действовать в условиях непосредственной революционной реальности. Луначарский «начал бояться, что у революции нет настоящего гениального вождя»⁵².

После 1905 г. Ленин оставался лидером большевиков, однако движение раздирали фракционные разногласия, усилившиеся после 1907 г., когда началась десятилетняя эмиграция Ленина. За границей наиболее заметным оппонентом Ленина был Богданов, резко критиковавший то, что он называл ленинским титаническим господством над партией. В продолжение всех лет эмиграции Ленин сохранял непоколебимую убежденность в правоте своих взглядов. Он недвусмысленно давал понять, что не остановится перед дальнейшим расколом, даже если это приведет к предельному сужению круга его соратников. Так, на партийной конференции его сторонников, созванной им в Праге в январе 1912 г., присутствовало только двадцать делегатов, самым видным из которых был Григорий Зиновьев. Подобная ситуация отнюдь не побуждала Ленина к компромиссу: напротив, он заявил, что Пражская конференция представляла всю российскую социал-демократию. Ленин, действительно, подразумевал именно это, и, — если принять во внимание его подход, — вовсе не преувеличивал. Ведь социал-демократия может поддерживать только одну генеральную линию: все прочие неверны по определению, а их авторы являются еретиками. Только первая мировая война, разразившаяся летом 1914 г., создала условия, при которых ленинское руководство смогло вновь гальванизировать большевистское движение, сплотить его, вдохнуть в него новые силы и привести к исто-

рическому взлету 1917 года.

Примечательно, что с самого начала войны Ленин занял позицию, резко отличавшую его от большинства социалистов — как российских, так и европейских. В то время, как большинство российских социалистов либо поддерживали ведение войны (“оборонцы”), либо требовали немедленного прекращения военных действий без победителей и побежденных (“интернационалисты”), Ленин уловил громадные возможности войны для разжигания социальных конфликтов во всех странах-участницах. Он был убежден, что война является конечной стадией в развитии капитализма, и возвещал наступление мирового экономического кризиса, ведущего к мировой социалистической революции. Таким образом, долг социал-демократов состоял в содействии подъему революционных настроений, изначально прусищих сознанию народных масс, в помощи “трудящимся, уясняющим себе эти настроения, в углублении и оформлении таковых. Подобная задача находит единственно верное выражение в лозунге “перевратить империалистическую войну в гражданскую”⁵³.

Ленин повторял этот лозунг с яростной настойчивостью, столь для него характерной. Но на этот раз Ленин сражался не только со своими русскими соперниками, но также и со столпами европейской социал-демократии. На международных социалистических конференциях, состоявшихся в Циммервальде в сентябре 1915 г. и в Кинтале в апреле 1916 г., Ленин упорно отстаивал свою радикальную позицию, невзирая на сильнейшее сопротивление. Человек, обладавший в 1903 г. “решимостью” расколоть зарождающееся русское революционное движение, теперь провозгласил банкротство Второго Интернационала и призвал основать Третий Интернационал с тем, чтобы объединить мировое социалистическое движение и смело повести его к решающему историческому моменту, наступившему благодаря схватке алчных империалистов. Парадоксально, однако, то, что Ленин был убежден: Не Россия, но Европа и в особенности Германия первыми воспламяют зарево мировой социалистической революции. В январе 1917 г. Ленин обратился к швейцарской молодежи в цюрихском Народном Доме с обзором событий 1905 года, назвав российскую революцию *прологом* грядущей европейской революции⁵⁴.

Всего лишь месяц спустя бастующие рабочие и мятежные солдаты свергли русское самодержавие. Есть нечто знаменательное в том, что творец большевизма находился в Цюрихе, вынужденный узнавать о новостях из газет, причем консервативного толка. Ленину не терпелось вернуться в Россию, где с головокружительной быстротой разворачивались невообразимые ранее события: ведь именно в России, как видел Ленин, социалистическая революция ждала тех, кто имел мужество и ясность взгляда, достаточные для необходимых действий.

Февральская революция не выдвинула одаренных вождей ни во Временном правительстве — органе власти, учрежденном временным комитетом Государственной Думы — ни в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, стихийно возникшем образовании, притязавшем на то, чтобы представлять “народ”. В тот революционный год стремление к народному представительству все более возрастало. В процессе распада страны местные комитеты и советы росли по всей бывшей империи как грибы — по мере того, как революция распространялась из столиц в провинцию. Узы лояльности, привычки и страха, скреплявшие обширную многонациональную империю, исчезли, едва только Россия раздробилась на мелкие части.

Стандартные описания 1917 года советскими историками изображают усиливающуюся анархию как фон деятельности В.И.Ленина — бога, буквально явившегося *ex machina*, — приехавшего поездом на Финляндский вокзал Петрограда в ночь на 3 апреля с тем, чтобы спасти революцию от призрака реставрации царизма. Безусловно, важность руководства Ленина в 1917 г. трудно переоценить. Октябрьская революция непредставима без его тактического гения и неукротимой энергии. Однако и то, и другое следует рассматривать вкупе с другими факторами, объясняющими успех переворота: это — многочисленные ошибки Временного правительства, организационный и ораторский дар Троцкого, прибывшего в Петроград в мае и только позднее формально присоединившегося к большевистской фракции; эффективность партийной военной организации — и, конечно же, простое везение. Более того, хотя Ленин прилагал максимум усилий и употреблял всю свою партийную власть, дабы убедить своих сторонников поддержать его позицию (даже если она претерпевала ошеломляюще быстрые изменения), он далеко не всегда добивался успеха — вплоть до самого конца.

Для большевистской партии в 1917 г. была характерна открытая полемика. Взгляды правых и умеренных большевиков нередко одерживали верх — в ущерб ленинским. Невзирая на отступления и очевидные поражения — как внутри партии, так и на более широкой арене революционной России, — Ленин сохранял уверенность в своей способности направить партию к победе революции и властно заряжал этой уверенностью окружающих. Главная сила Ленина в 1917 г. заключалась в его твердой решимости извлекать все возможное из меняющихся обстоятельств и в его готовности приспособливать свои лозунги к непостоянным требованиям масс. Он не поколебался, к примеру, заручиться поддержкой крестьянства с тем, чтобы ускорить установление диктатуры пролетариата. С хладнокровным упорством он подчинял все средства одной цели — захвату революционной власти ради воплощения на практике собственного видения социалистической России.

Множество раз на протяжении того насыщенного событиями года последовательная линия Ленина служила ориентиром в хаосе событий. По мере того как политически раздробленная Россия погружалась в общественную смуту, непоколебимая вера Ленина в свою правоту составляла все более резкий контраст шатаниям и колебаниям не столь волевых политиков. Написанное им поражает разнообразием тональности: здесь и почти утопические размышления (книга «Государство и революция»), и полемически заостренные обращения к сподвижникам, которых он то убеждает, то стыдит, пытаясь склонить к мнению о необходимости вооруженного восстания. Не впадая в слишком большое преувеличение, можно сказать, что Ленин добился власти потому, что один из всех настаивал на обладании ею. Его конечный триумф над разногласиями, казавшимися неразрешимыми, побудил позднее его соратников наделить Ленина едва ли не магическими свойствами, сделав из него объект культа⁵⁵. Задачи Ленина, сформулированные им в знаменитых «Апрельских тезисах», сполна отражали его крайний волюнтаризм. Хотя Россия только что вступила в “буржуазную” фазу развития, Ленин призвал к отказу от всякого сотрудничества с “буржуазным” Временным правительством, настаивая на том, чтобы власть, которую оно делило с Советами, перешла к последним. Теоретическая предпосылка речи Ленина сводилась к следующему: период политической гегемонии буржуазии в России уже подходит к концу — по прошествии шести недель, тогда как социал-демократы отводили господству буржуазии несколько десятилетий. Ждать окончания буржуазной стадии развития означало присутствовать при внедрении капитализма и укреплении парламентской демократии, зная наверняка, что ни ему, ни его поколению не дожить до социалистической революции, делу которой они посвятили свои жизни. А если, к тому же, предсказаниям не следует особенно доверять? Насколько близко демократические страны Запада подошли к социалистической революции? Разве исключено, что процесс созревания буржуазной республики на деле приостановит движение России в сторону социализма? А если социалистическая революция произойдет не скоро, кто возглавит революционный авангард через тридцать-пятьдесят лет? Уж никак не Ленин. Эти тревожные сомнения явственно различимы в статьях и выступлениях Ленина последующих семи месяцев. Ленин занял непопулярную позицию протеста против продолжающегося участия России в войне, смягчив свое первоначальное (еще более непопулярное) требование, содержащееся в речи, с которой он обратился к большевистской аудитории в ночь своего приезда в Петроград — требование о немедленном прекращении военных действий. Со временем он сумел убедить всю партийную организацию перейти на его сторону.

На внутреннем фронте революция стремительно левела, благодаря (как Ленин и предвидел) не революционному авангарду, а главным образом в результате стихийных действий тех самых элементов, на кото-

рые Ленин менее всего рассчитывал в своих ранних теоретических построениях: крестьяне захватывали поместья; солдаты, матросы и рабочие умножали ряды сторонников большевиков — особенно заметно с лета 1917-го. Нетерпеливое подстегивание немедленных и радикальных социальных перемен имело результатом вспышку насилия. 3 июля в столице произошли беспорядки, что только укрепило отрицательное отношение правительства к большевикам.

Большевистских лидеров не без оснований встревожило обращение Временного правительства к верным войскам и его открытая угроза разоблачить изменнические связи Ленина с Германией⁵⁶. Противники Ленина обвиняли его в предательстве с момента его появления в Петрограде; кампания преследований усилилась после неудачи “Июльских дней”, когда Александр Керенский, глава Временного правительства, издал приказ об аресте Ленина и других видных большевиков. Троцкий, Луначарский, Каменев и Александра Коллонтай — наиболее известная женщина в партии большевиков — подверглись тюремному заключению; Ленин и Зиновьев скрылись в Финляндии. Шансы большевиков вновь возросли в конце августа, отчасти благодаря их неустанной пропаганде, но еще более в связи с попыткой мятежа, предпринятой популярным Верховным главнокомандующим Лавром Корниловым: мятеж побудил Керенского, нуждавшегося теперь в поддержке большевиков, освободить их лидеров из тюрьмы. По отношению к Ленину и Зиновьеву угроза ареста, однако, сохранялась. Итак, Ленин оставался в подполье, вдали от революционных событий, которые жаждал возглавить, вплоть до самого кануна переворота, полагаясь, как всегда, на перо, управляющее ходом истории.

В августе-сентябре Ленин написал книгу «Государство и революция» — анархистский памфлет, точно отразивший революционный процесс в России в те месяцы. В то время, как страна становилась все более неуправляемой, и власть в селах, в армии, на заводах переходила к стихийно возникавшим комитетам, Ленин подстрекал читателей к разрушению государства. Брошюра открывается словом в защиту “революционной души” марксизма, пророчески обрисовывавшим и судьбу его собственной теории.

“Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их *имени* для ‘утешения’ угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая *содержание* революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его”⁵⁷.

Ленин стремится возродить бойцовскую суть учения Маркса, нисколько не подозревая о том, что сам превратится после смерти в “безвредную икону”. В «Государстве и революции» он поставил целью придать

законность призыву к тотальному разрушению старого порядка и к замене его диктатурой пролетариата. В сентябре он был готов нанести решающий удар — начать вооруженное восстание.

Большевики составляли теперь большинство в Петроградском и Московском Советах. Среди солдат, матросов и рабочих обеих столиц большевики никогда еще не пользовались столь широкой поддержкой. Это было вызвано и неспособностью Временного правительства справиться с текущими проблемами — обуздать инфляцию, обеспечить доставку продовольствия, решить трудности с транспортом, но также и неустанной пропагандистской кампанией, развернутой Лениным и его сторонниками. Всеобщая анархия была неизбежна: не воспользовавшись удобным моментом, большевики рисковали утратить преимущество “стихийности”. В сентябре Ленин написал Центральному комитету, призывая немедленно начать подготовку к вооруженному восстанию. По мнению Ленина, неудача корниловского мятежа свидетельствовала о сочувственном отношении армии к захвату власти большевиками: армия в поисках врагов революции должна была смотреть направо и брататься с теми, кто находился слева.

Письма Ленина вызвали всеобщее смятение. Как и в апреле, Ленин занял позицию, прямо противоположную той, что разделялась большинством партийного руководства. Реакция партийных соратников была столь отрицательной, что Центральный Комитет предполагал уничтожить эти письма, чтобы они не стали известны петроградским рабочим и не подстрекнули их на новое восстание, которое неминуемо привело бы к новым повальным арестам. В конце концов, письма были сохранены, но в то же время приняты надежные меры для предотвращения воззваний к массам и отменена всякая подготовка к восстанию. Неделий позже на заседании ЦК призыв Ленина к вооруженному выступлению даже не ставился на обсуждение⁵⁸. Неделю за неделей, в письмах и статьях, Ленин всячески склонял членов ЦК на свою сторону. Он стыдил и клеймил позором тех, кого — как Зиновьева и Каменева — удерживали от действия страх и здравомыслие. Фактически все сподвижники Ленина так или иначе колебались и выжидали, полагая вооруженное восстание излишним ввиду предстоящего Второго Всероссийского съезда Советов (первоначально назначенного на 20 октября и отложенного затем до 25-го), посредством которого можно было достичь мирной передачи власти коалиционному правительству; но только один Ленин был убежден, что замышлявшаяся им разновидность общественного устройства должна быть достигнута исключительно путем вооруженного переворота. Решающее голосование состоялось в ЦК 10 октября. Десятью голосами против двух (Зиновьев и Каменев голосовали против), резолюция о вооруженном восстании была принята. После этого Ленин продолжал настойчиво увещевать соратников претворить резолюцию в жизнь — тем более, что вздымавшаяся волна анархии размывала последние опоры Временного правительства, быстро теряв-

шего поддержку народных масс.

Ленин в Октябре. На протяжении всей советской истории во множестве книг, статей, картин и фильмов изображалось это драматическое противостояние человека и момента. “И оттуда, /на дни/ оглядываясь эти, /голову/ Ленина/ взвидишь сперва”, — патетически восклицал Владимир Маяковский в своей эпической поэме, написанной им вскоре после смерти Ленина⁵⁹. И в самом деле: энергия и решительность Ленина, проявленные им в критический период между провалом корниловского мятежа и 25 октября, сыграли решающую роль в успехе переворота; они же послужили толчком для позднейшего развития культа.

Все способности Ленина уникальным образом подходили для этого критического момента — важнее всего оказались сверхъестественное умение выявить самые уязвимые места противника и некий эмоциональный настрой, совмещавший в себе ярость, храбрость и истеричность. Вечером 24 октября, переседетый до неузнаваемости (щека была подвязана платком, лысую голову прикрывал парик), Ленин рискнул покинуть конспиративную квартиру и направился в штаб большевиков в Смольном институте. Утром 25 октября Ленин выпустил декларацию, в которой извещалось о том, что Временное правительство низложено, а власть перешла в руки Военно-революционного комитета, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Подпись Ленина под декларацией отсутствовала, однако теперь судьбы России определялись складом его мышления: власть пера над умами получила подкрепление со стороны армии, флота и политической полиции.

ПРАВИТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

“Рыба гниет с головы” — гласит русская поговорка, как нельзя лучше применимая к тому, что произошло с династией Романовых. К 1894 г., когда на трон взошел Николай II, самодержавие давно уже пребывало в тяжком кризисе. Государственное устройство в целом исключало возможность динамичного руководства, в котором империя столь остро нуждалась. Со времен Николая I в России не было властителя, способного взять в свои руки бразды управления администрацией и энергично и последовательно осуществлять продуманную политику. Все последующие монархи гораздо охотнее предпочитали выступать простыми третейскими судьями между конфликтующими бюрократическими лагерями.

Николай II не оправдал даже и таких скромных ожиданий. Воображая себя самодержцем былых времен, правящим посредством милостивых указаний, он отверг роль посредника в бюрократических схватках и постепенно оказался в изоляции от собственного правительства, ускорив, таким образом, паралич власти, явно обнаружившийся в 1915 г.⁶⁰. Старый режим перестал функционировать в качестве эффективной пра-

вшаей силы задолго до полной капитуляции перед лицом ширящихся забастовок и хлебных бунтов в феврале 1917-го. В последние драматические дни царствования Николай обнаружил предельное непонимание событий, вскоре вынудивших его отречься от престола: “Повелеваю завтра же прекратить... беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны...” — телеграфировал он генерал-губернатору Петрограда из Ставки Верховного главнокомандующего 25 февраля, когда 240 000 бастующих уже вышли на улицы столицы и ход революции со всей неизбежностью принял левое направление⁶¹.

Когда Ленин пришел к власти в октябре 1917 г., перед ним стояли проблемы гораздо более сложные, чем перед Николаем. Большевистский лозунг “Хлеб. Мир. Земля” кратко формулирует три самых насущных требования исторического момента и опускает четвертое — обуздание хаоса политической стабильностью. Политическое дробление продолжалось на протяжении всего лета 1917 г.: к осени даже некоторые деревни шили собственные флаги и провозглашали себя республиками. Партия под руководством Ленина с успехом осуществила перевороты в Петрограде и Москве, однако, несмотря на неуклонно растущую поддержку, в особенности в столицах, где в Советах преобладали большевики, эта партия все еще оставалась в меньшинстве. Современные наблюдатели не ожидали того, что “безумная авантюра”, как был назван захват власти большевиками в «Известиях» (орган Петроградского Совета), продлится дольше недели. И все же, невзирая на оппозицию со стороны всех политических партий (кроме левого крыла социал-революционеров), большевистская партия не только удержала за собой власть, но еще расширила ее и укрепила.

Многим партия обязана за это Ленину. Он играл главную роль в захвате власти, хотя октябрьские события и не могли произойти без Троцкого, без его блестящего руководства Военно-революционным комитетом; еще более существенным оказалось нарастание волны анархии, захлестнувшей Россию осенью 1917-го и последовавшее тогда же политическое банкротство Временного правительства. Но когда дело дошло до создания большевистской системы правления, выдержавшей все невероятные испытания первых лет, вклад Ленина был совершенно неоценим. В течение почти пяти лет, пока болезнь не вынудила его в 1922 г. покинуть Кремль, — Ленин — на посту Председателя Совета Народных Комиссаров — правил Россией, будучи таким активным деятелем, какого страна не знала со смерти Петра Великого. Он был главным архитектором нового правительства и разработчиком его политики.

Оказавшись на вершине власти, Ленин вел непрерывную борьбу не только против белой армии и иностранных интервентов, но и против своих единомышленников — заслуженных коммунистов, противившихся его линии. В конце гражданской войны оппозиционные группировки внутри партии громко выступали против *единоначалия* (усиливав-

шегося диктата верхушки партии) и требовали большей политической независимости. Ленин боролся также и за принятие его взглядов Центральным Комитетом партии, наиболее влиятельным членом которого он состоял.

Первая из этих битв была самой тяжелой — борьба за прекращение бесполезного военного сопротивления Германии. Ленин заставил противоборствующую сторону принять унижительный Брест-Литовский договор, настаивая на том, что русские войска не в силах даже отступить со своих позиций. Ленин призвал весь свой авторитет и употребил весь дар убеждения для ратификации договора. Самый непопулярный из его проектов, договор стоил ему поддержки левых эсеров, а также поддержки многих товарищей по партии, во главе с Николаем Бухариным, который опасался утраты власти большевиками в случае крупных территориальных уступок Германии.

В итоге, исходом войны Брестский договор был, разумеется, аннулирован — и ленинское решение оказалось оправданным. Это настолько часто происходило в результате перемен ленинской политики, что в применении к нему следовало бы старое изречение “кто силен, тот и прав” перефразировать: “кто прав, тот и силен”. У Ленина необычайно остро было развито ощущение своевременности, чутья к тому, что в каждый момент является необходимым для политического выживания. Этот талант — или, скорее, гений — не уставал восхищать сподвижников Ленина, способных оценить невообразимую трудность встававших перед ним задач.

С простыми представителями народа Ленин обращался без малейшей заносчивости⁶². Он был доступен, внимателен, участлив, держался просто: словом, казался крестьянам, воспитанным в духе наивного монархизма, близким и понятным “справедливым царем”. Бедняки являлись к нему по преимуществу с жалобами и ходатайствами — иногда с подношениями съестного (эти дары вождем передавал сиротским приютам и детским садам). Крестьяне подчас при входе в его кабинет отвешивали земной поклон. Ленин демонстрировал подчеркнутое уважение к обездоленным и необученным грамоте, далеко не всегда поступая так по отношению к коллегам и правительственным чиновникам. Всей манерой поведения Ленин стремился выразить доверие массам. Дистанцию между ним и крестьянами-ходаками устанавливали окружавшие Ленина должностные лица: по их инициативе, например, в Кремле был организован дезинфекционный пункт, через который посетители должны были проходить, дабы предстать перед вождем чистыми⁶³.

В общении Ленина с народом лишь одна черта не слишком вяжется с его характером: и в дороге, и на митингах он наотрез отказывался от телохранителей. Трудно допустить, что сам он не видел опасности для жизни: смелость в целом не была ему присуща, о чем свидетельствуют его неоднократные уходы в подполье в 1905 и в 1917 гг. Однако же

Ленину необходимо было наглядно показать свою близость к простым людям, доверие к ним: в результате известность его среди народа быстро возросла. Риск, впрочем, привел к покушению, едва не стоившему ему жизни: в 1918 г. в Ленина стреляли из пистолета на митинге, присутствовать на котором ему не советовали. В то утро был убит глава петроградской ЧК, но Ленин решил сдержать данное им слово.

Были случаи, когда Ленин сознательно действовал с целью вдохновить окружающих посредством символических жестов. Примером некоторой театрализации может служить первый субботник в Кремле — день добровольного труда в знак солидарности с властями. Субботник назначили на 1 мая 1919 г. С раннего утра гремели духовые оркестры, приветствуя наступление революционного праздника. Во дворе Кремля военный отряд занимался строительными работами (обычная практика в эпоху военного коммунизма). Ровно в девять на площади появился Ленин и обратился к коменданту со словами: “Товарищ командир, разрешите мне присоединиться к вашему отряду для участия в субботнике”. Возникло опасение, не повредит ли это его здоровью, ведь со времени ранения не прошло и года. Тем не менее, просьба была удовлетворена — и под звуки оркестра участники принялись за работу. Задача состояла в разборке строительного мусора. Солдаты попробовали было подсунуть вождю что-нибудь легкое, но тот немедленно подхватил на плечо внушительное бревно и взялся за работу всерьез, напевая революционный марш. “Из Кремля по телефонам разнеслась весть по всей Москве, что Владимир Ильич принимает участие в субботнике, работая наряду со всеми”. Ленин работал весь день, прервавшись лишь для того, чтобы обратиться к своим сотоварищам по работе с короткой речью⁶⁴. Так он сам создавал миф о себе, пытаясь внушить нации Обломовых тягу к настоящему труду. Его собственная неустанная деятельность сводилась к напряженнейшим усилиям по руководству страной.

Во многих отношениях руководство Лениным новым советским государством напоминало его руководство большевистской партией до революции. Вновь и вновь появляются признаки его твердой убежденности в том, что только он способен избрать правильный путь, каким социалистическая Россия должна следовать во время первых трудных испытаний. В политических вопросах Ленин выказывал то же самое действенное сочетание тактической гибкости с ясным и четким видением цели, к которой неминуемо должны прийти российская и мировая история. Подобно возникшей ранее партии, новые структуры, призванные гарантировать победоносное завершение революции, были сформированы в духе ленинских представлений о руководстве. В этом заключалась и их огромная сила и — одновременно — обнаружившаяся позднее слабость.

Ленин не занимал никакой должности, формально наделявшей его полномочиями партийного лидера: по сути, он являлся лишь одним из

членов ЦК и Политбюро (органа, созданного в 1919 г. и состоявшего из пяти человек). На деле же решающий голос во всех вопросах принадлежал ему: Ленин сознательно принял на себя роль высшего авторитета, которую сохранял до конца благодаря искусной тактике и неукротимой энергии. Решимость проводить свою линию на партийных съездах наряду с умелым манипулированием соратниками (талант, которого был лишен Троцкий) позволили Ленину одерживать внутри партии победу за победой, хотя на первых порах большевистская партия занимала подчиненное положение по сравнению с правительством. По словам Осинского, критиковавшего диктаторский характер ленинской концепции демократического централизма на Девятом съезде партии в марте 1920 г., «фактически он [Ленин] все время толкал всех, руководил всем... он был фактически единым руководителем и вождем»⁶⁵. Помимо всеохватной деятельности в качестве главы государства, Ленин с самого начала стремился к личному главенству в партии, допуская, однако, свободный обмен мнениями. (Роскошь была недолгой: острые дискуссии на партийных съездах прекратились еще до смерти Ленина.) Ленин все же не мог находиться всюду одновременно; и когда громоздкий Центральный Комитет был в 1919 г. преобразован в Политбюро и Оргбюро, коллеги по партии прямо поставили вопрос о правомерности свойственного Ленину всеобъемлющего стиля руководства. Они не желали препоручать Ильичу одному выполнять все обязанности ЦК — «Взваливать весь воз на одни плечи», как заявил один из делегатов съезда. «И хотя у Ильича голова такая, какой нет на всей земле, все-таки нужно, чтобы вокруг этой головы были люди»⁶⁶.

Ленин основал и вдохновлял партию силой своего интеллекта, вкладывая в руководство ею всю мощь целеустремленной концентрированной энергии, проявляя незаурядный дар убеждения, но и в то же время он был создателем и *официальной* главой правительственной структуры Советской республики. Пятнадцатью годами ранее он организовал и возглавил большевистскую фракцию: теперь он создал и неограниченно контролировал Совет Народных Комиссаров (Совнарком). Ситуация в первые недели большевистского правления была хаотической: правительственные учреждения не сразу вселились в подходящие здания, не сразу обставили их и набрали служащих. Рассказывают, что Ленин буквально силой останавливал людей в коридорах и на лестничных площадках и назначал на посты, не обращая внимания на их тщетные протесты⁶⁷. Деятельность нового правительства упорядочилась не сразу — особенно после того, как оно было выбито из колеи при переезде в Москву в марте 1918 г.

В 1918 г. Совнарком собирался почти ежедневно: заседания начинались ранним вечером и продолжались нередко до часу-двух ночи. В последующие годы, с усложнением организации, заседания проводились реже: в 1921 г. состоялось только 51 заседание. В продолжение всего этого периода большую часть времени у Ленина отнимали прави-

тельствственные, но отнюдь не партийные дела. В 1921 г. 60 процентов ленинской корреспонденции было адресовано служащим центрального правительства⁶⁸.

Хотя народные комиссары и их заместители явно предпочитали неофициальную обстановку встреч, к которой они привыкли на партийных совещаниях, Ленин ввел деловую практику, строго ограничив время, отведенное для выступлений с докладами и в прениях, и пытаясь пресечь российскую склонность к опозданиям путем наложения штрафов. Ленин на заседаниях одновременно занимался несколькими делами — писал, читал записки, переговаривался — но, по-видимому, не испытывал ни малейших затруднений при необходимости употребить свой авторитет.

Влияние Ленина в Совнаркоме было обусловлено его должностью Председателя, но еще более — чутким и проницательным руководством: “ни одна диаграмма не сможет отразить того, как Ленин обнимал собой всю систему Совнаркома, как он неустанно вторгался во все ключевые проблемы; методы его работы воплотились в самой структуре и характере деятельности этой организации, а его взгляды и стремления были так или иначе глубоко усвоены большинством тех, кто был занят в этой системе”⁶⁹. Ленин был “десятельно энергичным *главой исполнительной власти*”, владевшим “в высшей степени динамичным стилем”. Он подробно вникал в каждодневные дела комиссариатов и постоянно вмешивался в их работу, давая оценки и предлагая конкретные меры”⁷⁰. Он обладал также умением выступать посредником между учреждениями — роль, которую нередко брали на себя его коронованные предшественники.

Пока Ленин оставался Председателем Совнаркома, оттуда, однако, продолжали исходить основные директивы, проводившиеся затем в жизнь через посредство Советов. Возраставшая ответственность партии освобождала Совнарком от ряда обременительных обязанностей, но несмотря на это, он был перегружен избытком дел. Частично вина за такое положение лежала на самом Ленине, поскольку стиль его работы побуждал чиновников обращаться непосредственно к нему за немедленным разрешением того или иного вопроса. Ленин, разумеется, знал, как передавать полномочия — иначе бы он не был выдающимся администратором. Однако недоверие к подчиненным, часто обоснованное, заставляло его тратить драгоценное время на изобретение способов проверки и перепроверки их добросовестности. К множеству писем и меморандумов, которыми вождь забрасывал членов своей партии до октября 1917 г., выпрашивая, угрожая, уговаривая коллег выполнить порученные им задания, — присоединились теперь бесчисленные записки и телефонные звонки правительственным служащим с инструкциями и указаниями по поводу мельчайших подробностей дела. Иные комиссары могли направлять и на практике направляли все свое внимание на вверенные им сферы общественной жизни, однако, по замеча-

нию сестры Ленина, “один Ильич, председатель, должен был слушать все, вникать во все, давать или сокращать слово, находить наиболее подходящее решение в запутанных часто лабиринтах споров, в разгоревшихся страстях. От него требовалось быть спецом во всех вопросах”⁷¹.

Взвалив на себя столь тяжкую ношу, Ленин создал исполнительный орган, который был не способен функционировать надлежащим образом без его постоянного активного участия. Обострение артериосклероза, оборвавшего его жизнь, резко нарушило не только его собственный рабочий режим, но и режим деятельности возглавляемого им правительства. Для ленинского стиля руководства характерно, что меры, выдвинутые им для улучшения работы Совнаркома, — уже после начала серьезной болезни в 1922 г., ограничивались предложениями, “вероятность успеха которых зависела от его личного содействия их выполнению”⁷². Намечая замену себе в качестве Председателя Совета Народных Комиссаров, Ленин составил так называемое “завешание”, продиктованное им 24 января 1923 г., за шесть недель до того, как приступ паралича окончательно вывел его из строя. В этом документе Ленин дает оценку своим наиболее влиятельным сподвижникам — и находит у каждого серьезные недостатки. Сознательно или нет, но Ленин отвергает саму возможность подобной замены. Он просто не в состоянии представить себе, что его власть будет действовать без него, и равным образом не в состоянии представить себя неспособным к напряженной работе.

Итак, сама структура Советской власти отражала стиль руководства, заявленный Лениным еще в 1903 г.; новые институты, по существу, настолько соответствовали ленинским установкам, что казались прямым продолжением его личности. Неудивительно, что вождь, будучи бездетным, нередко употреблял в речи применительно к Советской России, образ новорожденного — младенца, нуждающегося во вскармливании и присмотре. Отожествление себя с партией и присущая Ленину неколебимая убежденность в том, что только он один способен начертать план нового общественного строя, свидетельствует как о его глубочайшей уверенности в себе, так и о его пренебрежительном отношении к способностям (казавшимся ему ограниченными) большинства русских людей, включая товарищей по партии. У Ленина была потребность обучать их, просвещать, а попутно направлять их деятельность. Составной частью такого просвещения должно было стать самопознание. В 1904 г. в Женеве Ленин изъявил желание “запереть” коекого из своих коллег в комнате и заставить их читать «Обломова»: “Прочитали? А ну-ка еще раз. Прочитали? А ну-ка еще раз. А когда взмолятся, больше, мол, не можем, тогда следует приступить к вопросу: а поняли ли вы, в чем суть обломовщины? Почувствовали ли, что она в вас сидит? Решили ли твердо от этой болезни избавиться?”⁷³

Как правителя России, Ленина раздражала необходимость сотруд-

ничества с людьми, не умеющими продуктивно использовать собственные возможности и не видящими свои слабости и недостатки. Сам Ленин обладал необычайно развитым пониманием своих способностей и не питал относительно себя никаких иллюзий. Следует отдать Ленину должное: несмотря на многообразную одаренность, позволившую ему стать строителем нового советского государства, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что гениален только в одной области — в политике. По контрасту с Лениным, Сталин в расцвете культа *своей* личности мнил себя (и желал быть признаваемым) абсолютным совершенством в любой сфере — в философии, в лингвистике, в полководческой стратегии — претендуя на статус всеведущего божества. Ленин скорее напоминал греческого или римского бога, бывшего верховным авторитетом лишь в единственном виде деятельности. На большее он не претендовал. К примеру, Ленин разумно уступил ведение чисто военной стороны дела Троцкому, тщательно избегая каких-либо потуг на руководство Красной Армией⁷⁴. Ленин никогда не носил военной формы и не наряжался рабочим в стиле, впоследствии свойственном его соратникам. Став во главе государства, он продолжал носить те же самые костюмы и галстуки, какие носил в Европе в бытность эмигрантом.

Однако там, где Ленин чувствовал свое неоспоримое превосходство, таился его крупный просчет: Ленин не в состоянии был отделить себя от своих творений — от партии и правительства — и не мог, следовательно, уберечь их от сиротства после своей смерти. В целом, создатель большевизма, деятельный революционный литератор, он возглавлял массы именно благодаря целеустремленному писанию книг и брошюр, умело ориентировавших умы в нужном направлении. Печатное слово не знает ограничений времени и пространства и воодушевляет тех, кто неизвестен автору. Ленин боролся за то, чтобы подчинить ход событий постулатам, выработанным его идейными наставниками, обусловленным общественной ситуацией и фактами его собственной биографии. Ленину удалось создать систему, позволившую ему наложить свой отпечаток на Россию не только через сочинения, пробуждавшие соотечественников от спячки, но и посредством прямых директив, которые должны были вытащить их из российской дореволюционной трясины. В сознании Ленина не укладывалась возможность того, что, приступив к возведению здания, с высоты которого ему подвластна будет историческая эволюция человечества, он принужден будет отказаться от работы еще до закладки фундамента. Именно утрата в 1922 г. незаменимого лидера подстегнула ускоренное формирование замещающего его идеализированного образа, в процессе которого сложились основные параметры нового культа.

Непонимание Лениным собственной бренности может иметь и другое, совершенно иное истолкование. Здравый смысл подсказывает нам, что, хотя Ленин только вступил в пожилой возраст, смерть его 54-

летнего отца от кровоизлияния в мозг должна была насторожить Владимира Ильича относительно возможной опасности и для него самого. Этого, очевидно, не произошло. Весьма вероятно, что казнь Александра в 21 год, последовавшая тотчас за кончиной отца, внушила Владимиру невосприимчивость к идее неизбежности собственной смерти. Это вовсе не означает, что Ленин мнил себя неким бессмертным сверхчеловеком. Единственный признаваемый им вид бессмертия он усматривал в действенности своих печатных работ, призванных преобразовать Россию. Заявка была довольно громкой: в сущности, это убеждение и стало красугольным камнем культа, возникшего после кончины вождя. “Ленин умер, но ленинизм бессмертен!” — “Ленин умер, но дело его живет!” — таковы были дежурные лозунги массовой агитационной кампании, распространившей культ Ленина по всей России в 1924 году. То, что он полностью отождествлял себя со своими книгами и безоговорочно верил в их непогрешимость, во многом способствовало беспрепятственному превращению ленинских сочинений в священные скрижали. Нелегко проникнуть в чье-то внутреннее самосознание и судить о нем со стороны, однако совершенно очевидно, что наиболее характерными чертами духовного склада Ленина были его вера в собственные идеи, его твердая решимость донести их до окружающих со все силой неопровержимости. Он — и только он — проложит истинную дорогу к социализму посредством своего учения, своих указаний, своего неослабного контроля, своего личного примера. Канонизированная фигура Ленина как воплощения высших социалистических добродетелей находит прочную опору в реальном Ленине. Сознательно взятая им на себя роль идеала, примера для других, служит теснейшим связующим звеном между Ульяновым-человеком и Лениным-объектом культа.

С раннего детства Володя Ульянов выказывал характер лидера — того, кто стремится учить других. Это был бойкий, властный мальчик, любивший диктовать правила игры и нуждавшийся как в похвалах со стороны ровесников, так и в поощрениях старших. Он стал лучшим учеником; его вдохновлял пример незаурядных личностей, почерпнутых им из романов сначала Тургенева, затем Николая Чернышевского. Готовность молодого Ульянова подражать идеализированным образцам вполне органично вписывается в духовный облик российской интеллигенции тех лет. Ее кумиры всегда имели вокруг себя политический ореол: культ героев пребывал неизменным, будь то преклонение перед Пушкиным во второй четверти XIX столетия или почитание Чернышевского во второй половине века. От многих других Ульянова отличала решимость самому сделаться примером для окружающих — именно она и способствовала его превращению в Ленина: более того, он создал партию, которая, вооружившись его идеями и указаниями, должна была сыграть организующую и направляющую роль в осуществлении революции в России. Успех руководства такой партией во многом определялся наличием примера для последователей вождя, составляющих ре-

волюционный авангард. Может показаться натянутым утверждение, что определенный стиль руководства был выработан Лениным еще до революции с сознательной установкой на широкое подражание; Ленин вовсе не желал возглавлять партию независимых мыслителей, подобных ему самому. С другой стороны, он был достаточно проницателен для того, чтобы не игнорировать вдохновляющие свойства образа жизни и манеры поведения, для него самого вполне естественных и органичных. Упорный труд, жесткая самодисциплина, необычайно высокие требования к себе — все эти качества давали Владимиру Ильичу право ожидать подобной преданности делу и от окружающих; они же помогли ему стать подлинным руководителем революционного движения.

В качестве правителя Советской Россией Ленин акцентировал эти черты своей личности как образцовые для граждан нового государства. Стиль работы Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров свидетельствует о том, как страстно хотелось ему быть примером для подражания. Он требовал от подчиненных, чтобы они трудились дольше, усерднее и более эффективно (не говоря уж о честности и трезвости, которые разумелись сами собой). Русская склонность к обломовщине всегда была для Ленина *bête noir**.

Скромность образа жизни Ленина в Кремле стала частью легенд. Квартиру он занимал небольшую, жалованье было низким. В посвященной Ленину литературе неизменно упоминается сердитая записка, направленная им Бонч-Бруевичу, когда тот без ведома Ленина повысил его жалованье с 500 до 800 рублей в месяц⁷⁵. Ленин сторонился фотографов, скульпторов, портретистов, старался избегать подхалимов. Все это согласовывалось с его природными наклонностями, но подобным поведением он подавал также пример и подчиненным. Более всего Ленин стремился вытеснить новым трудовым укладом вопиющие традиции развращенной, никчемной, тщеславной царской бюрократии, доказавшей свою полную несостоятельность. Прислуживание и лесть представляли собой большую опасность, поскольку могли отвлечь от главной цели, заключавшейся в обновлении России, в устранении Обломовых и замене их Фаустами и Генри Фордами. Если для передового отряда необходим новый эталон, такой еще в гораздо большей степени требуется для всей нации в целом.

У нас мало *воспитания масс* на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это — главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму”, — писал Ленин в сентябре 1918 г.⁷⁶ Мифическое жизнеописание Ленина, созданное требованиями культа, целенаправленно носило нормативный характер: назначением его как раз и было воспитание людей в определенном духе, который соответствовал бы ценностям, олицетворенным в образе вождя; ведь Владимир Ильич Ленин был больше реальной личности: своими трудами он подчинил своей воле ход истории, благодаря чему стал неподвластным тлению провозвестником пути к социализму.

*пугало, жупел (франц.)

3.

ЛЕНИН В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МИФОЛОГИИ

1917—1922

Основы ленинского культа были заложены еще при его жизни. Составился этот культ из различных элементов, усилиями различных людей. Рабочие, крестьяне, партийные агитаторы, высшие партийные сановники превозносили Ленина как гениального вождя. Процесс возникновения культа был достаточно стихийным. Ленинский стиль руководства, безусловно, нашел отклик в массах, однако в гораздо большей степени появлению культа способствовала политическая необходимость: сложившаяся обстановка настоятельно требовала впечатляющих образов и символов, которые могли бы придать законность большевистскому режиму. Печать распространяла идеализированный образ Ленина по всей России. За годы пребывания Ленина у власти этот образ менялся, но позднее стал краеугольным камнем созданного мифа. Пропаганда первых лет революции дала толчок развитию советской агитации и советской демонологии. Именно на этом причудливо-фантастическом фоне постепенно возник миф о Ленине. Партия строила и всячески раздувала этот миф с целью укрепить свою власть и упрочить новый политический строй.

ПРОПАГАНДА ПЕРВЫХ ЛЕТ РЕВОЛЮЦИИ

Власть нельзя удержать исключительно посредством декретов. Власть предполагает связь между верхами и низами, опирающуюся на доверие. Низы должны убедиться в легитимности правителей и проникнуться расположением к ним. Первый же изданный Лениным декрет от лица Председателя Совета Народных Комиссаров снискал ему широкую народную поддержку. Это был Декрет о земле. Декрет, за подписью Владимира Ульянова-Ленина, был опубликован в газетах «Правда» и «Известия» а также циркулировал в виде листовок, изданных громадным тиражом. Одним росчерком пера Ленин, заручившись одобрением Съезда Советов на заседании 26 октября 1917 г., уничтожил дворянское и монастырское землевладение с последующим распределением земли крестьянскими земельными комитетами. Фактический

механизм передачи земли оставался неясен, однако из декрета явствовало со всей очевидностью, что большевистское правительство во главе с Лениным отдавало землю крестьянам, которые ее столь сильно жаждали. Если какой-либо шаг и делал Ленина похожим на царя-освободителя, то именно подписание декрета о земле, подтверждавшее справедливость старой крестьянской поговорки: “царь помилует, царь и пожалует”.

Ленин одной рукой дал землю, а другой отнял хлеб. Жесткая политика военного коммунизма стала истинным бедствием для российского крестьянства со времени ее принятия в 1918 г. и до отмены ее в 1921 г. В села нагрянули отряды вооруженных рабочих, уполномоченные реквизировать продукты питания на нужды армии и жителей городов. Гражданская усобица привела к кровопролитию, исход которого должен был определить характер власти в России. Вооруженная борьба разыгралась на необъятных просторах страны от Сибири до Украины, однако главной целью политиков было добиться лояльности гражданского населения. Обещания белых соперничали с обещаниями красных. Но могли ли последние заслонить суровую действительность военного коммунизма, когда предпринимались попытки строжайшего контроля над производством и распределением всех товаров? Могли ли обещания будущего изобилия вдохновить людей, доведенных до крайней степени нужды и лишенных всех прав, кроме права на болезнь и смерть? Гражданская война, разразившаяся в России после трех лет войны с Германией и революционных потрясений 1917 года, разрушила последние остатки промышленности, остановила транспорт, вызвала нехватку продовольствия. Напоминая о Смутном времени, продолжительной внутренней междоусобице начала семнадцатого столетия, эта война опустошила русские деревни и города, вымиравшие от голода и эпидемий холеры и брюшного тифа. Как и следовало ожидать, большинство крестьян враждебно встретили появление продотрядов, изымавших зерно: многие полагали, что коммунисты, отбиравшие у них хлеб, вовсе не те самые большевики, которые даровали им землю (партия была переименована в марте 1918 г.)¹. Однако в целом крестьянство продолжало поддерживать коммунистов. Во многом этой поддержкой они обязаны были широкой пропагандистской кампании, проводимой самыми разнообразными способами членами партии и их сторонниками на протяжении гражданской войны. Именно эта агитация и послужила опорой для возникновения культа Ленина.

В книге «Что делать?» Ленин называл агитацию концентрированным эмоциональным призывом, обращенным к необразованным массам и рассчитанным на то, чтобы возбудить их негодование против несправедливостей, чинимых приспешниками самодержавия и капиталистами. Агитаторы должны произносить речи, а пропагандисты прибегать к печатному слову для разъяснения более сложных вопросов искусственным читателям². После революции агитация была приспособлена

к новым условиям Советской России. К устному слову добавился широкий набор других средств коммуникации — в частности, общедоступные спектакли. Празднества, уличный театр, кинематограф, радио, плакаты, живопись, безделушки, спешно воздвигнутые статуи и бюсты, эмблемы, значки, флаги, стяги, монументы и листовки несли простейшее содержание, доступное даже неграмотным. Капиталисты, империалисты, Николай Второй, помещики, попы, неграмотность, Антанта — воплощали в себе зло и считались врагами. Рабочие, крестьяне-бедняки, коммунисты олицетворяли добро и являлись друзьями народа.

Хотя новый режим придавал агитации огромное значение, особенно в годы гражданской войны, организация дела не была централизована до осени 1920 г., когда Центральный Комитет образовал Агитпроп — отдел агитации и пропаганды, а Народный комиссариат просвещения сформировал отдел политического просвещения — Главполитпросвет. В годы войны главным учреждением, заведовавшим агитацией как в армии, так и среди гражданского населения, являлся ПУР — Политуправление Реввоенсовета Республики. Одновременно, настоящий поток агитационного материала поступал их местных партийных комитетов и беспартийных организаций — от рабочих клубов и местных советов³. Первыми крупными агитационными событиями стали широкое празднование в Москве и Петрограде Первомая 1918 г. и первой годовщины Октябрьской революции. Петроград 1 мая был убран красными полотнищами, а разукрашенная колесница — подобие римской, — символизирующая Свободу, двигалась во главе организованной многочисленной процессии рабочих. Центральной фигурой праздника был персонифицированный герой революции — рабочий, стоящий на фоне восходящего солнца. В Москве среди первомайских украшений появился новый символ Советского государства — перекашенные серп и молот, ставшие летом 1918 г. официальным гербом страны⁴.

Ленин проявлял острый интерес ко всем сторонам агитации. 12 апреля 1918 г. Совет Народных Комиссаров издал декрет о сносе памятников царям (кроме представляющих национальную ценность) и их замене монументами в честь революционных лидеров. Декрет призвал также заменить старые эмблемы и надписи новыми и переименовать улицы с учетом идеалов революционной России⁵. С особым нетерпением Ленин настаивал на сооружении памятника Марксу и Энгельсу. Его раздражало, что сооружение даже временных статуй отнимает так много времени. "...Возмущен до глубины души... Бюста Маркса для улицы нет... Объявляю выговор за преступное и халатное отношение", — писал он наркому просвещения Луначарскому 12 сентября 1918 г.⁶

Временный памятник Марксу и Энгельсу — на редкость уродливое изваяние — все же был закончен к празднованию первой годовщины революции. На открытии монумента Ленин выступил с речью, в кото-

рой превознес громадную историческую роль, сыгранную основоположниками коммунизма. Ленин присутствовал также на открытии большого барельефа у Кремлевской стены в память жертв революции, похороненных в братской могиле. Разрезав ленту на покрывале, Ленин предложил сохранить ножницы, которыми он воспользовался, и поместить их в музей — жест, свидетельствующий о том, насколько глубоко осознавалась им ритуальная важность мероприятия⁷. Здесь он вновь обратился к аудитории с речью, на этот раз призывая слушателей брать пример с героев, погибших за дело революции⁸.

Придавая огромную важность сооружению монументальных символов, которые вдохновляли бы и направляли русский народ, Ленин так или иначе способствовал закладыванию основ собственного культа. В его поведении ничто не указывает на то, что таково было его намерение: нет свидетельств, что он позволял себе задуматься о посмертном прославлении своей памяти — скорее всего, мысль о смерти вообще не приходила ему в голову. Тем не менее, именно Ленин побуждал заселить новый советский храм богами, внушающими восторг и благоговение; отчасти именно пример самого Ленина показал партии и народу, как следует чтить своих героев и вождей.

Для Ленина наиболее вдохновляющим символом служила фигура Карла Маркса. Имя Маркса должно было содействовать легитимизации нового режима. Портрет Маркса несли во время московской демонстрации 7 ноября 1918 г.⁹ Но существовали и другие герои. 1 мая 1919 г. Ленин председательствовал на открытии временного памятника казацкому мятежнику XVII века Стеньке Разину, воздвигнутого на месте его казни. Три года спустя Максим Горький писал: “Русское крестьянство не знает своих героев, вождей, фанатиков любви, справедливости, мести”. Согласно Горькому, даже Разина, чье крестьянское воинство сражалось против власти Алексея Романова на протяжении почти трех лет, народ вспоминает лишь в нескольких песнях и нигде более. Пугачев, мятежник XVIII века, не оставил по себе вообще никакого следа¹⁰. Ленин пытался пробудить в народном сознании память о героях прошлого. В ряд героев включались и большевики, умершие естественной смертью — такие, как Яков Свердлов, скончавшийся от пневмонии в марте 1919 г. На траурном митинге Ленин провозгласил, что память о Свердлове будет служить символом революционной преданности делу, образцом организаторского искусства, примером для широких масс рабочих, идущих к мировой победе коммунизма¹¹. Эта речь Ленина была записана на грампластинки для широкого распространения.

Усматривая в сооружении памятников революционным героям действенное орудие монументальной пропаганды, Ленин, однако, этим ее не ограничивал. С началом гражданской войны сделались необходимы передвижные средства агитации, которые могли бы следовать за наступающей Красной Армией в отвоеванные районы. Памятников, извая-

ний и устройства празднеств было недостаточно для того, чтобы привлечь к себе население, подвергавшееся со всех сторон самому различному идеологическому воздействию. Главным средством пропаганды и агитации всегда была печать, однако военное положение и нехватка газетной бумаги значительно осложняли распространение периодических изданий¹². В условиях войны большевистское правительство располагало только двумя средствами обращения к аудитории — железнодорожным или водным транспортом. По сельской местности передвигались агитпоезда и агитпароходы, с помощью которых новый режим разъяснял свою сущность. Первым был состав, отправленный из Москвы под покровительством Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в середине августа 1918 г.: он носил название “ленинский поезд”. На крыше его был укреплен лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”, а вагоны были сплошь расписаны изображениями героических рабочих и солдат. В дальнейшем на фронт отправилось несколько таких поездов, нагруженных книгами, брошюрами, газетами, плакатами, кинопроекторами, в сопровождении опытных агитаторов.

Сам Ленин ни разу не путешествовал на “ленинском поезде”, однако летом 1919 г. он отправил свою жену в плавание на агитпароходе «Красная Звезда»; хотя ввиду ее нездоровья (Крупская страдала базедовой болезнью) поездка, несомненно, была утомительной и, по-видимому, небезопасной¹³. «Красная Звезда» была красочно расписана плакатами и разукрашена алыми стягами; корабль сопровождала небольшая баржа, на которой находились печатный станок, киноустановка и библиотека. Позднее Крупская сообщала мужу, что солдаты, с которыми она познакомилась в пути, передали ей слова священника: “Большевики, подобно апостолам, пошли в народ, чтобы понести им свет истины”. Ленин заметил в ответ, что по форме сравнение неверно, однако по сути совершенно справедливо¹⁴.

Ленин заблуждался. Аналогия между большевиками и апостолами была как нельзя более точна, если учесть образную систему народного мышления. Агитация в годы гражданской войны дала полную свободу фантазии множества новоявленных пропагандистов самого различного толка. Плакаты и листовки того времени отмечены очевиднейшим влиянием религиозной тематики. Всероссийский Исполнительный Комитет опубликовал «Десять Заповедей Пролетария»¹⁵. Многие тогдашние плакаты подражают старинным русским иконам. Было обычным, к примеру, изображать рабочих или солдат всадниками на стилизованных красных конях, одерживающими победу над драконом — иначе говоря, современными святыми Георгиями, поразившими гидру империализма. На одном из наиболее выразительных плакатов тех лет под лозунгом “Да здравствует Красная Армия!” представлены два солдата на крылатом коне, парящим над полем сражения; художественное решение здесь, безусловно, иконографично. Крылатые кони широко фигурируют на плакатах времен войны; всадники — неизменно герои, поража-

ющие чудищ или несущие с собой священные скрижали. Один из таких всадников держит открытую книгу, надпись на которой “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” выполнена церковнославянской вязью¹⁶.

Наличие религиозной символики в советской пропагандистской продукции имеет несколько возможных объяснений, каждое из которых лишь отчасти способно удовлетворительно истолковать отмеченный факт. Многие ангажированные художники, безусловно, были искренне захвачены иконоборчеством — и своими произведениями сознательно и едко пародировали иконы. Другим, по контрасту, революция внушила глубокие чувства религиозного поклонения, которые они выражали посредством единственно пригодных для этого образов. В самом деле, суть неотразимого воздействия символов и заключается в их способности немедленно заражать определенными чувствами. С другой стороны, многие пропагандисты, вероятно, намеренно стремились создавать произведения, которые были бы доступны восприятию крестьянского читателя или слушателя, воспитанного на Библии и на житиях святых: такие авторы, по-видимому, полагали, что религиозные символы скорее найдут отклик в душе крестьянина и заменят глубоко укоренившееся в нем благоговение перед священными образами не менее пылким почитанием Коммунистической партии.

В традиционной крестьянской культуре чудесное и фантазмагорическое входило составной частью в обыденную жизнь. Как во всякой христианской стране, в России (в России, вероятно, еще заметнее) внутри христианства благополучно сохранялись остаточные элементы языческой культуры. Святые, бесы, лешие, домовые и прочие существа постоянно оспаривали власть над каждой стороной повседневного существования. Духи, как христианские, так и языческие, охраняли домашний покой, урожай и держали под контролем силы, от которых зависели успех или неудача, жизнь и смерть.

Потрясения революции и гражданской войны вызвали на поверхность самые затаенные переживания: сквозь оболочку цивилизованного бытия проступили зачатки надежд на то, что давние ожидания сбудутся; старинная месть будет утолена; на авансцену вышли самые фантастические упования угнетенных масс. Рискуя всем, следовало надеяться только на полное избавление от бед.

Пропаганда эпохи гражданской войны носила фантастический отпечаток и нередко отличалась страстной эмоциональностью. Листовка 1918 г., посвященная Красной Армии, содержит развернутую фантазию, в которой сталкиваются две противоположные крайности — всеобщая истина выступает против вселенского зла. Персонажи восходят не к христианской традиции, но к фольклору. В верхней части листовки черный палец указывает на большую красную пятиконечную звезду с изображением серпа и плуга. (Эта эмблема существовала в 1918 г. наряду с серпом и молотом). “Красная звезда — это эмблема Красной Армии. Почему Красная Армия носит красную звезду?” Ответ пред-

ставляет собою незамысловатую сказку о Правде и Кривде, насыщенную фольклорными мотивами.¹⁷

Эта листовка показывает воображаемый мир, обещанный читателям пропагандистскими сочинителями. Не все агитационные материалы походят на волшебные сказки, однако все они апеллируют к сильным чувствам. Иные стремятся пробудить надежду. Листовка 1918 г., обращенная к крестьянкам, призывая их вступить в партию, говорит не только о “голосе совести” и “классового интереса”, но и о голосах детей, воскресших из мрака и рабства.¹⁸

Однако большинство материалов пронизано чувством ненависти. Как правило, главная цель агитации времен гражданской войны — разжечь гнев против врага. Это особенно заметно в плакатах, призывавших, подобно листовкам, к действию, и понятных каждому, включая неграмотных. Изображались рабочие, гордо взмахивающие своими рабочими инструментами, или свирепые солдаты с горящими глазами, бегущие на врага со штыками наперевес. Однако наиболее выразительно изображались враги — жирные, самодовольные капиталисты, пузатые беззубые священники, толстые генералы-белогвардейцы. Враг почти всегда едва не лопался от тучности. Подчас он выглядел подлинным чудовищем. Похожий на борова капиталист барахтается в золотой паутине. Рабочий заносит дубину над многоголовой гидрой, олицетворяющей старый порядок. Омерзительная обрюзгшая физиономия — силы Антанты — прячется за благодушной маской миротворца¹⁹. Кое-где сама Красная Армия принимает облик внушающего ужас существа — крылатого ангела смерти или скелетообразного жнеца, прогоняющего двуглавого орла династии Романовых. Часто изображается поединок добра со злом, однако ярость их воображаемого противостояния лишь слабо отражала подлинную жестокость, которая захлестнула Россию в годы гражданской войны.

Агитация имела целью идейно мобилизовать армию и активизировать борьбу на внутреннем фронте: партийная пропаганда — проводник партийной линии — в основном сосредоточивалась на страницах московской и петроградской печати, стремившейся, хотя и без особого успеха, задавать тон общенациональным настроениям. С окончанием войны политические установки партии и правительства претерпели изменения. Агитация и пропаганда перешли в ведение Агитпропа и Главполитпросвета. Демилитаризация политического образования оказалась делом нелегким. Крупская, возглавлявшая Главполитпросвет, в 1922 г. жаловалась, что гражданская война наложила на умы слишком глубокий отпечаток, и что даже гражданские агитаторы используют в своих выступлениях тот же самый воинственный тон: новые работники ее отдела знали и ценили только агитацию военных лет²⁰. Агитация времен гражданской войны так повлияла на нашу деятельность, писал один из служащих Главполитпросвета в 1922 г., что единственные кампании, которые мы проводим, заключаются в выискивании врага: на него-то

мы и обрушиваемся изо всех сил, надрывая голос на граммофонных пластинках, изобличая его козни на плакатах и в стенгазетах²¹. Новое время ставило перед агитацией и пропагандой новые задачи.

Военный коммунизм сменился в 1921 г. более популярной новой экономической политикой — частичным возвращением к капитализму: была разрешена частная торговля внутри страны, а принудительные реквизиции продовольствия заменены натуральным налогом. К концу гражданской войны социальная база партии опасным образом ослабла. Война, переход рабочих в партийную и советскую администрацию, промышленная разруха вызвали резкое численное сокращение индустриального рабочего класса — подразумеваемый авангард нового общества. Чиновнические вакансии быстро заполнили демобилизованные воины, не обладавшие ни опытом, ни образованием, необходимым для административной работы. В годы нэпа численность партии возросла, однако многие новоиспеченные члены были лишены энтузиазма, свойственного первому поколению революционеров, и стремились главным образом к политическим и социальным привилегиям, какими располагали члены Коммунистической партии²².

Десятый съезд партии в 1921 г. поставил перед Главполитпросветом и другими органами задачу усиления агитационной работы как составной части борьбы против “мелкобуржуазной контрреволюции”, опасность которой несла с собой новая экономическая политика²³. В агитпоездах и агитпароходах надобность отпала: на смену им пришли постоянные агитационные центры — клубы, библиотеки, специальные читальные залы, театры²⁴. В Главполитпросвете единодушно было признано, что массовая аудитория утратила интерес к прежнему характеру пропаганды — митингам, плакатам и листовкам, предназначенным возбуждать гнев и ненависть. Требовались новые формы, новые темы, могущие не только информировать людей, но также привлекать их и заинтересовывать²⁵. В то же время существовала необходимость придать агитации организованный и унифицированный характер, несмотря на серьезные финансовые затруднения.

В конечном итоге, Главполитпросвет и Агитпроп в 1924—1925 гг. преуспели в придании агитации и пропаганде единообразного характера — благодаря открытию положительного символа, ставшего стержнем их деятельности. В центр пропаганды была поставлена идеализированная память о В.И.Ленине. Пропагандистская кампания, начатая этими учреждениями вскоре после смерти Ленина, преследовала задачу распространить по стране его культ и превратить атрибуты и ритуалы этого культа в неотъемлемую часть советской политической практики.

Рекламируемый образ Ленина становился все более важным фокусом агитации и пропаганды уже в годы его пребывания у власти. Его авторитет российского вождя и занимаемый им в народном воображении статус героя являлись отчасти спонтанным возрождением наивного монархизма. Немалую роль сыграли и плакаты, стихи, песни, био-

графии, посвященные Ленину на протяжении первых лет революции. В восхваление Ленина внесли заметную лепту и ближайшие его соратники (в особенности Зиновьев), желавшие всячески продемонстрировать партии и народу преклонение перед человеком, пытавшимся править Россией от имени масс.

НАЧАЛО ЛЕНИНСКОГО МИФА

В промежутке между прибытием Ленина в Петроград в апреле 1917 г. и Октябрьской революцией не было ни малейших признаков того культа Ленина, который начал складываться год спустя. Хотя Ленин и был признанным главой партии, на практике это мало что означало: о его политических заявлениях судили главным образом исходя из их сути, не придавая особого значения статусу вождя. На Шестом съезде партии, который состоялся, когда Ленин все еще находился в подполье, соратники приветствовали его как ведущего теоретика большевизма: произведения его считались высоко авторитетными и даже пророческими²⁶. Обвинения Ленина в государственной измене, выдвинутые против него Временным правительством, вызывали горячие споры; делегаты съезда единодушно высказались в поддержку Ленина, однако не проявляли по отношению к нему особого пиетета. Ленин не был исключительным объектом восхвалений. Лишь однажды один делегат передал лично Ленину отдельное приветствие, исходившее, однако, не от Центрального Комитета, но от групп рабочих, выразивших сожаление ввиду его вынужденного отсутствия — наряду с пожеланием, чтобы идеи Ленина были положены в основу решений съезда²⁷. Как правило, приветствия адресовались Ленину и Зиновьеву, находившимся в подполье вместе. На открытии первого заседания один из делегатов предложил избрать Ленина почетным председателем съезда: под аплодисменты это предложение было единогласно принято. Однако тут же Свердлов (член президиума съезда и, наряду со Сталиным, ведущая фигура в петроградской партийной организации) внес новое предложение — включить в число почетных председателей Зиновьева и тех партийных деятелей, которые находились в тюрьме: Каменева, Троцкого, Коллонтай и Луначарского. Предложение Свердлова также было под аплодисменты принято единогласно. Съезд направил приветствия Ленину, Троцкому, Зиновьеву и Каменеву²⁸: Ленин был первым среди наиболее видных большевистских лидеров.

Аудитории Ленин представлялся просто как член Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большеви́ков). В качестве такового он подписался под своим открытым письмом Всероссийскому Съезду крестьянских депутатов в мае 1917 г. В сопутствующей агитационным материалам биографии оговаривается, что Ленин не возглавляет партию, но является членом социал-демок-

ратической партии, основанной, когда он еще был ребенком. В 1903 г. партия раскололась на большевиков и меньшевиков — и “постепенно Ленин выдвинулся как один из главных вождей социал-демократии”. В биографии Ленин назван литератором — выходцем из семьи революционеров. Не зная точного возраста Ленина, автор биографии дает ему приблизительно пятьдесят лет (на самом деле Ленину было сорок семь). Ленин изображен жертвой политических репрессий: якобы в 1887 г. он был арестован вместе с братом Александром. Имя “Ленин” было взято им с целью скрыть от полиции свое подлинное имя, и псевдоним утвердился²⁹. Заключительная часть короткой биографии описывает не события жизни Ленина, но историю партии, что вполне соответствует характеру человека, видевшего в партии воплощение собственной личности.

До переворота большевистская пресса, как правило, не выделяла Ленина из общего ряда. М.С.Ольминский, редактор московской большевистской ежедневной газеты «Социал-демократ», составил исключение, впервые опубликовав целенаправленную характеристику Ленина. Ольминский начинает с объяснения: в редакцию поступили просьбы обнародовать биографические данные о Ленине. “Вообще, среди нас, большевиков, нет обычая выдвигать отдельных лиц”, — пишет Ольминский, добавляя, что обычно биографии излагаются только в некрологах. Однако, учитывая пожелания рабочих и клеветнические нападки на Ленина в буржуазной прессе, на этот раз он отступает от обычного правила.

Ольминский изображает Ленина как человека исключительной скромности, всецело посвятившего себя делу партии. Ленин не заботится ни о пище, ни об одежде; пренебрегает отдыхом: “У него одна только забота — о партии”. Он не стремится к славе: под различными псевдонимами Ленин писал ради защиты от цензоров, но также и потому, что вовсе не жаждал составить себе имя. Не обращая внимания на мнения окружающих, Ленин поступает только так, как считает правильным, вследствие чего у него много врагов, брызжущих клеветой и извращающих его слова. Во избежание путаницы, замечает автор статьи, “нужно его самого просить почаще подписывать свои статьи одним и тем же именем “Ленин” (в 1917 г. ленинские статьи нередко публиковались анонимно). В заключение Ольминский высказывает предположение, что люди, близкие к Владимиру Ильичу, опубликуют сборники его прежних статей. “Сам он никогда не удосужится это сделать — такой уж у него характер”³⁰.

Статья Ольминского — первый известный нам случай представления Ленина общественности в большевистской прессе; написана она человеком, который спустя год печатно заявил, что в то время как партия эсеров, будучи наследницей народовольцев, слишком увлечена культом героев, российские марксисты зашли слишком далеко в противоположном направлении и придают слишком мало значения Ленину³¹.

Неудивительно, что сам автор был прежде народовольцем и входил в кружок почитателей, по словам Валентинова, “благоговевших” перед Лениным.

Еще одна биография Ленина, появившаяся в большевистской прессе приблизительно в то же самое время, была написана Крупской и отредактирована Лениным. Машинописный экземпляр сохраняет его исправления, что позволяет воссоздать наиболее типичный вариант биографии, как если бы она принадлежала перу самого Ленина³². Единственная сохранившаяся его автобиография относится к концу весны — началу лета 1917 г.: это отклик на письмо группы солдат, обратившихся к нему с просьбой рассказать о себе. В ответе Ленин называет свое имя, указывает дату и место рождения, упоминает о казни брата, говорит об исключении из университета, ссылке в Казань и своем аресте в 1895 г. Здесь рукопись обрывается. В печати она появилась только через три года после смерти Ленина³³.

Биография Крупской, напечатанная без подписи в газете «Солдатская правда», вполне могла быть написана в качестве ответа на просьбу солдат³⁴. Портрет Ленина нарисован явно таким, каким Ленин сам желал бы видеть себя — не знаменитостью, но олицетворением партии и партийного дела. Именно таким олицетворением он и стал в 1920-е г. Заголовок биографии указывает ее лейтмотив: «Страничка из истории партии». Описываются возвращение Ленина в Петроград в апреле и восторженный прием, оказанный ему рабочими. Для них Ленин был “олицетворением перехода власти к рабочим”: фраза принадлежит Ленину, который исправил первоначальный вариант Крупской (“олицетворением народовластия”). Ленин подчеркивает в этой биографии и свою близкую связь с «Искрой». Крупская, написав о важной роли Ленина в основании газеты, добавила: “О значении «Искры» говорить не приходится”. Ленин, не согласившись с этим, приписал: «Искра» создала Российскую социал-демократическую рабочую партию”. Также в связи с «Искрой» Ленин выразил неодобрение по поводу выпячивания его личности в революционном движении. Крупская указала, что экономизм (еретическое течение в партии в конце 90-х г.) подвергся критике со стороны “ленинцев”. Ленин, вычеркнув это слово, заменил его на “искровцы”. как биографический очерк, статья отличается фактической точностью и сдержанностью тона, хотя ранние связи молодого Ульянова с народовольцами обойдены молчанием, и рассказ начинается с описания его революционной деятельности в Санкт-Петербурге в 1894 г. Биография не преувеличивает роли Ленина в событиях 1905 г.: упоминается даже, что, пробыв в столице всего два дня, Ленин вынужден был уйти в подполье.

Другое произведение, которое с определенными оговорками можно считать авторизованной биографией Ленина, это книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Ленин высоко оценил свидетельства очевидца Октябрьской революции — американского журнали-

ста, разделявшего социалистические взгляды. Автор подарил Ленину экземпляр своего труда осенью 1919 г. Ленин написал к книге предисловие, в котором рекомендовал “это сочинение рабочим всех стран”, выразив желание видеть книгу “распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки”. Изложение Ридом событий Октября Ленин называет “правдивым и необыкновенно живым”³⁵.

Герои книги — рабочие и солдаты Петрограда. Революция изображена как живой организм — живой, растущий, буквально распираемый энергией. На этом фоне Ленин появляется лишь изредка, однако фигура его впечатляющим образом приобретает все более героические черты по мере приближения к центру событий. Первоначально Ленин выступает как автор “дерзновенно смелого” «Письма к товарищам», опубликованного 19 октября, призывающий к немедленному вооруженному восстанию. Далее, за три дня до восстания, он мощно ударяет в набат, призывая партию к действию: “С одной стороны, погромные статьи монархической партии, с другой стороны громовой голос Ленина: “Восстание!.. Больше ждать нельзя!”³⁶. Невидимое присутствие Ленина ощущается вплоть до самого дня переворота: два его соратника, Рязанов и Каменев, возражавшие против восстания, “испытали на себе всю страшную силу ленинской аргументации”³⁷. В конце концов, Ленин появляется на чрезвычайном заседании Петроградского Совета, созванном Троцким 25 октября: его встречает “громовая овация”. Подробно Рид описывает Ленина только однажды, на заседании Съезда Советов в тот вечер:

“Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая, коренастая фигура с большой лысой, крепко посаженной головой и выпуклым лбом. Маленькие глаза, широкий нос, крупный благородный рот, массивный подбородок... Потертый костюм, немного не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума”.

Когда Ленину предоставили слово, его встретила нараставшая овация, длившаяся несколько минут. После его начальной фразы: “Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!” раздался “новый потрясающий грохот человеческой бури”. Только в данном эпизоде Рид описывает Ленина как читаемого лидера: “тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания”³⁸.

Изображение Рида расходится с характеристиками Ольминского. Рид дает лишь одно-единственное описание Ленина и относит его харизматическое воздействие на счет могущества интеллекта. Это, несомненно, должно было понравиться Ленину, если он обратил внимание на этот абзац.

В 1919 г., когда Ленин читал книгу Рида, перед ним стояло множество неотложных задач, и он вряд ли стал бы тратить время на придирчивое изучение описаний собственной личности. Поэтому нельзя сказать с уверенностью, что выпячивание его в качестве обожаемого лидера должно было прийти ему по нраву. Наверняка гораздо более существенной представлялась Ленину вся изображенная картина в целом: если сам он незримо воодушевлял партию, побуждая ее к революции, то плотью партии являлись массы — массы, к которым он обращался с речью на страницах книги Рида. Широкие массы видели его непосредственно не слишком часто — даже после того, как он стал главой государства.

В первые десять месяцев после Октябрьской революции Ленин редко показывался на публике — помимо собраний, на которых произносил речи. Крупская вспоминает, что в первые недели большевистского правления “никто не знал... Ленина в лицо. По вечерам мы часто... прогуливались вокруг Смольного, и никто его не узнавал, так как портреты его тогда отсутствовали”³⁹. Первый официальный фотографический портрет Ленина был сделан в январе 1918 г.: это реалистическое изображение крайне усталого человека⁴⁰. Портрет был воспроизведен на первом печатном плакате с изображением Ленина. Скупой и строгий по стилю, плакат содержал, помимо имени Ленина, лишь обозначение занимаемого им правительственного поста⁴¹. В том же 1918 г. Петроградский Совет выпустил рекламный плакат своего официального печатного органа — газеты «Известия» — в котором Ленину отводилось первостепенной важности место как основоположнику новой власти: на листе были симметрично расположены два портрета одинаковой величины — портрет Ленина и портрет Маркса⁴².

В печати имя Ленина также особо не выделялось: лишь вскоре после установления Советской власти нового лидера почтили в «Известиях» коротким биографическим очерком⁴³. Появились и стихи: 29 октября 1917 г. «Правда» напечатала стихотворение, посвященное “непримиримому борцу за пролетарские идеалы, товарищу Н. Ленину”. Стихотворение воспекает речи Ленина, сочетающие в себе “солнышка ласки” и “призывной набат”⁴⁴. Другое стихотворение, опубликованное тремя неделями позже в «Солдатской правде», представляет собой одну из первых попыток создать хвалебный гимн новому главе государства:

ПРИВЕТ НАРОДНОМУ ВОЖДЮ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ГРАЖДАНИНУ УЛЬЯНОВУ (ЛЕНИНУ)

Привет тебе, душа народа,
Свободный, светлый гражданин!
Привет тебе, краса свободы,
Непобедимый исполин!
Привет тебе, наш вождь народный,
Зашитник права и идей,
Кристалльно чистый, благородный,
Гроза богатых и царей!
Семья трудящихся, голодных
В твоих рядах — в борьбе твой шит;
Их легион, сынов свободных,
На страже — верит, — победит!⁴⁵

Самым причудливым образцом ленинианы этого периода является стихотворение Демьяна Бедного, еще до революции примкнувшего к большевикам и ставшего их придворным поэтом. Озаглавленное «Вождем», стихотворение, будучи дежурным произведением, приуроченным к празднованию Первой 1918 года, перенасыщено религиозной образностью: «Ты был за дальнею границей, / Но духом с нами был всегда, — / Росла, страница за страницей, / Святая Библия труда». Каждый новый день несет с собой, продолжает поэт, вспоминающий 1917 год, опасность «открытого удара / И козни тайные иуд»⁴⁶.

Иуды не объявились, однако 30 августа 1918 г. на Ленина было совершено покушение. Последствиями покушения стали кровавые репрессии и массовые расстрелы в ЧК, названные большевистской печатью «красным террором». Эти события положили начало бурному росту ленинианы, обозначив собой первый всплеск непомерного восхваления, исходившего одновременно из разных источников. Именно тогда и начал постепенно складываться культ вождя.

Центральная печать немедленно развернула пропагандистскую кампанию, клятвенно обещая отомстить за враждебные происки. Урицкий всячески превозносился в стихах и дифирамбах как «народный вождь»⁴⁷, однако главное внимание пропаганды было сосредоточено на Ленине. С первым официальным откликом на покушение выступил Яков Свердлов, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Назвав Ленина «истинным вождем рабочего класса», Свердлов заявил, что «роль тов. Ленина, его значение для России и рабочего движения всего мира известны самым широким кругам рабочих всех стран». Свердлов дал клятву, что в ответ на эти выпады против вождей рабочий класс еще более сплотится и развяжет беспощадный массовый террор против врагов революции⁴⁸.

Страна уже находилась в тисках гражданской войны, и нападение на Ленина расценивалось как начало военных действий. Троцкий, вождь Красной Армии, поспешил в Москву с Казанского фронта. В обращении к Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету 2 сентября он заявил, что верит в победу Ленина, но в то же время заметил, что никакое другое поражение не могло бы сравниться по трагическим последствиям для рабочего класса со смертью Ленина. Ленин — “новый вождь эпохи” и “величайший человек нашей революционной эпохи”. Троцкий хорошо отдавал себе отчет в том, что “судьба пролетариата не зависит от отдельных индивидуальностей”. Но, продолжал он, личность способна помочь рабочему классу выполнить свою миссию и скорейшим образом достичь цели. Ленин был порожден российской историей для новой эпохи “крови и железа” как “воплощение революционной мысли и непреклонной энергии рабочего класса”. Величие Ленина как революционного лидера заключено в его нестигаемой воле и необычайной проницательности, в его остром “революционном зоре”⁴⁹. Речь Троцкого сознательно представляет собой оружие для агитации: она было не только опубликована в прессе, но и выпущена в виде брошюры, вместе с речью Каменева, возглавлявшего Московский Совет, тиражом в один миллион экземпляров⁵⁰.

6 сентября Зиновьев, председатель Петроградского Совета, выступил с пространной речью, также опубликованной (200 000 экземпляров)⁵¹. Революционная страстность сочетается в ней с мелодраматическими нотками. Начинает Зиновьев с заявления о том, что всю предыдущую неделю каждого честного российского рабочего волновал только один вопрос: выживет ли вождь? Зиновьев сообщает радостную весть: Ленин в самом деле оправился от тяжелого ранения. В речи излагается биография Ленина. Однако Зиновьев тщательно отбирает факты. Он утверждает, к примеру, что отец Ленина — выходец из крестьян, забывая уточнить, что ко времени рождения Владимира Ульянова Илья Николаевич Ульянов получил потомственное дворянство⁵². Зиновьев изображает Ленина святым, апостолом, пророком. Он описывает долгие годы, проведенные Лениным в эмиграции, как испытание аскета: “Он жил как нищий, хворал, недоедал — особенно в годы парижской жизни”⁵³. Ленин стал “провозвестником мирового коммунизма”. Книгу «Что делать?» Зиновьев называет евангелием искровцев. Ленин был не просто аскетом: он выказывал также безграничный оптимизм подлинного борца, он обладал пророческим даром. Зиновьев напоминает, что годы реакции в России особенно тяжело переживались революционерами, находившимися в эмиграции. Революционные упования, пробужденные революцией 1905 года, были погашены наступлением реакции. Однако Ленин, по словам Зиновьева, стойко сохранял надежду на будущее, вдохновляя своих последователей. Он знал, что революция победит: “Не унывайте, черные дни пройдут, мутная волна схлынет, рабочая революция возродится”. Ленин становится вождем кос-

мического масштаба, двигателем миров: “Теперь в наши дни поднялась громадная волна, поднялись на борьбу миллионы людей... [Ленин] — поистине избранник миллионов, это вождь Божией милостью, это подлинная фигура вождя, рождающаяся раз в 500 лет в жизни человечества”.

Троцкий и Зиновьев были наиболее выдающимися ораторами среди коммунистов. Они не могли не предвидеть эффект каждой произнесенной ими фразы, воздействие каждого образа, посредством которых они описывали сраженного вождя. Соратники Ленина задавали тон, выражавший официальное отношение партии к Ленину: благоговейное преклонение сочеталось с чувством пламенной солидарности. Восхваляя Ленина и одновременно стремясь возбудить гнев против эсеров, ближайшие его сподвижники закладывали идейную основу будущего ленинского культа: преданность делу Ленина, делу партии означала истребление врагов Ленина и клеветников. Пламенная любовь и непримиримая ненависть должны были идти рука об руку: эти два чувства неизменно выражались вместе в потоке статей, появившихся в печати после покушения на жизнь вождя.

Одна из наиболее примечательных публикаций принадлежит Льву Сосновскому, большевистскому журналисту, редактору газеты «Беднота», рассчитанной на широкие массы крестьянских читателей (В 1920 году Сосновский возглавит Агитпроп ЦК). Через два дня после покушения Сосновский поместил в «Петроградской правде» статью, в которой описывает Ленина в терминах христианства — этому стилю он не изменил и после смерти Ленина. Сначала Сосновский говорит о Ленине как о символе для рабочих всего мира — символе борьбы за мир и социализм. Затем он прибегает к риторике, обычной для ленинианы 1918 г. Капиталисты, пишет Сосновский, ненавидят Ленина именно поэтому: они видят в нем своего заклятого врага. Далее он говорит о Ленине как о вожде всемирного масштаба: по его словам, итальянские матери, следуя традиции, согласно которой детям дают имена в честь героев, называют новорожденных в честь Ленина. Сосновский изобрел следующую формулировку: “Ленина нельзя убить. Он так сросся с восставшим и борющимся пролетариатом, что нужно истребить всех до одного рабочих всего мира, чтобы убить Ленина. Пока жив пролетариат — жив Ленин. Разумеется, мы, его ученики и сотрудники, были потрясены ужасной вестью о покушении на дорогого ‘Ильича’, как его любовно-нежно зовут коммунисты”. Ильич смертен, однако Ленин — бессмертный лидер и универсальный символ. “Тысячи раз убеждали его согласиться на некоторые необходимые меры предосторожности. Но ‘Ильич’ всегда отклонял такие просьбы. Ежедневно, без малейшей охраны, отправлялся он на различные собрания, съезды, митинги”. Смертный уязвим, но нанести вред Ленину нельзя. Параллель с Христом более чем очевидна. Ранение Ленина истолковывается как добровольная жертва человека, сознательно подвергнувшего себя опасности⁵⁴.

Жертвенность Ленина, его мученичество являются темой следующего стихотворения — одного из многих, вызванных на свет покушением:

Ты к нам пришел, чтоб облегчить
Наши тяжкие мученья,
Ты к нам пришел, как вождь, разбить
Врагов рабочего движенья...
... Нам не забыть твоих страданий,
Что перенес ты, вождь, за нас.
Ты жертвой стал...⁵⁵

В другом стихотворении Ленина называют мучеником, пострадавшим ради спасения бедняков⁵⁶. Ленин — это “светлый гений”, “родной отец”, “спаситель”⁵⁷. Наконец, он — некий гибрид Христа и святого Георгия:

Великий вождь железной Рати,
Всех угнетенных друг и брат,
Спаявший в пламени распятий
Крестьян, рабочих и солдат.
Непобедимый вестник мира,
Вснчанный терном клеветы,
Пророк, вонзивший меч в вампира,
Свершитель огненной мечты⁵⁸.

Широкое признание Ленина мучеником вряд ли могло быть исполнением директивы, спущенной сверху. В то время еще не существовало государственного аппарата, способного навязать массам соответствующие образы и эпитеты, хотя печать Москвы и Петрограда делала попытки в этом направлении. Исторический процесс превращал Ленина в “страстотерпца”, напоминающего пресветлых князей, чья святость проистекала из трагической гибели, которая настигала их при исполнении своего долга. Подобно официально поддержанному культу Александра II, культ Ленина берет начало в публичном признании его добровольной жертвы на благо народа. Но сверхчеловеческий статус Ленина осложняется тем, что, претерпев мученичество, он остался живым. Многие тогдашние публикации приписывают спасение Ленина чуду.

Следующий пример демонстрирует сплав идеологии и мистицизма, столь характерный для позднейшего культа Ленина. В статье, появившейся в московской областной газете, указывалось, что только соединенная воля пролетариата спасла Ленина от верной смерти. “История огнестрельных ранений во время последней войны знает много случаев, поистине ‘чудесных’... когда какая-нибудь записная книжка, медальон, даже пуговица отклоняли направление пули”. Но там речь шла о выстрелах с большого расстояния. “Убийца” Ленина стрелял в упор. Несколько сантиметров влево или вправо — и пуля, попавшая в шею, оборвала бы его жизнь. Пуля, засевшая в плече, могла пробить легкое.

Не пуговица и не медальон, но “воля пролетариата”, вмешавшись, спасла от гибели вождя, подвергнувшего себя риску из-за излишней доверчивости³⁹. Эта версия напоминает многочисленные правительственные и церковные публикации, наводнившие Россию после неудачного покушения на жизнь Александра II в 1866 г. Пистолетные выстрелы не поразили императора, поскольку “Божественная Длань Провидения” заставила пули отклониться от цели. (Как правило, русские террористы прошлого века были плохими стрелками.)

Каковы бы ни были народные слухи на этот счет, рассказы о покушении на царя исходили из официальных источников. Но как расценивать версию о покушении на Ленина в 1918 г.? Что означает изображение Ленина как мученика, обласканного милостью свыше? Выражали авторы стихов и панегириков свои подлинные чувства или же они намеренно пытались создать миф, который мог бы воодушевить читателей? Однозначно ответить на эти вопросы нельзя. Несомненно, однако, что цветистые сочинения в стихах и в прозе о Ленине, явившиеся на свет после покушения, не подражали публикациям в центральной прессе. Только произведения Зиновьева сходились пышностью стиля с материалами местной печати: к тому же, его речь появилась в газете спустя целую неделю после покушения. Мифологизация Ленина началась сразу же после этого события. По-видимому, многие поэты и журналисты выражали искренние чувства горя и негодования языком, естественным для себя. Другие, возможно, сознательно стремились обрисовать Ленина в формах и красках, которые, по их мнению, окажут воздействие на читателей. Многие же просто выражали свою солидарность с большевиками с максимумом доступного им красноречия. Безусловно, в ранней мифологизации Ленина имели значение все эти факторы, однако наиболее убедительное объяснение высокопарной псевдорелигиозной риторики, восхвалявшей Ленина в сентябре 1918 г., следует искать в желании продемонстрировать солидарность с большевистской властью. Началась гражданская война, и Кремль без промедления обрушил красный террор в ответ на мнимую попытку переворота со стороны эсеров. Было самое время заявить о своей лояльности ясно и недвусмысленно.

Чувства религиозного преклонения и политической лояльности имеют общий источник в человеческой психологии, и долгий процесс секуляризации не привел к разграничению двух этих сфер в умах простых людей. Жития святых, излюбленное чтение крестьян, послужили образцом при описании влиятельных авторитетов даже для многих представителей революционной интеллигенции — в особенности для выходцев из провинций, чьи отцы и деды были еще крепостными. Кроме того, разветвленная система демонологии в религиозных верованиях русского народа предполагает постоянную борьбу добрых и злых духов, святых и бесов. Фразеология ранних этапов становления ленинского мифа заимствована из языка этой культуры. Это со всей очевидностью явству-

ет из народных попыток мифологизации Ленина, сталкивающих его с грозным, наводящим страх врагом — нередко в образе демонического чудища. Наглядное подтверждение этому видим в статье, помещенной в провинциальном еженедельнике военно-революционного комитета Московско-Киево-Воронежской железной дороги:

“Контрреволюционная гидра, как неизменная спутница и последовательная изменница всякого добра, истины и справедливости, из недр самой преисподней распространяет свои ядовитые шупальцы, ища слабого места на теле мировой революции...”

... И вот организованный враг Советской России — буржуазия и неизменные ее спутники социал-предатели ‘Черновцы’ 27 августа делают неслыханное преступление перед трудящимся классом всего мира — в упор стреляют в вождя мирового пролетариата — Ленина... в... единственного кумира и божества рабочего класса и беднейшего крестьянства и каждого честного человека и гражданина всего мира и всего человечества...

... Жалкая и несчастная пародия! Одна безумная и конвульсивная рука умирающего человекоподобного зверя руководила этими бессмысленными, безумными и жестокими выстрелами в Москве и Петрограде...

...[Так] гидра, или слепой вековечный ‘спрут’, пойманный в вечно темных глубинах океана и выброшенный на влажный морской берег, беспомощно извивался своими клешнями и случайно поразил неосторожно близко подошедшего к нему человека, который также собирался нанести ему последний смертельный удар. Нет, несчастная гидра! Твои дни сочтены и твой укус может послужить только сигналом ко всемирному братству всего трудового народа”⁶⁰. Автор этой не слишком связанной, однако выразительной тирады — неискушенный выходец из низов, по всей вероятности, железнодорожный рабочий. Неправильный слог и примитивная образность изобличают это сочинение как несомненный плод народного воображения. Подобная литература о Ленине просуществовала очень недолго — лишь до его кончины. Уже в начальном потоке ленинианы, излившемся сразу после покушения, большевистские журналисты следовали партийной линии, стремясь создать стандартный образ Ленина для нужд общественности, выработать официальное жизнеописание вождя, которое превратило бы его в действенный политический символ в рамках марксистской идеологии. Общепринятая стандартизация ленинского образа произошла только после его смерти в 1924 г., когда усиленно и повсеместно насаждался культ его памяти. Однако процесс унификации начался тотчас же вслед за покушением на жизнь Ленина.

“Культ личности противоречит всему духу марксизма, духу научного социализма”, — писал Ольминский в 1918 г. Не индивидуумы, но производственные силы управляют ходом истории. Однако в то время как эсеры преувеличивают роль личностей, создавая культ “героев” и

“иконы”, русские марксисты ошибочно ударились в другую крайность, игнорируя своих лидеров. Сам Ольминский положил начало мифу о Ленине в кратком биографическом очерке, опубликованном в мае 1917 г. В 1918 г. он целенаправленно побуждает своих товарищей отбросить идеологические предубеждения в писаниях о Ленине, поскольку значение Ленина не исчерпывается тем, что он занимает должность главы государства. “Наша партия неотделима от тов. Ленина, как, в свою очередь, он неотделим от партии. И познать, изучить т.Ленина, как литературного и политического деятеля, это значит — в единой личности познать и изучить колоссальный, революционный, пролетарский коллектив”. Данный тезис стал краеугольным камнем культа: Ленин — это коллектив, партия, рабочий класс. Основываясь именно на этом тезисе — Ленин как воплощение воли народа — партии и предстояло сплотить общество после его смерти. “Познать Ленина для нас означает познать самих себя, — писал Ольминский, — в этом законное оправдание интереса к его личности”⁶¹. Ольминский писал свою статью еще до покушения. После выстрелов 30 августа исключительность ленинского статуса принималась за должное, и посвященные ему сочинения впредь обходились без идеологического обоснования. Мечта Ольминского привлечь к фигуре Ленина большее внимание сбылась в том же 1918 г., когда ВЦИК подписал в печать две биографии Ленина, предназначенные для массового распространения: одна была адресована рабочим, другая — крестьянам. Эти биографии представляют собой ясные и недвусмысленные попытки утвердить Ленина в центре всеобщего поклонения как непогрешимого вождя народа, который мало что знал о нем до покушения.

Емельян Ярославский написал биографию Ленина «Великий вождь рабочей революции» через день после покушения. Автор обещал дать читателям о Ленине “только факты”, а не клеветнические измышления, распространяемые буржуазией. “Раненого льва теперь постарается лягнуть всякий осел из лагеря буржуазии”. Ярославский делает акцент на связях Ленина с пролетариатом. Сдвигая хронологию на два года назад, он относит связь Ленина с рабочим движением Петербурга к 1891 г., когда Ленин поступил в университет (в действительности Ленин только сдавал там экзамены и не имел касательства к организованной политической активности в столице вплоть до 1893 г.). Особенно подчеркивается любовь рабочих к Ленину. В 1917 г., когда был выдан ордер на арест Ленина, защитили его именно петроградские рабочие “для Октябрьской революции, для которой он был душой, мозгом. О, враги трудящихся это знают!”. “Мы, старые работники партии, — пишет Ярославский, — ... даже расходясь с ним, знаем, что он — лучший среди нас”⁶².

Крестьянский отдел Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета опубликовал биографию Ленина, в которой он изображается постоянно пекущемся о положении крестьян. Тираж составил

сто тысяч экземпляров: огромная цифра, свидетельствующая о том, что брошюра предназначалась для массового читателя. Название брошюры хорошо отражает ее содержание: «Вождь деревенской бедноты, В.И.Ульянов-Ленин». Открывается она словами: «История русского крестьянства имеет своих светлых героев. Их немного — Стенька Разин, Пугачев и несколько интеллигентов-народников, считавших себя друзьями крестьянства. Однако новая история вызвала к жизни нового героя, имя которого в настоящее время не сходит с уст всего крестьянства. Этот герой, за последние два года, ярко пылающим факелом вознесся над темной русской деревней и рассыпает ослепительные искры своего огненного мозга далеко за пределами Советской России. Эти искры подхватывает молния — радио и разносит по всей поверхности земного шара. Этот герой — Владимир Ильич Ульянов-Ленин». Даже при том, что Владимира Ильича по праву называют вождем социалистической революции в России и во всем мире, российская деревня считает его прежде всего «*своим* вождем-героем». Следующая фраза, с которой, собственно, и начинается изложение биографии, и служащая примером сознательного ее искажения — лейтмотив всей этой агитационной брошюры: «*Вся жизнь Вл.Ильича, вся его ученая, литературная и партийная деятельность неразрывно связана с деревней*». С крестьянством Ленин был связан в первую очередь через отца, выбившегося в привилегированное сословие, однако близкого по духу к народу. Сочувствие к страдающим беднякам отец передал и своим детям. Ленин стал образцовым героем. «Гениальный провидец», Ленин предсказал революцию 1917 года за двенадцать лет, в 1905 г., верно оценив необходимую аграрную программу. Ленин всегда был другом бедного крестьянства, тогда как эсеры прислуживали помещикам. Последнее утверждение наиболее важно в биографии, так как партия эсеров была единственной партией русского крестьянства⁶³. Партия эсеров стремилась убить Ленина, но судьба отвела удар; выручило его и «железное сердце в железном организме».

Биография заканчивается прямым подлогом: описание покушения далеко от действительности. Когда раздался выстрел, рабочих охватила паника, но «Владимир Ильич крикнул им: «Товарищи, спокойствие! это не важно, — держитесь организованно»». Это свидетельствует о твердости ленинского духа, заключает автор: «Для него неважно, что его убивают за интересы трудящихся, — важно, чтобы сами трудящиеся ни на минуту не прекращали организованной борьбы... Таков наш славный вождь, наш дорогой Владимир Ильич»⁶⁴.

Ленин быстро оправился после ранения и уже через две недели приступил к работе. Однако по Москве ходили упорные слухи о том, что на самом деле он умер, а тело его ночью вынесли из Кремля и тайно похоронили. Необходимо было показаться на публике, но доктора запретили Ленину выступать с речами в течение трех месяцев. В итоге Бонч-Бруевичу удалось заснять Ленина на киноплёнку во дворе Крем-

ля⁶⁵. Первый документальный фильм о Ленине, «Прогулка Владимира Ильича по Кремлю», был показан на московских экранах осенью 1918 г.

С быстрым выздоровлением Ленина поток ленинианы схлынул: если верить Бонч-Бруевичу, то причиной тому был сам Ленин. В воспоминаниях он утверждает, что Ленина привели в ужас газетные публикации о нем после покушения: Ленин вызвал к себе своих друзей — Ольминского и Лепешинского (оба были редакторами) и направил их в сопровождении Бонч-Бруевича в редакции газет «Правда» и «Известия» с наказом редакторам “все спустить на тормозах”. П.Н.Лепешинский, старый большевик и бывший народоволец, один из пылких почитателей Ленина по Женеве, шуточно заметил, что патриарх должен приобщить Ленина к лику святых⁶⁶. Реакция Ленина вполне согласовалась с изначально присущим ему отношением к лести. Публичное низкопоклонство опасным образом подменяло собой подлинные доказательства преданности — трудолюбие, дисциплину, строгое исполнение директив из партийного центра. Помимо того, поскольку большевики до сих пор адресовали дифирамбы только ушедшим товарищам, расточаемые в печати похвалы могли заставить Ленина почувствовать, что его обращают в “безвредную икону”, описанную им в книге «Государство и революция». Распоряжение Ленина было выполнено, и московская пресса, задававшая тон провинциям, приостановила систематическую публикацию панегириков вождю.

Однако начало культу Ленина было положено: процесс шел своим чередом, хотя в то время никто не взялся бы предсказать характер дальнейшего его развития. Покушение на жизнь Ленина породило новую риторическую формулу для выражения солидарности с большевистской политикой: непомерное возвеличивание личности вождя. Ее фразеология была самой разнородной. Одни образы были заимствованы из религии, другие восходили к фольклору, широко использовалась и военная терминология. Стиль этих дифирамбов отличался повышенной эмоциональностью. В целом язык пропаганды свидетельствовал о социальной и политической однородности его носителей, а также о богатстве и пестроте революционной риторики в тот ранний период, когда закладывались основы советской культуры. Должно было пройти не менее десяти лет, прежде чем была выработана устоявшаяся система стандартных риторических формул, эпитетов и клише. Культ Ленина сыграл большую роль в формировании советской культуры: появился официальный объект коммунистического поклонения, приравненный к святыне, что давало верхушке партии неограниченные права определять характер высказываний о вожде.

Превращение Ленина из объекта преклонения в культовую фигуру сопровождалось ужесточением контроля над допустимыми в печати эпитетами, уместными, по мнению партийных сановников, по отношению к вождю. Это произошло уже после его смерти и соответствовало установлению официального контроля над изображениями Лени-

на: в 1924 г. была образована специальная комиссия, в обязанности которой входило рассмотрение всех портретов и бюстов вождя на предмет их пригодности. Точно так же, как Ленин стремился сделать «Искру» проводником генеральной линии партии, так и создатели его культа закладывали фундамент будущего храма. Культ Ленина должен быть зримым сооружением, посвященным одному человеку, одной-единственной истине, одной идеологии: он призван был служить образцом для Коммунистической партии, пытавшейся унифицировать все сколько-нибудь значительные стороны общественной жизни. Культ Ленина был ранним проявлением этой попытки — и он же способствовал поставленной партией задаче.

Задолго до того, как сложился сам культ, вокруг имени Ленина возникло множество легенд. После его смерти разнообразные рассказы подлежали обработке и стандартизации с тем, чтобы они могли составить одно связное повествование (с приемлемыми вариациями). Все эти сказания собирались воедино так же, как “литература о Ленине”: бережно хранимые тексты сотрудники Института Ленина тщательно заносили в составляемые ими библиографические списки.

Вскоре после смерти Ленина, пока “еще не закрыта Ленина могила” (автор и не подозревал о том, что этого так и не произойдет), писательница Л. Сейфуллина поспешила занести на бумагу сказания о Ленине, которые, по ее утверждению, она слышала зимой 1918 г. в отдаленных деревнях близ Уральского хребта. Население края было пестрым: там жили крестьяне, казаки, мордва, башкиры, киргизы. В этой глухой провинции были представлены многие религиозные группы: православные, староверы, мусульмане, различные сектанты. Устное творчество этих людей не обнаруживало связи с российским государством. Рассказов о царе и его чиновниках не существовало, упоминалась только местная знать. Однако Сейфуллина настаивала на том, что имя Ленина затронуло народное воображение и всколыхнуло в народе сильные чувства. Сейфуллина “слышала старообрядцев и сектантов, вдохновенно кричавших целые страницы Библии, утверждавшие за Лениным число зверя, число шестьсот шестьдесят шесть, число антихристово”. Эта характеристика приравнивала Ленина к царю: старообрядцы традиционно изображали династию Романовых как воплощение Антихриста. Они же использовали Библию для нападок на Ленина, но Сейфуллина говорит и о других, которые прибегали к Библии для защиты Ленина, подобно одному члену партии: тот громко читал библейские тексты для доказательства священной справедливости ленинских политических актов. Сейфуллина утверждала, что уже тогда, при жизни Ленина, легенды о нем распространялись в традиционных фольклорных формах. Русские крестьяне слагают сказания лишь о тех, кому верят: значит, они поверили Ленину. “Этими сказками входил Ленин в душу к мужику”⁶⁷.

Были ли народные сказания о Ленине стихийно возникшими про-

изведениями, вдохновленными явлением нового героя-богатыря, закончившего с царем, или же они сочинялись певцами и сказителями, которые сочувствовали большевикам и использовали свое искусство для влияния на умы окружающих? Возможно и то, и другое. Все художники творят с целью воздействовать на аудиторию — и народные сказители не являются исключением. Фольклор в основе своей тесно связан с властью — природной, сверхъестественной, политической. Большевицки настроенные сказители слагали повествования о Ленине в рамках народной традиции: лица, обладавшие властью и могуществом, делались доступными восприятию благодаря изображению их в стилизованных и давно знакомых мифических формах.

Восторженно описание любви крестьян к Ленину, вероятно, не лишено некоторой гиперболичности, однако маловероятно, чтобы Сейфуллина решилась сфабриковать рассказ о Ленине и царе Миколашке⁶⁸, который, по ее уверениям, она слышала от одной старухи в селе под Оренбургом. Царю Миколашке самый важный его генерал сообщил, что появился некий человек: “Неизвестного он чину-звания, без пашпорту, а по прозванию Ленин”. Этот самый Ленин обещался одним словом забрать с собой царских солдат, стереть в порошок генералов, командиров и офицеров, даже самого царя — и развеять по ветру. Царь испугался и послал Ленину грамоту, предлагая ему разделить страну пополам, лишь бы он не произносил заветного слова. Ленин согласился, но с условием, что царь возьмет “белую” половину — генералов, офицеров и богачей, а Ленину достанется “черная” — солдаты, крестьяне и рабочие. Царь ликовал оттого, что сохранил свои сокровища, однако выяснилось, что Ленин его обманул. Без солдат офицерам нечем стало командовать, без простого народа страна опустела. Поэтому царская белая половина России пошла войной против ленинской черной половины с тем, чтобы вернуть ее себе. Однако долго продержаться белая не смогла. Вот так Ленин отнял страну у царя⁶⁹.

Фольклорные сказания о Ленине свидетельствуют о привязанности народа к вождю. Стремясь укрепить эту связь, повысить его авторитет среди населения и подать пример читателям, центральная печать публиковала обращенные к Ленину многочисленные приветствия и пожелания выздоровления, которые поступали в редакции советских газет после покушения. Печатались также эмоционально приподнятые письма к редактору с целью продемонстрировать любовь народных масс к Ленину и уверенность трудящихся в том, что Ленин также питает к ним любовь: “Разрешите на страницах вашей газеты мне, старому писателю, стоящему вне всякой политики, выразить волнующее меня чувство негодования против тех, кто поднял руку на жизнь гениального борца за справедливость, Владимира Ильича Ленина”. Автор — судя по письму, весьма увлеченный политикой — напоминает, что Христос умер со словами: “Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят”. Однако противники Ленина прекрасно знали, на что отваживаются. “Разве не

знают они, что Ленин — мировая лампада, светом любви озаряющая все темные углы человеческого страдания?”⁷⁰

Спустя три недели после покушения «Петроградская правда» даже перепечатала письмо крестьянина, ранее помещенное в провинциальной газете. “А когда царя-батюшку с божьей помощью спихнули, то тут появилась партия социалистов-революционеров... Но мы, беднота, ожидали такую партию, которая открыто бы высказалась за наделение нас землей... И вот в начале ноября прошлого года получаем декрет, в котором говорится, что отныне собственности на землю нет, от помещиков земля отбирается и передается трудовому народу... Мы трудяги-крестьяне ‘дивушке дались’. Кто же за такой добрый человек, который так умно все сделал? Прочитали подпись под декретом — ‘Ленин’”. Письмо заканчивается словами: “Доверие к попу пропало, а интерес и любовь к Ленину возросли”⁷¹.

Это письмо — одна из наиболее ранних иллюстраций того, как создавался культ Ленина: в нем делается попытка пробудить положительное отношение к Ленину не путем прямого восхваления, но через сознательное подчеркивание нерушимой связи, которая, как подразумевалось, существует между ним и народом. Еще один пример: в статье, помещенной в литературном журнале «Творчество», цитируется стихотворение, написанное рабочим; Ленин в нем изображается одновременно как защитник, ниспосланный свыше, и как воплощение народа: “Ты для России — небосвод! / Ты — правды свет! Ты — сам народ”. Автор называет Ленина “мозгом и сердцем пролетариата”. Статья завершается шутивным объяснением необходимости сделать образ Ленина доступным широкой публике. “Когда по Москве разнесся первый слух о сооружении кому-то памятников, злые языки сочинили, что первый памятник заказал самому себе тов. Ленин. Сознательно клеветая, они и не предполагали, как близки к истине. Товарищ Ленин... не нуждается в том, чтобы заказывать себе самому памятник. Он уже создан. Это памятник завоеванной свободе”⁷².

Покушение дало толчок созданию постреволюционного мифа о Ленине. Не прошло и нескольких месяцев, как мощный общественный резонанс, вызванный этим событием, также был вовлечен в процесс мифологизации личности Ленина. В марте 1919 г. журнал для железнодорожных рабочих опубликовал панегирик Ленину, служащий наглядным тому примером: “У всех народов есть сказки о Золушке, которую долго гнали, притесняли, заставляли терпеть напраслину, а потом правда восторжествовала и Золушка из замарашки превратилась в жену царевича, в будущем царицу. Мы все были свидетелями такого ‘поворота колеса’ в судьбе В.И. Ульянова-Ленина.

Гонимый не только при самодержавии, но и после февральской революции, постоянно обрекаемый на нелегальное существование, работающий в подполье, не имеющий возможности назвать свое имя, чтоб не провалить любимое дело, В.И. в октябре 1918, как по мановению

сказочного жезла, становится во главе правительства в Российской республике.

Положение самое почетное, но и самое ответственное и самое трудное...

Борьба на жизнь и смерть.

Борьба, вложившая револьвер в руки одной из представительниц партии левых эсеров, только случайно не стоившая жизни В.И.

Или — или...

Покушение могло отнять жизнь у В.И.

Или дать ему то, что оно дало:

Страстный взрыв негодования, горячее выражение тревоги, любви, бурно восторженных приветствий не только со всех концов Советской России, но и из-за границы от тамошних представителей масс, берущихся за оружие против вековых поработителей.

Вождь Российского пролетариата В.И.Ульянов — Ленин становится признанным — Вождем мирового пролетариата⁷³.

В очерке 1919 г. о Ленине Луначарский также говорил о любви к вождю, возросшей после покушения на его жизнь, однако имел в виду только самый узкий слой партийной верхушки. Когда Ленин лежал раненым, вспоминает Луначарский, и жизнь его находилась под угрозой, лучше всех общие чувства выразил Троцкий: “Когда подумаешь, что Ленин может умереть, то кажется, что все наши жизни бесполезны, и перестает хотеться жить”⁷⁴.

Воспоминаниям Луначарского свойственна напыщенность, но тем не менее они вполне искренни. У него были серьезные основания для того, чтобы питать к Ленину глубокое уважение, а качества вождя, которые он ставит наиболее высоко — воля и нсобыкновенное жизнелюбие — действительно были характерны для Ленина и имели решающее значение для успеха его руководства. Луначарский, однако, не обошелся и без некоторых оговорок. Чтение книги «Развитие капитализма в России», вспоминает он, оставило его равнодушным⁷⁵. Он был разочарован, когда Ленин не проявил твердости, как вождь, в 1905—1906 гг.⁷⁶ Он считал, что “как-то смешно” приписывать Ленину ревностное трудолюбие. “Мне никогда... не приходилось видеть его углубленным в книгу или согнувшимся над письменным столом”⁷⁷. Ряд этих замечаний был исключен из издания очерка в 1923 г., когда складывался культ Ленина. Позднее несущественные изъяны ленинского характера включались в посвященные ему печатные работы с единственной очевидной целью: — сделать его образ не столько совершенным, сколько более убедительным в жизненном отношении (отсутствие “недостатков” в изображении Джорджа Вашингтона в США выявило его уязвимость в качестве культовой фигуры).

Портрет Ленина, представленный Луначарским в 1919 г., не предназначался для массового читателя⁷⁸. Однако спустя год виднейшие деятели партии адресовали Ленину целый поток комплиментов, причи-

ной чему послужила не угроза для его жизни, исходившая от политического оппонента, как в 1918 г., и не болезнь, как в 1923 г., но знаменательное событие — пятидесятилетие Ленина 22 апреля 1920 года.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ЛЕНИНА

Весной 1920 г. окончательная победа красных в гражданской войне стала очевидной, и недовольство масс политикой военного коммунизма проявлялось все ошутимей. Поражение социалистической революции в Германии осенью 1918 г. и постепенное возрождение капиталистической экономики в Европе после окончания первой мировой войны опрокинуло надежды, разделявшиеся в 1917 г. практически всеми большевистскими лидерами: распространение революции на Запад казалось тогда неотвратимым. Советская Россия, оказавшись в изоляции, столкнулась с трудностями перехода от войны к миру, от революционной борьбы к труднейшим задачам консолидации власти и восстановления разрушенной промышленности. Значительно обострился “национальный вопрос” — по мере того, как Центральный Комитет прилагал усилия к ужесточению контроля над нерусскими областями бывшей империи. Новый организационный аппарат партии подчинял себе власть Советов в стране, а бразды правления в самой партии сосредоточивались в руках Ленина.

Восьмой съезд партии весной 1919 г. утвердил создание Политбюро и Организационного Бюро (Оргбюро), что отражало общую тенденцию к централизации внутри Коммунистической партии. Партийная дисциплина определялась как беспрекословное подчинение следующему правилу: “Все решения высших инстанций абсолютно обязательны для низших”⁷⁹. Как мера военного времени, это постановление было приемлемо для партии в целом, однако в марте-апреле 1920 г., ввиду близящегося прекращения военных действий, усиливавшийся централизм в партии встретил на Девятом съезде решительный отпор. Ленин (как всегда, произнесший вступительную речь) подвергся особенно резким нападкам со стороны делегатов, которые усматривали в этой тенденции попытку установить в партии диктатуру центра. Лев Каменев парировал: “Да, мы управляли при помощи диктатуры... Мы должны проявлять диктатуру, основанную на полном доверии, на том, что нами взята правильная линия”. В 1919 г. партийная фракция, известная под наименованием “демократические централисты”, провозгласила открытую оппозицию военному коммунизму и растущей централизации партии. На Девятом съезде один из лидеров фракции Тимофей Сапронов, предупредил о возможных последствиях продолжающегося порабощения партии ее высшими органами: “Я тогда задам вопрос т. Ленину: а кто же будет назначать ЦК? А впрочем, и здесь единоначалие. Тоже здесь единоначальника назначили. Очевидно, мы до

этого не дойдем, а если дойдем, то революция будет проиграна”⁸⁰. Остродискуссионный съезд закрылся 5 апреля 1920 г. Чуть более чем через две недели предстояло пятидесятилетие Ленина. Высшие партийные сановники, воспользовавшись этим событием, сделали его поводом для многочисленных собраний в поддержку Ленина и его главенствующего положения в партии. В то же самое время Агитпроп развернул широкомасштабную агитационную кампанию вокруг Ленина, что ознаменовало собой следующий этап в конструировании культа вождя.

23 апреля 1920 г. центральная печать изобиловала приветствиями, хвалебными посланиями и стихами в честь юбилея Ленина⁸¹. «Правда» и «Известия» посвятили этому событию едва ли не все целиком главные полосы, опубликовав статьи ведущих членов партии, посвященные Ленину. Троцкий написал очерк, в котором стремился, в противовес интернационализму марксистского учения, изобразить Ленина преимущественно как русского лидера. В его статье «Национальное в Ленине» утверждается, что Ленин — это символ новой русской нации, а те, кто выступает против него, выступает против России. В этом очерке Ленин предстает, странным образом, мечтой славянофила. “У этого самого бесспорного из вождей пролетариата не только мужицкая внешность, но и крепкая мужицкая подоплека”. Подобно Платону Каратаеву, Ленин, в трактовке Троцкого, обладает инстинктивным пониманием добра и справедливости. Ленин — это соединение России старой с Россией новой; он обладает проницательной мудростью русского крестьянина, развитой в высочайшей степени и в то же время “последним словом научной мысли”. Ленин воплощает в себе жизненные силы России и потому является подлинным национальным лидером. Желая заострить свою мысль, Троцкий сравнивает Ленина с Карлом Марксом — не в пользу последнего. Маркс носил черный сюртук, Ленин одевался совершенно иначе. Стиль Маркса отличается немецкой педантичностью и перегружен изысками, тогда как Ленин пишет просто, аскетично, доходчиво для русского читателя⁸².

Как Зиновьев, так и Сталин адресовали свои поздравления Ленину — создателю и движущей силе Коммунистической партии. “Говорить о Ленине — значит говорить о нашей партии”, — пишет Зиновьев. — “Дать биографию Ленина — значит писать историю нашей партии”. Ленин для Коммунистической партии — то же самое, что Дарвин для естествознания и Маркс для политической экономии. Зиновьев делает обзор жизненного пути Ленина, начиная с того момента, когда он примкнул к рабочему движению — якобы в начале 1880-х гг. (очевиднейшее сознательное преувеличение). Ленин вел непримиримую борьбу с буржуазными либералами и народовольцами, основал и возглавил большевизм, и в конце концов привел партию к власти в России посредством “гениальной интуиции и великого сердца”⁸³. Это было напоминанием членам партии: без Ленина никто из них не добился бы нынеш-

него положения. Сталин особенно выделил тот из талантов Ленина, который позднее получил в нем самом столь опасное развитие — способность распознать “чужаков” и решимость от них отмежеваться. Сталин одобрительно отзывается о высказывании немецкого социалиста XIX века Лассалья: “Партия укрепляется тем, что очищает себя”. Он продолжает: “Ленин был тысячу раз прав, ведя партию по пути непримиримой борьбы с антипартийными и антиреволюционными элементами”⁸⁴.

Николай Бухарин, редактор «Правды», считался самым выдающимся теоретиком партии. Его очерк «Ленин как революционный теоретик» отражал собственные интересы автора. Ленин, пишет Бухарин, должен быть признан не только гениальным революционным вождем, мастером тактики, но и величайшим теоретиком. Ленин основал новую теоретическую школу, и его «Апрельские тезисы» стали “евангелием” рабочего движения⁸⁵. Рассчитанная на крестьян газета Сосновского «Беднота» направила Ленину приветствия от имени своих читателей и назвала пятидесятилетие вождя “светлым праздником, когда умы и сердца всех направлены к тому, кто всю свою жизнь, все силы отдал делу освобождения труда”⁸⁶.

Очевидной целью этой газетной кампании было укрепить законность партийной власти посредством концентрации ее в идеализированном образе вождя, обладающего титаническими способностями и личным героизмом. Сторонники Ленина сознательно ставили знак равенства между ним и партией, поощряя традицию восхваления Ленина, в которой усматривали желаемый для себя способ выражения солидарности с политическими устремлениями режима. Ленин превращался в некую мифическую фигуру: празднование дня рождения вождя делало его средоточием партийного ритуала. Общий тон пропагандистской кампании заметно отличался от бурных изъятий гнева и ужаса, характерных для осени 1918 г. Юбилейные панегирики носили отпечаток официозности и продуманной взвешенности.

Авторов, впрочем, никак нельзя упрекнуть в неискренности. Если Ленин в женеvские дни служил для большевиков объектом поклонения, то весьма вероятно, что позднее он внушал своим ближайшим сподвижникам благоговейные чувства ввиду того, что доказал умение добиваться намеченных целей. Гибкость и динамизм Ленина проистекали из его непоколебимой веры в себя, в свои способности к руководству — и теперь, в преддверии окончания гражданской войны, стало очевидным, что Ленин не только сумел привести партию к власти, но и удержать эту власть вопреки всем невероятным трудностям и препятствиям. Далее, Ленин проявил себя как добившийся наибольших успехов лидер социал-демократии, тогда как до 1917 г. ведущую роль в международном социалистическом движении играла не российская, но германская социал-демократическая партия. В 1920 г. Ленин не только стоял во главе первого государства, называвшего себя социалистичес-

ким, но и являлся также признанным лидером мирового коммунистического движения. Этим последователи Ленина, несомненно, могли гордиться. С самого начала они видели в нем вождя мировой революции, всячески подчеркивая глобальный масштаб его личности. Претензии на интернационализм свидетельствовали как о стремлении поощрить “национальную гордость великороссов” за своего вождя, так и о попытках сделать Ленина символом политической легитимности в глазах нерусского населения бывшей империи. Последнее обстоятельство приобрело особое значение для ленинского культа после 1924 г., когда в каждой республике лениниана хлынула широким потоком, вкуче с клятвенными заверениями, что Ленина обожает то или иное национальное меньшинство. Стихи в честь Ленина слагались нерусскими поэтами и до 1920 г. В 1919 г. армянский поэт воспевал Ленина как “гения, борца, вождя”, и в том же году киргизский акын Токтогул создал стихотворение, озаглавленное «Что за мать родила такого сына, как Ленин!» Акцент на рождении Ленина придает стихотворению подлинно мифическую окраску: “Нам на счастье Ленин рожден, / Нам на счастье стал он вождем”⁸⁷.

Пятидесятилетие Ленина вызвало новую волну стихов, приуроченных к юбилею. В стихах Демьяна Бедного Ленин изображается капитаном корабля, ведущим судно мимо опасных скал наперекор враждебным стихиям⁸⁸. Ленин предстает капитаном и в другом стихотворении, сознательном подражании элегии Уолта Уитмена на смерть Линкольна «О Капитан! Мой Капитан!» Поэт-сибиряк посвятил “священной памяти” Уитмена “этот радостный гимн Моему капитану”

Ленин! О Ленин! Твой рок неизменный
Миру блистательный путь указал!..

<...>

О, так живи ж! Благодатный твой гений
Нужен как солнце в борьбе роковой⁸⁹.

Владимир Маяковский также посвятил юбилею Ленина стихотворение, начав его с оправдания взятой на себя задачи:

Я знаю —
не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж
удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?..
Пожарами землю дыма,
езде,
где народ исплещен,
взрывается

бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!..
Я
в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою⁹⁰.

Заявление Маяковского о вере в Ленина эхом отозвалось в печатной кампании 23 апреля 1920 г., настойчиво подчеркивавшей неразрывность эмоциональной связи между Лениным и народом. Статья в «Бедноте» утверждала, что «трудящиеся массы крепко верят в своего вождя». «Беднота» опубликовала также воспоминания об отклике крестьян на декрет о земле, принятый в октябре 1917-го. «Как волшебник этот Ленин! — сказал крестьянин, услышав об этом декрете. — была земля у помещиков, теперь — наша». «А он не обманет, Ленин?» — спросил у него сосед. Автор вспоминает, как стал разъяснять им, что Ленин посвятил всю свою жизнь народу. Тогда, по его словам, все собравшиеся (человек двадцать крестьян) устроили митинг, на котором единодушно провозгласили: «Такой не обманет!» В той же газете была помещена заметка одной крестьянки, которая посетила Ленина в Кремле и так описала поведение вождя: «И как он был все время приветлив, так внимателен, что и выразить нельзя. Отец родной и только»⁹¹. Не только печать, но и агитационные плакаты выдвигали на передний план тему связи Ленина с народом. К юбилею был выпущен специальный плакат, с изображением смотрящих на портрет Ленина крестьянина и рабочего и надписью: «Да здравствует наш Ильич!»

В ходе развернутой кампании Агитпроп издал две популярные биографии Ленина, приурочив их выход к районным партийным конференциям, проходившим в дни юбилея. Тираж одной из биографий превысил громадную цифру — 200 000 экземпляров. Автор ее, В.И. Невский являлся членом президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и возглавлял отдел по работе в деревне ЦК партии. Впоследствии он стал видным партийным историком. Однако в написанной Невским биографии научность отсутствует: это — чистая политика. Биография, напоминающая волшебную сказку, начинается с торжественного описания рождения удивительного младенца: «Пятьдесят лет тому назад, когда в России еще царствовал царь Александр II, когда, стало быть, трудящемуся народу жилось очень тяжело под гнетом помещика и капиталиста, в городе Симбирске, в небогатой семье родился мальчик, которому потом выпало на долю вместе с рабочими и крестьянами отобрать у помещиков... землю, освободить рабочего... и начать коренное переустройство всего мира». Дети Ульяно-

вых унаследовали от своих родителей любовь к угнетенным и обездоленным. Александр Ульянов “пошел против царя и помещиков”, однако был схвачен и повешен. Владимир Ульянов “не испугался царских угроз и виселиц, а задумался над тем, какими мерами и как лучше помочь народу освободиться не только от царей, но и от всякого угнетения”. Ради этой цели он с жаром принялся за учебу. Позже он вступил в тайный союз с “людьми, которые называли себя социал-демократами”, которые хотели отдать всю землю и богатство трудящимся. Из-за этого Ленина посадили в тюрьму и сослали в Сибирь. “Но разве могли сломить такого человека, как Владимир Ильич, тюрьма и ссылка? Там он еще больше укрепился в своих прежних мыслях добиваться счастья народного”. Он стал профессиональным революционером и боролся со многими противниками, однако всегда говорил правду и предсказания его всегда сбывались. “Все знают теперь, как оправдались предсказания тов.Ленина, что власть помещиков и капиталистов будет сброшена рабочими и крестьянами, что эта власть перейдет в руки трудящихся”. И в гражданской войне враг был побежден только потому, что трудящиеся храбро сражались за свободу, за землю и за Советы; только потому, что пример им подавала “Коммунистическая партия большевиков” — и потому, что Ленин неустанно призывал народ сражаться. Нет на свете любви сильнее, чем любовь трудящихся к Ленину — и столь же сильно ненавидят Ленина помещики и капиталисты. Все помнят тот страшный миг, когда “безумная женщина, слуга угнетателей, ранила тов.Ленина. Тов.Ленин жив, он еще долго будет жить, потому что в его уме есть ум сотен миллионов трудящихся, а в его сердце — кровь и любовь всего угнетенного и страдающего мира”

В биографии, написанной Невским, Ленин не подвержен переменам. Ему известно с самого начала, каким должен быть правильный путь — он указывает его и заставляет на него вступить. Для читателей-крестьян Ленин предстал пророком, отзывчивым правителем, примером для подражания. Он исполнен самоотверженности, погружен в работу⁹². Эта книга — наглядный пример того, как партийная интеллигенция стремилась привлечь народные массы на свою сторону посредством образов, могущих оказаться для них привлекательными.

Другая агитационная биография, опубликованная к юбилею Ленина, представляет собой речь, первоначально произнесенную в Казанском Совете на собрании по случаю дня рождения вождя. Менее примитивная по сравнению с очерком Невского, биография затрагивает тему родственной связи Ленина с Марксом: “Маркс создал коммунистическое учение; Ленин руководит претворением этого учения в жизнь”. Биография была иллюстрирована: в ней помещены портреты Маркса и Ленина, уже знакомых многим читателям. Здесь же — изображение Ленина-подростка в гимназической форме. В речи, обращенной к Казанскому Совету, подчеркивается связь Ленина с этим городом, что имеет целью усилить местные симпатии к вождю и вместе с

тем поднять авторитет Казани в глазах общественного мнения⁹³. Публикация портретов Ленина, относящихся к годам его детства и юности, стала впоследствии важной составной частью культа по другой причине: этим преследовалась цель близко ознакомить население страны не просто с личностью вождя, но посвятить народ в малейшие подробности жизни Ленина, каждый этап которой был по-своему существенен.

РЕАКЦИЯ ЛЕНИНА

Заседание Казанского Совета 22 апреля было не единственным: в тот день и в последующие состоялось множество собраний, посвященных юбилею Ленина. Наибольшее внимание общественности привлекло торжественное собрание, организованное Московским комитетом партии. Виднейшие партийные деятели состязались друг с другом в панегириках Ленину. Среди выступавших были Каменев, Луначарский и Сталин⁹⁴. Сам Ленин демонстративно устранился от участия в процедуре: он вошел в зал только после того, как были произнесены все речи и прочитаны все стихи. Поблагодарив аудиторию за проявленное к нему внимание, Ленин выразил удовлетворение тем, что его избавили от необходимости выслушивать хвалебные приветствия. Он высказал также надежду, что в будущем партия найдет более приемлемые способы празднования памятных годовщин.

Затем Ленин прочитал отрывок из датированной 1902 г. статьи Карла Каутского — видного немецкого социал-демократа, писавшего о меняющемся месте России в мире. В 1848 г., когда для народов настала весна, Россия была скована морозом: в стране отсутствовало революционное движение, а Николай Первый являл собой оплот реакции в эпоху революций. К 1902 г. участники русского революционного движения были охвачены большим энтузиазмом, нежели их соратники на Западе: возможно, “теперь им суждено стать той бурей, которая взломает лед реакции” и принесет новую весну. Ленин напомнил своим соратникам, что они теперь стражи мирового социализма. Нельзя потерять лицо и стать посмешищем. Однако им грозит именно такая опасность, если они заважничают. Положение самовлюбленного человека “глупое, позорное, смешное”. Ленин высказал в заключение “пожелание, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии”⁹⁵.

Недовольство Ленина напыщенными и изощренными дифирамбами находилось в полном согласии с его темпераментом, с его представлениями о партии и собственной роли в ней. Ленин настолько отождествлял себя с Коммунистической партией, что в своей речи поставил между собой и партией знак равенства: восхваляя Ленина, партия восхваляла себя. Вот почему он счел уместным предостеречь партий-

цев от “самодовольства” и “головокружения”. Голова принадлежала ему, но она составляла единое целое с телом — самой партией. Публично расточаемые комплименты личным качествам и персональным успехам вождя не просто отдавали безвкусицей, но и таили в себе опасность. Бедой русских всегда была тяга к праздному мечтательству: им недоставало смелости ясно видеть себя со стороны. Упоенность горделивым сознанием, что партию возглавляет “гениальный вождь”, делало большевиков уязвимыми, поскольку подобное преувеличение неизбежно вводило в заблуждение.

Ленин не нуждался в лести: он требовал дисциплины и усердной работы. По его убеждению, официальное низкопоклонство являлось разновидностью взятки, легким способом разрешения проблем — традицией, имевшей в недрах российской бюрократии долгую и бесславную историю: несколько восторженных слов по адресу начальника — и он станет смотреть сквозь пальцы на то, что вы изо дня в день бросаете работу на час раньше. Для Ленина подобный вздор был решительно неприемлем. Кроме того, Ленин, вероятно, опасался, что восхваления его личности могут послужить примером для повседневного курения фимиама другим партийным лидерам. Достаточно вспомнить пережитый им ужас, когда ему пришлось столкнуться с тшеславием Плеханова, чтобы представить себе чувства, которые он, должно быть, испытывал, воображая поток лести и систематического (да и лицемерного) угодничества со стороны рядовых членов партии перед членами Политбюро.

И все же отношение Ленина к славословиям было явно двойственным. В присутствии льстецов он, по-видимому, чувствовал себя неловко, однако, тем не менее, не делал попыток положить конец потоку хвалебных речей. В юности к Владимиру Ульянову домочадцы начали относиться с безграничным обожанием только после смерти отца и гибели брата. Это обстоятельство, возможно, и обусловило сложный психологический комплекс, наблюдавшийся в его общении с последователями, когда он стал властителем России: с одной стороны, Ленин допускал публичные восхваления; с другой — предпочитал наружную скромность и простоту манер.

Ленин терпеливо дожидался своей очереди в парикмахерскую и стремился возвращать библиотечные книги в срок⁹⁶. Как русские, так и иностранцы единодушно отмечали в нем полное отсутствие желания выставить себя напоказ. Когда Ленин посетил деревню Кашино по случаю открытия там электростанции в 1920 г., он поразил жителей неприязательностью внешнего вида. “Удивительно! — заметила одна из крестьянок, — Такой человек, а ни кольца золотого, ни цепочки, ни часов золотых... Удивительно!” Впечатление о скромности Ленина в общении еще более усилилось, когда он представился каждому крестьянину по отдельности. Разумеется, все они знали, кто он такой, однако Ленин держался так, словно у его собеседников не было повода

слышать его имя заранее⁹⁷. Будучи Председателем Совета Народных Комиссаров, Ленин нередко подолгу задерживал в приемной иностранных сановников, пока сам беседовал с делегациями рабочих и крестьян. “Человек из народа” — вот характернейшая черта его образа. Народ, в свою очередь, одобрительно воспринимал широко рекламируемую простоту вождя. После кончины Ленина один крестьянин писал: “Он был прост с нами... проще иного из нас самих. Подойдет, бывало, к мужику в поле, разговор заведет — обо всем расспросит. Пожурит иного, что копаемся по старинке, агрономов не слушаем. И так было радостно, что самый наибольший в России человек побалакал с тобой, как твой брат крестьянин”⁹⁸.

Спокойное отношение Ленина к собственной известности отчасти, несомненно, было вызвано тем, что он прекрасно отдавал себе отчет в действительности своего имени для легитимизации и упрочения новой власти. Луначарский однажды заметил: “Я думаю, что Ленин, который терпеть не мог культ личности, всячески его отрицал, в последующие годы понял и простил нас”⁹⁹. В 1919 г. Ленин записал несколько своих речей на пластинки, которые должны были распространяться по всей стране: он как нельзя лучше знал о своем редком даре влиять на умы людей. В том же году, на праздновании Первомая, Ленин невозмутимо наблюдал, стоя на Красной площади, за торжественным шествием, в то время как на Кремлевской стене были вывешены огромные портреты в одинаковых рамках — портрет Маркса и его собственный¹⁰⁰. Ранее, в 1918 г., произошел случай, свидетельствующий о том, что порой Ленин готов был отождествлять себя с основоположником учения. По воспоминаниям фабричной работницы, при встрече с вождем она попросила у него фотографию на память. Ленин, по ее словам, улыбнулся, пошарил в кармане и протянул ей крохотный значок с изображением Маркса¹⁰¹.

Находясь у кормила власти, Ленин все более становился объектом открытого возвеличивания. Подчас это его раздражало — и тогда он выражал сдержанный протест: вспомним его выговор соратникам в день пятидесятилетия, а также очевидное нежелание мириться с использованием его имени в целях прославления. В сентябре 1922 г. завод Михельсона присвоил себе имя Ленина в память исторического события, происшедшего там четырем годами ранее — неудавшегося покушения Фанни Каплан. Рабочие завода пригласили Ленина присутствовать на собрании, устроенном по случаю переименования и пятой годовщины Октябрьской революции. Ленин отклонил приглашение, сославшись в записке на нездоровье. Записка была адресована “Рабочим бывшего завода Михельсона”¹⁰². Он не мог заставить себя назвать завод “заводом имени Ленина”. Ленин и в самом деле был болен — за несколько месяцев до того он перенес апоплексический удар — и переименование завода, вероятно, вызвало у него определенную обеспокоенность, поскольку учреждения обычно переименовывались в честь умерших: Ле-

нину вполне могло показаться, что его уже превращают в “безвредную икону”.

Однако против того, чтобы выступать образцовым примером для подражания, Ленин отнюдь не возражал: это видно из его активного участия в субботнике в Кремле 1 мая 1919 г. Столь же однозначного мнения — правда, прямо противоположного — Ленин придерживался и тогда, когда, под видом похвал, о нем говорили языком, который представлялся ему оскорбительным. В 1920 г. подлинное негодование вызвали у него статья и письмо Максима Горького, опубликованные в журнале «Коммунистический Интернационал». Гнев Ленина был так силен, что он направил в Политбюро черновик резолюции: “Предлагаю сбором подписей в Политбюро: Политбюро ЦК признает крайне неуместным помещение в № 12 «Коммунистического Интернационала» статей Горького, особенно передовой, ибо в этих статьях не только нет ничего коммунистического, но и много антикоммунистического. Впредь никоим образом подобных статей в «Коммунистическом Интернационале» не помещать”¹⁰³. Описание Горьким Ленина изобилует таким множеством неуместных характеристик, что трудно указать именно те, которые Ленин счел наиболее нетерпимыми: “Ошибки Ленина — ошибки честного человека, и в мире еще не было ни одного реформатора, который действовал бы безошибочно...”

... Один француз спросил меня: ‘Не находите ли вы, что Ленин — гильотина, которая мыслит?’

Работу его мысли я сравнил бы с ударами молота, который, обладая зрением, сокрушительно дробит то, что давно пора уничтожить...

... Личная жизнь [Ленина] такова, что в эпоху преобладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым...

... Суровый реалист, хитроумный политик — Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это — хорошо...

... Иногда в этом резком политике сверкает огонек почти женской нежности к человеку, и я уверен, что террор стоит ему невыносимых, хотя и весьма искусно скрытых страданий...

... Теперь... я снова пою славу священному безумству храбрых. Из них же Владимир Ленин — первый и самый безумный”¹⁰⁴.

Впрочем, одна из характеристик Горького оказалась поразительно точной: Ленин действительно становился легендарной фигурой — фигурой, сосредоточившей в себе неиссякаемую жизненную силу. Ранние плакаты с изображением Ленина представляли собой всего лишь увеличенные фотографии вождя, благодушно вззирающего на зрителей. Постепенно портреты Ленина приобретали все большую динамику. На одном из плакатов, выпущенном в 1920 г. в Баку, Ленин стоит на фоне древнегреческого храма с простертой рукой и указующим перстом, сохраняя на лице выражение суровой решимости. Надпись гласит: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”. В том же году художник-график Дени создал шуточный плакат: шаржированный Ле-

нин, взгромоздившись на Земной шар, выметает метлой буржуев и коронованных особ. В 1922 г. Московский партийный комитет издал плакат, на котором Ленин простирает руку, стоя на земном шаре; позади него изображены лучи восходящего солнца¹⁰⁵. Образ Ленина на плакатах превратился из пассивного в активный. Вместо объекта простого портретирования вождь стал предметом иконографии.

Через посредство плакатов, фотографий, многочисленных статей (как его собственных, так и о нем) Ленин получал все большую известность как вождь партии, олицетворяющий собой новую власть. Иные и воспринимали его в качестве нового российского царя. В 1923 г. московский извозчик, проезжая мимо гигантских портретов Маркса и Ленина, пояснил американскому журналисту, что товарищ Карл Маркс был “главным в мире большевиком” и что “тот, поменьше, с бородкой — Ленин, большевистский царь России”. “Оба живут там”, — добавил он, показав кнутом на Кремль¹⁰⁶. Французский журналист Роллен утверждает, что во время похорон Ленина до него дошел слух о том, что “некоторые крестьяне с благоговением говорят о новом царе по имени Ленинитроцкий, явившемся с Востока, дабы возродить Святую Русь”¹⁰⁷. Однако подобные примеры единичны. Сомнительно, чтобы после 1917 г. большинство народа оставалось в неведении относительно происходящих событий и в самом деле приписывало Ленину царский титул.

Политическая раздробленность, наблюдавшаяся в период революции, привела к распаду прежних уз зависимости: в общем и целом, люди поступали так, как если бы верили, что власть действительно принадлежит теперь исключительно народу. После революции новый режим проявлял себя тем, что издавал декреты, учреждал местные органы управления с обязательным портретом Ленина на стене, направлял в деревню отряды вооруженных рабочих; действенной была и работа тысяч партийных агитаторов, добивавшихся поддержки народа все в большем количестве городских и сельских советов. Поскольку население начинало признавать законность новой власти или хотя бы считать ее победу неоспоримой, вполне естественно предположить, что происходило это только с помощью политических понятий, смысл и значение которых были доступны массам. Человеческое восприятие консервативно, всегда привязано к конкретной исторической обстановке и способно усваивать новое лишь через посредство уже знакомых образов и терминов. Так и Ленин в роли нового правителя России воспринимался народом только на фоне существовавших ранее и привычных ему представлений и форм поведения. Покушение 1918 г. невольно заставило видеть в Ленине страстотерпца — наподобие святых великомучеников Бориса и Глеба (XI век) и князя Андрея Боголюбского (XII век). То обстоятельство, что лица, создавшие подобный миф, вероятно, сочувствовали большевикам, нисколько не ставит под сомнение их принадлежность к народу как таковому.

В 1922 г. Горький пронизательно заметил, что русская интеллигенция “поглощается” крестьянством, и предсказал, что в итоге именно крестьянство будет определять новую культуру Советской России¹⁰⁸. К концу гражданской войны партийный аппарат приобретал все больший контроль над разрозненной страной, однако вместе с восстановлением порядка на новой форме лояльности все заметнее сказывалось влияние прошлого. В глазах народа власть политическая, власть религиозная и власть сверхъестественная были тесно связаны между собой и всегда персонифицировались в хорошо узнаваемых фигурах святых и правителей. Наивный монархизм усматривал в “царе-батюшке” положительную личность, неизменно пекущуюся о своем народе. Если даже большевистская интеллигенция, обладавшая куда большей сознательностью, испытывала, тем не менее, воздействие сложившихся внутри нее самой исторических традиций, то русский народ, огромные слои которого проснулись для политической активности, со всей неизбежностью переносил на новую власть многие верноподданнические стандарты былых времен. Ленина, скорее всего, не считали царем, но относились к нему так, как если бы он и вправду занял его место.

Наиболее драматическое тому подтверждение — история Кронштадтского мятежа (март 1921 г.). Долгое время поддерживавшие большевиков, матросы выступили теперь с протестом против политики военного коммунизма: суровая дисциплина, жесткая централизация власти, нехватка продовольствия и топлива казались им симптомами полного крушения былой революционной мечты о свободе¹⁰⁹. Прежде чем восстание было подавлено, в Кронштадте возникла революционная коммуна. Политические требования облекались в традиционные риторические формулы, свойственные языку Разина и Пугачева. Матросы усматривали в Зиновьеве — главе Петроградского Совета, и в Троцком — военном комиссаре — своих главных врагов: по их убеждению, это были злые чиновники, стремившиеся подчинить и поработить флот. Однако — по крайней мере, в самом начале восстания — кронштадтцы сохраняли особый пиетет по отношению к Ленину. Портреты Троцкого и Зиновьева были сорваны со стен, но портреты Ленина продолжали украшать стены кабинетов. 14 марта газета восставших «Известия» писала о Ленине как о царе, которому недобрые бояре мешают действовать на благо народа. В газете сообщалось, будто на собрании по вопросу о профсоюзах Ленин выразил желание уйти в отставку со своего поста, “но бежать ему не дадут его единомышленники. Он находится у них в плену и должен клеветать так же, как и они”¹¹⁰. Ленин пробуждал в матросах также и националистические симпатии, поскольку был близок им по крови — русским, понимающим нужды простых людей, уроженцем Волги, в отличие от космополитов — “еврейских большевиков” Троцкого и Зиновьева¹¹¹.

В 1922 году Николай Валентинов, оказавшийся в деревне недалеко от Москвы, услышал от одного крестьянина примерно такую форму-

лировку: “Ленин русский человек, крестьян он уважает и не позволяет их грабить, загонять в колхоз, а вот другой правитель — Троцкий — тот еврей, тому на крестьян наплевать, труд и жизнь он не знает, не ценит и знать не желает”¹¹². Валентинов пришел к заключению, что Ленин снискал себе хорошую репутацию среди крестьян благодаря новой экономической политике, принятой в 1921 г., результатом которой явилось быстрое повышение жизненного уровня. Валентинов вспоминает также, что сторож многоквартирного дома, в котором он жил, горько сокрушался о смерти Ленина: Ленин, мол, разрешил торговлю и вернул белый хлеб, картошку и сахар. “Не сделай этого Ленин, мы бы и по сей день стояли бы голодными в очередях”¹¹³. Снова, как это произошло с декретом о земле, Ленин дал крестьянам именно то, в чем они нуждались.

Новая экономическая политика официально была провозглашена на Десятом съезде партии в марте 1921 г., состоявшемся в дни кронштадтского мятежа. Этот съезд знаменует собой рубеж в истории партии. Никогда еще личный авторитет Ленина не был столь высоким, ни разу с 1918 г. он не сталкивался со столь сильным сопротивлением оппозиции. Фракция, известная под названием “рабочая оппозиция”, требовала большей самостоятельности для рабочих и профсоюзных лидеров. Оппозиционно настроенные делегаты резко протестовали против настойчивых призывов Ленина к централизму и строжайшей дисциплине в партийной организации. Новая экономическая политика была задумана в качестве сознательной попытки успокоить растущее недовольство крестьян, вылившееся в открытые волнения к осени 1920—1921 гг. Однако ни с “рабочей оппозицией”, ни с теми членами партии, кто роптал против диктатуры ЦК, никакого компромисса быть не могло. Напротив, Ленин приложил все старания, чтобы провести на съезде резолюцию о единстве партии, которая запрещала фракциям выступать организованно со своими политическими платформами¹¹⁴.

Ленин добился того, что его прочное главенство над партией было официально санкционировано. Задачу руководства он усматривал в том, чтобы направлять партию по верному пути в предположительно долгий период новой экономической политики. Как глава иерархически построенной партийной организации, он твердо держал в своих руках звено исторической цепи, от которого зависело будущее Советского государства. Для своих последователей Ленин воплощал в себе уверенность в том, что Россия проложит дорогу к социализму.

Демонология была разработана советской агитацией и пропагандой значительно быстрее, нежели агиография: ей предстояло пройти длительный и сложный путь развития. Антитезе добра и зла, противопоставлению образов героев и негодяев суждено было по окончании гражданской войны приобрести еще большую остроту (хотя и не в наглядном изображении) по мере того, как набор заклятых врагов становился все более многочисленным и начинал включать в себя имена людей,

находившихся все ближе к священному средоточию партии. Война велась против классовых врагов, меньшевиков, эсеров, иностранных интервентов, белогвардейцев и так далее, однако очень скоро среди врагов оказались партийные функционеры, профсоюзные руководители и мятежные моряки Кронштадта. Под конец, после смерти Ленина, сюда попали и члены Политбюро — сначала Троцкий, а затем, один за другим, старейшие соратники Ленина, ставшие жертвами беспощадной чистки 1930-х г. По мере того как линия, разделяющая добро и зло, делалась все тоньше, а приписываемые врагам происки приобретали все больший размах, язык при их описании делался все более сильным, а для их изображения применялись все более густые, сочные краски.

Чем ниже спускались по кругам исчадия зла, тем лучезарнее представлялся облик небесного воинства — и прежде всего самого Ленина. Обожествление вождя происходило в рамках партийной мифологии. И партийная демонология, и партийная агиография приобрели полностью стандартизованный, устоявшийся характер только после того, как Сталин поставил всю страну под свой строгий контроль, однако процесс этот начался еще в годы гражданской войны и продолжался позднее: создавались образы мифических героев революционной России — рабочих, солдат, крестьян-бедняков, а идеализированной персонификацией партии выступал ее вождь и основатель. Авторитет Ленина, героические черты его личности, его значение в глазах мировой общестственности сделали его незаменимой фигурой в структуре советской политики и коммунистической мифологии.

В 1922 г. Ленина постигла тяжелая болезнь, и разросшийся пропагандистский аппарат предпринял первые шаги для увековечения его влияния на умы: были учреждены первые институты ленинского культа.

БОЛЕЗНЬ И БЕССМЕРТИЕ

С начала весны 1922 г. Ленина мучили — уже не впервые — бессонница и страшные головные боли. Для врачебного обследования были вызваны два известных специалиста. (Ленин не доверял русским врачам, когда дело касалось здоровья друзей и его собственного.) Один из профессоров, доктор Феликс Клемперер, высказал предположение, что болезненные симптомы могли быть следствием отравления свинцом, вызванного засевшими в теле больного пулями, после покушения в августе 1918 г. Коллега профессора Клемперера придерживался другого мнения; тем не менее, 23 апреля одна из двух пуль была удалена. Поставленный диагноз и хирургическое вмешательство, вероятнее всего, были мерами, предпринятыми для того, чтобы успокоить Ленина, выражавшего нетерпеливое желание вернуться к работе¹.

Ленин провел ночь в больнице. В истории болезни было записано: «Со стороны нервной системы — общая нервозность, иногда плохой сон, головные боли. Специалистами констатирована неврастения на почве переутомления»². 26 мая того же года Ленин перенес удар, приведший к частичному параличу и нарушению речи. Первоначально врачи находили желудочное недомогание, причиненное съеденной накануне рыбой, однако никто больше из домашних не заболел, а наблюдавшиеся у пациента отклонения указывали на худшее. До конца сентября самочувствие Ленина оставалось неважным, но он решительно отказывался прекратить работу. 2 октября он приступил к регулярному исполнению своих обязанностей в Кремле, сразу же взвалив на себя всю нагрузку³. В середине и конце декабря последовала еще серия ударов, и состояние Ленина резко ухудшилось. Он уже не сумел оправиться настолько, чтобы вернуться к работе. Последний год жизни Ленин провел в прекрасном имении в деревне Горки, примерно в тридцати километрах от Москвы. В январе Ленин написал ряд статей, две из них были тогда же опубликованы⁴. Написание их было сопряжено с определенными трудностями и стоило немалых усилий. Ленин не мог держать в руках перо, однако он не был привычен к диктовке и испытывал неловкость, видя перед собой стенографистку, ожидавшую от него окончания очередной фразы. Иногда Ленин предпочитал диктовать по телефону стенографистке в наушниках, находившейся в соседней комнате⁵. Диктовать Ленину разрешалось ежедневно, но очень недолго. Умственное напряжение заметно его изнуряло. Головные боли

были чудовищными, и ко лбу у него постоянно был приложен холодный компресс.

9 марта 1923 г. Ленина поразили сильнейший удар. Правая сторона тела оказалась полностью парализованной, отнялась и речь. Надолго выведенный из строя, Ленин оставался в Горках, где за ним ухаживали жена и его младшая сестра, Мария Ильинична Ульянова. Артериосклероз продолжал развиваться, и шансы на выздоровление были невелики⁶. Ленин боролся с недугом. С мучительными усилиями он добился улучшения речи, и к сентябрю мог передвигаться с помощью палки. Однако состояние его внушало опасения.

После резкого ухудшения здоровья Ленина в марте 1923 г. его соратники по Политбюро готовы были расточать потоки непомерной лести, однако до этого времени, по мнению самого Ленина, их отношение к нему было явно пренебрежительным. 24 декабря 1922 г. врачи, с согласия Сталина, Каменева и Бухарина, установили для Ленина следующий режим: “1) Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5—10 минут, но это не должно носить характера переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются. 2) Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений”⁷. Секретарь Ленина вспоминает, что “у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам”⁸.

В особенности досаждали Ленину политические и личные разногласия со Сталиным⁹. Сталин проявлял к болезни Ленина большой интерес и даже читал соответствующую медицинскую литературу. В конце 1922 г. он пришел к выводу, что болезнь Ленина неизлечима, и в разговорах с товарищами предсказал ему скорый конец (“Ленину капут”). Эти слова дошли до сестры Ленина Анны, которая сочла их возмутительными. Сделались известны они и Ленину. “Я еще не умер, — передают его ответную реплику, — а они, со Сталиным во главе, меня уже похоронили”¹⁰.

Накануне операции в апреле 1922 г. в партийной печати появились сообщения о недомогании Ленина. Статья в газете «Беднота» приводила заявление наркома здравоохранения Семашко о том, что в последние месяцы Ленин испытывал симптомы переутомления. Коллеги пытались заставить его отдохнуть, но он не желал бросать работы. “Ни один крупный декрет не проходил без него, без его ведома”. Долг требовал от Ленина огромного напряжения сил, но даже это не могло нанести ущерба его здоровью, поскольку его “организм уже выдержал один экзамен, который, я думаю, едва ли другой выдержал бы” — огнестрельное ранение в 1918 г. Семашко обнародовал затем запоздалую новость о том, что пули были смазаны ядом кураре, употребляемым индейцами для стрел. “Владимир Ильич корчился в судорогах,

скрежетал зубами от боли. Оказывается, что это было от отравления ядом кураре, которым индейцы мажут свои стрелы, чтобы бить слонов. Если Владимир Ильич перенес такое отравление, то за его организм мы тревожиться не должны". Семашко указал также, что общественность должна быть осведомлена о физическом состоянии Ленина, поскольку массы имеют "законное право" знать об этом¹¹.

На деле же общественность систематически вводили в заблуждение относительно состояния здоровья Ленина. Его личный авторитет был настолько существенным для официального облика режима, что было сочтено безусловно рискованным подрывать его информацией о болезни вождя. Вплоть до 14 марта 1923 г., когда было выпущено правительственное коммюнике с известием о внезапном ухудшении состояния Ленина после апоплексического удара 9 марта, серьезность ситуации оставалась тайной за семью печатями. Николай Валентинов, работавший в Высшем Совете Народного Хозяйства, позднее вспоминал, что ни он, ни большинство его коллег ничего не знали о болезни Ленина. В 1922 г. Валентинов написал Ленину письмо с просьбой назначить ему встречу. Долгое время не получая ответа, он предположил, что письмо до Ленина, перегруженного работой, не дошло. В конце декабря его попросили зайти к сестре Ленина Марии Ильиничне в редакцию газеты «Правда». Мария Ильинична объяснила, что Ленин получил его письмо, передает свою благодарность и будет рад встретиться, как только лучше себя почувствует. "А разве Владимир Ильич болен? — спросил Валентинов. — Что такое у него?" "Мария Ильинична не была лживой, — добавляет автор. — сказать мне, что у Ленина был второй удар паралича, она, конечно, не могла. Характер его болезни тщательно скрывали... Не пускаясь в объяснения, но не отрицая болезнь Ленина, М.И.Ульянова на мой вопрос, уклончиво, и, по своему обыкновению, краснея и опуская глаза, ответила: "Сейчас Владимир Ильич чувствует себя много лучше"¹².

Сам Ленин, очевидно, знал о секретности, окружавшей его болезнь. Услышав, что после удара, постигшего его в мае 1922 г. правительство выпустило бюллетень со ссылкой на желудочное расстройство, он заметил: "Я думал, что лучшие дипломаты в Праге, но похоже, это не так: лучшие дипломаты — это московские доктора, сочинившие этот бюллетень о моем здоровье"¹³.

Скупые сообщения о болезни Ленина характеризуют старания партии и правительства сохранить в неприкосновенности символ своего могущества. Ниже следует описание развития болезни Ленина, опирающееся исключительно на материалы газет «Правда» и «Известия» с середины 1922 г. до конца 1923 г. Они наглядно иллюстрируют то, как воспринималось течение болезни Ленина теми, кто черпал информацию только из центральной печати.

БОЛЕЗНЬ ЛЕНИНА: ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ

В сентябре 1918 г. жизнь Владимира Ильича подверглась серьезной опасности ввиду попытки покушения, предпринятой террористкой Фанни Каплан, однако он быстро оправился после ранения. В конце апреля 1922 г. одна из пуль, засевших в теле Ленина, была вынута в ходе успешной операции, осуществленной опытными хирургами¹⁴.

Примерно месяц спустя Председатель Совета Народных Комиссаров перенес желудочное заболевание — гастроэнтерит. Он страдал также от переутомления, вызвавшего легкое нарушение в кровеносной системе. Доктора прописали ему небольшой отдых, и он был на пути к полному выздоровлению¹⁵. Спустя две недели Ленин уже встал на ноги и чувствовал себя превосходно¹⁶. К концу июля он уже не считался больным, а находился “в отпуске”¹⁷.

В конце сентября Владимир Ильич полностью восстановил силы, необходимые для возобновления деятельности¹⁸, и вскоре с полной нагрузкой работал в своем кремлевском кабинете¹⁹. То, что вождь пребывал в добром здравии весь январь 1923 года, подтверждается фактом опубликования им на протяжении этого месяца двух новых статей²⁰. Самочувствие Ленина оставалось хорошим вплоть до середины марта, когда перенапряжение, признаки которого отмечались и ранее, вылилось в значительное ухудшение состояния его здоровья. Нарушения кровообращения вызвали “некоторое ослабление двигательных функций правой руки и правой ноги”. Наблюдалось и некоторое “расстройство речи”²¹. Трудности с передвижением сохранялись, однако речевые навыки быстро восстанавливались, вместе с общим физическим самочувствием²². Через несколько дней наступило улучшение двигательных функций конечностей²³. Улучшение прогрессировало, и вскоре общее состояние пациента было сочтено хорошим²⁴.

Ленин страдал заболеванием кровеносных сосудов — недугом, поддающимся почти полному излечению. Период выздоровления, однако, затягивался надолго²⁵. В конце марта у Ленина периодически поднималась температура, учащался пульс: это утомляло его, однако в целом состояние улучшалось. В начале апреля в левом легком находили катар, но очень скоро с ним удалось справиться²⁶. Менее чем через две недели катар исчез бесследно, и состояние пациента вновь стало удовлетворительным²⁷.

В середине апреля болезнь Ленина вновь обострилась; в день его 53-летия редакция «Правды» поместила в газете приветственное письмо, которое заканчивалось словами: “Наши мысли, наши чувства, наши сердца — с ним, у его постели, где он борется сейчас с тяжким мучительным недугом”²⁸. Через несколько дней у больного вновь повысилась температура, вследствие возобновления катара в левом легком²⁹. В то же самое время отмечалось улучшение речи и правая сторона тела

обрела большую подвижность³⁰. Легочные явления вскоре, как и ранее, прекратились³¹. К концу месяца Владимир Ильич, по-видимому, почувствовал себя лучше: он собственноручно, дрожащим, но разборчивым почерком написал короткую заметку о сельскохозяйственной выставке, которая должна была состояться в Москве в ближайшие месяцы³².

На протяжении лета 1923 г. степень серьезности болезни Ленина оставалась неясной. По всей вероятности, недуг препятствовал его возвращению к работе: в печати, во всяком случае, речь о таковом не заходила. К концу лета Ильич как будто бы преодолел свою тяжелую болезнь³³. Он выглядел свежим и поздоровевшим, а улучшение речевых и двигательных способностей даже превзошло все ожидания докторов³⁴. Через месяц-другой Ленин уже мог самостоятельно ходить и усиленно овладевал навыками речи³⁵. Немного позже нарком здравоохранения Семашко докладывал на партийном собрании в Одессе: “Резкое улучшение здоровья Ильича, наступившее в начале августа, пошло вперед быстрыми шагами. Здоровье тов.Ленина систематически каждый день улучшается, Почти совершенно излечена правая нога. Тов.Ленин ходит и даже взбирается по лестнице на второй этаж без посторонней помощи. Речь настолько улучшилась, что тов.Ленин почти свободно говорит. Настроение и самочувствие у него хорошие. Он шутит, интересуется общественными делами, Всесоюзной выставкой и международной крестьянской конференцией”³⁶.

13 декабря А.М.Лежава выступал с речью перед железнодорожными рабочими в Брянске. Из зала выкрикнули: “Мы хотим знать о здоровье Ильича!” Лежава ответил, что здоровье Ильича улучшается, и что вскоре он “если не вполне возьмет руль правления, то будет иметь возможность давать нам указания и советы”³⁷. К концу 1923 г., таким образом, представлялось несомненным, что Владимир Ильич уверенно вступил на путь полного выздоровления.

В 1922 г. с целью усилить впечатление, что Ленин находится в добром здравии, центральная печать опубликовала ряд материалов, иллюстрированных фотографиями. 24 сентября газета «Правда» поместила приложение под заголовком “Тов.Ленин на отдыхе”. На двенадцати снимках Ленин выглядит немного усталым и постаревшим, однако держится непринужденно и благодушно. На одной из фотографий он гладит кошку. На другом снимке прогуливается, держа руки в карманах, по сельской тропинке. Как правило, Ленина окружают родственники и коллеги — Крупская, Каменев, Сталин. Фотографии сопровождались короткими заметками членов Политбюро с описанием вернувшейся к Ленину жизненной бодрости. Сталин, к примеру, написал, что во время его последнего визита Ленин не выказал ни малейшего признака усталости: это снова был “наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищурив глаз...”

Не прошло и месяца, как «Правда» к пятой годовщине Октябрьской

революции поместила еще один материал “Октябрь: Пять лет”, содержащий также шесть фотографий Ленина. На одной из них Ленин изображен читающим в шезлонге (единственная опубликованная фотография, на которой Ленин в очках). Большинство фотографий призвано продемонстрировать, что глава государства вновь приступил к исполнению своих обязанностей. “На посту с новыми силами” гласит подпись под портретом вождя, сидящего за столом в пиджаке и галстуке. На двух снимках Ленин погружен в работу, склонившись над грудой газет. Подпись: «Вновь за работой у себя в кабинете». Далее вождь председательствует на большом собрании: “Снова в рядах старой гвардии (Совнарком)”³⁸.

Когда в марте 1923 г. было обнародовано сообщение о внезапном ухудшении состояния Ленина, новость, как вспоминает Валентинов, застала всех врасплох, поскольку “почти все, особенно те, кто совсем недавно читали его статьи, были уверены, что он по-прежнему управляет страной”³⁹. Валентинову казалось, что болезнь Ленина являлась главным предметом разговоров в Москве. Сразу же поползли слухи о том, что Ленин умер или умирает, что он просил яда, что он страдает от застарелого сифилиса. Согласно непосредственному начальнику Валентинова в ВСНХ М.А.Савельеву, слух о том, что у Ленина сифилис, был широко распространен — и Политбюро сочло простое опровержение недостаточным. Центральный Комитет назначил для расследования вопроса особую комиссию. Комиссия тщательно изучила историю болезни вождя и пришла к заключению, что наследственного сифилиса у Ленина нет (возможность наличия другой формы была проигнорирована)⁴⁰.

Партийные вожди с опаской относились к утечке информации о физической деградации Ленина: их пугали последствия более серьезные, нежели распространение злостных сплетен. Троцкий выразил эту тревогу в речи, произнесенной им на Седьмой Всеукраинской партийной конференции 5 апреля 1923 года: “Когда последовало ухудшение [здоровья Ленина] в начале марта и Политбюро ЦК собралось обменяться мнениями о том, что нужно довести до сведения партии об ухудшении в здоровье тов.Ленина, то, товарищи, я думаю, что вы все отдадите себе отчет, в каком настроении проходило заседание Политбюро... Мы думали не только о здоровье тов.Ленина, — конечно, в первую голову, мы были заняты в те минуты его пульсом, его сердцем, его температурой, — но мы думали также о том, какое впечатление это число ударов его сердца произведет на политический пульс рабочего класса и нашей партии... И вот, говорю, нужно было сообщить об ухудшении его здоровья. Мы спрашиваем себя с естественной тревогой, какие выводы сделает беспартийная масса, крестьянин, красноармеец, ибо крестьянин в нашем государственном аппарате верит в первую голову Ленину... Не подумает ли крестьянин, — спрашивали себя иные в нашей среде, — что с длительным отстранением от работ Лени-

на переменится... политика?"⁴¹

О тяжелой болезни Ленина заговорили потому, что нельзя было больше надеяться на поддержание мифа о его "железном организме". Не могло появиться новых фотографий, изображающих вождя за работой или даже на отдыхе, не могло появиться и новых его статей. В 1922 г. Ленин отошел от активной политической деятельности, и его обязанности Председателя Совета Народных Комиссаров исполнял Алексей Рыков. Но кто мог заменить Ленина в качестве общепризнанного символа власти, олицетворения партии, "мозга и сердца пролетариата", чей гений прокладывал стране путь к социализму? Столь многое зависело от личного влияния Ленина, что его наследникам всячески приходилось поддерживать действенность авторитета вождя, даже когда сам он лежал на смертном одре. Болезнь Ленина побудила превратить вождя в неумирающий политический символ, сделать его присутствие в политической жизни постоянно осязаемым через посредство учреждения культовых институтов.

Култ возник довольно быстро в 1923 г., однако носил стихийный характер, не имея централизованного управления. В отличие от ограниченной агитационной кампании 1918 г., породившей в народе фантастические сказания о Ленине, составные элементы культа в 1923 г. сознательно насаждались партийными организациями. Посмертное преклонение перед Лениным должно было возрасти с новой силой, как это уже было после покушения на его жизнь. Однако теперь ему предстояло принять формы, предписанные официальной пропагандой и заключенные в рамки, начертанные партийными чиновниками. Невиданный поток агитации, затопивший Советскую Россию после смерти Ленина, означал, что многие руководители партии и правительства, наряду с организациями Агитпропа, обдуманно готовились к данному событию с целью увековечения авторитета вождя. Другие, не столь дальновидные, вероятно, искали способы содействовать укреплению режима вопреки болезни вождя. В 1923 г. Ленин уже был не в состоянии руководить правительством, к созданию которого он приложил столько усилий. Оно функционировало без его участия. Однако никакая болезнь не могла помешать Ленину служить вдохновителем партийной политики и образцовым примером для всех коммунистов и беспартийных: следовало придать пропаганде имени Ленина постоянный характер. Наиболее действенным средством для достижения этой цели было то самое оружие, с помощью которого Ленин обрел власть над умами задолго до 1917 г., когда от реальной политической власти над Россией он был столь же далек, как и в 1923 г., когда доживал свои дни в Горках. Этим оружием было оружие слова — сочинения вождя, его идейное наследие, получившее название "ленинизм".

ЛЕНИНИЗМ

В годы активной политической деятельности Ленин превозносился в печати преимущественно как великий революционер, человек действия. В нем видели искусного тактика и непревзойденного стратега. Маркс считался главным теоретиком революции, Ленин же выступал непосредственным организатором исторического процесса. Гений Ленина проявлялся в его поступках, в его непрекращающейся практической работе, в неутомимой революционной борьбе. С началом болезни его достоинства революционера по-прежнему ставились высоко, однако акценты сместились довольно ощутимо. Воплощенное могущество живой личности Ленина усматривали теперь в его идейном наследии, в его трудах.

Термин “ленинизм” впервые вошел в обиход по крайней мере с 3 января 1923 года, когда Владимир Сорин, заведующий отделом агитации и пропаганды Московского партийного комитета, опубликовал в «Правде» статью под названием «Марксизм, тактика, Ленин». В статье утверждалось, что для “пропаганды ленинизма” делается слишком мало. Автор высказал также идею, что знание ленинизма необходимо для понимания марксизма. Мы должны изучать Ленина, заявлял он — изучать на деле, “с карандашиком в руке”. Марксизм до Ленина не был настоящим марксизмом. “Маркс-Энгельс плюс Ленин” — вот формула коммунизма или марксизма. Четыре месяца спустя «Правда» напечатала первую статью, открывшую дискуссию о соотношении марксизма и ленинизма⁴². “Теория Маркса плюс практика пролетарской революции — это и есть ленинизм”, — писал Н.Бабахан. Мы должны серьезно изучать ленинизм, настаивал автор, чтобы суметь извлечь уроки тактики для революционной борьбы с капитализмом. В девятнадцатом столетии всецело царила теория, однако в двадцатом превалирует марксистская практика. Теоретический марксизм воплощен в ленинизме; ленинизм непредставим без марксизма. Так называемые чистые марксисты, отвергающие Ленина, это догматики и “высохшие мумии теории”. “Мы не только марксисты, — писал Бабахан, мы прежде всего ленинцы”.

Статья положила начало широкому обсуждению “истинной” природы ленинизма. Публицист, звавший себя материалистом, был возмущен проведенным в статье Бабахана различием между марксизмом и ленинизмом. Ни единое слово из написанных Лениным не может расцениваться как ревизия марксизма, писал он с негодованием. Бабахан, проводя это ложное разграничение, имел в виду, что наш Ленин — ревизионист. Учение Ленина — это чистейшей воды марксизм. Путь, проложенный Лениным, единственно верный для марксиста. “Ни один революционер не сделает ни одного шага без изучения Ленина. “И мы

изучим Ленина, каждую строчку его трудов, каждую его мысль, изучим как марксисты..., чтобы сделаться еще лучшими марксистами... Сделаем марксизм “шестым чувством” своим, — заключает автор, — и тогда мы будем теми, кому будет позволено носить имя “ученика Ленина”⁴³.

До болезни Ленина его статьи на злободневные темы регулярно появлялись в центральной печати. После резкого ухудшения здоровья в марте 1923 г. Ленин больше ничего не писал, однако печать продолжала создавать видимость его постоянного присутствия в политической жизни, публикуя его давние статьи и анализируя их так, как если бы они откликались на злобу дня. Например, одновременно с обнародованием правительственного сообщения о тяжелой болезни Ленина, газета «Известия» поместила (в том же номере) статью, посвященную 30-й годовщине “литературно-политической” деятельности Ленина, начатой им в 1893 г. с написания работы, обнаруженной лишь недавно⁴⁴.

С целью подчеркнуть действенность ленинского слова, о сочинениях Ленина говорилось теперь с использованием военной терминологии. В начале апреля 1923 г. статья в «Правде» призывала предстоящий Двенадцатый съезд партии обратить внимание на “закрепление и использование того острого инструмента для борьбы и побед рабочего класса, каковым, без сомнения, является *учение ленинизма*”⁴⁵. Михаил Павлович утверждал, что “разгром” народничества социал-демократами в 1890-е гг. был достигнут благодаря “тяжелой марксистской артиллерии” работ Ленина⁴⁶. Через несколько месяцев в статье, посвященной пятой годовщине покушения на жизнь Ленина в 1918 г., Зиновьев писал: “Ленинизм есть то несравненное оружие, с помощью которого он будет непобедим”⁴⁷. Ленин был сражен болезнью, но писания его сохраняли прежнюю силу.

Как восхваление Ленина стало обязательной риторической фигурой для выражения лояльности коммунистической власти, так и клятва верности ленинизму сделалась в 1923 г. необходимым условием провозглашения солидарности с линией партии. “Молодежь — ни на шаг от ленинизма!” — возвещал журнал организации коммунистической молодежи. Только работы товарища Ленина “дают правильную ориентировку и указывают единственно правильное направление пути”⁴⁸. К 1923 г. любые политические платформы должны были находить законную опору в ленинизме: ни одна из высказываемых мыслей не могла быть верной, если она расходилась с ленинизмом. Этот постулат вошел неотъемлемой частью в партийную жизнь и сделался наиболее показательной чертой ленинского культа. Преданность ленинизму стала означать лояльность по отношению к правительству и партийному руководству. На Двенадцатом съезде партии товарищ Иванов подверг критике некоторые высказывания представителя демократических центристов В.В.Осинского: я не слишком много читал «Капитал» Маркса,

заявил он, однако я большевик. “Помните, — предупредил он, — ко всякой критике того, что вошло в историю под именем ленинизма, мы относимся серьезно. И за всякие подобного сорта отрывки и попытки будем одергивать”⁴⁹.

Съезд состоялся в апреле 1923 г. За исключением Шестого съезда, собравшегося тогда, когда Ленин находился в подполье, это был первый съезд, на котором вождь не присутствовал. Весь съезд проходил под знаком возникающего культа Ленина. После 1917 г. Ленина часто приветствовали как вождя, учителя, рулевого и даже архитектора партии. Теперь приветствия звучали более изобретательно: “Да здравствует наш мировой вождь и друг детей Владимир Ильич Ленин”⁵⁰. В те годы, когда Ленин принимал активное участие в политическом руководстве страной, он постоянно подвергался критике, но с 1923 г. подобная практика прекратилась.

Каменев открыл Двенадцатый съезд партии дифирамбами Ленину и пожеланиями скорейшего его выздоровления; он высказал также убеждение, что вместо него партией будут руководить его труды⁵¹. На заседании съезда 23 апреля — на следующий день после того, как Ленину исполнилось 53 года, Каменев заявил: “С учением [Ленина] сверялись каждый раз, когда перед нами становилась та или иная проблема, тот или иной трудный вопрос. Мысленно каждый из нас спрашивал себя: а как бы ответил на это Владимир Ильич?”⁵¹ Мы надеемся, продолжал он, что решения нашего съезда будут именно такими, какими желал бы их видеть Владимир Ильич; ибо мы несем новую ответственность перед нашим вождем. Мы должны продемонстрировать ему, когда он поднимется с постели (а мы страстно верим, это случится), что его учение является генеральной линией всех наших поступков и решений⁵². Каменев задал тон всему съезду, и прочие ораторы последовали его примеру. Зиновьев выступил с основным докладом. Обычно это всегда было прерогативой Ленина, и Зиновьев заговорил напыщенным языком о жадном внимании, с каким слушатели всегда внимали речам Ленина. Докладчик уподобил их “глубокому ясному ключу”, к которому “в летний знойный полдень” припадает человек, чтобы утолить свою жажду⁵³.

Преклонение перед ленинизмом, продемонстрированное на Двенадцатом съезде, знаменует весьма важную перемену в политике партии. До 1923 г. непомерное восхваление Ленина ограничивалось преимущественно сферой массовой агитации. На партийных съездах к вождю обращались со стандартными эпитетами, установленными для ритуала приветствия, и только. Торжественное провозглашение Двенадцатым съездом уникальности ленинизма как истины в последней инстанции было победой членов Политбюро ЦК, упорно стремившихся, несмотря на отход Ленина от власти, удержать свой контроль над партией. Какое-то время партийные лидеры оспаривали друг у друга мантию наиболее точного истолковывателя ленинского идейного наследия.

Однако на Двенадцатом съезде соперничество между ними было замаскировано дружным, рассчитанным на аудиторию преклонением перед Лениным и его трудами. Ленин доживал последние месяцы, и те, кому суждено было вскоре стать его преемниками, пытались употребить свою власть для упрочения законности прав на наследование. Им предстояло управлять партией без Ленина — но от его имени. Партия, таким образом, ставила перед собой задачу освятить и увековечить в Ленине то, что не могло стать добычей тления — его труды. Одним из шагов для достижения намеченной цели было учреждение в 1923 г. института, предназначенного для сбора и хранения ленинских рукописей.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

3 января 1923 г., в той же статье, помещенной в газете «Правда», Владимир Сорин, призывая к систематическому изучению ленинизма, предложил создать в Москве Институт Ленина, деятельность которого заключалась бы в сборе любых материалов о Ленине и подготовке изданий его сочинений. Институт, где хранился бы архив Ленина, должен был стать научным центром по изучению работ вождя. Таким образом, ленинизм и Институт Ленина явились порождением агитационно-пропагандистского отдела Московского партийного комитета. Возглавлявший этот отдел Владимир Сорин прекрасно сознавал важность превращения Ленина в политический символ.

В начале апреля 1923 г. Десятая конференция Московской партийной организации единогласно решила учредить в Москве Институт Ленина по случаю 25-й годовщины основания Российской коммунистической партии⁵⁴. Во главе Института встал Каменев, Председатель Московского Совета. Официальное открытие Института состоялось только в 1924 г., однако подготовительная работа началась летом и осенью 1923 г.⁵⁵ 8 июля 1923 г. Сталин, как секретарь ЦК, и Каменев, как глава Института Ленина, опубликовали в «Правде» обращение к читателям. Всех граждан, имевших у себя письма, записки и любые материалы, связанные с Лениным, просили передать их в Институт. Авторы обращения заверяли тех читателей, которые не желали расставаться с оригиналами, что они будут скопированы и возвращены владельцам. Бумаги можно было присылать даже в запечатанных конвертах — с указанием даты, когда разрешалось их вскрыть. Одновременно Центральный Комитет обратился к секретарям всех партийных комитетов с просьбой назначить ответственного работника, единственной обязанностью которого был бы поиск в архивах любых документов, так или иначе связанных с Лениным. Следовало делать копии, а сами оригиналы отсылать в Москву. Членам партии напоминалось, что «каждый клочок бумаги» с автографом или пометами Ленина может явиться существенным вкладом в понимание личности великого человека. Спус-

тя шесть недель об этом говорилось и в заметке Л.Каменева и А.Аросева, заведующего рукописным отделом Института: “Всякую бумажку, напечатанную на машинке, если под ней стоит подпись В.И.Ленина”, следует направлять в Институт⁵⁶.

К середине августа Институт получил большое количество искомых документов⁵⁷, однако родственный Институт Истории партии должной поддержки ему не оказывал. Сотрудники провинциальных филиалов этого учреждения требовали от местных администраторов направлять материалы не в Институт Ленина, но непосредственно к ним самим. Институт Ленина выступил с просьбой приостановить этот процесс и направлять все материалы в Москву⁵⁸. В конце августа Институт Ленина объявил о своем расширении. Началась подготовка к открытию музея Ленина, размещенного в одном здании с Институтом. В музее предполагалось сосредоточить значительное число фотографий и кинолент. Институт Ленина усиленно собирал также различные художественные изображения вождя — рисунки, картины, гравюры и бюсты⁵⁹. Планировалось также устроить в музее выставку подлинных рукописей Ленина.

Несмотря на важное значение, какое придавалось организации Института Ленина, деятельность его осложнялась финансовыми затруднениями⁶⁰. В сентябре почти все сотрудники Института работали на общественных началах. Однако вскоре положение изменилось: Институт Ленина, находившийся ранее под юрисдикцией Московского Совета, был передан в ведение Центрального Комитета партии. Каменев сохранил за собой пост директора Института; был образован Совет, в который первоначально вошли Сталин, Зиновьев, Бухарин, Аросев и Крупская⁶¹. На следующий день после обнародования состава совета «Правда» поместила статью, приветствовавшую передачу Института Центральному Комитету. В статье делалась ссылка на трудности, связанные с поиском ленинских материалов, и выражалась надежда на то, что авторитет ЦК будет способствовать упрочению Института⁶². О причинах подобной рокировки остается только гадать. Возможно, Каменев просил об этом ввиду недостатка средств, выделяемых для Института, который не обладал, по его мнению, необходимым престижем. Однако вполне логично предположить, что Сталин, сосредоточивший к тому времени в своих руках значительную власть, предложил Каменеву перейти под покровительство ЦК. Генеральный секретарь партии давно уже знал о безнадежном состоянии Ленина; по-видимому, он считал полезным сохранять контроль над учреждением, ведавшим за рождением ленинского культа.

Какова бы ни была причина этой организационной перемены, осенью 1923 г. Институт Ленина сообщил о том, что деятельность его развивается удовлетворительно. Редакционный отдел начал составление сборника документов под названием «К истории программы РКП». Публиковались также сборники речей о Ленине Бухарина, Луначарско-

го, Семашко и других. Наиболее важным начинанием была подготовка к печати полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина⁶³.

Продолжалась работа и над музейными экспозициями. Готовился к открытию зал, стены которого украшали фотографии вождя. Многие из этих снимков, относящихся к детству и юности Владимира Ульянова, известны теперь каждому советскому гражданину. Но в 1923 г. они являлись еще редкостью. Большинство фотографий, обнародованных до того времени, относились к послереволюционным годам, что вполне закономерно: существует обычная практика знакомить широкие массы населения с обликом главы государства посредством распространения его фотографий. Однако Ленин стоял на краю могилы, и изготовление его новых портретов было делом невозможным. Фотографии прошлых лет помогали составить целостное представление о жизненном пути вождя.

Музей располагал почти тремя сотнями экспонатов⁶⁴. Помимо фотографий, сюда включались плакаты с изображением Ленина, отдельные рукописи, копии рукописей, различные портреты, ручные изделия, вдохновленные образом вождя, и огромное количество поднесенных ему подарков. Некоторые подарки — преимущественно оружие и безделушки — были выставлены на обозрение в застекленной витрине посреди зала. Здесь находились также памятные вещи, связанные с церемонией открытия мемориальной доски у Кремлевской стены в 1918 г. Вспомним тогдашнее замечание Ленина, предложившего передать использованные им ножницы в музей⁶⁵. Ножницы были на месте: они хранились теперь в музее Ленина.

Любопытно, что подарки Ленину были включены в экспозицию музея, основанного с целью ознакомления трудящихся с личностью великого вождя. Предметы эти не обладали художественными достоинствами, и при отборе их ответственные лица руководствовались исключительно политическими соображениями: они должны были служить осязаемыми, вещественными подтверждениями народной любви к Ленину. Ленин получал множество подарков — как во время болезни, так и до нее. Как правило, подарки преподносились от организаций — от заводов, местных партийных комитетов, военных подразделений, школ. Часто дарили продовольствие или одежду.

Институт Ленина призван был координировать усилия по пропаганде личности и наследия вождя. В 1923 г. Институт являлся также центром агитационной кампании, направленной на поддержку *смычки* — союза рабочих и крестьян, на котором основывалась в период промышленного кризиса новая экономическая политика. Осенью 1923 г. в Москве была развернута гигантская сельскохозяйственная выставка-ярмарка. Ожидался приезд в столицу сотен тысяч крестьян, и специально для них организаторы подготовили пропагандистское новшество — первый ленинский уголок.

ЛЕНИНСКИЙ УГОЛОК

За четыре месяца до открытия выставки печать связала это событие с Лениным, опубликовав копию приветствия Ленина, написанного им собственноручно — неровным, хотя и разборчивым почерком⁶⁶. Факт подобной публикации — всего лишь спустя шесть недель после постигшего Ленина удара — не должен вызвать удивления: выставку предполагалось провести годом раньше, и письмо Ленина было написано в ноябре 1922 г.⁶⁷. Публикация письма в виде факсимиле призвана была подтвердить способность вождя к работе и, кроме того, связать его с предстоящим мероприятием.

Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка открылась 19 августа 1923 г. Ленин был прикован в Горках к постели неизлечимой болезнью, однако, несмотря на это, его присутствие на выставке должно было ощущаться всеми. Вот, к примеру, следующее свидетельство: “На главном партере выставки над красиво расположенными пальмами и морем гармонично разбросанных цветов возвышается сотканый из сотен тысяч живых растений портрет богатыря. Это — товарищ Ленин. Да, это он, Ильич, с его пронизательным, спокойным взором и чуть играющей на губах иронической улыбкой”⁶⁸.

По-видимому, это первая попытка создать портрет Ленина с привлечением необычного материала, а также придать образу вождя популярность развлекательными средствами. Согласно сообщениям, названный “портрет” имел среди рабочих и крестьян огромный успех.

Информация для приезжих была сосредоточена в Центральном Доме крестьянина, предназначенном для отдыха, проведения пропагандистских мероприятий и распространения агрономических сведений⁶⁹. Здесь комиссией ЦИК был устроен Ленинский уголок — выставка ленинианы, занимавшая несколько залов. Посетителей сопровождал экскурсовод, отвечавший на вопросы по поводу мемориальных свидетельств жизненного пути вождя⁷⁰. В Ленинском уголке было выставлено около 35 рисунков с изображением Ленина и различных эпизодов революции. Фотографий насчитывалось свыше двухсот — среди них были копии автографов, статей и других документов⁷¹. К открытию выставки была написана специальная биография Ленина, а также выпущены почтовые открытки с портретами Ленина в различные периоды его жизни⁷².

Ленинский уголок был ориентирован на восприятие крестьянина: идея его несомненно восходила к “красному углу” — тому углу русской избы, в котором помещались иконы. Уже само название — Ленинский уголок — должно было пробуждать в посетителях чувство благоговения. Бесспорно, мы имеем здесь дело с сознательной попыткой власти ис-

пользовать религиозную традицию для привлечения к себе политических симпатий трудового люда. Крестьяне легко могли перейти на сторону государства, которое отождествлялось с Лениным в привычной им форме. В пятую годовщину покушения на Ленина «Известия» писали: Ленинский уголок пользуется у приезжих крестьян такой популярностью, что залы пропахли “кожей, сермягой, махорочным чадом, сеном”⁷³. Устроители выставки усиленно проводили идею широкого распространения Ленинских уголков, пропагандируя ее и в печати. Выставка должна породить всеобщий энтузиазм и восхищение страной, где у власти стоят рабочие, писал один из авторов⁷⁴. Другой автор подчеркивал важную агитационную роль, которую играли фотографии и прочие виды художественного изображения — в особенности картины и рисунки, в изобилии представленные в Ленинском уголке: “Эта выставка окончательно подтвердила мнение тех партийных кругов, которые заявляют, что только художники-реалисты могут обслуживать новую Советскую Россию в ее новой фазе хозяйственного строительства. Перед крестьянином и рабочим, т.е. перед тем посетителем, для которого вся выставка вообще и Уголок Ленина в частности организованы, пройдет вся жизнь Ленина”⁷⁵. Подлинное значение Ленинского уголка в полной мере можно было оценить лишь позднее, когда повсеместно чтилась память о вожде, ставшем более знакомым и близким, нежели при жизни.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТА

Мифический образ Ленина как правителя Советской России принимал в лениниане тех лет различные формы. В период его болезни проверке общественным мнением подвергались политически выдержанные описания его личности, предназначенные для целей агитации и пропаганды. Этот процесс в особенности наглядно виден на примере популярных биографий Ленина, которые еще не носили стандартного, унифицированного характера: в них содержалось множество разночтений и отступлений от фактической точности, как случайных, так и преднамеренных.

В 1922 году Георгий Шидловский писал, что “еще при жизни самого тов.Ленина вокруг его биографии уже сплетается клубок мифа, сумбура головы трудящихся и сбивая с панталыку рядовых партийных масовиков-агитаторов”. Он жаловался, что в трех биографиях Ленина, взятых им из одной и той же районной библиотеки, содержатся три совершенно противоречащих друг другу указания на классовое происхождение отца Ленина. Авторы этих биографий, очевидно, чувствовали себя вправе измыслить по собственному желанию любую легенду⁷⁶. Выдумки не были простой авторской прихотью, но должны были отвечать политическим целям писавших.

Точно установить классовое происхождение Ильи Ульянова пред-

ставлялось особенно важным: в целом биографические данные Ленина вполне отвечали задачам советских историков. Дедушка Ленина по отцовской линии и в самом деле был бедняком. Это обстоятельство позднее всячески выпячивалось с тем, чтобы ближе соотнести образ вождя с идеалом героя-революционера.

Одна из популярных биографий Ленина, написанная в 1922 г. специально для детского чтения, настолько искажала факты жизни Ленина, что его старшая сестра, Анна Елизарова, сочла необходимым выступить с гневным опровержением⁷⁷. Она раздраженно указала на массу неточностей, обусловленных, по ее справедливому предположению, политическими мотивами. Неверно, пишет она, что директор Симбирской гимназии Керенский препятствовал награждению Владимира Ульянова золотой медалью ввиду казни его брата Александра. Керенский, напротив, не только способствовал получению этого отличия, но и написал также от своего имени характеристику с чрезвычайно высокой оценкой способностей Владимира, “местами грешившую даже против истины”⁷⁸. Неверно, что Владимир Ильич испытывал антипатию к сыну Керенского Александру. Последний учился тогда в младших классах и вряд ли мог чем-либо заинтересовать Владимира. “Вся эта легенда приведена для того, чтобы сказать, что Керенский ‘не понравился Владимиру Ильичу тридцать лет спустя’”. Неверно, что Владимир Ильич читал Маркса вместе со своим старшим братом. Александр ознакомился с «Капиталом» в возрасте двадцати лет; Владимиру было тогда шестнадцать и он марксистской литературы еще не читал.

Сестра Ленина настороженно отнеслась к первым признакам зарождения культа. Она полагала вполне правомерным изображение Ленина в качестве политической фигуры, однако не видела ни малейшей необходимости извращать обстоятельства его личной жизни. От ее внимания не ускользнул и юмористический оттенок данной попытки прославления Ленина. Она обращалась к читателям с просьбой взвесить реалистичность утверждения автора биографии, согласно которому “Ленин пишет множество брошюр и книг (и книг!!) по каждому государственному предприятию”.

Во время болезни Ленина о нем писались вещи, считавшиеся тогда вполне уместными и приемлемыми, однако по позднейшим меркам они выглядят странно и даже рискованно. Ленина превозносили в печати на все лады, и хотя комплиментарные тексты подвергались более строгой цензуре, чем дифирамбы эпохи гражданской войны, авторская индивидуальность проявлялась в них более заметно — по сравнению с тем, что говорилось о вожде после его смерти.

Развитие культовых тенденций хорошо заметно на истолковании отношения Ленина к детям. Ныне всем известна любовь Ленина к младшему поколению: на многих картинах он изображен среди веселящейся на лоне природы детворы. В 1922—1923 гг. по этому поводу высказывались, однако, и другие мнения. Луначарский писал, что Ленин лю-

бил детей, но искал в общении с ними лишь способ развлечься; он мог играть с детьми и кошками “целыми часами”⁷⁹. Михаил Кольцов также упоминает о пристрастии Ленина к детям и кошкам⁸⁰. В статье, опубликованной в «Известиях» в тот же день, что и официальное извещение о постигшем Ленина 9 марта 1923 г. ударе, нарком здравоохранения Семашко писал, что Ленин, как и все великие люди, равнодушен к детям. К детям он находил особый подход — и дети самого Семашко его “боготворили”⁸¹. Однако Лепешинский заявляет — и не где-нибудь, а в сборнике статей и стихов о Ленине, изданном комсомольской организацией — следующее: “Кстати сказать, Владимир Ильич, если не ошибаюсь, не очень-то долюбивал маленьких детей, т.е. он всегда любил эту сумму загадочных потенциальных возможностей грядущего уклада человеческой жизни, но конкретные Митьки, Ваньки и Мишки не вызывали в нем положительной реакции. Мне кажется, если бы его привели в школу, где резвятся восьмилетние малыши, он не знал бы, что с ними делать, и стал бы искать жадными глазами свою шапку. Поскольку его всегда тянуло поиграть с красивым пушистым котенком (кошки — это его слабость), постольку у него нет ни малейшего аппетита на возню с двуногим “сопляком” (извиняюсь за не совсем изящное выражение)”⁸². Далее автор описывает, что Ленина раздражало присутствие дочери Лепешинского, высмеивавшей его лысину⁸³. Позднее подобное замечание, разумеется, не могло быть включено ни в одну антологию, подготовленную коммунистическим издательством.

За период болезни Ленина в коммунистической печати появился, тем не менее, целый ряд довольно безапелляционных высказываний. Весьма примечателен помещенный в харьковском сборнике отрывок из книги Б.Горева «От Томаса Мора к Ленину», вышедший пятью изданиями в 1922—1924 гг. Горев анализирует свойства Ленина как революционного вождя и выносит его талантам вполне справедливую оценку. Он указывает на организаторский дар Ленина и на свойственное ему острое чувство истории. Кроме того, продолжает Горев, Ленин обладает способностью, незаменимой для лидера партии, возглавляющей массы: “Это свойство — искусство ‘социального гипнотизма’, т.е. умение так воздействовать устной и печатной речью на разум и волю масс, что эта воля подчиняется воле вождя... Ленин соединяет в себе глубокий революционный энтузиазм и даже фанатизм с холодным политическим расчетом, доходящим до последовательного применения принципа “цель оправдывает средства”⁸⁴. Оценка довольно верная, однако назвать ее лестной нельзя.

В харьковский сборник вошли также статьи с редакционной правкой, нацеленной на превращение Ленина в более положительную фигуру, которая могла бы служить примером для молодежи. Из текста воспоминаний Луначарского, написанных в 1919 г. и перепечатанных в 1923 г. в назидание комсомольцам, изъята фраза: “Я никогда не скажу, что Ленин был трудолюбив, мне никогда... не приходилось видеть

его углубленным в книгу или согнувшимся над письменным столом”⁸⁵. Если особенно важной задачей представлялось изобразить Ленина образцом для подражания со стороны детей, то прилежание должно стать существеннейшей чертой его морального облика.

Бессмертие пришло к Ленину раньше смерти. Летом и осенью 1923 г. он вновь учился говорить, медленно, с мучительными усилиями. Вся Россия сузилась для него до живописного имения в Горках, по которому его возили в плетеном кресле. Однако страна видела в Ленине могучее олицетворение Коммунистической партии. Отсутствие живого вождя способствовало зарождению его культа. О сохранности рукописей Ленина пеклось государство, учредившее Институт Ленина; Ленинский уголок сельскохозяйственной выставки служил моделью для воспроизведения его в будущем, представленные там фотографии изображали жизненный путь вождя в идеализированном виде. Стихийное преклонение перед Лениным, вызванное в 1918 г. покушением на его жизнь, уступило место сознательной манипуляции его именем в политических целях, которые преследовались партийными чиновниками. В борьбе за власть, начавшейся в 1923 г. — “дележке шкуры неубитого медведя”, как гласит русская пословица — каждый из пресмников Ленина старался выдать себя за истинного ленинца. Партия и правительство стремились укрепить политическую стабильность и сохранить за собой власть, гарантом которой они считали Ленина. Сами партийные вожди немало содействовали конструированию образа Ленина как персонализации большевистского режима и желали теперь опираться на подобное тождество, видя в нем залог прочности собственных полномочий на управление Россией в отсутствие главного вождя. Постоянно ссылаясь на Ленина и клянясь его именем, партийные вожди планомерно внедряли в народное сознание смысл и суть созданного ими идеализированного образа.

Школы, фабрики, шахты, колхозы и деревни получали имя Ленина: оно давалось не просто в честь вождя, но и для воодушевления местных коллективов. Трудящиеся предприятий, названных именем вождя, должны были проникнуться решимостью стать такими же стойкими и сильными, как Ленин. Мы теперь не Симоновка, якобы заявил один их жителей переименованной деревни, мы теперь — Ленинка, и потому должны быть сильными⁸⁶. Это приравнивалось к положению избранных: велики были привилегии, но велика и возлагаемая ответственность. “Ты помни, что носишь имя Ленина”, — предупреждала надпись над входом в военную школу физической культуры имени Ленина⁸⁷.

Мифический Ленин был неиссякаемым генератором силы и энергии. В последний год жизни Ленин иногда уподоблялся источнику энергии, который он желал внедрить в России — электричеству; точно так же святые соотносились церковью с целительными источниками, открытыми ими чудесным образом. В ноябре 1923 г. одна из коммун,

где была проведена электрификация, назвала электрические лампочки “лампочками Ильича” и благодарила Ленина за дарованное новшество⁸⁸.

Статус Ленина-мученика был официально подтвержден в пятую годовщину покушения, которое рассматривалось как событие, породившее эмоциональную связь между вождем и народом. В августе 1923 г. Зиновьев писал: “Как мать еще более горячо любит сына после постигшей его большой опасности, так страна наша — да и рабочие всего мира — еще больше, еще беззаветнее полюбили Владимира Ильича после той опасности, которая угрожала ему в первые дни сентября 1918 года”⁸⁹. В статье, напечатанной в «Правде» 30 августа, вновь проводилось различие, впервые указанное Львом Сосновским в 1918 г. между Лениным — бессмертным вождем и Ильичем — человеком: “В.И. Ульянов-Ленин — грозный глава республики-победительницы, и Ильич — простой близкий старший брат”⁹⁰.

В шестую годовщину революции Ленин изображался совершенной абстракцией, вечной и всеобъемлющей:

“Ленин — это не только название любимого вождя, это — программа и тактика... и философское мирозерцание.

Ленин — это ненависть, пламенная ненависть к угнетению и эксплуатации человека человеком...

Ленин — это торжество чистого разума, не признающего никакой мистики.

Ленин — это... отрицание всяких компромиссов, всяких полумер...

Ленин — это бесконечное увлечение наукой и техникой... символ электрификации... отрицание всякой веры, кроме веры в неминуемое торжество труда над капиталом, всемогущей машины над мертвой природой... Все проблемы находят в этом имени свое решение...

Если правда, что красота состоит в контрастах, то Ленин — высшая красота на свете, ибо он — воплощение кажущихся противоречий, ибо Ленин — это динамика и диалектика пролетариата...

Ленин — это страдание за идею; это истечение кровью за пролетариат; это борьба при самых невыносимых условиях, без хлеба, без воды, без света и без белья, борьба против целого мира вооруженных до зубов врагов...

Ленин — это символ разрушения... всяких ценностей для достижения победы; но это и символ восстановления хозяйства...

Ленин — это единая коммунистическая партия Красного Земного шара.

Да здравствует же т. Ленин!”⁹¹

Бессмертный Ленин спешил сменить на посту ослабевшего Ильича.

Но Ленин-человек не сдавался смерти. Он упорно боролся, преодолевая последствия паралича, однако улучшение наступало слишком медленно. К январю 1924 г. он едва мог осилить произношение односложных слов. Крупская часто пыталась развлечь больного мужа чтением вслух. 19 января 1924 г. она читала ему рассказ Джека Лондона

«Любовь к жизни». Рассказ описывает злоключения золотоискателя, оказавшегося в снегах Канады. У героя растянута лодыжка, он брошен товарищем, у него нет пищи; невзирая на мучительную боль, он ковыляет через заснеженные просторы к берегу, где его ждет корабль. Полубезумевший от голода и боли, он тем не менее неуклонно приближается к цели. Остается совсем немного — но тут появляется голодный волк и преследует путника, ожидая его смерти. Недалеко, всего в нескольких милях, виднеется берег Атлантического океана, однако силы покидают героя — и он падает в снег. Волк, сам едва живой от слабости, нападает на него, однако человек одерживает верх, пьет горячую кровь зверя — и теряет сознание. Матросы с корабля замечают его, находят и спасают. Рассказ очень понравился Ленину. Хотя за время своей продолжительной болезни Ленин переживал приступы депрессии и нередко плакал⁹³, в целом он отличался такой же мужественностью, что и герой рассказа Лондона. Он был полон решимости выиграть схватку со смертью.

В тот же день 19 января, когда Крупская читала Ленину рассказ Лондона, Михаил Калинин, председатель ВЦИК, открывал Одиннадцатый Всероссийский съезд Советов в Москве. Владимир Ильич борется с болезнью, сказал он, однако “уже заметны просветы конца его долгой, тяжелой борьбы с болезнью”. Голос из зала выкрикнул: “Да здравствует вождь мирового пролетариата товарищ Ленин!” Последовали возгласы “ура”!⁹⁴

Через два дня, 21 января, Ленина поразил новый, еще более сильный удар. После полудня начались судороги, резко подскочила температура, и он потерял сознание. В 6.50 вечера Ленин скончался.

СТРАНА В ТРАУРЕ

Внезапная кончина Ленина потрясла даже тех, кто давно уже мог ее ожидать. Во вторник 22 января 1924 г. отмечалась девятнадцатилетняя годовщина Кровавого воскресенья. Известие о смерти Ленина не попало в утренние газеты, и поэтому, когда Калинин попросил встать с мест делегатов Одиннадцатого Съезда Советов, собравшихся в Большом театре, они сочли, что им предлагается почтить память жертв 9 января. Оркестр заиграл траурный марш, но он тут же оборвался. “Товарищи, — начал Калинин, — я должен сообщить вам ужасную новость. Здоровье Владимира Ильича...” В зале послышались испуганные возгласы. Здоровье Владимира Ильича, продолжал Калинин, в последнее время улучшалось, однако вчера с ним случился удар, от которого он скончался. Делегаты разразились рыданиями¹. “Чувствительный славянский темперамент тотчас же дал о себе знать, — писалось в газете «Нью-Йорк Таймс». — В этот роковой момент чудовищный всплеск истерии казался неминуемым”. Однако А.С.Енукидзе, член президиума ВЦИК, волевым тоном потребовал тишины, и Калинин смог продолжить свою речь².

От имени президиума съезда Калинин предложил объявить 21 января днем траура. Резолюция была принята единодушно: по залу прокатился горестный стон³. Калинин оказался не в силах взять себя в руки и огласить подробности предстоящих похорон; Зиновьев, Каменев и другие члены президиума, “уронив головы на стол, плакали как дети”. Делегатам сообщили, что члены президиума в сопровождении других лиц наутро специальным поездом отправятся в Горки, с тем, чтобы доставить тело покойного в Москву, где оно будет выставлено для прощания вплоть до дня похорон, которые должны состояться в следующую субботу⁴. Оркестр сыграл траурный марш — и заседание на этом закрылось.

Весть о кончине Ленина быстро облетела Россию по телеграфу. В некоторых городах людей сзывали посредством примечательным образом осовремененного способа оповещения: если раньше при важных событиях ударяли в набат, то теперь, после революции, его заменяли фабричные сирены. В Москве специальные летучие выпуски газет «Правда», «Известия» и «Рабочая Москва» с официальным извещением о смерти Ленина раздавались на перекрестках и вывешивались на стенах партийных и правительственных учреждений. Зимой смеркается

рано, к тому же ударили морозы, но люди собирались группами, вчитываясь в газетные полосы. Фальшивый оптимизм недавних печатных сообщений о ходе болезни вождя дезориентировал общественность, и случившееся многих застало врасплох.

Смерть Ленина явно и резко обострила политический кризис, наиболее серьезный из тех, с какими сталкивались большевики со времени окончания гражданской войны. Ленин, даже в период болезни, являлся главным гарантом законности новой власти, освящавшим политику партийных лидеров. Теперь они оказались предоставленными сами себе. “Буквально миллионы задали себе вопрос, как мы справимся завтра без него”⁵. Наверняка могли начаться беспорядки, а то и вспыхнуть гражданская война. Что, если поднимется крестьянство — из опасения, что будет отменен НЭП? Что, если после ухода Ленина потребуют себе власти профсоюзы и оппозиционные группировки в партии? Были также основания опасаться того, что смерть Ленина ослабит Советскую Россию в глазах государств Запада, во многих из которых ожидали скорого и неминуемого краха советской системы.

Наследники Ленина откликнулись на политический кризис широкой пропагандистской кампанией, направленной на мобилизацию населения: кончина вождя стала поводом для раздувания культа его памяти. В этот процесс предстояло вовлечь возможно большее число советских граждан, а траурные церемонии сделались прообразом культовых ритуалов 1920-х гг. Ставилась задача укрепить политическую стабильность, воспитать в народе лояльность по отношению к власти, которая отныне правила Россией от имени Ленина.

Страна немедленно погрузилась в глубокий траур. Целую неделю печать посвящала свои страницы исключительно материалам о Ленине. Театры и прочие увеселительные заведения были на неделю закрыты. Все учреждения прекратили работу, за исключением магазинов, торговавших черной и красной материей, а также портретами Ленина. Эти портреты, окаймленные траурным крепом, мгновенно появились в бесчисленных окнах. На каждой фабрике, в каждой школе, во всех коллективах состоялись многолюдные митинги: собравшиеся не жалели ни времени, ни средств для того, чтобы почтить память Ленина и выразить готовность следовать его заветам.

22 января 1924 г., в 3.30 утра, Центральный Исполнительный Комитет образовал комиссию по организации похорон Ленина. Обеспечение политической стабильности было ее главной задачей: это очевидно из назначения главой комиссии Феликса Дзержинского, председателя ЧК⁷. Основная тяжесть работы легла, однако, на плечи В.Д.-Бонч-Бруевича: длительное изучение им сектантства, несомненно, способствовало выработке им простого, но выразительного траурного церемониала, отвечавшего запросам русского религиозного чувства⁸.

Комиссия по организации похорон расположилась в московском Доме Союзов. Для прощания с покойным был выбран просторный и

богато украшенный Колонный зал⁹. Белые колонны были увиты широкими черно-алыми полосами. Знамена в знак траура были приспущены. Алые ленты и надписями развевались подобно языкам огня. Светильники были занавешены черным крепом, и сотни ламп, мерцавших сквозь темный покров, придавали залу мрачный, призрачный вид. Через весь зал от входа был протянут красный бархатный ковер¹⁰.

Во вторник 22 января Центральный Комитет в полном составе и другие члены партии и правительства отправились в Горки отдать последний долг усопшему вождю. Весь этот вечер и всю ночь первый, никем не назначенный почетный караул нес вахту у тела Ленина. Сменяясь, друзья и соратники стояли навтыжку у ложа, на котором покоился Владимир Ильич. Партийные и правительственные делегации оставались там до рассвета, беседуя и предаваясь воспоминаниям¹¹.

Множество крестьян, некоторые из самых отдаленных деревень, явились в Горки поклониться Ленину. День был морозный, метельный — и крестьяне являлись в овчинных тулупах, засыпанных снегом. Многие падали на колени — никто их не останавливал. Некоторые кланялись в пояс или отвешивали земные поклоны. Выходя, у порога комнаты они оборачивались и кланялись снова. Сотни пришедших явились по зову сердца, услышав переданную из уст в уста печальную весть. “Ведь он наш, Ильич-то, — говорит старый крестьянин, — за крестьянство страдал, ну вот и кончина его праведная, легкая... без муки... сел... дайте, говорит, испить... тут в одночасье и кончился”¹².

Наутро в 6.00 из Москвы в Горки отбыл траурный поезд вместе с большой делегацией Одиннадцатого Съезда Советов. Путь занял сорок пять минут. Было еще темно, однако у ворот собралась толпа ожидающих выноса тела. Ленин лежал у себя в комнате наверху на задрапированном столе, в окружении цветов и еловых веток. В 10.00 тело Ленина поместили в гроб, обитый красным сукном, подложив ему под голову красную подушечку. Затем гроб спустили вниз по лестнице и закрыли стеклянной крышкой. Далее — в полном молчании — Степков, Бубнов, Красин, Бухарин, Зиновьев и Каменев на руках доставили гроб к железнодорожной станции Герасимовка¹³. Вдова Ленина и его сестры шли рядом. Шествие продолжалось около часа. На станции гроб внесли в поезд, сопровождающие разместились по вагонам. Локомотив, задрапированный красной и черной тканью, медленно тронулся в путь, оставив за собой толпу людей с непокрытыми, несмотря на гучий холод, головами.

Москва с раннего утра готовилась к прибытию траурного поезда. Маршрут следования процессии к Дому Союзов был оцеплен войсками. Всюду толпились зрители: на улицах, в переулках; люди взбирались на крыши домов, торчали на балконах, высовывались из распахнутых окон. Один американский наблюдатель заметил, что в тот день “Москва сделалась военным лагерем... Я проехал в санях до вокзала по улицам между плотными рядами пехоты”¹⁴. В тот январский день тем-

пература воздуха опустилась ниже сорока градусов. Чтобы согреться, солдаты и народ складывали из бревен костры, и предполагаемый путь следования был размечен яркими столбами огня и густыми клубами дыма.

Прибытие траурного поезда на Павелецкий вокзал ожидалось в час дня. К этому времени на станции собралась огромная толпа. Здесь было много представителей партии и правительства, а также Коминтерна — из числа оставшихся в Москве; к ним присоединились делегации рабочих и посланцы от различных организаций. Поезд подошел к перрону точно по расписанию, и оркестр заиграл траурный марш. Головной вагон остановился у знамени Коммунистической партии, увитого крепом и приспущенного в знак траура. Все головы были обнажены, несмотря на жестокий мороз, редкий даже для Москвы¹⁵. Из вагона вышли члены партии и правительства вместе с сопровождающими лицами. Вынесли венки, преимущественно из еловых веток. Гроб, обитый красным и засыпанный цветами, вынесли на руках Калинин, Бухарин, Томский, Каменев, Сталин, Рудзутак, Зиновьев и Рыков¹⁶.

Процессия медленно двинулась по направлению к Дому Союзов. Впереди несли венки, за ними — знамена с черным крепом. Далее следовал оркестр. За гробом шли его вдова, сестры и другие родственники. Процессия казалась нескончаемой. Вслед за почетным караулом шли видные партийные и государственные деятели, представители военного командования и многочисленные рабочие делегации. Замыкал шествие военный эскорт. Играла траурная музыка. Москвичи толпились на всем протяжении пути; некоторые держали в руках портреты умершего вождя, другие — плакаты с лозунгами, ставшими впоследствии привычными: “Умер Ленин, но дело его живет” и “Ильич жив в сердцах рабочих”. У Москворецкого моста с аэропланов были сброшены листовки с выражениями скорби¹⁷.

По прибытии к Дому Союзов кортеж встретил двойной почетный караул. Под звуки траурного марша гроб перенесли внутрь здания. Тело Ленина поместили на возвышении, задрапированном красной тканью и окруженном белыми лилиями и пальмами в горшках. Ноги Ленина были укрыты расшитым золотом знаменем ЦК партии, тело окутывало знамя Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов. На груди Ленина был приколот Орден Трудового Красного Знамени, который при жизни он никогда не носил. Обнаженная голова покоилась на белой подушке.

Как только гроб занял свое место на возвышении, вокруг него встал новый почетный караул, состоявший из членов ЦК, президиума ЦИК, Совнаркома и других видных деятелей партии и правительства. Почетный караул сменялся каждые десять минут. В первые часы для прощания с телом покойного допускались лишь немногие — ближайшие друзья и родственники Ленина. Для входа в Дом Союзов требовался пропуск¹⁸. В 7.00 вечера двери зала открылись для всех.

ПРОЩАНИЕ С ПОКОЙНЫМ

Традиция прощания с телом покойного перед погребением существует во многих обществах. Однако в России до правления Петра Первого царей и князей хоронили почти сразу после смерти — иногда в тот же самый день или на следующий. Заупокойное поминовение, впрочем, продолжалось в течение сорока дней¹⁹. Петр Великий был первым российским монархом, похороненным по европейскому обряду. Петр сам ввел в российский обиход общепринятую тогда погребальную церемонию, обставленную с большой пышностью. Тело монарха окружали экзотические растения и венки, нередко изготовленные из драгоценных металлов. Почетный караул в причудливой военной форме охранял тело усопшего, пока мимо него проходили вереницы простых людей, отдавая покойному последнюю дань. В эти минуты между царем и народом устанавливалась самая близкая и тесная связь; беднейший из подданных мог взирать на царя-батюшку и целовать его руку. На одно мгновение живой крестьянин делался могущественнее мертвого властителя.

Прощание с Лениным проходило в гораздо более скромной обстановке. Молчали церковные колокола, у гроба не стояли разодетые воины со шпагами, усыпанными алмазами. И все же прощальная церемония во многом напоминала прошлое. Колонный зал в изобилии украшали пальмовые ветви (первоначально символизировавшие мученичество Христа); школы, фабрики и другие организации посылали венки в таком количестве, что их время от времени приходилось переправлять в Кремль²⁰. Центральная печать поощряла читателей к отправке венков тем, что ежедневно публиковала имена направлявших венки организаций и отдельных лиц.

Скорбящие не целовали руку Ленина, однако прощание с его телом было задумано с явной целью установить эмоциональную связь между народом и покойным вождем. Цифры называются различные, но вполне вероятно, что между 23 и 26 января у гроба Ленина перебивало свыше полумиллиона людей²¹. У входа приходилось выстаивать часами на лютном морозе. Близ длинных очередей пылали костры. Поток скорбящих не убывал ни днем, ни ночью. Сначала к помосту с гробом пропускали по одному, но ввиду слишком медленного продвижения очереди разрешено было входить троим каждую минуту.

У входа в здание были вывешены приспущенные знамена. Вошедшие безмолвно шествовали по длинному коридору, затем поворачивали в Колонный зал. Помост с телом находился в самом центре зала. Крупская почти не покидала своего места у гроба. Участники почетного караула стояли по краям гроба совершенно неподвижно, устремив взгляд прямо перед собой. «Я в жизни не видел таких каменно застывших фигур. Никто из них ни разу не моргнул — и, казалось, они со-

всем не дышат”, — писал корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» Уолтер Дюранти²². Поначалу почетный караул сменялся каждые десять минут. Желаящих, однако, оказалось так много, что число участников удвоили, а позднее довели до двадцати четырех. Но и этого было недостаточно, и поэтому караул сменялся каждые пять минут и, под конец, каждые три минуты²³.

Обстановка в Колонном Зале способствовала взвинчиванию эмоций. Время от времени оркестр играл траурный марш Шопена и другие скорбные мелодии. Однако аромат лилий, яркие цвета знамен, горящие светильники, странная неподвижность почетного караула, восковое лицо усопшего создавали атмосферу нереальности — тем более, что большинство вошедших попадало в это средоточие скорби, где благоухали цветы и в полумраке лилась приглушенная музыка, после того, как провели долгие часы на морозе и во тьме. В Москве в январе солнце показывается редко. Эффект был ошеломляющим. Множество людей падало в обморок — их уносили на заранее подготовленных носилках²⁴.

Почему же сотни тысяч людей подолгу ждали, терпя пронизывающую до костей стужу, нередко под свист метели, ради того, чтобы взглянуть на Ленина? Один западный наблюдатель назвал колоссальные потоки скорбящих “посмертным выражением преданности”, демонстрацией лояльности режиму²⁵. В определенной мере инициатива была организована сверху. День за днем печать описывала прощание с вождем, и все новые коллективы направляли своих представителей в Колонный Зал. Валентинов, побывавший у гроба, увидел в происходящем проявление российского отношения к смерти и свидетельство неподдельной народной любви к вождю: “В течение трех дней сотни тысяч людей непрерывным потоком шли к гробу “проститься с Лениным”. Шли и днем, и ночью. Холод, мороз стоял нестерпимый, люди зябли, простуживались и все-таки стойко целыми часами дожидались очереди пройти к гробу. Мне кажется, что у русского народа есть гораздо большее, чем у других народов, особое мистическое любопытство, какая-то тяга посмотреть вообще на труп, на покойника, на умершего, в особенности, если покойник тем или иным выделялся из общего ранга. В паломничестве к гробу Ленина было и это любопытство, но несомненно было и другое чувство: засвидетельствовать перед покойником свое к нему уважение, любовь, признательность или благодарность”²⁶.

Печать всячески подчеркивала народную скорбь. В особенности много и красноречиво писалось о безмерности горя, постигшего трудящихся. Никто еще не скорбел так глубоко, писал Калинин. Смерть Ленина — это личная трагедия, мучительная для каждого. Человечество никогда еще не переживало столь горькой утраты²⁷. Калинин вторил Зиновьев: смерть Ленина камнем легла на сердце, “нечеловечески тяжело. Никто никогда не переживал таких жутких минут”²⁸. На ми-

тингах в дни траура рабочие также говорили о безграничности своей печали о Ленине: “Безмерно и беспредельно наше горе. Бессильны наши слова, чтобы выразить нашу скорбь”²⁹. В бесчисленных газетных статьях отмечалось, что многие плакали открыто, тщетно пытаясь удержать слезы. Женщины были еще менее сдержанны: их всхлипывания и рыдания служили звуковым фоном едва ли не каждого собрания, на котором они присутствовали³⁰. Еще более драматические сцены разыгрывались, когда даже сильная воля закаленных мужчин уступала чувству непереносимой скорби. Зиновьев описывает финского революционера, бывшего телохранителем Ленина после июльского восстания: “В минуту величайшей опасности ни один мускул ни разу не дрогнул у него на лице. Сейчас он бледен, как смерть. И — тщетно прячет слезу”³¹. Взрослые плакали навзрыд, словно малые дети³².

Скорбь, пробужденная смертью Ленина, была, вероятно, отчасти вызвана другими обстоятельствами. Прощание с покойным в Москве и траурные церемонии в других городах, несомненно, являлись разновидностью катарсиса для людей, переживших трагическое десятилетие — войну, революцию, гражданскую смуту, голод и эпидемии. Смерть Ленина стала поводом для первого общенационального ритуала оплакивания после всех тяжелых испытаний минувших лет. Общество захлестнула волна истерической горести, подогреваемой открытым доступом к телу покойного вождя и траурными церемониями, которые проводились по всей стране. Культ Ленина, распространившийся по городам и весям России в 1924 г. имел целью увековечить народную скорбь о постигшей страну утрате; этим во многом и объяснялся достигнутый властями успех, поскольку вызываемые чувства отвечали действительному душевному состоянию советских граждан, перенесших долгие и мучительные страдания.

Однако охватившая народ печаль свидетельствовала также и о неподдельной привязанности масс к покойному вождю. Вряд ли возможно с точностью определить, какую роль играл здесь стихийный выплеск традиционной российской преданности властителем, насколько повлияло на умы искусное политическое руководство Ленина, привлекавшее к нему широкие симпатии, и насколько существенным оказался культ Ленина, планомерно складывавшийся с 1918 г. и поставивший его личность в центр все более возрастающего внимания общественности. Несомненно одно: образ Ленина использовался большевистским режимом для собственных политических целей — уже после ухода из жизни самого вождя.

Именем Ленина руководство страны мобилизовало народ на поддержку своей политики. Смерть Ленина — вместо того, чтобы ослабить партию, — служила предотвращению политической нестабильности. Во главу угла ставилась агитация. Комиссия по организации похорон образовала Агитационную комиссию, в обязанности которой входил контроль над ускоренным производством и распространением плака-

тов, листовок и брошюр³³. Вышло в свет множество изданий, содержащих фотографии Ленина и описания его жизни и деятельности. Уже к утру 24 января Агитационная комиссия направила в различные районы Советского Союза сотни тысяч плакатов, брошюр, листовок и других печатных материалов³⁴. Большая часть ленинианы была предназначена специально для похорон. Десятки тысяч плакатов и кратких биографий раздавались бесплатно. Для участников траурных процессий было выпущено полмиллиона значков с изображением Ленина³⁵. Имя вождя встречалось повсюду, портреты его наводнили всю страну.

Однако традиционных методов агитации оказывалось недостаточно: политическая ситуация была все еще неясной. Необходимо было отыскать средства для упрочения непосредственного контроля над населением. В Москву к телу покойного собирались огромные толпы. В каждом городе (не исключая Москвы) созывались траурные митинги для того, чтобы почтить память ушедшего из жизни вождя. Такие митинги служили основным (и желательным для властей) способом выражения сочувствия со стороны трудящихся масс и демонстрации их солидарности с правительством. Партийная печать подчеркивала важность подобных собраний, сообщая о них со всеми подробностями. Описание эти являлись также своеобразными инструкциями для неосведомленных устроителей относительно того, как именно эти собрания должны проводиться.

Чаше и обстоятельнее всего сообщалось о митингах рабочих на заводах и фабриках. Собраний проводилось так много, что в продолжение траурной недели работа на ряде предприятий почти прекратилась. Поощряя траурные мероприятия, власти устанавливали приоритет ценностей. Все знали, как важно трудиться, но Ленин был еще важнее.

Первый культовый ритуал

Траурные митинги обычно начинались с выступления рабочих. “Бессильны наши слова, чтобы выразить нашу скорбь”, — воскликнул рабочий на митинге петроградских металлистов. Речь его продолжалась так: “Вечная память великому, незабвенному вождю и учителю!

Да здравствует его первенец — Российская Коммунистическая Партия!

Да здравствуют ленинские партии во всем мире!

Да здравствует зажженная великим вождем всемирная большевистская революция!”³⁶

Иногда в тоне выступающих звучали предостерегающие нотки. Готовые излить свою скорбь, они все же опасались, что их могут счесть слабыми. “Потеря огромная, но мы не плачем, у нас нет слез. Мы не слюнявые мещане”. Мы — революционеры, напоминали выступавшие, и как революционеры клянемся выполнять ленинские заветы³⁷.

Некоторые резолюции отражали профиль организации, на собраниях членов которой принимались. Собрание артистов и служащих петроградских зрелищных предприятий к примеру, направило Петроградс-

кому Совету следующую телеграмму: “Мы, работники Петроградских Государственных театров и цирка, объединенные общей печалью со всеми трудящимися, обещаем напрячь все силы, чтобы театр и искусство в Ленинграде стало верным товарищем и помощником рабочего класса”³⁸. Студенты собирались на митинги в высших учебных заведениях, и почти в каждой школе так или иначе чтили память вождя. На одном из таких собраний было решено, что учащиеся дадут торжественное обещание поставить все знания, полученные ими в классе, на службу интересов рабочего класса³⁹.

Дидактическое назначение траурных митингов особенно ярко проявлялось, когда выступали дети. Чувство пионеров, членов детской коммунистической организации, хорошо выражены в словах воспитанника детдома в Петрограде: “Мы, юные пионеры отряда им. дедушки Ильича при детском доме, клянемся над прахом нашего дорогого Ильича, что будем подготавливаться к той тяжелой и упорной работе, которая нас ждет в будущем. Мы будем также неустанно работать на пользу рабочего класса, как работал дедушка Ильич... Спи спокойно, дорогой дедушка! Знай, что юные пионеры готовятся к осуществлению в жизни твоих заветов”⁴⁰.

Выступления в армии отличались непримиримой воинственностью. На митинге в 20-й армейской дивизии клялись теснее сомкнуть ряды вокруг Российской Коммунистической партии и отстоять Советскую власть. Врагу военные заявляли: “Собрание шлет проклятие партии с. р., которую считает виновницей преждевременной смерти Владимира Ильича”⁴¹. Те же гневные интонации звучат и в “Проклятии предателей”: “Весь коллектив рабочих и служащих Ромодановского кооператива проклинает тех, кто предает интересы рабочего класса и от чьих рук пал Ленин. Пусть эти свиньи знают, что они убили тело Ленина, но не его священное наследие”⁴². Все те, кто оповещал общественность о кончине Ленина, совершенно недвусмысленно указывали, что Ленин умер естественной смертью⁴³. Однако обвинения в убийстве, бросаемые политическими противниками Ленина, были эффективной мерой для достижения политической стабильности и установления контроля над ситуацией. Народ следовало побудить к лояльности разжиганием ненависти к “врагам государства”.

Необоснованные обвинения, хотя и не слишком характерные для траурных речей, все же симптоматичны в качестве предвестия манеры поведения, обозначившейся позднее: явно беспочвенные, иррациональные декларации призваны были служить доказательством лояльности. Публично заявленная неправда могла восприниматься как показатель готовности исказить правду в интересах дела. Нелепость обвинений была тем полезней, чем выразительней она обрисовывала чудовищный об-

*За невыявленностью источника данной цитаты приводится обратный перевод с английского. (Прим. переводчика).

лик предполагаемых врагов. Подобный прием вполне согласовался с тактикой, существовавшей уже с первых дней революции: валить вину за все происшедшее на врага.

Наряду с выражениями горя⁴⁴, предупреждениями и угрозами собирались пожертвования, давались клятвы, выносились решения. Чаще всего деньги предназначались на строительство памятника Ленину — либо где-то в городе, либо на том же месте, где проходил митинг. Например, в Кронштадте матросы заявили о своем намерении воздвигнуть вождю памятник на собственные средства. Первейшей задачей специального комитета Балтийского флота был сбор денег на бюст Ленина для флотского “зала революции”, где Ленин однажды выступал с речью⁴⁵. На митинге учащихся петроградских ремесленных школ было решено собрать средства для постройки памятника. Музей Ленина и библиотека его имени должны были быть учреждены в каждой школе⁴⁶. Всюду собирали деньги для Ленина — на венки, на памятники, на бюсты. Директора всех театров в Петрограде приняли решение установить в каждом фойе бюст Ленина⁴⁷. Учебные заведения организовали сбор средств для специальных ленинских стипендий. Иногда в спешке некогда было задуматься над тем, куда будут использованы собранные суммы. Московский союз печатников учредил ленинский фонд, однако в сообщении об этом отмечалось, что относительно цели фонда решение еще не принято⁴⁸.

«Петроградская правда» извещала, что многие рабочие коллективы выразили желание воздвигнуть памятник Ленину в городе на Неве. На многих предприятиях собирали деньги. Для ускорения сбора средств газета открыла специальный банковский счет и оповестила читателей, что они могут непосредственно перечислять на него свои пожертвования⁴⁹. Ежедневно в неделю траура «Петроградская правда» называла сумму присланных пожертвований — в особой газетной колонке “На памятник Ильичу”. Деньги лились щедрым потоком. Только 25 января в редакцию газеты и на банковский счет поступило свыше 1 250 000 рублей. Некоторые рабочие предложили ежемесячно отчислять определенную часть своей заработной платы на постройку памятника⁵⁰.

Многие рабочие жертвовали не наличностью, но своим временем. Часто работали в воскресенье, перечисляя полученный доход на возведение в Петрограде ленинского мемориала⁵¹. На петроградской фабрике «Большевик» рабочие решили отработать дополнительный день в пользу ленинского мемориала и еще один день для расширения фабричного ленинского клуба. Решено было также установить мемориальную доску на месте, где в 1917 г. Ильич выступил с речью⁵². В провинциальных городах также собирались значительные средства на постройку памятников. Многие рабочие Иваново-Вознесенска вышли на работу в воскресенье, с тем, чтобы финансировать постройку памятника Ленину в городе; в Харькове тоже было решено воздвигнуть мемориальную статую полностью за счет рабочих⁵³.

В газетной статье, где описывались митинги рабочих, сообщалось, что “уже второй день идут сборы на памятник незабвенному вождю”⁵⁴. Как и в случае с другими публичными проявлениями скорби по Ленину, здесь довольно трудно отделить стихийные элементы от заданных, направленных сверху. Траурные митинги были первым политическим ритуалом, затронувшим широкие массы российских рабочих, студентов и других беспартийных граждан. С 1918 г. годовщина Октябрьской революции отмечалась ежегодно, однако проводимые празднества заметно уступали и по размаху, и по силе эмоционального воздействия траурным мероприятиям. Смерть Ленина сразу же возымела важные последствия не только для развития ленинского культа, но и для всей истории коммунистической обрядности. Она знаменовала собой существенный шаг власти в деле политической мобилизации населения. По всей России присутствие на траурных митингах стало политической обязанностью и для многих, несомненно, явилось первым непосредственным участием в политической жизни.

Тогдашние описания траурных собраний в советской печати создают впечатление, что проходили они в накаленной эмоциональной атмосфере. Общепринятый образец всюду принял стандартный характер: различные отступления от шаблона вызывались профилем организации, устраивавшей митинг. Например, отдельные группы молодых моряков на Балтийском флоте постановили, чтобы новобранцы приносили присягу не Первого мая, как было принято, но в день похорон Ленина⁵⁵. Петроградские печатники решили выпустить полное собрание сочинений Ленина в дешевом издании для рабочих и крестьян на средства, полученные от сверхурочного труда⁵⁶.

Высокая эмоциональная атмосфера на траурных собраниях подогревалась также музыкой, неизменно их сопровождавшей. Иногда играл оркестр, подчас обходились и несколькими инструментами. Входивших встречали обычно траурные аккорды похоронного марша Шопена⁵⁷. Как правило, собравшиеся пели две песни, обязательные для всякого политического мероприятия: популярный революционный гимн «Вы жертвою пали» и «Интернационал». Собрание завершалось траурным маршем или каким-либо другим песнопением. Совместное пение способствовало успеху собрания, поскольку выслушивать часами подряд речи о величии Ильича было довольно утомительно. Наряду с различными предложениями, которые выкрикивались с мест, и громкими призывами к пожертвованиям, пение воодушевляло и спланивало аудиторию.

“В РЯДЫ РКП!”

Наиболее волнующим моментом траурных собраний а память Ленина была, вероятно, массовая подача заявлений с просьбой о приеме в

партию. Это происходило повсеместно и, похоже, превратилось в обязательную составную часть церемониала. На собрании ленинского клуба фабрики «Большевик» рабочие, поочередно выступая с кратким словом о Ленине, заявляли о своем желании вступить в партию⁵⁸. Траурные митинги, сопровождавшиеся пением и клятвами, напоминали евангелистские собрания, на которых подлежащие приему просят допустить их в число посвященных. Печать почти с неизменным постоянством давала отчетам о таких собраниях одобрительные заголовки типа «Под знамя РКП — под ленинское знамя!»⁵⁹

Газетные статьи изображали желание присутствующих на собрании вступить в партию не как стихийный импульс, но как живой отклик на обращение к ним оратора. На митинге петроградских женщин работниц партийный руководитель товарищ Гордон обратился к ним с призывом пополнить ряды Коммунистической партии. Это «было бы лучшим венком на гроб погибшего вождя». Женщины в своей резолюции подхватили этот образ: «Мы знаем, что самым цветущим венком на твою могилу будет наше вступление в РКП, и мы клянемся быть достойными ученицами нашего великого руководителя»⁶⁰. Клишированная фраза «Лучший венок Ильичу» вновь и вновь повторялась на страницах печати, посвященных траурным митингам⁶¹.

На одном из митингов рабочий пояснил, почему следует вступать в партию. Смерть Ленина — тяжелая утрата, сказал он. Чтобы заполнить брешь в рядах коммунистов, требуются тысячи. «Ильича больше нет, значит, мы должны впрячься в тот хомут, под которым он надрылся»⁶². Как прежнего главу правительства должно заместить коллективное руководство, так и место Ленина в партии должны занять тысячи новых борцов. Эта мысль проводилась во многих речах и лозунгах. Метафоры тех траурных дней придавали связи Ленина с массами почти мистический оттенок. «В каждом из нас живет частица Ленина, — писал Троцкий на следующий день после кончины вождя, — та, что составляет лучшую часть каждого из нас»⁶³. В официальном извещении о смерти Ленина, выпущенном от имени Центрального Комитета и распространенном миллионными тиражами через газеты и журналы, Ленин изображен неотъемлемой частицей каждого из трудящихся: «Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Ленин живет в сердце каждого крестьянина-бедняка»⁶⁴. Ленин живет в сердцах всех достойных людей, но каждый член партии — это и есть Ленин. Таково же религиозное учение о причастии, о единстве с Христом.

Молодежь призывали в коммунистические организации с не меньшим усердием. Юношам и девушкам предлагалось пополнить ряды комсомола, детям — стать пионерами⁶⁵. «Петроградская правда» напечатала жирным шрифтом воззвание: «Миллионы юных ленинцев — лучший памятник Ильичу»⁶⁶. Вступление в партию считалось для студентов высших учебных заведений лучшим способом выполнения ленин-

ких заветов⁶⁷. На многолюдной траурной демонстрации в день похорон Ленина петроградские комсомольцы подняли лозунг: “Ильич умер — у молодежи один вывод: в ряды РКП!”⁶⁸

Заявки на вступление в партию свидетельствовали, вероятнее всего, об искреннем пролетарском воодушевлении идеями Ленина, однако в целом их следует рассматривать как результат широкой и планомерной кампании по увеличению численности рабочих в составе партии: эта кампания особенно интенсивно развернулась после смерти вождя и получила название “ленинский призыв”⁶⁹. Скрытой побудительной причиной кампании явилась тенденция к депролетаризации партии, вызванная прекращением гражданской войны⁷⁰. Без широкого призыва в партию рабочих переломить эту тенденцию представлялось невозможным⁷¹. В период НЭПа поддержка сознательных, преданных власти рабочих была еще более необходима для упрочения социалистической политики партии, нежели в эпоху военного коммунизма. 18 января 1924 г. Тринадцатая партийная конференция приняла резолюцию, одобряющую набор в партию 100 000 новых членов, исключительно пролетариев. Одновременно доступ в партию всем непролетарским элементам был закрыт.

Тринадцатая партийная конференция состоялась всего за несколько дней до кончины Ленина: на ней впервые Троцкого открыто связали с оппозицией, подвергшейся критике за “мелкобуржуазный уклон”⁷². Троцкий, невзирая на свои пошатнувшиеся позиции, отбыл из Москвы в Сухуми с целью поправить здоровье и укрепить на черноморском курорте подорванную нервную систему: таким образом, в дни траура он в столице отсутствовал⁷³. С учетом этого обстоятельства, объявленный набор в партию можно расценивать как политический ход со стороны Сталина и его приверженцев. Стотысячное пополнение партии людьми неискушенными и легко управляемыми играло на руку генеральному секретарю, несомненно, рассчитывавшему на их поддержку в своей борьбе за власть.

Ленин всегда выступал за преобладание в партии пролетарского элемента, однако считал, что партия должна состоять из рабочих, которым свойственна была высокая сознательность. Согласно его принципу, решающим мотивом для приема в партию было не количество, но качество. Безусловно, Ленин категорически воспротивился бы массовому призыву рабочих. По иронии судьбы, однако, спустя десять дней после его смерти Центральный Комитет назвал набор новых членов партии “ленинским призывом” и развернул рассчитанную на три месяца кампанию по привлечению в партию представителей рабочего класса⁷⁴. Это был “первый широкомасштабный прием в партию, задуманный и организованный с заранее намеченной целью, — пишет Э. Г. Карр. — Ленинский призыв был предпринят под влиянием все обострявшейся борьбы с оппозицией”⁷⁵.

Кампания по привлечению в партию новых членов была объявлена

18 января — и, хотя официально кампания была развернута после похорон Ленина, фактически она началась сразу же после его смерти. Траурные собрания служили удобным поводом для пропаганды лозунга “Вступайте в ряды РКП!” Печать активно включилась в агитацию. С первых же дней траура пролетариев побуждали во имя Ленина вступать в партию. Лучший способ почтить память вождя — это подать заявление о приеме в РКП. Кампания шла полным ходом. Партийное руководство наживало капитал на неподдельном чувстве горя, охватившего народ, заверяя рабочих, что стать коммунистом — это наиболее верный способ выразить любовь к вождю. Лживый постулат действовал безотказно.

ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Петроградские рабочие и студенты на траурных собраниях высказывали пожелание, чтобы останки Ленина были погребены в городе на Неве. Некоторые коллективы даже настаивали на этом⁷⁶. Рабочие петроградского кожзавода обратились к Съезду Советов и Тринадцатой партийной конференции с просьбой похоронить Ленина в “красном Петрограде”. В резолюции рабочих разъяснялись причины такой просьбы. Вся подпольная деятельность Владимира Ильича протекала в Петрограде, здесь же партия под его руководством пришла к власти. Здесь в 1896 г. он возглавил забастовку текстильщиков, здесь поддержал Рабочий совет в 1905 г.; здесь в 1917 г. выдвинул перед народом лозунг “Вся власть Советам” и реализовал этот призыв на деле, став вождем столичного пролетариата.

Руководство партии не замедлило с ответом. Григорий Евдокимов, заместитель председателя Петроградского Совета, коснулся этого вопроса на траурном собрании, когда зачитывал список предложений, выдвинутых президиумом относительно проведения траурных церемоний по случаю кончины вождя. Евдокимов огласил предложение, согласно которому для участия в похоронах Ленина в Москву из Петрограда должна была направлена делегация в составе тысячи человек. “Пусть похороны состоятся в Петрограде”, — послышался голос из зала. Евдокимов указал, что ряд предприятий уже вынес постановления подобного рода. Однако Москва — наша столица, продолжал он, и Ленин, как Председатель Совета Народных Комиссаров, должен быть похоронен в столице. Правительство и Центральный Комитет партии уже приняли решение о том, что похороны состоятся в Москве⁷⁷.

Не может быть и речи о том, чтобы предать останки Ленина земле в Петрограде. Для города существовал другой способ почтить память вождя и вместе с тем быть удостоенным великой чести. Рабочие некоторых заводов, заявил Евдокимов, предложили переименовать Петроград в Ленинград. Евдокимов зачитал письмо Зиновьева, в котором тот, как

председатель Петроградского Совета, вносил то же самое предложение. Слова оратора были встречены бурными аплодисментами⁷⁸. Ясно, что предложение, исходившее от самого Зиновьева, было обречено на успех. На траурном заседании Второго Съезда Советов СССР 26 января 1924 г. было принято постановление о переименовании Петрограда⁷⁹.

В «Красной газете» утверждалось, что рабочих не удовлетворило переименование Петрограда в Ленинград. Им хотелось, чтобы город носил имя вождя более непосредственно — «Ленин»⁸⁰. Вносились также предложения переименовать Петергоф в Ленинск⁸¹. Присвоение имени Ленина было уже привычным делом: еще при жизни вождя имя его присваивалось заводам, клубам и даже городам. И не только один Ленин удостаивался подобной чести: существовал, к примеру, город Троцк. К 1924 г. число предприятий и сооружений, названных в честь видных большевиков, значительно возросло⁸².

Ничуть не удивительно, что после смерти Ленина хлынул поток предложений, просьб, требований и заявок от самых различных учреждений, желавших носить имя вождя. Такие переименования часто происходили на траурных митингах памяти Ленина. В иных случаях выставлялись особые обоснования: путевые рабочие Рязано-Уральской железной дороги предлагали дать имя Ленина Павелецкому вокзалу и прилегающего к нему участка дороги, объясняя это тем, что Ленин совершил здесь свой последний путь⁸³. Однако большинство предполагаемых переименований не имело под собой серьезных оснований: различные коллективы стремились лишь продемонстрировать свою лояльность и уважение к памяти Ленина. Центральный Комитет Комсомола объявил о присвоении имени вождя пионерской организации. Имя это должно служить паролем: «Пионеры «Спартака» Советских республик должны быть теперь достойны того великого имени, которое написано на их знамени»⁸⁴.

Имя Ленина — так же, как его тело, его портреты, его труды — продолжали источать энергию и после его смерти. Любая организация, которой присваивалось имя вождя, приобретала особый статус, расширяла свои полномочия. Переименованием доказывалась лояльность и готовность оправдать доверие, показать себя достойным высокого звания.

НАКАНУНЕ

Важнейшее из официальных траурных собраний состоялось в канун похорон. На заседании Второго Съезда Советов СССР присутствовали все виднейшие большевики, за исключением Троцкого. Первым взял слово Калинин, председательствовавший на съезде. Он говорил по существу, хотя речь его и отличалась некоторой монотонностью. Он

сказал о том, насколько велика утрата и призвал к единству и солидарности ради укрепления могущества народа⁸⁵. Затем выступила Крупская. Речь эта — короткая, сдержанная, мужественная — исходила из уст единственного человека, кому позволены были эмоциональные вольности. Крупская напомнила о любви Ленина к рабочим, о его верности марксистской теории, о его личной скромности.

Речь, произнесенная в тот вечер Сталиным, была его легендарной “клятвой”. Сталин выступал после Калинина, Крупской и Зиновьева, и речь его строилась по образцу катехизиса. Сталин обрисовал важнейшие черты созданной Лениным политической реальности и охарактеризовал основополагающие принципы коммунистической убежденности. Сталин назвал страну “громдным утесом”, непоколебимо стоящим среди “океана буржуазных государств”. Сила страны состоит в нерушимой поддержке со стороны рабочих и крестьян всего мира. Сталин перечислил достоинства Советской власти: крепость партии, диктатуру пролетариата, союз рабочих и крестьян, союз республик и Коммунистический Интернационал — заключая каждый период клятвой: “Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам хранить единство нашей партии как зеницу ока. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!” Заключил свою речь Сталин следующими словами:

“Вы видели за эти дни паломничество к гробу тов. Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле тов. Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара.

Уходя от нас, тов. Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, тов. Ленин, что мы не пошадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал”.

Западные исследователи придавали этой речи особое значение. Она часто приводится как доказательство того, что Сталин был архитектором и скрытой движущей силой ленинского культа⁸⁶. В целом, если для культа требуется религиозно окрашенная риторика, то речь Сталина представляет в этом смысле некий камертон.

Вне сомнения, Сталин играл важную роль в развитии культа Ленина. Однако произнесенная им надгробная клятва не слишком выделялась из общего потока⁸⁷. Речь Сталина многим отличается от речей других видных лидеров⁸⁸, но жанровое сходство ее с современной публицистикой несомненно. Сложилась определенная традиция клясться именем Ленина и произносить эти клятвы в ритуальной последовательнос-

ти: это очевидно на примере газетных отчетов о траурных митингах рабочих⁸⁹. Очень часто собравшиеся клялись выполнить заветы Ленина: торжественностью такие тирады мало чем уступали заверениям Сталина. “Клянемся не отступать ни шагу от ленинского союза рабочих и крестьян” — такую резолюцию приняли на своем собрании женщины-работницы Петрограда. Участницы этого собрания поочередно вставали с мест и клялись всегда сохранять верность заветам Ильича. Подобно Сталину, женщины прямо обращались к вождю: “Клянемся тебе, великий рулевой революции, идти непреклонно вперед по проложенному тобой пути всемирной пролетарской революции к коммунизму”⁹⁰.

Широко распространенными в то время были не только торжественные клятвы Ленину, в большом ходу были и религиозные обороты, схожие с использованными Сталиным. В день похорон «Правда» опубликовала краткое изложение речей, произнесенных на траурном заседании Съезда Советов, однако из резюме речи Сталина были полностью исключены религиозные нотки. Указывалось лишь, что Сталин говорил об основных заветах Ленина и о готовности Центрального Комитета партии следовать воле вождя. Далее перечислялись названные оратором отличительные черты ленинского наследия⁹¹. Речи Сталина, по сравнению с другими речами, в отчете уделено наименьшее внимание. Известность эта речь получила позднее, когда была перепечатана в составе собрания сочинений Сталина, а западные ученые увидели в ней проявление глубоко религиозного, восточного склада ума Сталина. Конечно, значимость речи придало и возросшее влияние Сталина. Однако в те январские дни никто не упомянул о ней в печати ни единым словом, и она не включалась ни в одну из тысяч брошюр, распространявшихся массовыми тиражами.

В то же время на траурном заседании была произнесена речь, гораздо более воздействовавшая на слушателей и имевшая непосредственное отношение к культуре Ленина. С сильной и пространной речью до Сталина выступал Зиновьев. То, как русский народ откликнулся на смерть Ленина, показывает, что Ленин снискал преданность и доверие со стороны масс. Коллективное руководство должно сохранить и укрепить еще более силу ленинской личности. Таков был смысл сказанного Зиновьевым, хотя выразил он свою мысль более тонко. Зиновьев заявил, что события прошлой недели, зрелище нескончаемых очередей в Москве выявили меру исторического значения Ленина. Эта толпа была чудом. “Видели ли вы когда-нибудь ранее такую прекрасную, единую народную массу, такой живой прибой сотен тысяч пролетариев, которые сами организуются тут же на улицах, которые день и ночь в нынешнюю зимнюю стужу стоят и ждут своей очереди зайти и поклониться праху вождя?” Смысл: толпа поистине была посмертным восторгом доверия. Зиновьев добавил, что в эти дни народ, казалось, заново переживал великую Октябрьскую революцию. Огромные толпы были толпами Октября. Смысл: это свидетельство грандиозной политичес-

кой поддержки, пламенной преданности.

Далее Зиновьев зачитал два письма от рабочих. Первое из них было адресовано непосредственно умершему вождю: “Нашему отцу. Дорогой отец наш! Ты ушел от своих детей навеки, но твой голос, слова твои никогда не умрут в наших пролетарских сердцах. Мы великими тысячами идем проститься с дорогим нашим вождем, мы плачем у гроба твоего... Отец наш своей смертью нанес нам тяжкий удар. Мы, читая газеты, думали, что вернется он скоро к нам, и мы ждали его каждую минуту, но злая болезнь отняла у нас незабвенного отца — отца всего мира”. Зиновьев дал понять, что письмо — доказательство любви к Ленину как к правителю, который, подобно царю, заслужил имя отца родного. Глубина подобной связи бесценна, сказал он, и ее следует поощрять всеми возможными средствами.

Вторым письмом Зиновьев стремился внушить съезду, что Ленин проник в национальный дух русского народа. Письмо, написанное шахтером, начинается традиционной фольклорной формулой “солнце померкло, звезды закатились” — и напоминает собой народную сказку. Сюжет относит действие к годам первой мировой войны: царское войско возносит к небесам тщетные молитвы. “Но вот среди лесов и полей, где ежеминутно взрывались ужасные бомбы, между трупов и стонов раненых пронеслось: Ленин. Из-за границы пришел Ленин. “Вам тяжело, я знаю, — сказал он, — слушайте меня, идите за мной”. Его клич был кличем вождя. Этот клич проник глубоко в каждое солдатское окровавленное сердце. За ним шли. За лозунги Ленина не было жаль жизни. Умирали с радостью, никто о себе не тужил. То, что он обещал, пришло. Зацвели красные маки. Черная тоска сменилась радостью. Голод и разруху оставили за плечами, стали вдоволь есть хлеб. Ленину нельзя было не верить... Такому мы верили. Мы говорили ему: “Зови, веди, пойдем, не обманешь!..” Заболел. Дорожили каждым его часом. Ленин, живи! Ты один понимаешь нас, как никто! Нас, мужиков, царя растоптавших! А сегодня у каждого из нас на сердце черные пятна. Закатилась звезда. Москва, Россия, Союз Республик облеклись в траур. Солнце померкло. Великого Ленина между нами не стало”. Читая этот рассказ, Зиновьев напомнил съезду, что Ленин сделался в глазах народа необычайно могучим предводителем, пророком, спасителем. В своей речи Зиновьев сам назвал Ленина провидцем, отдавшим жизнь делу революции и подвергавшимся смертельной опасности в 1917 и в 1918 гг. В сознательной попытке вознести Ленина над остальным человечеством оратор повторил слова Горького, написавшего в 1920 г. о том, что Ленин в религиозную эпоху считался бы святым. В заключение Зиновьев сослался на заповедь Каменева, выдвинутую им годом раньше на Двенадцатом съезде партии. Столкнувшись с необходимостью принять трудное решение, давайте спросим себя: “А как бы на моем месте поступил товарищ Ленин?”

Вслед за Зиновьевым говорил Сталин, затем — Бухарин. Речь Бу-

харина изобиловала стертыми комплиментами. Назвав Ленина колос-сом, Бухарин напомнил также, что Ленин — как товарищ по партии — был близким другом рабочих и крестьян. “Глашатай, пророк, вождь”, Ленин блестяще владел революционной тактикой. Он был штурманом, благополучно проведшим государственный корабль мимо опасных скал и через мелководье. После Бухарина выступал еще целый ряд ораторов. Немецкая коммунистка Клара Цеткин заявила, что Ленин отдал всю свою кровь, “капля за каплей”, на благо пролетариата⁹². В перерывах между речами, как правило, оркестр играл траурный марш. Помимо видных деятелей партии, выступали и рядовые коммунисты. Представитель народов Туркестана, как и следовало ожидать, назвал Ленина освободителем Востока. Некий рабочий огласил привычный набор избитых штампов, однако делегат от крестьян, по фамилии Краюшкин, блеснул оригинальностью. Он говорил о бессмертии Ленина, заявив, что вождь “из могилы будет нам диктовать, будет направлять нас... на истинный путь”. Именуя Ленина своим отцом, он поведал народную притчу об умирающем родителе, который дал сыновьям веник и предложил переломить его пополам. Им это удалось сделать только тогда когда веник разделили на отдельные прутики. Очевидная мораль притчи сводилась к необходимости крепить единство страны. Оратор завершил выступление на редкость неподходящей здравицей: “Вечная память нашему дорогому Ильичу, а нам — доброго здоровья”.

Второй Съезд Советов СССР принял ряд постановлений, направленных на то, чтобы почтить память вождя: 1) 21 января объявить днем национального траура. 2) Гроб с телом вождя поместить в склеп, сооруженный у Кремлевской стены, и открыть доступ к нему посетителям. Вторая резолюция подтверждала решение, уже вынесенное Президиумом ЦИК 25 января. В окончательной редакции, принятой съездом, указывалось, что склеп возводится в ответ на многочисленные просьбы со стороны делегаций, которые не успеют прибыть в Москву ко дню похорон, однако получают возможность “проститься с любимым вождем”. 3) Было решено воздвигнуть статуи Ленина в Москве, Харькове, Тифлисе, Минске, Ташкенте и Ленинграде. “Образ великого вождя должен быть увековечен для всех грядущих поколений и служить постоянным напоминанием и призывом к борьбе и окончательной победе коммунизма”. 4) Петроград официально переименовывался в Ленинград в память протекавшей там революционной деятельности вождя. 5) В пользу сирот учреждался специальный ленинский фонд. 6) Институту Ленина было предложено принять “неотложные меры” для ускорения публикаций работ Ленина с тем, чтобы они стали доступны рабочим и крестьянам в миллионах экземпляров и на нескольких языках. Одновременно Институту поручалось скорейшим образом приступить к изданию полного собрания сочинений Ленина⁹³. По окончании затянувшегося заседания все делегаты съезда прошли один за другим мимо гроба Ленина в Колонном зале, уже закрывшемся для публики.

На траурном заседании выступили все крупнейшие партийные деятели, за одним приметным исключением: на нем отсутствовал Троцкий. Его не было в Москве и в день смерти Ленина, не приехал он и к похоронам. Самый известный и наиболее чтимый после Ленина член Политбюро, Троцкий, не сумевший появиться лично в средоточии власти сразу же после того, как преемники вождя взяли бразды правления в свои руки, совершил роковую политическую ошибку, которую можно объяснить только подавленным эмоциональным состоянием или же боязнью новой громадной ответственности. Зимой 1923/24 гг. Троцкий был болен, и здоровье его еще ухудшилось ввиду острой борьбы внутри Политбюро. 18 января 1924 г. Троцкий отбыл из Москвы на черноморский курорт Сухуми. 21 января, в день смерти Ленина, он еще не добрался до цели своего назначения. Шифрованная телеграмма Сталина, содержащая оглушительную новость, была получена им на вокзале в Тифлисе. Троцкий телеграфировал в Кремль, спрашивая, вернуться ли ему в столицу на похороны. Впоследствии он вспоминал о полученном ответе так: "Похороны в субботу, все равно не поспеете, советуем продолжать лечение". Выбора, следовательно, не было. На самом деле похороны состоялись только в воскресенье, и я вполне мог бы поспеть в Москву. Как это ни кажется невероятным, но меня обманули насчет дня похорон. Заговорщики по-своему правильно рассчитывали, что мне не придет в голову проверять их, а позже можно будет всегда придумать объяснение."⁹⁴ Невозможность своевременного возвращения в Москву вовсе не была главной причиной решения Троцкого продолжить свое путешествие. Он, стоявший во главе вооруженных сил, без труда мог реквизировать для себя экспресс, если опасался сбоев в обычном расписании движения. Возможно было отложить и похороны на день-другой. Однако Троцкий не предпринял ничего.

Отсюда следует единственный вывод: Троцкий намеренно остался вдали от Москвы. Обвиняя Сталина в обмане, он, тем не менее, не обосновал своего отсутствия сколько-нибудь убедительно. Из слов Троцкого становится ясно лишь одно: в дни траура по Ленину он пребывал в глубочайшей депрессии. Когда тифлисское партийное руководство обратилось к нему с просьбой написать заметку о Ленине с тем, чтобы передать текст по телеграфу в Москву, Троцкому не хотелось этого делать: "... у меня была только одна потребность: остаться одному. Я не мог поднять руку к перу". В конце концов он пришел к выводу, что обязан написать хотя бы несколько страниц, и отправление почтового вагона было задержано на полчаса, пока он писал прочувствованную статью «Ленина нет» (она была опубликована в «Правде» и «Известиях» 24 января, когда возобновился регулярный выход газет). В Сухуми депрессия преследовала Троцкого по-прежнему: "В Сухуми я лежал долгими днями на балконе лицом к морю. Несмотря на январь, ярко и тепло горело в небе солнце. Между балконом и сверкающим морем высились пальмы. Постоянное ощущение повышен-

ной температуры сочеталось с гудящей мыслью о смерти Ленина”⁹⁵.

Лев Троцкий, бесспорно, являлся самым почитаемым из тогдашних живых вождей Советской России: имя его сопрягалось с именем Ленина: “Сочетание этих двух имен входило в разговорную речь, в статьи, в стихи и в частушки”⁹⁶. Однако ему недоставало твердости духа почтить память Ленина присутствием на траурном собрании в Сухуми в день похорон вождя. Троцкий слышал салют из артиллерийских орудий “где-то внизу”, недвижно лежа у себя на балконе⁹⁷. Друзья и соратники Троцкого ожидали его прибытия в Москву со дня на день. Жена Троцкого вспоминала о письме, полученном ими от сына. Тот находился в Москве и был сильно простужен (температура достигала 40°. Однако же он отправился “в своей не совсем теплой куртке в Колонный зал, чтобы проститься с ним [Лениным] и ждал, ждал с нетерпением нашего приезда. В его письме слышались горькое недоумение и неуверенный упрек”⁹⁸. Подобная реакция была более чем оправдана. В то время как тысячи терпели жестокие лишения, стремясь отдать последний долг почившему вождю, отсутствие Троцкого вполне можно было расценить как демонстрацию неуважения. Многие добирались на похороны в Москву из гораздо более отдаленных мест, нежели Тифлис.

Отсутствие Троцкого удивило западных наблюдателей — в том числе корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» Уолтера Дюранти, живо описавшего нетерпеливое ожидание его приезда: “В течение последних трех дней не раз извещали, что Троцкий возвращается с Кавказа, где он находился на лечении. У вокзала постоянно собирались толпы, желавшие его приветствовать; официальные фотографы часами простаивали на морозе перед Колонным залом в надежде заснять появление Троцкого. До последней минуты многие верили, что он непременно приедет. Из толпы то и дело раздавались возгласы “Вот Троцкий!” или “Троцкий здесь” — едва только поблизости возникала фигура в шинели, хотя бы отдаленно напоминавшая собой наркома по военным делам”⁹⁹. Отказ Троцкого вернуться в Москву был ошибочным шагом прежде всего по политическим соображениям. Неделя траурных собраний и похоронного церемониала стала критическим, переломным моментом — и всякий, кто сколько-нибудь обладал политическим чутьем, должен был это предвидеть. Люди, правившие страной от имени Ленина на протяжении года с лишним, неожиданно явились перед народом. Наступила та самая минута, когда перед глазами встревоженных граждан следовало предстать единому, сплоченному руководству.

Именно в этом и заключалась главная причина того, что смерть вождя породила громадный поток ленинианы, а также ознаменовала собой колоссальный расцвет ленинского культа. В траурные дни сложились или были учреждены основные культовые институты. В то же самое время “новые” руководители произносили речи, выносили, вносили и вновь выносили гроб с телом вождя, стояли в почетном карауле и опять выступали с речами. Среди них не было только Троцкого, столь изве-

стного всем и каждому: “Боже мой! — воскликнул французский корреспондент Роллен. — Упустить такую возможность! Ахилл, удалившийся к себе в палатку... Если бы он прибыл в Москву... все смотрели бы только на него”¹⁰⁰.

В отсутствие Троцкого, роль главного плакальщика (несомненно, искренне) играл Зиновьев, хотя позднее раболепные историографы выдвинули на передний план фигуру Сталина¹⁰¹. Ни Сталин, ни кто-либо другой не вводили Троцкого в заблуждение относительно даты похорон. Первоначально похороны и были назначены на 26 января, однако позднее перенесены на день по двум причинам: дать возможность большему числу задержавшихся в пути добраться до Москвы, а также выиграть время для поспешного сооружения временного склепа у Кремлевской стены.

ПОХОРОНЫ

Позднее Зиновьев, вопреки действительности, утверждал, что “простой народ, одухотворенный идеями Ленина, симпровизировал эти похороны вместе с нами”¹⁰². Траурная процессия была грандиозной, однако ни в коем случае не стихийной. Церемонию похорон тщательно разработала комиссия под руководством Бонч-Бруевича. Многочисленным делегациям, всем до единой, были совершенно точно известны место сбора и маршрут следования¹⁰³.

В ночь с 26 на 27 января у гроба Ленина в Колонном зале оставались родственники, ближайшие друзья и другие видные лица. Смена почетного караула к утру все учащалась с целью расширить число участников. К 7.30 утра из зала вынесли почти все заполнившие его венки. Появились руководители партии и правительства. Вдоль стен были установлены скамьи для дипломатов и журналистов.

Церемония началась в 8.00. Места в особом почетном карауле заняли Зиновьев, Сталин, Калинин, Каменев и четверо рабочих. Затем — вместе с четверкой других рабочих — их сменили Бухарин, Рыков, Молотов, Томский. Оркестр Большого театра наполнил зал звуками траурного марша Шопена. В третий почетный караул вошли Дзержинский, Чичерин, Петровский и Сокольников. К 8.40 зал был уже набит до отказа представителями партийно-правительственной верхушки, рабочими делегациями и другими приглашенными. Оркестр играл скорбные мелодии Вагнера и Моцарта. Почетный караул сменился еще раз — Куйбышев, Орджоникидзе, Пятаков и Енукидзе. Оркестр умолк, и собравшиеся спели хором революционный гимн «Вы жертвою пали». У гроба Ленина встали его вдова, обе сестры и брат. Оркестр заиграл «Интернационал», и все подхватили припев.

Группами по четыре человека собравшиеся медленно покидали Колонный зал. У гроба остались только родственники Ленина и ближай-

шие его сподвижники. В 9.00 послышалась команда “Смирно!” Оркестр заиграл траурный марш, знамена были приспущены. Сталин, Зиновьев и четверо рабочих вынесли накрытый крышкой гроб из Дома Союзов. Двух названных членов Политбюро сменили другие — Калинин и Каменев. За гробом, обитым алой тканью, несли знамена Коминтерна и Центрального Комитета партии. За гробом шли родственники Ленина, вслед за ними — члены Исполкома Коминтерна, ЦК партии, правительства.

В то утро Красная площадь в 6.00 была закрыта для пешеходов. Вскоре туда начали стекаться делегации. Многие несли знамена с лозунгами, например, “Ленин везде, всегда, безраздельно с нами” (Ленинградская делегация)¹⁰⁴. В 9.00 раздались первые звуки траурного марша, и через несколько минут гроб был помещен на специально построенное деревянное возвышение. Начались выступления ораторов. Первым говорил Григорий Евдокимов, заместитель Председателя Ленинградского Совета (обладавший, по слухам, самым зычным голосом в России)¹⁰⁵: “Мы хороним Ленина. Всемирный гений рабочей революции отлетел от нее. Великан мысли, воли и дела умер.

Сотни миллионов рабочих, крестьян и колониальных рабов оплакивают смерть могучего Вождя... Со всех концов мира летят волны печали, траура, гнева. Враги... невольно склоняют свои знамена. Все поняли, что закатилась яркая звезда человечества. Из гроба своего Ленин встал перед миром во весь свой гигантский рост...

Вождем... основных масс человечества... был Ленин. Он имел все ключи к душам самой отсталой части рабочих и крестьян. Проникая в самую сердцевину человеческих пластов, он будил их самосознание, их классовый инстинкт...

Мы потеряли в Ленине главного капитана нашего корабля. Эта потеря незаменима, ибо во всем мире не бывало такой светлой головы, такого громадного опыта, такой непреклонной воли, какие были у Ленина.

Но... сотни тысяч учеников Владимира Ильича крепко держат великое знамя, миллионы сплываются вокруг них. И даже физической смертью своей отдает Ленин свой последний приказ: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Речи перемежались исполнением «Интернационала».

Затем, на протяжении шести часов, тысячи тысяч скорбящих прошествовали мимо гроба. Рабочие были разбиты на колонны; идущие во главе колонн, приближаясь к гробу, наклоняли флаги и знамена. Оркестры исполняли траурные мелодии. Временами слышались рыдания, однако в целом сохранялось полное молчание. Говорить на морозе было слишком трудно. Столбик термометра опустился до -35° ; была издана инструкция, запрещающая детям участвовать в процессии¹⁰⁶.

Люди часами стояли у костров, ожидая своей очереди, чтобы вступить на Красную площадь. Живая масса людей, окутанных серой пеле-

ной — от дыма костров и дыхания сотен тысяч — запрудила всю площадь. Ледяной туман нависал над площадью подобно “дыму от жертвенников”, писал Дюранти¹⁰⁷. Некоторые несли портреты Ленина — наподобие икон в крестном ходе. Другие скандировали лозунги, размеренно и протяжно: “Мо-ги-ла Ле-ни-на ко-лы-бель сво-бо-ды все-го че-ло-ве-че-ства”¹⁰⁸.

В 3.55 знамена ЦК и Коминтерна убрали с гроба. Сталин, Зиновьев, Каменев, Молотов, Бухарин, Томский, Рудзутак и Дзержинский подняли гроб и ровно в 4.00 опустили в подготовленный склеп. В эти мгновения вся Россия чтит память Ленина. Фабричные сирены, паровозные и пароходные свистки не умолкали целые три минуты. Шум был оглушающим. Ружейные залпы присоединились к артиллерийскому салюту: орудия стреляли каждую минуту. Ровно в 4.00 все радиостанции и телеграфные линии передали одно-единственное сообщение: “Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу!” По всей стране на пять минут была прекращена всякая деятельность. Остановились в пути поезда, корабли: народ оплакивал ушедшего вождя.

Присутствовавшие на похоронах в Москве обнажили головы. Гроб был опущен в склеп в полном безмолвии, под грохот пушек и вой сирен. В 4.06 по радио и телеграфу передали новое сообщение: “Ленин умер — ленинизм живет!”¹⁰⁹ На Красной площади тысячи людей, стоя навтыяжку, пели скорбный гимн большевиков. Похороны закончились¹¹⁰.

Почти во всех городах России день похорон Ленина был отмечен траурными мероприятиями. В Киеве состоялась стотысячная демонстрация. В Вятке тысячи жителей заполнили площадь Большевиков, несмотря на отмену запланированной демонстрации ввиду особо суровых морозов¹¹¹. В Харькове, Ростове, Костроме — всюду прошли многолюдные траурные церемонии, на которых произносились речи не только выражавшие скорбь, но и имевшие политическую подкладку. Провинциальная Россия демонстрировала московскому правительству свою полную и безоговорочную лояльность.

Во втором по величине городе страны, только что переименованном в Ленинград, в траурном шествии приняло участие 750 000 человек¹¹². Колонны демонстрантов собрались на площади Жертв Революции, где пылало 53 костра — по числу прожитых Лениным лет. В 4.00 грянул салют из пушек Петропавловской крепости, завывли сирены на предприятиях и военных кораблях. Руководство петроградской партийной организации приложило громадные усилия с целью побудить население принять участие в траурном шествии. 25, 26 и 27 января в печати появились призывы к горожанам выйти на демонстрацию: “Все, как один, на улицы — в ряды траурной демонстрации”¹¹³. Организация была четкой: каждый хорошо знал, куда и когда ему явиться. Гордон, председатель комиссии по проведению демонстрации, прямо объявил, что в событии должны участвовать все без исключения: рабочие, слу-

жашие, студенты, солдаты, матросы¹¹⁴. Были открыты медицинские пункты для оказания первой помощи обмороженным, подобные пункты находились и при каждом военном подразделении¹¹⁵.

Траурные шествия, гром салюта и завывания сирен, прекращение работы на пять минут — все эти мероприятия, сопровождавшие похороны Ленина, явились важными элементами дальнейшего развития и распространения культа вождя. Скорбь по ушедшему лидеру объединила всю нацию. Имя Ленина послужило связующим материалом после его смерти — точно так же, как оно служило при жизни. Наиболее знаменательной чертой дня похорон стала солидарность, выраженная миллионами людей, стоявших с непокрытыми головами 27 января.

Другой, не менее разительной особенностью похорон Ленина (преимущественно самых последних минут погребения) было странное отсутствие ритуальных обрядов, связанных с телом покойного¹¹⁶. Салют был отдан, знамена приспущены, головы обнажены, и только. Согласно традиционному православному обряду, над гробом всегда читали молитвы, а в заключение священник посыпал гроб землей. Молитвы пели и в момент предания тела земле. В данном случае, когда Ленина опустили на место последнего упокоения, не произносилось ни слова. Никто не бросал горсти земли на гроб. Над телом усопшего вождя не совершалось никаких обрядов. Обрядам над телом Владимира Ильича Ульянова еще только предстояло совершаться — и в течение гораздо более длительного времени, нежели это можно было тогда вообразить.

6.

ТЕЛО И ГРОБНИЦА

Режим, чьи претензии на власть основываются на авторитете сильной личности, рискует со смертью правителя утратить стабильность. Однако в качестве стабилизирующей силы может быть использован культ покойного правителя; содержанием такого культа становится неиссякающая жизненная сила вождя. Именно это произошло и с Лениным. После его смерти по всей стране был насажден культ, содержание которого выражается в словах: Ленин жив! Кончина не помешала Ленину по-прежнему оставаться лидером Советской России. Как сказано Всероссийским Центральным Советом Профессиональных Союзов: “Здоровый или больной, живой или покоящийся на Красной площади тов. Ленин остается нашим вечным вождем”¹.

Провозгласить Ленина бессмертным значило заявить о своей преданности партии и правительству. И в первую неделю после смерти вождя это делалось многократно: в лозунгах, стихах и хвалебных речах, которые переполняли страницы газет. Такого рода заявления были политическим актом: в них выражалось желание увековечить ту систему власти, которую олицетворял Ленин. “Не умер и не умрет никогда!”, — гласил один из лозунгов². “Он жив. Он жив. Не умер. Не умрет” — этими словами начиналось стихотворение, опубликованное вскоре после смерти Ленина³. В другой элегической поэме утверждалось, что никакая смерть не властна над Ильичом⁴. В некоторых более пространственных откликах на смерть Ленина объясняется, каким образом Ленин продолжает жить: “Ленин умер, но ленинизм, вкоренившийся во мне, во всем рабочем классе, жив! Жив, товарищи! Для нас Ленин не умер”⁵. Неоднократно подчеркивалось бессмертие дела Ленина. В заголовке первого номера «Известий», вышедшего после смерти Ленина, читаем: “То, что было смертного в Ленине, умерло, но дело и заветы его пребудут вечно”⁶.

В ряде лозунгов и официальных заявлений проводилась мысль, что Ленин вечен и вездесущ — воистину надматериальное существо. Один из панегириков описывает Ленина как жизненную силу, которую невозможно уничтожить: “Ленин и смерть — это понятия взаимно друга исключающие... Ленин — как природа и окружающий нас мир — живет вне наших субъективных представлений”⁷. В последней фразе слиты воедино марксизм и мистицизм: Ленин является вездесущим духом и в качестве бессмертной жизненной силы представляет собой часть

тупность, глубокомыслие, мудрость и справедливость. Он был “человек редкой моральной чистоты, скромности и выдержки в личной жизни (по-старому сказали бы: святой жизни человек)”. Ленин являлся вездесущим бессмертным духом. “Ленин жив, ибо Ленин стучит в сердца и будет стучать, пока не будут загнаны в преисподнюю демоны капитализма и эксплуатации”. “Но, — продолжает Сосновский, — если Ленин не умер и не умрет, почему же такая скорбь, такое горе?”. Почему сотни тысяч рабочих, несмотря на холодную погоду, выстроились в очередь, чтобы пройти мимо гроба, выставленного в Колонном зале? “Это прощаются с Ильичем. Да, к великому несчастью от нас ушел Ильич. Живой человек, такой знакомый, такой близкий, дорогой и любимый”¹¹. Дуализм образа Ленина — подражание Христу, а также средневековому русскому царю (идеализированным представлениям о нем), который был в частной жизни скромным, однако в качестве верховного правителя считался бессмертным и внушал благоговейный ужас. Что бы ни думал по этому поводу сам Сосновский, он, без сомнения, ожидал, что изобретенная им формула “Ильич-Ленин” отзовется в политическом и религиозном сознании читателей — а его публикации в течение многих лет были обращены к крестьянской аудитории¹².

Подобным же образом представила Ленина в день похорон передовая статья «Правды»: смертным и бессмертным одновременно. Ее автор, Петр Стучка, председатель Верховного Суда РСФСР добавляет, что бессмертие Ленина — дело его собственных рук, что накануне болезни он создал в качестве замены себе свой бессмертный образ, чтобы подготовить народ к жизни в его отсутствие. После выстрела в 1918 г. Ильич не мог не выжить, потому что в случае его смерти Советская Россия не вынесла бы этой потери. Ленин знал, однако, что скоро он умрет и партия осиротеет. “Но Ильич и это предусмотрел, он не только обошел Антанту, он перехитрил саму природу. Он и тут дал нам передышку — на деле освоиться с мыслью, как жить без него. А когда *Ильича не стало*, у нас *остался* все-таки *Ленин*. Незаметно перед нашими глазами прошла эта метаморфоза. Он долгое время совмещал Ильича и Ленина, незаметно их совмещал. В то время, как вся Россия до отдаленнейшего уголка знала своего Ильича, уже портрет Ленина шествовал рядом с Божьей матерью по темным селам Италии”¹³. Стучка сознательно рисует Ленина как религиозного лидера, стоящего в одном ряду с Мохаммедом, Христом и Буддой, но добившегося большего успеха. Этим троим для достижения своей цели потребовались века — Ленин преуспел еще при жизни, Ленин добился спасения всех угнетенных во всем мире — влияние Мохаммеда, Христа и Будды распространилось в ограниченных регионах¹⁴.

Описывая Ленина, передовая «Известий» прибегает к религиозной терминологии, редактор газеты (по происхождению еврей, как и Сосновский), утверждает, что имя Ленина вошло в “святцы”. Он писал также о могиле Ленина: “Эта могила станет местом мирового паломни-

чества для всех угнетенных и обиженных современным строем”¹⁵. Паломничество — это посещение верующими святых мест, гробницы. Если могила Ленина является местом паломничества, значит — она свята. В своей известной статье о смерти и похоронах Ленина Зиновьев повторяет утверждение, что могила Ленина является объектом паломничества: “Пройдут десятилетия и века — эта могила будет становиться все более близкой и дорогой десяткам и сотням миллионов людей, всему человечеству. Сюда начнется паломничество не только со всех концов нашего Союза Республик, обнимающего шестую часть всей суши, но и из Китая, Индии, Америки, со всего мира”¹⁶. Прошло полгода, и набальзамированное тело Ленина было помещено в деревянный мавзолей, и туда потек непрерывный поток паломников.

С момента смерти вождя его останки облеклись жизнью и властью: “Ленин умер. Но Ленин жив в миллионах сердец... И даже самой физической смертью своей отдает Ленин свой последний приказ: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”¹⁷. Телу Ленина было назначено стать фокусом его посмертного культа. Приверженцы ленинизма желали приобщить к своим политическим идеалам грядущие поколения. Ленинские уголки выступали в качестве местных святынь культа, центров почитания памяти Ленина, который благодаря своим нетленным останкам мог почитаться святым и бессмертным.

ОТЧЕТ О ВСКРЫТИИ

Перед тем как перевезти тело Ленина из Горок в Москву, его подвергли полному вскрытию. Эту операцию осуществила большая группа медиков под руководством доктора А.И.Абрикосова¹⁸. Вскрытие длилось 4 часа 40 минут и было произведено в том же доме, где тело хранилось до утра 23 января. Операция подходила к середине, был вскрыт мозг Ленина, и после этого выявилась непосредственная причина смерти больного. Ею оказалось кровоизлияние в мозг. Вследствие тяжелого склероза артерий, питающих головной мозг, кровеносные сосуды мозга были сильно изменены. Склероз заключается в том, что жировые частицы, попадающие в артерии, обызвествляются и препятствуют нормальному току крови; в результате в мозг поступает недостаточное количество кислорода. Кровеносные сосуды мозга были крайне ослаблены. 21 января 1924 г. Ленин перенес удар, в мозг поступила большая масса крови, и пропускная способность измененных склерозом артерий оказалась недостаточной. Поврежденные сосуды мозга подверглись недопустимо большому давлению, их стенки лопнули, и кровь хлынула в ткани мозга. Разрушенные сосуды находились в том участке мозга, который управляет дыхательной функцией, произошла остановка дыхания¹⁹.

В медицинском бюллетене, который циркулировал по Москве вскоре после вскрытия, не содержалось ничего, кроме краткого указания не-

посредственной причины смерти. Более подробный отчет появился лишь через три дня после вскрытия²⁰. При чтении официальных результатов вскрытия, опубликованных 25 января, бросается в глаза прежде всего исключительно подробное описание трупа. Там, где речь шла о состоянии мозга, врачи указывали, что те симптомы, которыми характеризовалась продолжительная болезнь Ленина — паралич и афазия — являлись следствием склеротических изменений в церебральных артериях. В отчете содержалось также детальное описание кожи (в том числе шрамов и иных повреждений), сердца с указанием его точных размеров, содержалась информация о состоянии желудка, почек и прочих органов. Уолтер Дюранти в газетной статье обратил внимание на то, что отчет не произвел на россиян удручающего впечатления, и счел это очередным доказательством разницы между восточным и западным восприятием: “В странах Запада публикация исключительно подробного отчета о вскрытии вызвала бы ужас и отвращение, но русские смотрят на этот предмет иначе; дело в том, что умерший вождь являлся объектом такого пристального интереса, что публика желала знать о нем все”²¹. Судя по мнению Валентинова и его друзей, можно предположить, что в среде тогдашней беспартийной московской интеллигенции отчет вызвал потрясенное недоумение. “Кажется, никогда еще и нигде в мире не представляли, — писал Валентинов, — умерших правителей страны, царей, королей и т.д., в таком обнаженном до последней, до крайней анатомической степени виде. Никаких анатомических секретов, все показано”²². Товарищ Валентинова, Е.Л.Смирнов считал, что в отчете нашел отражение характерный для большевиков сугубо материалистический подход к человеческой природе. Еще один его коллега добавляет: “Мы знали Ленина как вождя революции, законодателя, правителя страны, если хотите — диктатора, заменившего династию царей. Можем ему симпатизировать или не симпатизировать, это дело наших убеждений. Но Ленин — человек, это *психика*, а нам его потрошат, выворачивают наружу и этим как бы внушают: Ленин только *материя*, только собрание такого-то характера и состояний полушарий головного мозга, кишок, брюшной полости, сердца, почек, селезенки. В этом есть нечто шокирующее”²³. Валентинов указывает, что его знакомые коммунисты обратили внимание не столько на подробный характер отчета, сколько на некоторые сведения, которые там содержались. Вес мозга Ленина составлял 1340 граммов. Один из сослуживцев Валентинова, член компартии, судя по всему искренне огорченный кончиной вождя, уверял Валентинова, что гениальность Ленина непосредственно связана с большим объемом его мозга²⁴.

И в отчете о вскрытии, и в опубликованных отрывках из отчетов наркома здравоохранения Семашко и лечащих врачей Ленина подчеркивается, что Ленин страдал весьма серьезным склерозом сосудов мозговых артерий. Даже Крупская писала, что “вскрытие обнаружило колоссальный склероз”²⁵. Согласно свидетельствам врачей, обызвествле-

ние артерий зашло столь далеко, что во время вскрытия при соприкосновении с металлическим инструментом артерии издавали стук, подобно костям²⁶. Печать того времени утверждала, что вследствие закупорки артерий доступ крови в мозг был, по-видимому, прегражден совершенно; просвет внутри артерий был тоньше волоса. Во всех медицинских отчетах делался упор на том, что склероз мозговых артерий у больного зашел крайне далеко, — это, с одной стороны, соответствовало, по всей видимости, действительности, а с другой — освобождало от ответственности врачей, не сумевших спасти пациента. Семашко уверял, что смерть Ленина была неизбежна: кровеносные сосуды и артерии были полностью разрушены, и “с такими сосудами мозга жить нельзя”²⁷. Один из лечащих врачей Ленина, доктор Отфрид Ферстер, добавляет, что болезнь “развивалась в соответствии со своими внутренними законами, независимыми от внешних факторов, с беспощадной неотвратимостью”²⁸. Троцкий с своим славословии употребил ту же метафору: “темные законы, управляющие работой кровеносных сосудов, оборвали эту жизнь”²⁹. Таким образом были реабилитированы доктора: помимо того, ссылка на необоримые законы природы, которые повлекли за собой конец, звучавшая привычно для ушей приверженцев марксизма, объясняла роковую болезнь вождя партии коммунистов наиболее убедительно.

В довершение всего, сугубая тяжесть болезни Ленина ставила его как бы особняком от прочих смертных. Авторы газетных статей рисовали болезнь Ленина как героическую схватку со смертью, и этот образ стал частью ленинского мифа. Ленин, вознамерившись победить болезнь, использовал для этого силу своей воли, — так писал один петроградский журналист. И вождь достиг бы своей цели, если бы не жестокий приступ, унесший его в могилу³⁰. Ленин потерпел поражение, потому что его противник, Смерть, был вооружен до зубов, а он безоружен и уязвим. Его сосуды, недостаточно питаемые кровью, потеряли силу, так что смерти достаточно было нанести лишь один жестокий удар — паралич, случившийся в январе 1923 г. — и даже гений Ленина оказался неспособен его отразить. Газеты усиленно внушали мысль, что кто-нибудь другой уступил бы грозному врагу значительно раньше. Семашко указывал, что значительная область мозга вождя была разрушена, однако Ленин сохранял способность читать газеты, интересовался политикой и охотой. Медики, которые производили вскрытие, также поражались этому. Пациенты, страдающие такой глубокой формой склероза, утверждали они, оказываются неспособны к каким бы то ни было умственным усилиям. Этим доказывалась замечательная сила интеллекта вождя³¹. “Только Ильич способен был так бороться со смертью и сохранять в остатках мозга всю ясность мысли, энергии, интерес”³². В действительности пресса, сообщавшая в 1923 г. о том, что Ленин продолжает читать газеты и ходить на охоту, прибегала к грубым преувеличениям. Он почти не говорил (произносил всего лишь

несколько слов), не мог читать, а походы на охоту ограничивались тем, что Ленина вывозили из дома и сажали в какое-либо другое транспортное средство. Результаты аутопсии доказывали, что сообщения о состоянии больного, которые публиковались в течение 1923 г. были ложными — или силы Ленина выходили за пределы естественного.

Восхищаясь стойкостью Ленина, Семашко взял на себя труд объяснить, чем была вызвана его болезнь. В качестве первого фактора Семашко назвал наследственность. Отец Владимира Ильича умер рано, в возрасте 54 лет, от артериосклероза. Мать Ленина также страдала склерозом, хотя дожила до преклонных лет³³. Однако, утверждал Семашко, преобладающую роль сыграли не наследственные, а приобретенные свойства организма. От склероза пострадал именно мозг, то есть тот орган, который Ленин в наибольшей степени подвергал рабочим, а также стрессовым перегрузкам. Болезнь поражает обычно наиболее уязвимый орган. (Семашко даже приводит соответствующий латинский термин “*Locus minoris resistentia*”). Таким образом, заключает нарком здравоохранения, вскрытие тела Ленина показало, что его “нечеловеческая умственная работа, жизнь в постоянных волнениях и непрерывном беспокойстве привели нашего вождя к преждевременной смерти”³⁴.

Утверждение, что приобретенные свойства играют большую роль при возникновении болезни, чем наследственные, в известной степени созвучно марксистским позициям. Но в нем имеется и более существенный аспект: Ленин пожертвовал жизнью во имя человечества и революции. Эта идея прослеживается и в письменных высказываниях медиков, и в различных панегириках покойному лидеру. Доктор В.Н.Розанов, бывший лечащим врачом Ленина после покушения на его жизнь в 1918 г., писал: “Несомненно, что смерть Владимира Ильича была исключительно вызвана тем, что он отдал без остатка все свои силы на служение интересам трудящихся”³⁵. В том же тоне высказался Семашко, в своей статье заявивший: “Дорогой наш вождь умер потому, что не щадил своих сил, спешил, не знал отдыха в работе. Погиб он за великое дело освобождения трудящихся”³⁶.

Нельзя отрицать, что Ленин работал много и напряженно — но он умел также и отдыхать. В этом отношении он был весьма внимателен к себе, и даже в трудный период гражданской войны, когда постоянно требовалось его присутствие, находил время отдыхать и ходить на охоту³⁷. Утверждение, будто Ленин не отдыхал никогда, составило часть мифологии его культа и должно было показать его бесконечную преданность человечеству и ничем не ограниченную способность покровительствовать людям (Образ всевидящего и вечного всеобщего защитника характерен также для культа Сталина.)

Медицинские отчеты, в которых утверждается, что Ленин умер за революцию, рисуют его как святого властителя, который ради своего народа отказался от долгой жизни. Его смерть стала следствием его

усердия на посту правителя России. В дни траура пресса подчеркивала жертвенный характер его кончины, называя его “великим страдальцем”³⁸. Но наиболее чувствительным символом святости и бессмертия Ленина стало его неистлевшее тело, выставленное в Мавзолее. Таким образом, было введено в обычай народное поклонение покойному вождю, чье тело обратилось в святую реликвию, обладающую посмертным могуществом. Идея канонизации Ленина частично была внушена теми сотнями тысяч людей, которые, несмотря на суровый мороз, часами ждали своей очереди почтить его останки. Они напоминают верующих в старой России, которые толпами собирались у мест погребения тех, кого почитали святыми. Но подобно тому, как в прежние времена властью канонизировать святого обладали исключительно церковные чины, так и после кончины Ленина не паломники, а Комиссия по организации похорон объявила тело вождя святыней.

РЕШЕНИЕ О БАЛЬЗАМИРОВАНИИ

По поводу того, каким образом комиссия пришла к мысли уберечь тело вождя от тления, не сохранилось прямых свидетельств. В официальном отчете говорится, что комиссия откликнулась на тысячи писем и телеграмм, в которых многочисленные представители народа выражали желание “проститься с любимым вождем”³⁹. Ряд таких писем появился в печати накануне траурной церемонии. 25 января 1924 г. еженедельная газета «Рабочая Москва» опубликовала три такие письма под заголовком “Тело Ленина надо сохранить!”. В одном из таких писем говорилось: “Предавать земле тело столь великого и горячо любимого вождя, каким являлся для нас Ильич, ни в коем случае нельзя. Мы предлагаем забальзамированный прах поместить в стеклянный, герметически запаянный ящик, в котором прах вождя можно будет сохранять в течение сотен лет... Пусть он всегда будет с нами”. В другом письме указывалось, что грядущим поколениям необходимо видеть тело человека, совершившего мировую революцию. Во всех этих письмах содержалась одна просьба: чтобы Ленина сохранили и поместили под стекло для обозрения. Весьма вероятно, что их авторы писали по чьему-то наущению, но кто же водил их пером? Валентинов указывает, что идея сохранить тело Ленина обсуждалась членами Политбюро за несколько месяцев до смерти вождя. В оставшееся время сторонники этой идеи имели возможность поделиться своими планами с избранными товарищами и обеспечить себе народную поддержку.

Поздней осенью 1923 г. состоялась встреча Сталина, Калинина, Бухарина, Троцкого, Каменева и Рыкова⁴⁰. Политбюро собралось не в полном составе: не было Зиновьева и Томского. Сталин сообщил присутствующим, что состояние здоровья Ленина ухудшается и возможен смертельный исход. Отвечая Сталину, Калинин заявил, что в связи с

надвигающейся кончиной вождя встает вопрос о том, как следует партии организовать его похороны. “Это страшное событие, — сказал Калинин, — не должно нас застигнуть врасплох. Если будем хоронить Владимира Ильича, похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видывал”.

Сталин полностью поддержал Калинина. Чрезвычайно важно, чтобы все было подготовлено заранее и руководство не оказалось в растерянности перед лицом невосполнимой утраты. Вопрос о похоронах Ленина, продолжал Сталин, весьма беспокоит и “некоторых наших товарищей из провинции”: “Они говорят, что Ленин *русский человек и соответственно* тому и *должен быть похоронен*. Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения пред усопшим. Оно может показаться даже оскорбительным для памяти его. В сожжении, уничтожении, рассеянии праха русская мысль всегда видела как бы последний высший суд над теми, кто подлежал казни. Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае, достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет”.

Троцкий был возмущен: “Когда тов. Сталин договорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин — русский человек и его надо хоронить по-русски. По-русски, по канонам русской православной церкви, угодники делались мошами. По-видимому, нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону — сохранить тело Ленина. Прежде были моши Сергея Радонежского и Серафима Саровского, теперь хотят их заменить мошами Владимира Ильича. Я очень хотел бы знать, кто эти товарищи в провинции, которые, по словам Сталина, предлагают с помощью современной науки бальзамировать останки Ленина, создать из них моши. Я бы им сказал, что с наукой марксизма они не имеют ничего общего”.

Бухарин также был исполнен негодования и согласия с Троцким. Он считал, что мумификация останков Ленина станет оскорблением его памяти; эта идея полностью расходится с мировоззрением Ленина и дальнейшему обсуждению не подлежит. Бухарин добавил: “Хотят возвеличить физический прах... Говорят, например, о переносе из Англии к нам в Москву праха Маркса. Приходилось даже слышать, что сей прах, похороненный около Кремлевской стены как бы прибавит “святости”, значения всему этому месту, всем погребенным в братском кладбище. Это черт знает что!”

Каменев страстно возражал против предполагаемого бальзамирования; по его мнению, эта затея — не что иное, как самое настоящее “поповство”, сам Ленин осудил бы ее и отверг.

Протесты Троцкого, Бухарина и Каменева, казалось, не произвели на Сталина никакого впечатления; назвать имена “товарищей в провинции”, которые выдвинули идею бальзамирования, он отказался. Между тем Калинин, выходец из деревни, служивший связующим звеном между партией и крестьянством, продолжал настаивать, что Ленина нельзя хоронить, как простого смертного. Рыков склонялся на сторону Сталина и Калинина. Он не высказался прямо в пользу бальзамирования, но дал понять, что ритуал похорон Ленина должен отличаться от обычного.

Когда Ленин умер, речь о кремировании велась, но только в теоретическом аспекте: в России тогда еще не было крематориев. Сам этот факт говорит о правоте Сталина, утверждавшего, что русскому народу чужда идея обращения тела в золу. “Кремация всегда была противна христианскому чувству, и хотя утверждалось, что судьба бессмертной души не зависит от того, как распорядились телом покойного, почти нет сомнения, что подлинная причина неприятия погребального костра является следствием догмата о воскрешении плоти”⁴¹. Воскрешение тела является одним из важнейших аспектов христианской эсхатологии. Вечная жизнь должна быть жизнью во плоти. “Тело восстанет вновь, тело целиком, то же самое тело, тело без изъятия”⁴².

Судя по всему, сразу после смерти Ленина планировалось в конце недели предать тело погребению — во вторник 22 января доктор Абрикосов, делавший вскрытие, осуществил бальзамирование с целью сохранить тело в течение шести дней — до похорон⁴³. По свидетельству Бонч-Бруевича, через несколько дней было принято решение сделать новое бальзамирование, на сей раз на срок сорок дней⁴⁴. Этот срок входит в традиции русской православной церкви: в течение 40 дней читаются молитвы по усопшим⁴⁵. Об этом решении сообщалось в резолюции Центрального Комитета СССР; о том, сколько дней еще будет длиться прощание, ясных указаний дано не было. Из резолюции следовало, что похороны сочтено нужным временно отложить: “Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями в ЦИК СССР; и в целях представления всем желающим, которые не успели прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, президиум ЦИК Союза постановляет:

1) Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения населения.

2) Склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братской могилы борцов Октябрьской революции”⁴⁶.

Уход за телом был поручен Абрикосову. Он опасался, что проведенное им вскрытие может в дальнейшем негативно сказаться на сохранности тела. Но, тем не менее, он выразил надежду, что останки вождя смогут храниться долгое время, “не менее трех-четырех лет”, если температуру в гробнице поддерживать близкой к нулю, влажность — минимальной, а также герметично закупорить гроб⁴⁷. Соответствен-

но, 26 января в советской печати появилось сообщение, что внутри гробницы будет поддерживаться нулевая температура “для лучшего сохранения тела”⁴⁸. В день траурной церемонии Стеклов в напыщенных тонах выразил надежду, что тело Ленина удастся сохранить нетленным: “Нет, не уйдет! Он и физически останется с нами, хотя бы на время. О, как хорошо мы понимаем горячее желание рабочих навсегда сохранить тело Ленина, чтобы все грядущие поколения могли видеть того, кто подал сигнал к освобождению угнетенного человечества. К сожалению, до сих пор наука не нашла средства сохранить навсегда человеческие останки. Но мы знаем, что будут приняты все меры к тому, чтобы на возможно более долгое время тело Ленина было предохранено от тления и чтобы все, кто пожелает, могли поклониться его останкам”.

Стеклов жаждал ободрить тех, кто ошибочно и скорбно “думают о том, что им не удастся увидеть его лицо”⁴⁹. Двумя днями позже он писал о Ленине: “Весь народ мечтает навсегда сохранить останки вождя, чтобы всегда лицезреть их”⁵⁰.

Несмотря на эти публикации, на следующий день после похорон Крупская, по-видимому, ничего не знала о намерении сохранить останки ее супруга. 28 января она писала И.А.Арманд: “Сейчас гроб еще не заделали, и можно будет поглядеть на Ильича еще”⁵¹. По мнению биографа Крупской, Роберта Макнила, она, должно быть, ожидала, что вскоре Ленин будет погребен согласно традиции⁵². Однако именно в это время было решено оставить тело Ленина для обозрения не на сорок дней, а на возможно более долгий срок.

Вероятно, Крупская узнала о намерении законсервировать тело 29 января. На следующий день она опубликовала в «Правде» “завуалированный протест”⁵³.

“Товарищи рабочие... и крестьяне! Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т.д. Всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т.д., и самое главное — давайте во всем проводить в жизнь его заветы”⁵⁴.

Бонч-Бруевич также замечает, что “Надежда Константиновна, с которой я интимно беседовал по этому вопросу, была против мумификации Владимира Ильича”⁵⁵. Крупская не смогла заставить распорядителей отказаться от их намерения, однако продолжала молча выказывать недовольство: она ни разу не посетила Мавзолей и не присутствовала на его трибуне во время революционных праздников. В изданных работах Крупской, посвященных Ленину, не содержится ни одного упоминания останков, хранящихся в Мавзолее⁵⁶.

Сестры Ленина Анна Ильинична и Мария Ильинична и его брат, Дмитрий Ильич, также не одобрили бальзамирования. С ними был согласен Бонч-Бруевич, член Комиссии по организации похорон, ответственный за построение гробницы; он был убежден, что Ленин решительно возражал бы против подобного обращения со своим (и чьим бы то ни было) телом. Ленин, говорил Бонч-Бруевич, высказался бы в пользу самых простых похорон или кремации; он не единожды замечал, что необходимо построить в России крематории⁵⁷. Видимо, по этой причине нарком здравоохранения Семашко настаивал на кремации останков Ленина. Согласно свидетельству, за день до похорон Семашко говорил, что тело следует кремировать, а для этого его следует беречь от тления, пока не будет сооружен крематорий. Он добавил, что «считает своевременной и необходимой идею введения кремации в России вообще»⁵⁸. Однако, по словам Бонч-Бруевича, идея набальзамировать останки Ленина и выставить их на постоянное всеобщее обозрение «быстро охватила всех, была всеми одобрена»⁵⁹.

Бонч-Бруевич был неправ, утверждая, что кроме него самого и семейства Ленина у идеи бальзамирования нет противников. На заседании Политбюро осенью 1923 г. Троцкий, Каменев и Бухарин также высказались против мумификации. После смерти Ленина никто из них не заявил публично о несогласии с намерением набальзамировать тело вождя. Однако Бухарин нашел возможность осудить подобное обращение с останками Ленина. «Правда», которую он редактировал, намеренно избегала упоминаний о теле и Мавзолее Ленина. Этому предмету «Правда» посвятила значительно меньше публикаций, чем «Известия»; соответствующие статьи объемом значительно уступали известинским и не попадали на первые полосы. Но 30 января все три крупнейшие газеты опубликовали пространную статью Зиновьева, посвященную траурным дням, где автор высказывался в пользу бальзамирования: «Как хорошо, что решили хоронить Ильича в склепе! Как хорошо, что мы вовремя догадались это сделать! Зарыть в землю тело Ильича — это было бы слишком уж непереносимо»⁶⁰.

Каким образом партийные руководители приняли соответствующее решение, навсегда осталось тайной: власти не обнародовали протоколов совещаний, которые обрекли Ленина на уникальную (по тем временам) участь. Единственное объяснение, предназначенное для общественности, появилось в средствах печати в середине июня 1924 г., когда бальзамирование было уже почти завершено:

«В первую же ночь после смерти Владимира Ильича тело его было подвергнуто бальзамированию и вскрытию, результаты которого своевременно были опубликованы в печати. Бальзамирование было произведено профессором Московского университета А.И.Абрикосовым, которому была поставлена задача сохранить тело Владимира Ильича на ближайшее время до предания его земле... Всем памятен дни, когда сотни тысяч людей при 28гр. мороза простаивали часами на улице,

стремясь увидеть облик Владимира Ильича и запечатлеть черты любимого вождя. В течение трех суток непрерывно был открыт доступ в Дом Союзов, но этот срок оказался недостаточным для значительной части населения Москвы. Затем правительством было принято решение не предавать тело Владимира Ильича земле, а поместить его в Мавзолею и продлить доступ желающим⁶¹.

Разумеется, на тех, кто решил сохранить тело Ленина и выставить его на обозрение, в немалой степени повлиял громадный наплыв народных масс во время церемонии прощания с покойным. В качестве реликвии, Ленину предстояло утверждать законность Советской власти и вдохновлять покорное ей население. Бонч-Бруевич примирился с этой идеей из-за политических преимуществ, которые она сулила. “Ну и что же! — подумалось мне. — ... Пускай и после смерти, как и при жизни, послужит он пролетарскому делу, делу рабочего класса”⁶². В решении превратить гробницу Ленина в святыню главную роль сыграли политические соображения. Но благодаря чему эта идея возникла? На этот сложный вопрос не существует однозначного ответа, но, учитывая обстоятельства, можно вычленить четыре ее предполагаемых источника: открытие гробницы египетского фараона Тутанхамона за год и три месяца до смерти Ленина; русская православная традиция, по которой нетленность останков служит свидетельством святости; влияние на большевистскую интеллигенцию философии Федорова, который видел спасение человека в воскресении во плоти; и, наконец, движение богостроительства в рамках большевизма, вознамерившееся сделать большевизм новой религией: один из главных его сторонников, Леонид Красин, осуществлял надзор за бальзамированием.

Прямые указания на связь между гробницами Ленина и Тутанхамона отсутствуют, однако не следует забывать, что известие о том, что в Луксоре в 1922 г. найдено погребение, не опустошенное грабителями, распространилось по всему миру. В 1923 г. изучение найденных баснословных сокровищ продолжалось, и газеты Европы и Америки описывали все заслуживающие внимания открытия. Туристы толпами устремлялись в Луксор. Наблюдать за наиболее важными этапами раскопок приглашались члены королевских семей⁶³. По всему миру бизнесмены принялись за изготовление тканей и обуви по образцу найденных в гробнице⁶⁴. Когда лорд Карнарвон, организатор раскопок, умер весной 1923 г. от пневмонии, газеты запестрели рассказами о “проклятии” мумии фараона⁶⁵.

К моменту смерти Ленина бинты, в которые была закутана мумия, еще не сняли, однако публика была оповещена о намерении археологов изучить мумию, и предстоящему событию было посвящено немало статей. Внимание многих читателей, в том числе и советских, имевших доступ к западной прессе, было привлечено к загадочным свойствам тела, которое не истлело за три тысячелетия. Таким образом, решение сохранить тело Ленина и поместить его в роскошный Мавзолей могло

быть принято не без влияния этой недавней археологической сенсации. Косвенно намекал на египетскую находку Юрий Стеклов, который сравнивал похороны Ленина с похоронами “основателей великих государств древности”, вместе с которыми в могилы опускали и их рабов. Тела царей скрывали в замысловатых лабиринтах, объяснял он, чтобы “подавленные массы” не осквернили их могил⁶⁶. Когда 1 августа 1924 г. Мавзолей с набальзамированными останками Ленина был открыт для посещений, один их специалистов, осуществивших бальзамирование, в газетном интервью прямо сравнил свою работу с трудом древнеегипетских коллег.

Можно только гадать о том, насколько повлияла египетская находка на посмертную судьбу тела вождя. Роль русской религиозной традиции более очевидна. В предложении, высказанном Сталиным в 1923 г., чтобы Ленин был похоронен “по-русски”, несомненно, содержался намек на обычай православной церкви выставлять святые моши на всеобщее обозрение — это с раздражением отметил Троцкий. Сталин учился в свое время в духовной семинарии в Тифлисе, поэтому идея сохранить тело Ленина нетленным пришла ему в голову не случайно. Но хотя Сталин в разговоре с другими членами Политбюро поддержал эту мысль, он все же счел нужным сослаться на неких провинциальных товарищей, имена которых назвать не пожелал. Кто были эти провинциальные товарищи, так никто и не узнал, однако Константин Мельников, архитектор, автор проекта саркофага Ленина, говорил позже, что “общая идея” вечного хранения и публичной демонстрации тела вождя принадлежала Леониду Красину⁶⁷.

Красин перенял веру Богданова в физическое бессмертие, а возможно, воспринял и идеи Федорова, который соединил веру в Христа с верой в человеческое общество и чудодейственную силу техники. Так же Красин верил, что в будущем станет возможным воскресение человека во плоти. В 1931 г. Ольминский писал, что Красин был последователем Богданова и пересмотрел свои взгляды лишь в 1918 г. Далее Ольминский сообщал, что Красин публично проповедовал веру в воскресение мертвых. На похоронах Л.Я.Карпова Красин заявлял:

“Я уверен, что наступит момент, когда наука станет так могущественна, что в состоянии будет воссоздавать погибший организм. Я уверен, что настанет момент, когда по элементам жизни человека можно будет восстановить физически человека. И я уверен, что когда наступит этот момент, когда освобожденное человечество, пользуясь всем могуществом науки и техники, силу и величину которых нельзя сейчас себе представить, сможет воскрешать великих деятелей, борцов за освобождение человечества, — я уверен, что в этот момент среди великих деятелей будет и наш товарищ Лев Яковлевич”⁶⁸.

Тремя годами позже Красину была поручена забота о сохранении тела Ленина. Если был достоин бессмертия Лев Яковлевич, то разве не заслуживал того же Владимир Ильич? С большой вероятностью можно

предположить, что Красин считал нужным сохранить тело Ленина нетронутым ради будущего возможного воскрешения⁶⁹.

29 января 1924 г. Красин был внезапно введен в состав Комиссии по похоронам, а шестью днями позднее был назван членом ее исполнительной тройки. Он занялся вопросами, связанными с установкой бюстов и памятников Ленину. Однако наиболее важной и неотложной его задачей стало сохранение тела и возведение Мавзолея.

ПОПЫТКИ СОХРАНЕНИЯ ТЕЛА

В течение трех дней и трех ночей, пока длилась неделя траура, шло сооружение временной гробницы вождя у Кремлевской стены; за ним надзирала Комиссия по похоронам. 3 февраля комиссия объявила о принятии мер против возгорания, протечек, а также об установке в гробнице электрических нагревателей с целью предотвратить падение температуры ниже требуемого уровня — то есть ноля градусов. Понадобились некоторые, не столь существенные усовершенствования и с внешней стороны гробницы⁷⁰. На следующий день под наблюдением Красина началось сооружение рефрижераторной системы, которая должна была обеспечить поступление холодного воздуха в стеклянный саркофаг, где предполагали поместить тело⁷¹. В начале марта в Сенатской башне Кремля велось изготовление холодильного блока⁷².

Двумя неделями ранее Красин организовал конкурс на лучший проект саркофага Ленина. Участникам конкурса была дана неделя для работы над рисунками и моделями, за наиболее удачный проект было обещано денежное вознаграждение. Были поставлены следующие обязательные условия: лицо Ленина должно оставаться на виду, для чего верхняя часть саркофага изготавливается из стекла; она не должна быть массивной, так как опорную конструкцию нежелательно делать громоздкой; и, самое главное, должна быть предусмотрена герметическая закупорка саркофага и его связь с рефрижераторным блоком⁷³. Авторам проектов следовало также соотноситься с тем, какие строительные материалы имеются в распоряжении у комиссии (в конечном итоге, на сооружение саркофага пошло стекло, снятое с витрины ресторана)⁷⁴. Лучшим был признан проект, выполненный архитектором К.С.Мельниковым.

14 марта Красин выступил перед Комиссией по похоронам с докладом и сообщил, что холодильный блок с системой труб будет изготовлен в двух экземплярах; запасной блок необходим на случай поломки основного. Красин утвердил решение комиссии относительно проекта Мельникова и объявил, что будет лично руководить строительством Мавзолея, саркофага, а также процедурами, призванными обеспечить сохранность тела⁷⁵. Получив в прошлом инженерную подготовку, он располагал соответствующими знаниями и намеревался всерьез заняться

практическими аспектами предстоящей работы⁷⁶. В заключение Красин заявил, что через полтора месяца все необходимое будет сделано.

Однако, пока Красин проводил конкурс, совершенствовал холодильную установку и рассматривал планы сооружения временного, деревянного мавзолея, возникли непредвиденные проблемы. К концу февраля—началу марта на трупе показались явственные признаки разложения. По словам доклада Комиссии по похоронам, “время делало свое дело”⁷⁷. Наступала теплая погода, и кожа Ленина начала обесцвечиваться⁷⁸.

Встает вопрос, на каком основании Красин предполагал, что для сохранения тела достаточно будет поддерживать низкую температуру. Едва ли он проникся верой, что подобно мощам православных святых, тело Ленина не подвержено гниению. Вероятно, Красин в своем предположении опирался на какую-либо научную теорию. Человеческое тело может храниться долгое время, если оно надлежащим образом набальзамировано, охлаждено и защищено от произрастания плесени, для чего необходимо ограничить доступ к нему кислорода. Однако если рост плесени начался, предотвратить дальнейшее разложение останков почти невозможно. Изменение цвета трупа несомненно свидетельствовало о том, что на нем появилась плесень⁷⁹.

Ввиду такого развития событий, 26 февраля была поспешно сформирована медицинская комиссия, на которую была возложена “вся ответственность по наблюдению за состоянием бальзамирования тела Владимира Ильича Ленина и своевременное принятие необходимых мер”⁸⁰. В состав комиссии вошли нарком Семашко, профессора В.Н.Розанов и Б.С.Вейсброд; через несколько дней к ним присоединились профессора В.П.Воробьев и В.И.Збарский. Эксперты осмотрели тело и пришли к выводу, что предотвратить разложение могут только незамедлительные меры⁸¹.

Настал момент для принятия окончательного решения. Оказалось, что тело вождя не способно сопротивляться гниению и необходимо, видимо, предать его земле. Разумеется, несостоявшуюся святыню — разлагающееся тело — нельзя было демонстрировать публике. Комиссия по похоронам многократно обсуждала этот вопрос и заключила: необходимо изыскать средство, чтобы сохранить тело Ленина на неопределенно долгий срок. На заседания Комиссии 5 и 12 марта была приглашена группа ученых; предстояло обсудить, каким образом устранить следы гниения и сохранить тело в целости. Перед учеными была поставлена задача “обсудить те меры, которые могли бы быть приняты для сохранения тела Владимира Ильича на возможно долгий срок. Дело идет о том, чтобы сохранить тело в таком виде, чтобы оно было доступно обозрению и чтобы внешний вид тела и лица сохранил бы облик Владимира Ильича таким, каким он был в первые дни после своей кончины”⁸².

Эта задача была чрезвычайно сложна. Бальзамирование, дающее

долговременный эффект, является исключительно редким научным достижением. Разумеется, славились своим искусством бальзамирования древние египтяне, но их мумии, освобожденные от бинтов, представляют собой неприглядное зрелище. Кожа коричневая, огрубевшая и полностью иссохшая. Лицо неузнаваемо. Подобным же образом выглядят и другие предохраненные от тления останки, например, тело Иеремии Бентама в Лондонском университете, с его уродливой, задубевшей кожей. На советских ученых была возложена беспрецедентная задача. Требовалось, чтобы тело Ленина выдерживало воздействие воздуха и нормальной температуры, поскольку его предстояло демонстрировать тысячам посетителей; лицо и руки (то есть все, что находится на виду) должны были выглядеть так, словно Ленин только что умер.

Некоторые из ученых, принимавших участие в мартовских заседаниях, указывали, что в присутствии кислорода кожа неизбежно будет терять цвет, что уже начало происходить с трупом. Другие полагали, что единственный способ предохранить кожу от высыхания — это поместить ее в жидкость. По мнению части собравшихся ученых лицо покойного в любом случае вскоре стало бы неузнаваемым. Общее мнение свелось к тому, что при современном состоянии науки решить проблему невозможно⁸³.

Общественности в то время не было объявлено, что тело Ленина начало разлагаться, но 25 марта 1924 г. Комиссия по похоронам объявила, что будут предприняты попытки обеспечить сохранность тела Ленина:

“После смерти В.И.Ульянова-Ленина тело его подвергнуто было бальзамированию обычным способом, имевшим целью временное его сохранение. В настоящее время, идя навстречу желаниям широких масс Союза ССР и других стран видеть облик покойного вождя, комиссия по похоронам В.И.Ульянова-Ленина решила принять меры, имеющиеся в распоряжении современной науки для возможно длительного сохранения тела” (Комиссия ЦИК СССР по похоронам В.И.Ульянова-Ленина)⁸⁴.

Впервые намерение сохранить тело на неопределенный срок было доведено до сведения общественности. Став достоянием гласности, решение сделалось необратимым, а о неудаче не могло быть и речи. Комиссии ЦИК СССР по похоронам В.И.Ульянова-Ленина было поручено отныне сделать тело Ленина вечным и через три дня после публикации решения она получила соответствующее новое название: Комиссия ЦИК СССР по увековечению памяти В.И.Ульянова-Ленина.

26 марта 1924 г. двое ученых приступили к восстановлению и повторному бальзамированию тела Ленина. Вел работу В.Р.Воробьев, профессор анатомии Харьковского Медицинского Института⁸⁵. Воробьев был известен своими трудами по анатомии нервной системы⁸⁶. Его ближайшим помощником стал Борис Збарский, биохимик. Им помогала группа ученых⁸⁷. Повторное бальзамирование было осуще-

ствлено под общим наблюдением Леонида Красина и профессоров Вейсброда и Розанова⁸⁸.

Воробьев и Збарский начали свою четырехмесячную работу, ощущая тяжелый груз ответственности. О планах, связанных с телом Ленина, было объявлено публично, и неудача поставила бы руководство в крайне затруднительное положение. В случае успеха нетленное тело послужило бы вящей славе покойного вождя. Оно стало бы “доказательством” божественности Ленина, а претензии партии на власть обрели бы видимость законности благодаря наличию “вечно живого” вождя. “Мы видели, какое внимание оказывает этому делу партия”, — писал позднее Збарский⁸⁹. Целью предприятия было не только утвердить величие Ленина, но и прославить советскую науку. Успешно решив задачу, считавшуюся ранее невыполнимой, советские ученые продемонстрировали бы таким образом преимущества советской системы правления. “Схоронить в земле не редкость, — писала в адрес Комиссии группа студентов из Ростова-на-Дону, — а сохранить [тело] на много лет — вот что может сделать только Коммунистическая партия”⁹⁰. Приведенный тезис характерен для советской пропаганды, как тогдашней, так и современной. Если Советский Союз превзошел всех в науке, то советская система правления, без сомнения, самая наилучшая. И, соответственно, если коммунистическая система лучше других, то и советская наука должна быть на первом месте. Эти рассуждения показывают, насколько новый советский режим почитал науку. Профессора Воробьев и Збарский призваны были отстоять честь Ленина и советской науки. И они обязаны были сделать это быстро, поскольку наступила весна и тело нужно было подновить немедленно.

Ученые работали без перерывов круглые сутки. Они проводили эксперименты с трупами, которые доставляли из моргов и патологоанатомических учреждений⁹¹. Они использовали различные химические препараты, вначале испробованные на подопытных трупах. За ходом эксперимента требовалось постоянно наблюдать, и Воробьев с Збарским попеременно дежурили у тела Ленина. Дзержинский распорядился оборудовать трамвайные пути в непосредственной близости от Мавзолея, и ученые спали, принимали пищу и мылись в трамвае⁹². Работали медики под усиленной охраной. Перед гробницей и внутри ее были выставлены посты. Кремлевские стены обходили часовые со штыками, вокруг Мавзолея дефилировали конные войска. Это внушило Уолтеру Дюранти мысль, что “Ленина после смерти охраняют лучше, чем при жизни”⁹³.

Ученые пытались изобрести бальзамирующий состав, который исключил бы высыхание тканей, не обесцвечивая при этом кожу. Через некоторое время они объявили, что достигли своей цели: для обработки тела они применили химический раствор, содержащий формалин, глицерин, спирт и другие вещества⁹⁴. Точная формула до сих пор хранится в секрете.

К середине июня были достигнуты многообещающие результаты, вследствие чего Комиссия по увековечению смогла опубликовать заявление, в котором признавалось, что на теле появились признаки разложения, а затем сообщалось, что очередное бальзамирование близится к успешному концу.

“Первоначальное бальзамирование имело целью сохранение тела на короткий срок, но время делало свое дело.

В некоторых частях тела появилась пигментация, изменение цвета покровов, что указывало на начавшиеся процессы, могущие повлиять на дальнейшее сохранение тела. Ввиду этого Комиссия ЦИК СССР по увековечению памяти В.И.Ульянова-Ленина устроила ряд совещаний со специалистами... для выяснения вопроса о возможности длительного сохранения тела Владимира Ильича без изменений.

В результате совещаний специалистов выяснилось, что для длительного сохранения тела необходимо новое специальное бальзамирование, которое было поручено профессору анатомии Харьковского мед. института В.П.Воробьеву.

К новой бальзамировке было преступлено 26 марта, о чем своевременно появилось официальное сообщение⁹⁵.

Способ бальзамировки заключается в 1) придании однообразного характера тканям, изменившим цвет и консистенцию с тканями нормальными, 2) введении веществ, препятствующих автолизу, 3) замещении тканевой влаги неиспаряющимися веществами.

Со времени начала бальзамировки прошло два месяца⁹⁶. Наиболее трудные моменты ее пройдены, и в настоящее время процесс, находясь в последней стадии, дал возможность для членов XIII съезда РКП увидеть облик покойного руководителя партии”.

В заключение комиссия заверяла, что в ближайшем будущем публике будет открыт доступ к телу Ленина⁹⁷. Примечателен тот факт, что комиссия не делала тайны из обнаружения на трупе симптомов распада; это означало, что у нее ни в коей мере не было намерения выдать нетленность останков за чудо. Напротив, члены комиссии воспользовались этим случаем, чтобы прославить возможности советской науки.

Повторное бальзамирование было завершено в конце июля 1924 г. В течение четырех дней, с 22 по 26 июля, группа экспертов производила тщательный осмотр тела и изучала документальный отчет о ходе бальзамирования. Эксперты пришли к выводу, что научный метод, примененный Воробьевым, правилен, и что при условии поддержания требуемой влажности и температуры тело может сохраняться десятилетиями в гробу со стеклянной крышкой и будет иметь вид, пригодный для показа публике. Вслед за тем к первой группе экспертов присоединилась вторая. Ее члены констатировали, что Ленин выглядит так, словно только что умер⁹⁸.

26 июля 1924 г. Комиссия по увековечению в полном составе произвела детальный осмотр тела⁹⁹. В тот же день в Кремле состоялось

заседание Комиссии. В начале заседания Дзержинский представил собравшимся Воробьева, и тот ознакомил комиссию с подробным отчетом о своей работе. Он заявил, что его метод обеспечил требуемый результат. Вслед за тем представила свой отчет вышеупомянутая группа экспертов. Ученые с удовлетворением отметили, что тело может оставаться без изменений весьма продолжительное время, однако указали, что для обеспечения его сохранности потребуются постоянные усилия¹⁰⁰. Вторая группа специалистов также высоко оценила работу Воробьева. Заслушав доклады, Комиссия по увековечению постановила, что профессорам Воробьеву и Збарскому поручается наблюдение и уход за телом, а Комиссия по увековечению будет осуществлять надзор за их деятельностью.

Авель Енукидзе, секретарь Центрального Исполнительного Комитета, счел нужным в те дни разъяснить смысл мер, предпринятых для сохранения тела вождя. Он отверг идею, что из тела Ленина вознамечались сделать святые мощи. Напрашивается вывод, что кое-кто в партии испытывал по этому поводу определенные сомнения. Енукидзе пришлось выступить в защиту того образа действий, который избрало руководство.

“Сохранению тела Владимира Ильича не только данная комиссия, но и вся наша партия и заседавший в январе II съезд Советов Союза ССР придавал и придает громаднейшее значение. Само собой разумеется, что ни мы, ни наши товарищи не хотели создать из останков Владимира Ильича какие-то “мощи”, посредством которых мы могли бы популяризировать или сохранить память о Владимире Ильиче. Своим гениальным учением и революционными действиями, которые он оставил в наследство всему мировому революционному движению он достаточно увековечил себя. Я смело могу заявить, что не было еще человека в мировой истории который пользовался бы при жизни такой величайшей популярностью и любовью со стороны широчайших масс рабочих и крестьян всего мира... Мы хотели сохранить тело Владимира Ильича не для того, чтобы просто популяризовать его имя, а придавали и придаем величайшее значение сохранению облика этого замечательного вождя для подрастающего поколения и для будущих поколений, а также для сотен тысяч, может быть и миллионов людей, которые будут в высшей степени счастливы увидеть облик этого человека. Поэтому вы прекрасно понимаете то волнение, которое мы переживали в первый период работы за сохранение тела В.И. Было много колебаний и сомнений и среди комиссии, и среди тех специалистов, которых мы привлекли к этой работе.

Четыре месяца тому назад, когда мы на одном из заседаний не могли прийти к твердому убеждению, что мы сумеем сохранить на длительное время в достаточной степени облик В.И., мы все прекрасно помним, как тогда профессор Воробьев взял на себя, я бы сказал, очень смелую задачу. И сегодня, ровно через четыре месяца, как и

обещал нам проф. Воробьев, результаты произведенных им работ, по определению авторитетнейших экспертиз, вселили в нас уверенность, что эта работа завершилась весьма удовлетворительно”¹⁰¹.

Таким образом Енукидзе заверил Воробьева, что работа, которую проделал он и его сотрудники, будет надлежащим образом отмечена, что и произошло впоследствии¹⁰².

ГРОБНИЦА ЛЕНИНА

22 января 1924 г. Комиссия по похоронам поручила В.Д.Бонч-Бруевичу надзор за оборудованием места захоронения Ленина. В тот же день он выбрал место для гробницы у кремлевской стены, вблизи братской могилы и могилы Свердлова. Именно здесь Ленин в свое время обращался с трибуны к москвичам.

На следующее утро Бонч-Бруевич встретился с архитекторами, чтобы обсудить будущий проект гробницы. В начале совещания Бонч-Бруевич объявил собравшимся, где будет располагаться гробница. Его слова были встречены молчанием. Наконец заговорил архитектор А.В.Щусев: “Владимир Ильич вечен... Как нам почтить его память? Чем отметить его надгробие? У нас в зодчестве вечен куб. От куба идет все, все многообразие архитектурного творчества. Позвольте и Мавзолей, который мы будем сейчас воздвигать в память Владимира Ильича, сделать производным от куба”. Щусев быстро набросал и показал присутствующим эскиз здания, состоящего из трех кубических объемов. Собравшиеся, вспоминая Бонч-Бруевича, выслушали речь Щусева со вниманием. В напыщенном тоне Бонч-Бруевич свидетельствует: “Все почувствовали высокую правду в словах этого вдумчивого зодчего, и все согласились с ним”¹⁰³.

Представляется очевидным, что любое погребальное сооружение должно соответствовать идеалам своего времени. Однако почему куб? В тот период кубизм принадлежал к числу важнейших направлений в искусстве. Один из наиболее видных его представителей, Казимир Малевич, также считал, что Мавзолею надлежит придать форму куба; вскоре после смерти Ленина он писал по этому поводу: “Точка зрения, согласно которой смерть Ленина не является смертью, что он жив и вечен, символизирована новым объектом, принимающим форму куба. Куб — более не геометрическая фигура. Это новый объект, посредством которого мы пытаемся изобразить вечность, создать новый набор обстоятельств — и поддерживать ими вечную жизнь Ленина, побеждая смерть”¹⁰⁴. Малевич предлагал учредить культ Ленина, который включал бы в себя посвященные вождю музыкальные и поэтические произведения, а также устраивать повсеместно ленинские уголки. По замыс-

*Цитата дана в обратном переводе с английского. (Прим. переводчика)

ду Малевича, у каждого ленинца должен был иметься дома куб “как напоминание о вечном, постоянном уроке ленинизма”. Подобно пирамиде в Египте, куб представлял бы собой основной символ культа. Тело Ленина нужно было поместить в сооружение, в котором имелся бы проход в куб, “как в вечность”¹⁰⁵. Щусев, на которого была возложена почетная задача спроектировать гробницу вождя, представил чертеж строения из трех горизонтально расположенных кубических объемов, которые соединялись между собой коридорами¹⁰⁶. Центральный куб, являвшийся вместилищем тела, увенчивала трехъярусная платформа, которая напоминала ступенчатую пирамиду. На верхнем ярусе располагалась высокая тонкая колоннада, подкрепленная опорами.

Завершить строительство требовалось через три дня, поэтому работа была начата немедленно и продолжалась круглосуточно. Бригады рабочих сменялись каждые два часа: смены пришлось сделать короткими из-за мороза¹⁰⁷. Работа оказалась крайне тяжелой. Из-за сильного мороза замерзший грунт не поддавался, хотя рабочие жгли костры. Хуже того, при попытке проделать в почве скважины бур наткнулся на препятствие: это оказался фундамент древней стены. Пришлось взрывать его динамитом. Чтобы вскрыть почву, потребовалось около шестидесяти зарядов. Утром накануне похорон фундамент еще не был готов.

Пока шли взрывные работы, сама гробница сооружалась где-то в другом месте; 26 января она была установлена на фундамент. Ввиду недостатка времени, колоннаду на вершине центрального куба соорудить не успели, размеры гробницы пришлось сделать меньше первоначально запланированных, из предусмотренных Щусевым двух входов остался один¹⁰⁸. Строительство было завершено в день похорон. В тот же день рано утром Бонч-Бруевичу представили макет надписи на фасаде гробницы. Текст гласил:

1924
СССР
ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ
ЛЕНИНУ

Бонч-Бруевич зачеркнул все это и написал просто: ЛЕНИН¹⁰⁹.

В завершенном виде деревянная гробница выглядела приземисто и безобразно. Все три кубических корпуса, а также ступенчатое завершение центрального куба выкрасили серой краской (под камень). Края в знак траура обвели черным. К фасаду прикрепили большие черные буквы, образующие надпись ЛЕНИН. Внутренние стены гробницы были обтянуты красной материей, в разрезах виднелись черные полосы. На потолке, над платформой, где стоял гроб, помещалось сделанное из черного крепа изображение молота и серпа¹¹⁰. По всему зданию, а также вокруг него были разбросаны сморзшиеся венки разнообразных форм и размеров. После похорон Ленина работы продолжились: гробницу приводили в соответствие с первоначальным проектом. Одновременно было объявлено, что “монументальная” гробница будет сооружена весной.

ДЕРЕВЯННЫЙ МАВЗОЛЕЙ

Через неделю с небольшим после похорон Ленина Леонид Красин выступил в «Известиях» со статьей, озаглавленной «Архитектурное увечие Ленина». Эта статья положила начало оживленной дискуссии по поводу будущего Мавзолея. Красин подчеркивал, что гробница Ленина — сооружение мировой важности, призванное превзойти Мекку и Иерусалим. Гробница должна быть внушительной, но простой и не вступать в соревнование с прославленной архитектурой Кремля. Красин предложил, чтобы непосредственно на гробнице была устроена трибуна; отсюда деятели партии смогут обращаться с речами к собравшимся на Красной площади массам. По этой причине не следует украшать гробницу крупными скульптурными монументами. Что касается надписи, то она должна остаться прежней: ЛЕНИН. В заключение Красин заверял, что не ставит перед собой цели добиться всеобщего одобрения его замысла, а хочет открыть широкую дискуссию, которая развернулась бы на собраниях трудящихся, партийных собраниях и в прессе¹¹. Иными словами, он замыслил привлечь народные массы к возвеличиванию памяти Ленина. Не только будущее здание, но и сама его концепция должны были внушать народу энтузиазм.

Так оно и оказалось. На статью Красина откликнулось множество художников и архитекторов, выдвинувших собственные предложения; в их эскизах отразились самые различные мнения по поводу того, как сделать гробницу Ленина наиболее значительным из всех московских монументов, посвященных вождю, и каким, символическим или образным, может быть ее решение¹². В то же время в редакции московских газет поступали сотни предложений, касающихся облика будущей гробницы. Один дипломатический служащий предложил воздвигнуть над могилой Ленина гигантскую башню. Она должна была «походить на Эйфелеву, только быть еще выше». В цоколе башни располагалась бы на виду непрерывно рокочущая громадная турбина; с вершины монумента радио- и телеграфная станции посылали бы сообщения во все концы земли; последнюю символизировал бы венчающий здание шар. По мнению художника В.Е.Татлина, Мавзолей должен был стать «триумфом инженерного техницизма» и вмещать огромное количество посетителей. Внутри Татлин предлагал разместить гигантских размеров зал и бюро информации, оборудованное радиостанцией и (сверхсовременная деталь) тремя сотнями телефонов¹⁴.

Этому потоку предложений дали толчок статья Красина и объявление, опубликованное несколькими днями ранее, в котором все желающие приглашались принять участие в конкурсе на лучший проект Мавзолея¹⁵; сыграл роль и сохранившийся с дней траура повальный интерес ко всему, что было связано с Лениным.

В нервной, лихорадочной атмосфере тех дней, когда не было конца

славословиям и в прессе наперебой высказывались мнения относительно конструкции гробницы, странно выглядела заметка в «Правде»: авторы — девятнадцать членов партии и комсомола протестовали против ленинского культа и планировавшегося строительства Мавзолея. Они ссылались при этом на открытое письмо Крупской от 30 января 1924 г., в котором вдова вождя призывала не воздвигать в его память монументов. Далее в заметке говорилось: “Преклоняться надо не перед трупом товарища Ленина, а перед его делом”. Лица, подписавшиеся под статьей, предлагали ряд мер по улучшению условий жизни советского народа (таких, как строительство домов и электростанций), которые, как не что иное, способны прославить имя Ленина в веках¹⁶. Примечательно, что протест против строительства Мавзолея и поклонения телу вождя увидел свет именно в партийном печатном органе. Однако издателем «Правды» являлся Бухарин, и, вполне вероятно, он воспользовался случаем, чтобы высказать свои взгляды на данный предмет. Разумеется, «Известия» ничего подобного не публиковали¹⁷.

Протест «Правды» прошел незамеченным: в редакцию «Известий» продолжал стекаться поток грандиозных проектов и замыслов. Однако, по каким-то соображениям, Комиссия по похоронам проигнорировала результаты ею же объявленного конкурса, и 21 февраля Красин вместе со своим сотрудником Ильей Чивчивадзе остановил выбор на одном из эскизов Щусева, изображавшем деревянный Мавзолей; значительно более скромный, чем большая часть предложенных монументов из камня или металла, новый Мавзолей все же выглядел намного внушительнее, чем невзрачная гробница, спешно возведенная за последнюю неделю января¹⁸. Причина этого решения была простой: проектирование и строительство такого архитектурного сооружения, которое стало бы достойной данью памяти покойного вождя, заняло бы слишком много времени. А между тем останки надлежало поместить во временную, но достаточно нарядную и удобную для посетителей гробницу. Предшествующая структура из трех кубических объемов не удовлетворяла этим требованиям; кроме того, в ней негде было установить аппаратуру, необходимую для поддержания сохранности тела.

Согласно замыслу Щусева, новый деревянный Мавзолей должен был вдвое превосходить объемом предыдущий и иметь значительно более изящный облик. Он представлял собой единое, гармоничное здание не очень больших размеров, однако завершение из деревянных столбов зрительно увеличивало его высоту. Вместо двух вестибюлей был предусмотрен один, центральный. В проекте было воплощена, в частности, идея Красина: Мавзолей служил не только гробницей, но также и главной трибуной. Щусеву было предложено предусмотреть в верхней части сооружения место для ораторов и, соответственно, ведущие туда лестницы.

В начале марта Комиссия по похоронам утвердила план Щусева¹⁹. Через две недели строительство Мавзолея началось и продолжалось весь

апрель, одновременно с повторным бальзамированием останков¹²⁰. К 1 мая 1924 г. здание было почти готово. Во время празднования Первой знаменосцы торжественно склонили перед Мавзолеем флаги¹²¹. 10 мая, незадолго до полного завершения строительства, впервые была использована по назначению одна из трибун; после самоубийства Ю.Х.Лутовинова, одного из прежних участников “рабочей оппозиции”, там проходила траурная церемония; вожди поднимались по деревянной лестнице и обращались к толпе с трибуны. Часть ораторов принадлежала к числу тех, кто противился идее сохранения тела Ленина: это были Бухарин и Троцкий¹²².

К концу мая, когда в Москве был созван Тринадцатый Съезд партии, работа над сооружением Мавзолея подошла к концу. 23 мая делегаты съезда собрались на Красной площади и выслушали обращения с трибуны Мавзолея. В их присутствии 10 000 юных пионеров прошли маршем перед Мавзолеем и дали торжественную клятву быть верными заветам Ленина¹²³. Затем делегатов пригласили войти в Мавзолей и осмотреть набальзамированные останки их покойного вождя¹²⁴. Они стали первыми посетителями, допущенными к телу Ленина, с тех пор как Воробьев и Збарский приступили к своей работе. По завершении этого особого показа Мавзолей был вновь закрыт.

Затем Мавзолей был вновь открыт на один день по особому поводу: в середине июня в Москве собрался Пятый Конгресс Коминтерна. 19 июня заседание конгресса состоялось на Красной площади. На трибуне Мавзолея с речью в честь Ленина выступил Калинин. Присутствовало пятьсот делегатов конгресса и толпа из 15 000 человек¹²⁵. Делегаты спустились в Мавзолей и проследовали мимо тела. Газеты того времени воспользовались этим случаем, чтобы ознакомить своих читателей с их будущим объектом паломничества: “Владимир Ильич лежит открытый, как в Доме Союзов. В благоговеющей тишине, будто боясь нарушить покой уснувшего вождя, проходят делегаты медленно, не отрывая глаз от облика покойного”¹²⁶.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ

Публичное открытие Мавзолея Ленина и первый показ набальзамированных останков широкой публике были назначены на 6 часов вечера 1 августа 1924 г. Комиссия по увековечению оповестила об этом событии заранее. В то же время, поскольку в гробницу открывался регулярный доступ посетителей, были обнародованы правила осмотра. Посетители из разных мест должны были прибывать в Мавзолей группами. Не разрешалось вносить в Мавзолей личные вещи: посетителей, имеющих при себе портфели, записные книжки, трости, зонты и тому подобное, останавливала охрана¹²⁷.

Открытие Мавзолея было озаглавлено торжественной церемони-

ей. По Красной площади прошествовала колонна коммунистов. У Мавзолея ее встретили члены Комиссии по увековечению. Площадь переполнили тысячи зрителей; они наблюдали, как в Мавзолей было внесено знамя Парижской Коммуны — дар от французской компартии. Знамя поместили в специальный футляр в стене гробницы¹²⁸. Затем в течение многих часов через Мавзолей проходили желающие осмотреть набальзамированные останки.

Они вступали в Мавзолей через центральный портал, под громадными черными буквами: ЛЕНИН. Наружные деревянные балки здания были покрыты лаком, на них выделялись большие круглые головки гвоздей. Мошеное камнем прилегающее пространство обнесли оградой, в образовавшемся дворике высадили цветы и декоративный кустарник. Во дворике и у портала стояли вооруженные часовые. Посетители вступали в здание и по лестнице, покрытой красным ковром, спустились в коридор; вдоль стен его тянулся красно-черный геометрический орнамент¹²⁹. Коридор вел в небольшое помещение, где покоилось тело. Рисунок стен и здесь был красно-черным, красный потолок украшало черное изображение молота и серпа. Посетители, следуя вдоль заграждения, обходили комнату по периметру.

Тело можно было наблюдать через стеклянную крышку саркофага, где оно покоилось на красной обивке. Ленин был одет в китель цвета хаки с орденом Красного Знамени и значком члена Центрального Исполнительного Комитета на груди. Руки были сложены на груди. Нижнюю часть туловища прикрывала черная и пурпурная атласная ткань. В голове и в ногах стояли часовые с примкнутыми к винтовкам штыками. Делегации рабочих, солдат и прочие посетители продолжали входить в двери Мавзолея до позднего вечера.

3 августа тело Ленина было показано зарубежным журналистам. “Тело находится в прекрасном состоянии, — сообщал Уолтер Дюранти. — Специалисты-медики, которые проводили бальзамирование, уверяют, что не пользовались ни воском, ни красящими веществами, однако лицо имеет совершенно естественный вид, следов пигментации не заметно, тело не уменьшилось в объеме, черты не съжились. Специалисты ухитрились даже изобразить на лице покойного улыбку”¹³⁰. Збарский сравнивал результат своих совместных с Воробьевым трудов с мумиями египетских фараонов. Он указал журналистам, что египтяне умели сохранять тела своих властителей, но черты лица при этом становились неузнаваемыми. Ленин же, напротив, выглядит просто спящим. Збарский добавил, что полная стоимость бальзамирования составила всего лишь 7500 долларов, “ничтожно малую долю богатств, которые египтяне тратили на тела своих фараонов, сановников и верховных жрецов”¹³¹. По словам профессора, комиссия экспертов, осмотревшая тело, рассчитывала, что, как минимум, в ближайшие три-четыре десятилетия нежелательных изменений не наступит. Збарский выразил мнение, что при условии поддержания постоянной темпера-

туры “тело Ленина будет сохраняться вечно”. То, что совершили они с Воробьевым, церковь назвала бы чудом, однако это не чудо, а торжество науки: “Русская церковь провозглашала чудом нетленность тел православных святых. Однако мы совершили то, что еще не известно современной науке... Мы проработали четыре месяца, применяя определенные соединения, достаточно широко используемые ныне химиками. Ничего чудесного в этом нет”¹³².

Збарский, по-видимому, надеялся, что его труд продемонстрирует советскому народу и всему миру успехи советской науки. Однако в намерения Комиссии по увековечению, а также тех из числа руководителей партии и правительства, кто выдвинул и поддержал идею сохранить тело вождя, входило большее. Набальзамированное тело Ленина, выставленное в самом сердце Москвы, должно было сделаться главным и нагляднейшим символом культа, учрежденного на долгие времена. Набальзамированному телу, по замыслу комиссии, предстояло служить постоянным напоминанием о присутствии Ленина. Тело, помещенное в гробницу, вызывало благоговение и в то же время было доступно: именно такой кумир предлагали в качестве объекта почитания организаторы культа Ленина. Ленина мог видеть всякий, кто готов был часами стоять в очереди перед Мавзолеем. Ленин соединял в себе святого, царя и мученика, пожертвовавшего собой во имя революции.

Канонизация Ленина свершилась — об этом свидетельствовало не только обращение с его телом, но и тон биографов, которые делали из Ленина пророка и политического чудотворца, плакаты, похожие на иконы, лозунги и хвалебные слова — из них следовало, что Ленин жил и умер во имя освобождения угнетенных. Ленин мертвый продолжал служить народу, направляя его и защищая.

Зарубежные посетители Москвы часто испытывали изумление при виде людей, поклоняющихся мертвому телу; особенно странное впечатление производил этот культ в 1920-е гг., когда человечество ничего подобного еще не знало. В 1928 г. Теодор Драйзер писал: “Я слышал не единожды, что о его набальзамированном трупе, который выглядит сейчас точно так же, как в день смерти, идут суеверные толки. Говорят, что пока он пребывает там в целостности и сохранности, коммунизм будет побеждать, а новая Россия — успешно развиваться. Если же — тут рассказчики переходят на шепот — с телом что-нибудь произойдет, хотя бы поблекнет кожа, нужно ждать больших и невеселых перемен — прекрасной ленинской мечте придет конец.

Мистицизм, имя тебе — славянин!”¹³³.

Другие западные наблюдатели часто отмечали, что культ Ленина введен взамен русскому православию, которое подвергалось в то время все большим гонениям со стороны правящего режима. Непосредственно после похорон в статье для «Нью-Йорк Таймс» Дюранти рассуждал следующим образом: “Многие живущие здесь иностранцы, которые имели возможность хорошо изучить славянский характер, уверяют, что

в скором времени у “святой гробницы” Ленина начнутся “чудеса”, по крайней мере, случаи временного исцеления от недугов, как бывает с лицами, склонными к истерии. Иностранцы гадают, как это скажется на крестьянских массах, которые ныне более чем прежде склонны к суевериям, притом что официальная религия претерпела тяжелые удары от большевиков, имущество церкви конфисковано и, в довершение всего, православие постиг раскол”¹³⁴.

Однако сообщений о чудесах не последовало; Ленин сделался официальным святым партии, но нет свидетельств того, что народные массы были искренне готовы поклоняться его останкам. Культ Ленина являлся не заменой религии, а попыткой партии слить воедино религиозные и политические ритуалы, с тем чтобы внушить энтузиазм народу. Вероятнее всего, людей влекли — и влекут — к Мавзолею не сообщения духовного характера, а верность политическому долгу и общепринятым нормам поведения или даже нездоровое любопытство. В любом случае, гробница с телом вождя — примечательное зрелище. Визит в Мавзолей запоминается надолго, он проходит торжественно, в окружении часовых, которые призывают посетителей к молчанию и не дают процессии замедлить ход, сверкают полированные стены из серого и черного мрамора с красными зигзагами, фигура Ленина залита розоватым светом. Ни одно творение Агитпропа не идет ни в какое сравнение с ленинским Мавзолеем.

О теле Ленина циркулируют различные рассказы и слухи; часто повторяется, что фигура в Мавзолее сделана из воска¹³⁵. Нет никакой возможности установить точно, действительно ли в саркофаге покоится набальзамированный труп. Как правило, сторонники советской системы утверждают, что останки подлинные, “клеветники” же называют их восковой куклой — и то и другое свидетельствует о том, что телу, выставленному в Мавзолее, придается символическое значение. С 1918 г. прославление Ленина сделалось общим приемом политической риторики, средством выказать лояльность большевистскому режиму. В 1924 г. в подобных случаях прибегали к мистической формуле “Ленин жив”. За уверениями, что тело “настоящее”, скрывается отчасти тот же смысл. Принимая на веру официальный миф (не обязательно лживый — некоторые мифы не расходятся с действительностью), говорящий декларирует таким образом преданность системе.

В произведениях фольклора, которые появились после смерти Ленина, прослеживается популярный миф о том, что Ленин не умер, а продолжает жить среди народа. В узбекской сказке, относящейся к 1925 г., описывается, как Ленин бродит по горам в поисках правды; в 1926 г. сельский корреспондент с Северного Кавказа пересказывал местную легенду о том, что “Ленин жив, но он тайно ходит по земле и следит за работой Советской власти”, а похоронен вместо него кто-то другой¹³⁶. Существовала и другая вариация этой темы: Ленин покоится в Мавзолее, но не мертвый, а спящий. Об этом говорится в стихотво-

рени, которое было опубликовано в Сибири в 1924 г.:

Нет! Не умер, не умер Ленин!

Нет! Не умер Ильич, он жив!

Разлетайтесь, смертные тени!

Мы не верим проклятой лжи!

Он, безмерное бремя подъявший,

Он не умер, он только спит;

Отдыхает наш вождь уставший

Под гранитом могильных плит¹³⁷.

Наиболее поразительная из всех историй, повествующих о жизни Ленина после мнимой смерти, была распространена в 1925 г. среди крестьян Вятской губернии. Она называлась «Хитрый Ленин». Начинается она с того, что Ленин однажды листал книги и газеты, и всюду говорилось о нем. “Дескать, что нам перед Антантой страшиться, что перед Америкой бояться, когда у нас есть Владимир Ильич Ленин”. Ленина одолела забота, сможет ли страна обходиться без него; послал он за самыми лучшими советскими докторами и велел им сделать так, чтобы он по виду казался мертвым, а на самом деле был живым. “Что ж, — отвечает доктор, — это можно. Положим тебя не в могилу, а в комнату просторную, а для прилику стеклом накроем, чтобы пальцем никто не тыкал, а то затычут”.

И вот, в скором времени объявили, что Ленин умер. Народ заплакал и захоал: “Что теперь делать будем? Того и гляди англичане с французами присунутся”. Но Калинин стал утешать народ и уговаривать его не плакать, а вместо этого взяться за работу. Ленина положили в гробницу, которую назвали Мавзолеем, а к двери приставили часового. Лежал Ленин день, два, неделю, вот и месяц прошел — надоело Ленину лежать. Однажды ночью прокрался он наружу через заднюю дверь и пошел в Кремль, где собрались комиссары. Комиссары только-только разошлись. Ленин нашел двух служителей, которые полы подметали и подслушивали у дверей, и спросил, о чем там говорили. “Про Ленина не поминали? Как же. Поминали... Вот, говорят — Ленин умер, зато коммунистов-то чуть не в два раза больше стало, — теперь только пикни Антанта”. Ленин вернулся в Мавзолей и довольный лег под стекло.

На следующий день пошел он на завод. Спрашивает рабочих, партийные они или нет. Те отвечают: “До смерти Ленина в беспартийных ходили, а теперь в коммунистах. Ленинцы”. Ленину это очень понравилось. На третью ночь отправился он в дальнюю деревню. “В одной избушке огонек светился. Подошел Ленин: “Можно отдохнуть у вас?” “Заходи”. Входит Ленин и диву дается. Икон нет. Красивые плакаты везде. Портреты. Ленин нарочито спрашивает: “Вы что же, некрещеные?” “Мы, товарищ, в гражданах состоим, а в нашем доме читальня, а этот вот уголок Ленина...” “Ну, а как житье-то мужицкое?” “Да не так, чтоб уж очень, а все-таки вроде налаживается...” Вышел Ленин из избы радостный, в марзолей лег успокоенный, и спит вот

уже много дней после своих странствий. Теперь уж наверно скоро про-снется”¹³⁸.

Сказ «Хитрый Ленин» показывает, что культ вождя коммунистов вместе со всеми своими атрибутами, успел уже внедриться в фольклор и народная фантазия наделила Ленина бессмертием. Сказы о Ленине заставляют вспомнить знаменитую легенду, распространившуюся после смерти в 1825 г. Александра I. Согласно этой легенде, император не умер, а бродит по России, переодетый странником¹³⁹.

Судя по сходству двух преданий, которые повествуют о посмертной судьбе двух российских властителей, можно заключить: за тот век, что отделяет смерть Ленина от смерти Александра, несмотря на происшедшие за это время крупные революции, политические позиции русского крестьянства не изменились. Культ Ленина во многом сходен с “наивным монархизмом” — как своими конкретными деталями, так и силой эмоционального воздействия. Ленин — герой официального мифа и хвалебных газетных статей — родственен справедливому царю древности, Ивану Грозному или же Петру Великому, который любил и благо-детельствовал народ, а по отношению к его угнетателям был гневен и беспощаден. Культ Ленина достиг поставленной цели — надолго ста-билизировал политическую жизнь в Советском Союзе и узаконил власть компартии — отчасти благодаря тому, что на него оказала преобразую-щее влияние традиционная крестьянская культура.

Но в еще большей степени успех культа связан с его внешним, а также и внутренним сходством с религией. Истоки культа тела Ленина как искусственно созданной религии следует искать в восприятии пат-риархальным народным сознанием ранения и смерти вождя; однако у культа были три конкретных творца: Владимир Дмитриевич Бонч-Бру-евич, организатор похорон и знаток русского сектантства; Леонид Кра-син, не скрывавший своей веры в физическое бессмертие, и Анатолий Луначарский, нарком просвещения и главный богостроитель. За де-сять с лишним лет до смерти Ленина Луначарский заявлял, что социа-лизм должен создать новую религию, в которой богом будет человек — все человечество. Он провозглашал, что человеческая общность, “все-общая связанность”, преодолет смерть и достигнет бессмертия.

В 1919 г. Луначарский в скрытой форме вновь вернулся к своим ранним идеям богостроительства¹⁴⁰. В 1923 г. он принял участие в борьбе с религией и писал, что “вера в личное бессмертие” — это “кре-стьянское верование”, которое ни один разумный человек не может принимать всерьез”¹⁴¹, однако представляется очевидным, что он при этом по-прежнему оставался богостроителем. На следующий же год он с горячностью принялся обожествлять Ленина. Его статья, напечатан-ная в день похорон, отличалась религиозной образностью и славила Ленина с фанатическим пылом.

“Пройдет 100 лет, в мире давно уже будет установлен новый свет-лый порядок. И люди, оглядываясь назад, не будут знать эры более

возвышенной, более священной, чем дни этой российской революции, начавшей революцию мировую. И поэтому не будут знать человеческого образа, внушающего больше благоговения, любви и преданности, чем образ не только пророка, не только мудреца нового коммунистического мира, но и его зачинателя, его борца, его мученика, ибо Владимир Ильич сгорел еще в сравнительно молодые годы, привел в полную негодность свой гигантский мозговой аппарат... вследствие непомерной, нечеловеческой, чудовищной работы... Мы видели человека, человека с большой буквы. В нем... сосредоточились лучи света и тепла"¹⁴².

И в 1925 г., в стихотворении «Картина», Луначарский объявил Ленина вечно живым:

Смотри, в тумане маяком
Стоит там, тверд и неизменен,
Всегда живой Предсовнарком,
Путеводитель мира — Ленин!¹⁴³

Бессмертию Ленина было посвящено в те дни немало восторженных поэтических строк, однако говоря о Луначарском, следует иметь в виду его юношеское увлечение идеей обожествления человечества: автор стихов предстает перед нами вдохновенным богостроителем, который нашел, наконец, своего, большевистского, бога. В августе 1924 г. Луначарскому представилась возможность внести реальный вклад в дело бессмертия Ленина — гения и творца: ему было поручено заказать проект постоянного каменного Мавзолея, вечного хранилища останков вождя.

ПОИСКИ ВЕЧНОЙ ГРОБНИЦЫ

Постоянный Мавзолей Ленина призван был упрочить культ вождя и служить его символом. Строительство каменного Мавзолея было задумано еще в конце 1924 г. 13 ноября Комиссия по увековечению впервые ознакомилась с планами его создания — докладчиками были Красин и Луначарский. Были перечислены основные требования к будущему зданию: наличие центрального зала, где стоял бы саркофаг, подземного помещения для аппаратуры, обеспечивающей сохранность тела, и достаточно большого вестибюля — чтобы посетителям не приходилось долго стоять в очереди на открытом воздухе в холодную погоду¹⁴⁴. Как известно всем гостям Москвы, последнее из этих требований не соблюдено: от необходимости стоять в очереди два часа и более освобождены только иностранные туристы. Каждый день, когда открыт Мавзолей, в любую погоду, нескончаемые ряды паломников извиваются по Александровскому саду и тянутся по Красной площади; это

зрелище советская пресса неизменно описывает с гордостью, усматривая в нем свидетельство неослабной народной любви к Ленину.

В осуществленном проекте Мавзолея нет также и серии фресок, которыми намеревались украсить внутренние стены; живопись должна была изображать основные этапы мировой революции с упором на роль в них Ленина¹⁴⁵. Этот замысел напоминает о широко распространенном в то время плакатном жанре; в центре композиции плаката помещался портрет Ленина, а вокруг — сцены революционной борьбы, а еще чаще — счастливой и созидательной жизни советского народа, благодарить за которую следовало Ленина. К этому обычному пропагандистскому приему — показать достижения в социальной и экономической сфере и связать их с именем Ленина — проектировщики каменного Мавзолея решили, в конечном итоге, не прибегать; в качестве декора был избран абстрактный орнамент, наподобие того, что украшал стены временного деревянного Мавзолея.

На основании ноябрьского доклада Красина и Луначарского Комиссия по увековечению приняла решение пригласить к участию в первом этапе конкурса не только архитекторов, но также всех, кто имел отношение к изобразительному искусству “и даже каждого мыслящего человека”¹⁴⁶. Далее в резолюции говорилось о намерении создать специальный комитет, в задачу которого входила лишь выработка условий конкурса. Во главе этого комитета был поставлен Анатолий Луначарский.

Конкурсный комитет был сформирован 10 декабря, а месяцем позднее, 9 января 1925 года, “Конкурс 1-й ступени проектов на сооружение монумента В.И.Ленину на Красной площади в гор.Москве” был официально открыт. Желаям принять участие в конкурсе разъяснили, что монумент станет вместилищем останков Ленина, а потому нужен центральный зал, где будет выставлено тело, и подземное помещение для аппаратуры. Под землей необходимо было поместить также музей — хранилище ленинских книг и рукописей — и зал ожидания, вмещающий до двухсот человек. От фресок со сценами из истории революционного движения к тому времени еще не отказались; кроме того, Мавзолею предстояло дополнительно служить трибуной: требовались места для оратора или ораторов. Архитектура Мавзолея должна была гармонировать с обликом Кремлевской стены и Красной площади, отличаться простотой, динамизмом и выразительностью. Помимо условий для конкурсантов, комитет обнародовал список призов: за десять лучших проектов было обещано денежное вознаграждение размером от 400 до 1000 рублей¹⁴⁷.

По замыслу Луначарского, конкурс должен был проводиться в три этапа. На первом этапе предполагалось привлечь провинциальную художественную общественность и широкие слои интеллигенции. Проектирование Мавзолея было задумано как часть кампании по пропаганде ленинизма. Организаторы надеялись, что лучшие творческие умы

страны примут вызов и займется изобретением архитектурных форм, наиболее подходящих, чтобы увековечить имя Ленина. Три самые удачные проекта планировалось воплотить в виде моделей, модели запечатлеть на киноплёнке и демонстрировать на экране, установленном на Красной площади¹⁴⁸. Наилучший из трех проектов организаторы намеревались положить в основу будущего каменного здания Мавзолея, в котором навеки упокоится тело Ленина.

Конкурсы объявлялись дважды в 1925 г. и один раз в 1926 г., проекты необходимо было представить не позже апреля 1926 г. В том же году в мае состоялась встреча специального подкомитета наркомата просвещения; члены подкомитета рассмотрели поступившие проекты и представили доклад наркому Луначарскому. Было признано, что желаемый пропагандистский успех достигнут; конкурс получил широкий отклик среди художников, архитекторов, рабочих, крестьян и представителей трудовой интеллигенции, в частности школьных учителей.

На конкурс поступило 117 проектов. Их распределили на три категории: непригодные, сомнительные и, наконец, достойные участвовать во втором этапе. Почти половина представленных проектов была отвергнута как заведомо неприемлемые. По большей части это были дилетантские измышления. Некоторые проекты были забракованы без долгих рассуждений, как “явно нелепые и фантастические по замыслу или идеологически одиозные”, в частности один эскиз, на котором Мавзолею была придана форма церкви. Многие идеи оказались неосуществимы технически. Один из авторов задумал гигантский блок, который вместил бы в себя трактор, локомотив и текущий ручей — все это в постоянном движении. Другой проект, озаглавленный «Заря новой жизни» охватывал всю Красную площадь и часть берега Москвы-реки; комплекс должны были освещать пять громадных прожекторов, установленных в различных точках города. Третий конкурсант предложил соорудить исполинскую статую Ленина, высотой в пятнадцать-двадцать этажей, а внутри оборудовать залы заседаний для высших государственных органов. В списке отвергнутых оказались и проекты, которые не отвечали условиям конкурса, среди них, например, такие, в которых не предусматривалось помещения для показа тела посетителям. В категорию “сомнительные” попали 39 проектов, пригодных лишь с существенными доработками. Некоторые из предложенных зданий по тем или иным причинам невозможно было соорудить в пределах Красной площади, другие формально отвечали условиям конкурса, но грешили “дурным мещанским вкусом”. 25 предложений были помечены как “приемлемые” и представлены Луначарскому для более тщательного изучения¹⁴⁹.

Некоторые конкурсанты сопроводили свои проекты обширными пояснительными записками. Некто Г. Губанов представил проект под названием «Пролетарское творчество», с трибуной в форме винта и двух гаек; по спирали винта были развешены лозунги. Проект включал

в себя скульптурную группу, изображавшую встречу Ленина с представителями Третьего Интернационала. Автор приложил к проекту пояснение: “Жизнь и деятельность Ленина так многообразны, что отражают собой целую эпоху: вождь и борец, гуманист и реформатор в одинаковой мере выступает на первый план, превращая жизнь в легенду, а личность в миф”. В монументе, продолжал он, отражена забота Ленина о развитии российской индустрии как источника будущего благосостояния страны, а “символом индустрии... могут служить колесо, рычаг, винт”¹⁵⁰.

Мысль о том, чтобы воздвигнуть в честь Ленина монумент в форме винта кажется безумной, однако подобный замысел был реализован в Сталинграде; 1 мая 1925 г. там состоялось открытие памятника Ленину, который представлял собой статую вождя, водруженную на винт¹⁵¹. Более того, вертикально поставленный, гигантских пропорций винт встречается далеко не в одном проекте Мавзолея. В проектах Мавзолея, разработанных для других городов, преобладали обелиски и устремленные в небеса башни. Конкурс на проект своего собственного Мавзолея (разумеется, без тела внутри) проводила, например, Одесса. В данном случае на фантазию авторов не накладывалось таких ограничений, как в Москве, где здание нужно было вписать в архитектурный ансамбль Красной площади, поэтому их предложения пышны, причудливы и поражают своей грандиозностью.

За два года после смерти Ленина местная художественная общественность во многих крупных городах была привлечена к проектированию памятников Ленину. Конкурс проектов Мавзолея Ленина в Москве явился лишь частью большого плана, состоявшего в том, чтобы направить творческую энергию советских деятелей искусства на безудержное прославление памяти покойного вождя. Есть основания полагать, что конкурс, затеянный Луначарским и широко освещавшийся в прессе зимой 1924/25 г., служил той же главной (а может быть — единственной) цели, что и публичная дискуссия по поводу первого Мавзолея: это была кампания по политизации художников и архитекторов страны. Об этом говорит тот факт, что в конечном итоге все 117 конкурсных проектов были отвергнуты и в 1929 г., вновь назначенная правительственная комиссия по сооружению постоянного Мавзолея, поручила А.В.Щусеву просто повторить в камне уже существующий деревянный Мавзолей¹⁵².

Из этого решения, несомненно, следует, что постоянная демонстрация останков Ленина была сочтена возможной и желательной. В 1924 г. профессор Збарский заявил иностранным журналистам, что, по его расчетам, тело Ленина может храниться вечно. Однако двумя десятилетиями позже он признался, что солгал. “Надо сказать, — писал он в 1924 году, — что после окончания нашей работы у нас в этом уверенности не было...”. Збарский добавил, что на вопрос, насколько длительный эффект обеспечит бальзамирование, он дал привычный

ответ: "... трудно предвидеть, но за срок в два-три года можно поручиться"¹⁵³. К лету 1929 года набальзамированное тело Ленина не претерпело никаких видимых изменений. Разумеется, не всех посетителей оно приводило в восторг. Николай Валентинов побывал в Мавзолее Ленина в 1927 или 1928 г. Он вспоминал, что при виде "небольшой лакированной куклы с желтенькими усами", которая не имела ничего общего с тем Лениным, которого он знал, он почувствовал отвращение¹⁵⁴.

Мавзолей Ленина оставался центром массового паломничества пять лет. В июле 1929 г. через три месяца после принятия Шестнадцатым съездом партии первого пятилетнего плана, началось сооружение нового Мавзолея Ленина.

МЕСТО ПОСЛЕДНЕГО УПОКОЕНИЯ

Весной 1930 г. Сталин уложил Ленина покоиться в Мавзолее из гранита, порфира и лабрадора. Сооружение нового Мавзолея не сопровождалось бурной пропагандистской кампанией и мало освещалось прессой. Как выбор времени для этого события, так и прочие обстоятельства дают повод заключить: постоянный Мавзолей Ленина должен был сделаться свидетельством триумфа советской науки и техники — одного из многих в годы первой пятилетки, а также стать пьедесталом для нового вождя — Сталина.

Строительство нового Мавзолея заняло год и четыре месяца и осуществлялось под наблюдением правительственной комиссии; во главе стоял соратник Сталина, нарком обороны Климент Ворошилов. Работа была выполнена Мосстроем, начальником которого был инженер И.В.Певзнер¹⁵⁵. В новом Мавзолее была в основном повторена конструкция старого. Вначале Щусев намеревался сделать сооружение двухцветным (красно-черным), используя привычные цвета ленинского культа. Затем он дополнил проект серым гранитом. Серое, объяснял он, это "рабочий" цвет¹⁵⁶. Здание было закончено в октябре 1930 г., тогда же была проведена большая реконструкция Красной площади.

1 ноября 1930 г., в центре пятой полосы газеты «Правда» появилась небольшая скромная заметка, посвященная окончанию строительства. Вот ее первый абзац:

«Мавзолей Ленина построен. Беспрецедентно сложная работа по его сооружению длилась год и четыре месяца. Виднейшие заграничные и советские архитекторы, информированные об общей кубатуре памятника, о неслыханном количестве полированных громад, о многотонных монолитах камня, определяли срок строительства пятью годами. Мавзолей Ленина построен рабочими Советской страны в год и четыре месяца».

Далее в статье описывались различные материалы, использованные

в конструкции этого монументального сооружения, в том числе порфир, из которого выполнена надпись ЛЕНИН. Была воздана честь архитектору и строителям. Только сам Ленин не был упомянут. 7 ноября Сталин и его соратники стояли на трибуне Мавзолея и принимали приветствия ликующих толп. Ворошилов выступил с официальной речью по случаю революционного праздника¹⁵⁷. Четырьмя днями позже, в подвале второй полосы «Правды» появилась крохотная заметка, известившая, что накануне впервые был открыт каменный Мавзолей.

“10 ноября в 3 часа 45 мин. открылись двери нового Мавзолея. Отряд курсантов школы ВЦИК стал в почетный караул. Ровно в 4 часа был открыт доступ в Мавзолей.

Огромная очередь желающих попасть в Мавзолей стала проходить внутрь”¹⁵⁸.

Ленинский Мавзолей был представлен гражданам Советской России как всего лишь очередной успех в ходе пятилетки. Конец строительства постоянного Мавзолея относился как раз к тому времени, когда Ленин в качестве объекта прославления стал уступать место сталинской России и самому Сталину. Каменный Мавзолей символизировал собой угасание культа Ленина. В годы правления Сталина культ Ленина сделался холодным и безжизненным, как камень Мавзолея. Он славил мертвого, но не живого Ленина. Сталин, в самом деле, уложил Ленина покоиться в Мавзолее, и лишь когда пришел его черед умереть, бессмертный Ленин смог вновь возродиться.

ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

Култ Ленина как существенная особенность советской политической практики расцвел в первые недели после смерти вождя. Ленин сделался объединяющим символом, который в чреватый нестабильностью период междуцарствия смог внушить обществу лояльность властям. После окончания гражданской войны партийно-правительственные пропагандисты сменили тон своих выступлений: от негативной агитации, ориентированной на ненависть к врагу, они перешли к поиску позитивной силы, на которую можно было бы опереться в ходе распространения в массах идей социализма¹. Со смертью Ленина они обрели нужный им идеал. Их целью стало сохранить силу воздействия образа Ленина на умы и укрепить единство, сплотившее общество после смерти вождя; для этого в неделю траура они развернули кампанию по внедрению культа Ленина из края в край по всей России.

В этот ранний период култ Ленина распространился и достиг наивысшей силы, однако еще оставался отчасти стихийным, неуправляемым; в его основе лежали самые различные мотивы и настроения. Преемники Ленина отчаянно пытались опереться на авторитет покойного вождя, чтобы укрепить свою власть; детсадовские воспитатели учили детей декламировать стишки о смерти Ленина; кто-то искренне горевал; кто-то украшал портретом Ленина свой товар (пачки сигарет, чашки, даже выпечку), чтобы живее шла торговля. Эта общенациональная одержимость Лениным, составившая эмоциональную основу его культа, затронула существенные жизненные интересы многих политически активных граждан из разных слоев общества. Во внешних атрибутах культа отразился самый широкий спектр вкусов: от изящества и лаконичности деревянного Мавзолея, установленного на Красной площади летом 1924 г., до неимоверной вульгарности бесчисленных памятников.

Поклонение памяти Ленина в первые месяцы после его смерти было одновременно глубоким и всеохватным, стихийным и направляемым сверху. Отдавая дань вождю, люди следовали примеру высшей власти и указаниям профессиональных пропагандистов и агитаторов; бесчисленные массы народа, ранее чуждые политике, ныне, через култ Ленина, начали к ней приобщаться.

Сподвижники Ленина, инспирировавшие култ, и партийно-правительственные пропагандисты, разработавшие его ритуал, руководствовались при этом рядом соображений. Они желали внушить партий-

цам и, по возможности, всему прочему населению верность системе и ее ценностям. Они надеялись, в лучшем случае, породить в народе искренние чувства и слить энергию масс в единую волну энтузиазма (поскольку за семь лет, прошедшие после революции, он успел иссякнуть). По меньшей мере, можно было рассчитывать, что организованный культ Ленина послужит свидетельством силы тех, кто его насаждает, и их способности управлять политической жизнью общества. Без сомнения, те тысячи партийных и беспартийных мужчин и женщин, что исповедовали новый культ, руководствовались при этом самыми разнообразными мотивами. Тогда, в 1924 г. партия считала нужным поощрять этот массовый порыв. Однако двумя годами позже власти пришли к выводу, что важно упорядочить культ Ленина, не позволить ему и далее развиваться стихийно; к 1926 г. культ был урезан и введен в установленные рамки.

НАСЛЕДНИКИ ЛЕНИНА И ЕГО КУЛЬТ

Со смертью Ленина коммунистический режим претерпел ряд кризисов: сказалась его полная зависимость от авторитета своего основателя и вождя, а также отсутствие разработанной системы передачи власти. Роберт С. Такер отмечал, что разрешить эту проблему удалось отчасти благодаря общей готовности всех преемников Ленина признать в качестве руководящего принципа для Советской России дух и доктрину покойного вождя². Такер добавляет, и совершенно справедливо, что единогласный выбор ленинизма в качестве политического будущего страны недостаточен для решения всех практических вопросов; необходимы живые интерпретации “ленинизма”³. И в ходе долгой и драматической борьбы за власть, которая началась еще до смерти Ленина, все претенденты на его наследство выставляли себя именно в качестве истолкователей ленинизма. Поступая таким образом, все они — Зиновьев, Сталин, Троцкий — и их сторонники отдавали дань культу Ленина.

Все указывает на то, что правящая тройка (Зиновьев, Каменев и Сталин), равно и их заклятый враг Троцкий, в то время сознательно творили культ Ленина. Единодушие в этом вопросе, а главное, единство их действий и заявлений в период болезни и в первые месяцы после смерти Ленина вызывалось настоятельной необходимостью. Все наследники Ленина были заинтересованы в том, чтобы не дать разрастаться гражданской войне и сохранить целостной ту систему правления, в которой они играли доминирующую роль; кроме того, каждый из них в отдельности стремился достичь определенной власти и положения и сохранить их за собой впоследствии.

Две первые цели были достигнуты легко: партийная и правительственная система, которая установилась в России к концу гражданской войны, потеряв своего основателя, не утратила при этом стабильнос-

ти. Не последовало ни новой гражданской войны, ни (в первое время) каких-либо радикальных политических перемен. Не будем гадать, в какой мере кризис переходного периода обязан своим благополучным разрешением всеобщей популярности Ленина в первый год после его смерти. Ясно, однако, что наследники Ленина не переставали утверждать, что Ленин в некоей — наиболее значительной — своей части бессмертен и продолжает руководить Советской Россией. При этом предполагалось, что их преданность Ленину дает им право на власть. В то же время, из широко публиковавшихся в печати речей и заметок руководства Политбюро можно сделать вывод, что оно активно способствовало утверждению в стране ленинского культа.

В последующие три года культу Ленина благоприятствовали и те методы взаимной политической борьбы, которые избрали его преемники. Затянувшийся конфликт, вначале между Троцким с одной стороны и тройкой из Политбюро — с другой (1923—1925 гг.), а затем между Сталиным и его бывшими союзниками — Зиновьевым и Каменевым — знаменует собой чрезвычайно сложный и важный этап в истории советской политической жизни. Начало этому конфликту было положено в 1923 г., когда завязалась ожесточенная борьба между партийным центром, в котором выделялась указанная тройка, и Троцким; последний был связан с широким кругом оппозиции, которую не устраивал наметившийся в политике поворот к диктаторским и бюрократическим методам. Полем битвы сделались печать, где стороны обменивались градом взаимных обвинений, прокуренные комнаты, в частности спальня Троцкого (он проболел большую часть осени и зимы 1923 г.), где Сталин и Каменев воевали со своим больным коллегой из-за набросков резолюций по ряду существенно важных вопросов, и зал заседаний. Определялось, кто будет в отсутствие Ленина играть доминирующую роль в политике партии. Обеим сторонам наиболее действенным оружием служил Ленин — его директивы, его труды, его дух (каждый из соперников выставлял себя единственно верным истолкователем). Тем же оружием воспользовался в декабре 1923 г. Зиновьев, объявивший, что у совершенного ленинского учения есть дьявольский двойник — троцкизм⁴.

На Тринадцатой партийной конференции, которая состоялась в Москве, ровно за день до смерти Ленина, партийный центр одержал решающую победу над Троцким и его союзниками, рядовыми оппозиционерами. После смерти Ленина борьба за власть в партии усилилась; в истерической атмосфере траурной недели и последующих месяцев, в период расцвета культа Ленина ссылка на вождя сделалась еще более мощным оружием в руках соперников. О повсеместном использовании имени Ленина в борьбе за власть, в особенности после смерти вождя, упоминается во всех значительных научных работах, посвященных советской политической жизни середины двадцатых годов⁵. Претенденты на ленинское наследство наперебой восхваляли Ленина, указывали на

свою с ним прошлую близость, на понимание его духа и умение проводить его заветы в жизнь. В ходе этой борьбы политических направлений и личных амбиций соперники неизбежно стали все чаще прибегать к цитатам из ленинских речей и трудов, более того — каждый старался выдать себя за ближайшего друга и надежнейшего единомышленника Ленина.

28 января, на следующий день после похорон Ленина (пока Троцкий предавался печали на черноморском берегу), Сталин выступил перед кремлевскими курсантами; в своей речи он преданно и безыскусно описал покойного вождя. Себя Сталин представил его верным и скромным последователем, однако упомянул при этом неизвестный ранее “факт”, что его знакомство с Лениным состоялось очень рано, в 1903 г., после письма, которое Ленин отправил ему в конце года; Сталин горько сожалел, что сжег этот бесценный документ⁶. Четырьмя месяцами позже Сталин взял на себя роль интерпретатора ленинского учения в серии лекций, под общим названием “Основы ленинизма”, которые он прочел в Коммунистическом университете имени Свердлова⁷. Если Сталин и познакомился с Лениным еще в 1903 г. (проверить это утверждение невозможно), то первая встреча Троцкого с Лениным состоялась все же годом раньше. Этот факт он подчеркивал в своей брошюре «О Ленине», которая была опубликована в июне 1924 г. В брошюре содержалась подборка воспоминаний, начиналась она с описания первой встречи с Лениным в Лондоне весной 1902 г. Подобно Сталину, Троцкий подчеркивал свою близость с вождем, однако, в отличие от Сталина, Троцкий рисовал себя и Ленина как равных друг другу, талантливых, преданных делу революции людей, не свободных в то же время от ошибок. Троцкий рассказывал, как однажды вечером пошел в театр в ботинках Ленина, поскольку его собственные нуждались в починке. Правда, Ленин уступил свои ботинки потому, что они ему жали; Троцкому они тоже оказались малы, и его мучения позабавили Ленина. Цель рассказа ясна — подчеркнуть дружескую близость между Лениным и Троцким. В тех разделах брошюры, где речь шла о 1917 годе и более поздних событиях, Троцкий не делал попыток приуменьшить свою роль в истории революции. Он даже указал, что название нового правительства, Совет Народных Комиссаров, принадлежит не Ленину, а ему, Троцкому⁸.

Зиновьев присоединился к тем, кто усмотрел в воспоминаниях Троцкого самовозвеличивание и недостаточное уважение к Ленину, осудил Троцкого за то, что тот сопоставил свою ошибку, которую он совершил в 1918 г. в Брест-Литовске, отказавшись подписать мирный договор с Германией, с ошибочным решением Ленина о броске на Варшаву⁹. В критике Зиновьева видна явная попытка еще более ослабить и без того быстро ухудшавшиеся позиции Троцкого в партии. Его оппоненты наметили узкие рамки допустимого для тех, кто желал что-либо сказать о Ленине, а затем Сталин и Зиновьев с целью опорочить

Троцкого, принялись указывать на его многочисленные разногласия с Лениным, имевшие место в прошлом. В 1924 г. *быть* ленинцем оказалось недостаточно — требовалось *быть им всегда*. Объявив неприкосновенным Ленина, его преемники делали неприступными и свои собственные позиции: для этого достаточно было указать на связь с вождем в прошлом и верность его духу в настоящем.

После смерти Ленина Зиновьев заявил о себе как об исполнителе его воли. В своих статьях о Ленине он делал особый упор на отношениях вождя с Коммунистическим Интернационалом (Зиновьев являлся его главой)¹⁰. На Тринадцатом партийном съезде в мае 1924 г. (первом после смерти Ленина) основной доклад делал именно Зиновьев. Пытаясь обосновать в преамбуле речи свои позиции, он сказал, что, поскольку ныне нет возможности делать политику “по Ленину”, то надлежит делать ее “по ленинизму”¹¹. Затем следовало множество директив.

Анализ интриг членов Политбюро, которые воспользовались быстро растущей популярностью Ленина для упрочения собственной власти и подрыва позиций своих противников, разумеется, немаловажен, поскольку проливает свет на хитросплетения политической борьбы середины 20-х гг., однако он не помогает понять, каким образом возник и укоренился в те годы столь широкомасштабный ленинский культ. Собственно говоря, роль Политбюро в формировании этого культа не так велика, как роль профессиональных пропагандистов и агитаторов; именно они в 1924 г. ввели в советскую политическую практику культ Ленина.

ПРОПАГАНДА ЛЕНИНИЗМА

9 февраля 1924 г. Отдел Агитации и Пропаганды Центрального Комитета Партии созвал совещание для обсуждения “пропаганды и изучения ленинизма”. Собрались представители центральных агитационно-пропагандистских органов партии, правительства, армии и профсоюзов, сотрудники Института Ленина и в полном составе Наркомат Просвещения (Наркомпрос). Совещанием был вынесен ряд решений, составивших основу организованного культа Ленина. Смерть Ленина, говорилось в решениях совещания, ставит перед партийными и всеми прочими агитаторами и пропагандистами важнейшую задачу: пропаганду наследия вождя. Эта пропаганда “должна быть поставлена и как широкая массовая кампания, и как постоянная пропагандистская и политикопросветительная работа”. Первостепенной целью кампании было признано “показать широким слоям трудящихся, что дело Ленина продолжает и неизменно будет продолжать РКП и Советская власть”. Участникам кампании, далее, надлежало согласовывать свои усилия с “очередными конкретными задачами” партии и правительства. Усиленная агитация должна была начаться немедленно и продолжаться

несколько месяцев, а затем “вылиться в пропаганду постоянного систематического характера”, которая “пропитала” бы ленинизмом всякую организованную политическую деятельность — в особенности внутри партии¹². Особо подчеркивалась необходимость “охватить” пропагандой учителей¹³. Все учебные заведения должны были начать преподавание ленинизма, сохраняя при этом верность духу ленинских деяний и письменных трудов. Изучение ленинизма мыслилось не как “чисто академическое” занятие; необходимо было пробуждать энтузиазм. Полный план этого важного направления пропаганды включал в себя учебные курсы ленинизма, внеклассные кружки и планомерное освещение взглядов Ленина в курсах общественных наук. Образование, в особенности политическое, следовало пропитать ленинизмом¹⁴.

Наркомпрос прямо провозгласил, что ленинизм должен составить основу всех наук: “Мы должны широко пользоваться работами Ленина при изучении любого вопроса (независимо из какого “предмета” он взят), по которому им сформулирован свой взгляд”¹⁵. Этот принцип стал повсеместно с большой энергией претворяться в жизнь, благо высшие чины из Политбюро прибегали к цитатам из Ленина, чтобы обосновать свои решения по любым спорным вопросам. Пропаганду ленинизма предполагалось сделать непрерывной и всеохватной, “сделать так, чтобы при всякой работе парень помнил, что нет такого угла работы, о котором бы не думал Ильич, о котором бы не оставил понятных и простых слов и заветов”. Задача донести эти слова и требования до широких масс возлагалась на членов партии¹⁶.

Но как сделать пропаганду доходчивой? С самого начала пропагандистской кампании, провозглашенной в феврале 1924 г., работники Политпросвета обсуждали вопрос, как обучить партийные кадры пропаганде ленинизма. Некоторые предлагали исторический подход: изучение всех наиболее важных трудов Ленина в контексте общей истории партии¹⁷. Однако возобладала точка зрения, согласно которой для более успешной пропаганды ленинизма следует пользоваться специально изданной литературой, справочниками, где содержатся пространные цитаты из ленинских работ, подобранные по тематическому принципу; таким образом каждый член партии мог вооружиться готовым ленинским мнением по любому вопросу. Центральные партийные органы отвечали за выпуск планов, сборников, библиографических справочников и так далее, а местным партийным работникам доверялась подготовка агитаторов, которые будут вести пропаганду в массах и организовывать кружки и курсы по изучению ленинизма¹⁸. Прошедшие такую подготовку должны были нести идеи Ленина в народ.

Задача была поставлена непростая. К экономическим трудностям добавлялись проблемы, связанные с неграмотностью значительной части населения и политической неорганизованностью на местном уровне. Внушить народу любовь к личности Ленина оказалось проще, чем с надлежавшей быстротой исполнить директивы партии и правитель-

ства, касающиеся распространения его идей в массах. Трудность состояла в том, что к моменту смерти Ленина в наличии имелся лишь ограниченный тираж его печатных трудов. Когда проникшиеся духом культа Ленина рабочие и члены партии пытались приобрести в книжных магазинах работы Ленина, их часто ждало разочарование: выпуск и распределение этих книг были налажены плохо, как и вообще издательское дело в стране. Объявив подписку на собрание сочинений Ленина, Госиздат нередко высылал заказчикам разрозненные и плохо изданные тома. В марте 1924 г. группа московских заводских рабочих выступила по этому поводу с жалобой в газете «Рабочая Москва». В заметке рассказывалось:

“Достаточно было появиться объявлению Госиздата о подписке на сочинения Ильича, как ребята из ячейки вострепнулись: ‘Айда, на всего Ильича!’ Записалось 7 человек. ‘Дорого заплатить надо: 4 червонца (40 рублей). Да больно уж Госиздат сулит — переплет хороший’. Условия — сразу по 6 черв. руб. при подписке. Ну мы внесли по червонцу сразу. Ждем. Вышлют пачку сразу. 4 часа. Весь завод сбежался смотреть. — Увы, разочарование: Прислали 2, 5, 10 и 11-й тома. Что за чорт, почему не по порядку? Ну, а вместо роскошного переплета — чорт знает что, а не переплет. Кульки от сахару — и то лучше. Товарищи из Госиздата, опомнитесь. Сделайте так, чтобы произведения Ильича стоили не 40, а 25 рублей. Присылайте по порядку, переплет поставьте лучше, шивку сделайте добросовестнее, — ведь эти книги на десятилетия для наших детишек. Тогда и подписчиков будет больше”¹⁹.

Разумеется, издатели и без указаний со стороны рабочих понимали, что качество изданий и организацию распределения следует улучшить. Им было известно, что с 22 января 1924 г. книги Ленина пользуются наивысшим спросом. Можно не сомневаться, что власти указывали Госиздату и другим издательствам на необходимость особо тщательного подхода к выпуску ленинских работ, которые после смерти Ленина стали отдавать в печать с большой поспешностью. Институт Ленина, возглавлявшийся Каменевым, предпринял публикацию собрания сочинений Ленина (редактором выступил сам Каменев); труды Ленина выходили также по отдельности и в составе всевозможных тематических сборников. Однако одной только воли было недостаточно, чтобы разом преодолеть все экономические и организационные проблемы. Газеты продолжали лихорадочно публиковать ленинские работы, чтобы снабдить ими своих подписчиков, а также бесчисленные Ленинские уголки, которые, как грибы, выросли по всей стране; народу же тем временем пришлось довольствоваться услугами столь дорогих ленинскому сердцу библиотек. Основатель большевизма в свое время трудился для блага революции по большей части с пером в руках в библиотеках Западной Европы. После 1917 г. Крупская, работавшая в Наркомпросе, много усилий посвятила созданию советских библиотек. Когда умер Ленин, Наркомпрос постарался сделать его труды доступными

для народа с помощью библиотек.

Но каким образом внушить людям *интерес* к ленинизму? Многие, в особенности крестьяне, не имели ни желания, ни достаточной подготовки, чтобы читать политическую литературу, которая составляла значительную часть выпускаемой в стране печатной продукции²⁰. Ленину отдавалось предпочтение перед прочими авторами политических работ, и все же народ не испытывал особого интереса к его книгам. По результатам опроса, проведенного в 1920 г. среди красноармейцев из московского гарнизона, имя Ленина числилось в списке любимых авторов тринадцатым; безусловным фаворитом оказался Толстой, за ним шли Пушкин, Гоголь и Маркс. В 1923 г. при подобном же опросе Ленин продвинулся на третье место, Толстой переместился на второе, а первую строчку занял поэт-сатирик Демьян Бедный. Популярность Ленина росла, но при этом колебалась. В списке любимых книг красноармейцев по результатам опроса, проведенного в 1924 г. ленинская работа «Государство и революция» числилась тринадцатой. Одиннадцатое место досталось «Дон Кихоту» Сервантеса²¹. Крестьяне (во всяком случае, из всей политической литературы, которая имела в библиотеках и сельских читальнях) отдавали предпочтение рассказам о героях революции. Автор письма в «Крестьянскую газету» утверждал, что биографии революционеров «на меня подействовали больше и сильнее, чем страдания Великомученика Георгия-Победоносца»²². Жизнеописания революционных святых и героев пришли на смену житиям святых — излюбленному чтению крестьян до 1917 г. После января 1924 г. среди таких *vitae** наиболее доступными и часто издаваемыми стали биографии Ленина²³.

Внушить крестьянам идеалы ленинизма было весьма непростой задачей; чтобы добиться в этом хотя бы частичного успеха, требовалось знать психологию крестьян и, в особенности, их отношение к Ленину. Как писал один работник Политпросвета, первым требованием при планировании пропаганды ленинизма на селе было: «Прежде всего, к крестьянину подходи осторожно. Пока что больше учись, чем учи»²⁴.

Наркомпрос предписал библиотекам распространять анкеты, целью которых было выяснить, как относятся читатели к трудам Ленина. Примером может послужить опросный лист, появившийся вскоре после смерти Ленина и давший, как сообщалось, «хорошие результаты». Читателям предлагалось ответить на вопросы по поводу прочитанных ими книг Ленина, а также книг, посвященных Ленину: «Понравилась книга или нет?» «Все понятно, что написано в книге? Что непонятно? Запишите непонятные слова. Довольны ли вы этой книгой и какую еще хотите прочесть? Как вы поняли то, чему учит Ленин в этой книге?»²⁵

Библиотекарям было дано указание воспитывать в читателях инте-

*жизнеописания (*лат.*)

рес к книгам Ленина. Главным очагом пропаганды должны были стать Ленинские уголки — после смерти Ленина было дано распоряжение оборудовать их в каждой библиотеке. В Ленинском уголке полагалось организовать выставку книг Ленина, подобранных по темам, и знакомить читателей с жизнью вождя, делая упор на “облике того Ленина, которого знали трудовые массы и любили своим простым сердцем, как друга и старшего товарища”. Поэтому важно было подчеркивать, что Ленин в течение многих лет революционной борьбы вел простую жизнь, не упускать из виду “его работоспособность, личные качества, доступность, умение понять каждого рабочего и крестьянина”²⁶. Расчет строился на том, что читающая публика научится ценить добрые качества Ленина как человека, его заботу о них самих, а затем возжаждет усвоить его идеи.

Если такие внелитературные методы требовались для воздействия на посетителей библиотек, то тем более они были необходимы в сельских читальнях. Последние представляли собой маленькие сельские библиотеки, где для местного населения имелось небольшое количество книг и изредка проводились политзанятия. Как правило эти книжные собрания были убоги, а посетители едва владели грамотой. Весной 1924 г. Крупская отмечала крайне низкий культурный уровень сельского населения; она писала: “Политпросветработа в деревне теперь самая засушливая с точки зрения победы коммунизма”. Однако, продолжала Крупская, обычные методы агитации и пропаганды здесь неэффективны, поскольку “газета, книжка не попадают в деревню, не ориентируются на деревню и крестьянам мало понятны”²⁷.

Итак, пропаганда ленинизма в сельской местности требовала особого подхода. Чтобы рассказать деревне о Владимире Ильиче, требовалось воздействовать на нее эмоционально. Деятельность читальни должна была протекать в тесной связи с жизнью села. Полезно было посоветоваться с самими крестьянами, как лучше воздать дань памяти Ленина. Один крестьянин, например, предложил выставить в сельской читальне портрет Ленина, украшенный колосьями (вероятно, чтобы связать образ Ленина с хорошим урожаем). Один политработник высказал идею, что память о Ленине на селе будет жить, если каждая сельская читальня в честь Ленина предпримет какое-нибудь доброе, полезное для сельчан дело, “чтобы потом всегда можно было сказать: “Это дело сделано тогда, когда умер Владимир Ильич. Оно сделано в его память”²⁸.

Главполитпросвет поставил целью найти и записать все посвященные Ленину произведения устного народного творчества. В 1924 г. Наркомпрос издал инструкцию для преподавателей политических дисциплин, в которой содержалось указание отыскивать в городах, селах и воинских подразделениях народных композиторов, певцов и сказителей, записывать песни, сказы, легенды, поэмы, частушки и загадки о Ленине во всех имеющихся вариантах²⁹. Главполитпросвет надеялся,

что среди полученных записей окажется материал, пригодный для публикации, и что изучение этих записей позволит ему более эффективно организовать пропаганду идей ленинизма на селе; кроме того, это был единственный способ выявить среди зачастую неграмотного деревенского населения лиц, лояльных к системе и способных оказать некоторое влияние на своих односельчан.

Об отношении к Ленину в народе писали корреспонденты газет, работавшие в городах, селах и воинских частях. В 1925 г. красноармейская пресса опубликовала множество корреспонденций такого рода. Тема: смерть Ленина. Типичное письмо в газету: “Дорогой наш учитель, отец и товарищ! Ты ушел от нас, но твои слова никогда не умрут в наших сердцах. Ты годами боролся за нас, ты открыл нам глаза. Ты был самым близким членом нашей семьи”. В некоторых письмах из села Ленин изображался как спаситель: “Мы, крестьяне, твердо уверены, что дело тов. Ленина будет его учениками, членами РКП, доведено до конца...”. “Мы просим, чтобы выпустили в свет книжку, вполне понятную для крестьян, о жизни и делах дорогого тов. Ленина и его заветы, чтобы эта книжка была бы нам вместо евангелия”³⁰.

Среди профессиональных агитаторов и пропагандистов, насаждавших культ Ленина, ценились письменные свидетельства народной любви к Ленину и скорби по случаю его кончины. Армейские политработники обещали внимательно изучить все письменные материалы с откликами красноармейцев и крестьян на смерть Ленина и использовать эти материалы “во всей агитационной работе”³¹. И такая агитационная работа — в пользу Ленина и ленинизма — велась в Красной Армии весьма широко.

КРАСНАЯ АРМИЯ

Из всех организаций Советской России, которые имели возможность влиять на крестьянство, Красная Армия являлась самой крупной и мощной. После смерти Ленина Политуправление Реввоенсовета Республики (ПУР) немедленно наметило планы усиленной пропаганды ленинского наследия.

16 февраля 1924 г. начальник ПУРа, Андрей Бубнов, и руководитель секции агитпропа ПУРа издали ряд инструкций, содержавших разъяснение упомянутых планов; к их исполнению надлежало приступить немедленно. По мнению авторов инструкций, успех политической работы целиком зависел от того, насколько быстро удастся ее развернуть: они намеревались воспользоваться моментом, когда “в самых широких слоях трудящихся” возникли чувства солидарности в связи со смертью Ленина. Необходимо было, говорили они, направить “пробудившуюся энергию” масс на воплощение в жизнь ленинского наследия. Угроза нестабильности, возникшая в стране в связи со смертью

Ленина, делала эту задачу тем более насущной. В следующем открытом пассаже ПУР выдает свое намерение воспользоваться настроениями масс, подобно тому как это успешно делалось ранее: “В составе Красной Армии преобладает крестьянский молодежь, к тому же в большинстве активно не участвовавший в гражданской войне. В настроениях красноармейцев сейчас наблюдается известная настороженность, как и в деревне, где крестьянство как бы ждет подтверждения, что советская власть и после смерти ее вождя будет вести ту же политику поддержки крестьянского хозяйства, политику закрепления союза рабочих и крестьян, провозвестником которой был всегда Ленин. В то же время, будучи воспитана предыдущей работой в советском духе, красноармейская *масса* глубоко взволнована смертью *Ленина*. Симпатии ее к советской власти и к компартии окрепли. Необходимо все это учесть и сделать эти настроения *исходной точкой* всей нашей работы среди беспартийных масс”.

Таким образом со смертью Ленина стала необходимой массовая агитационная работа, которая разъяснила бы роль Ленина в коммунистической партии, а также в российской и мировой революции, уверила бы население, что ленинская политика будет продолжена, и “вызвала бы и усиление активных симпатий крестьянской массы” к партии и правительству. Работники ПУРа рассчитывали, что особенно тронет простых солдат рассказ о жизненных невзгодах, перенесенных вождем, и указывали, что в первую очередь следует “обратить сугубое внимание на популярное изложение истории болезни Ильича и причин его смерти, а равно и обстановки похорон (бальзамирование, сохранение в склепе)”³².

В своей статье о культурной работе на селе, опубликованной в 1924 г., Крупская подчеркивала, что важно воздействовать на деревню через Красную Армию, поскольку она связана с деревней непосредственно: как через письма, которые красноармейцы пишут домой, так и через демобилизованных солдат³³. Строя свои планы пропаганды ленинизма, руководство ПУРа учитывало этот немаловажный факт. Красная Армия, писали они, является “проводником советских идей в деревне”. В идеале стремились убедить каждого бойца этой армии, состоявшей по преимуществу из крестьян, пересказать в письмах к односельчанам то, что внушали им пропагандисты³⁴. На такой полный успех, однако, надеяться не приходилось. Нужно было изобрести иной способ передачи политических посланий через армию крестьянству. И такой способ был найден: по окончании воинской службы, а иногда и при отбытии в отпуск, каждому солдату вручали специальный буклет (памятку).

Памятки представляли собой идеологические справочники, благодаря которым демобилизованный солдат, как надеялись, сохранит и передаст односельчанам политические уроки, полученные за время службы. Памятки начала двадцатых годов содержали сухое изложение поли-

тической и экономической теории Маркса и не заключали в себе ничего интересного для сельского читателя. Вероятнее всего, их тут же обращали в дым — делали из них самокрутки. При жизни Ленина в памятках не уделялось повышенного внимания его трудам или биографии³⁵.

Со смертью Ленина его образ сделался своеобразным агитационным мостом между политическим управлением армии и широкими крестьянскими массами. В типичном образце памятки, который был опубликован в 1924 г., предпринимается изощренная попытка внушить демобилизованным красноармейцам благоговейное отношение к памяти покойного вождя и сделать их мощным инструментом политизации деревни. В памятке напечатан текст воинской присяги, а на соседней странице — похоронный марш, посвященный Ильичу: “Ты умер сегодня на славном посту,/ Ведя за собой миллионы,/ ... Ты умер, Ильич!.. Над могилой твоей/ Склоняем печально знамена”. Затем следует портрет Ленина и статья, в которой рассказывается, как заботился Ленин о крестьянстве. Остальные статьи славят советскую власть за ее усилия в пользу села; памятка написана простым и ясным языком, текст пересыпан проникновенными лозунгами, они напечатаны крупными буквами и возвеличивают слова и деяния Ильича³⁶. Организаторы кампании надеялись, что таким образом Ленин придет в село, внутри же армии самым действенным инструментом агитации считались Ленинские уголки — по распоряжению ПУРа в 1924 г. они были повсеместно устроены в воинских частях³⁷.

Красные уголки, то есть специальные комнаты или выделенные для этой цели части помещений, существовали в Красной армии с 1921 г. После смерти Ленина их переименовали в Ленинские уголки, одновременно было увеличено их число. “Почему ‘Красные уголки’ стали называться ‘Ленинскими’?” — задается вопрос в агитационном памфлете, относящемся к 1925 г. Ответ: потому что Ленин связан с Красной Армией так же тесно, как с революцией и с установлением советской власти; потому что когда Ленина не стало и армию охватило огромное горе, Красные уголки были переименованы в Ленинские, чтобы почтить память вождя и напомнить всем солдатам об их священном долге³⁸.

В 1924 и 1925 гг. старые “уголки” были переустроены в соответствии с детальными указаниями партии и ПУРа, а также оборудованы новые. В Ленинских уголках имелись скамьи и столы для чтения, особые столы для шахмат и других игр, полки с книгами, газеты и журналы, там дежурили работники, в обязанности которых входило отвечать на вопросы красноармейцев и помогать им писать письма. На доске вывешивался бюллетень со свежими сведениями о состоянии здоровья воинов подразделения. Обычно имелся граммофон, а также аккордеон или другие музыкальные инструменты. И, разумеется, наличествовали портреты и фотографии Ленина, его труды и книги о нем. В некоторых “уголках” были выставлены бюсты вождя, в других — серии фото-

графий, иллюстрирующие разные моменты его жизни, иногда даже ухитрялись подсветить портрет Ленина с помощью скрытых электрических ламп³⁹. Последние заменяли свечи, которые в русских домах зажигали перед иконами.

Не вызывает сомнений, что Ленинским уголком отводилась роль социального центра, где политика преподносилась вместе с развлечениями и с информацией, представляющей практический интерес. Благодаря “уголкам” в армию проникали имя, образ идеи Ленина; таким образом укреплялась эмоциональная связь между властью (то есть компартией) и подвластным ей населением. Красноармейцы должны были на отдыхе чувствовать присутствие Ленина; бессмертный вождь глядел на них со стен, пока они сидели за шахматной доской или играли на гитаре; повседневная жизнь проходила под его постоянным присмотром и уже не мыслилась вне политики. Организаторы Ленинских уголков, придав им отчасти функции центра досуга, добились того, что они не пустовали. “Ленин всегда с нами” — гласил культовый лозунг, широко распространенный в 1960-х гг. Даже когда воинские подразделения покидали свои бараки и отправлялись в летние лагеря, Ленина брали с собой. В лагерях устраивали Ленинские палатки⁴⁰. В Ленинской палатке можно было не только отдохнуть, но и поднять свой боевой дух, читая, например, слова походных маршей (там часто вывешивали листовки с текстами):

Спать нельзя, нам и не спится
Оттого, что он уснул...
В тундрах ночью змеи лезят
Рыщут волки по ночам.
Но рука тверда приказом
Командира — ИЛЬИЧА⁴¹.

Ленинские палатки, очевидно, имелись только в армии, а что касается Ленинских уголков, то в ходе агитационно-пропагандистской кампании 1924 г. их распорядились оборудовать повсюду: в школах, на заводах и прочих предприятиях, в рабочих клубах, библиотеках и сельских читальнях.

ЛЕНИНСКИЕ УГОЛКИ

Повсеместная и поспешная организация Ленинских уголков началась во время траурной недели, и в их устройстве неизбежно отразились индивидуальные вкусы тех рабочих, учителей, партийцев и прочих лиц, которым была поручена их организация. В феврале 1924 г. Главполитпросвет предпринял усилия с целью поставить пропаганду ленинизма под контроль: в частности, издал предписания, в соответствии с кото-

рыми надлежало реорганизовать существующие и оборудовать новые Ленинские уголки. В предписаниях приводился детальный список требований, перечень необходимых фотографий вкупе с порядком их размещения. Обзор жизни и деятельности Ленина (к каждой их грани и этапу полагался соответствующий лозунг) должен был начинаться рассказом о предшественниках Ленина, вождях европейского и российского революционного движения, и заканчиваться описанием похорон и ритуальным перечнем его наследия (усиление единства и роли партии, особое внимание к нуждам крестьянства и так далее)⁴². Как центрам партийной работы на местах, Ленинским уголкам предстояло унифицировать деятельность партячеек. От последних ожидалось, что они принесут имя Ленина на “каждый данный завод, фабрику или предприятие” и таким образом внушат народу верность памяти вождя⁴³.

Организаторы Ленинских уголков и пропаганды ленинизма стремились достигнуть нескольких целей. Ссылаясь на Ленина, можно будет убедить детей старательно учиться (как маленький Володя Ульянов), а рабочих — продуктивно работать (как это делал Ленин, в особенности после 1917 года). Связь имени Ленина с повседневными и практическими делами сделалась фундаментальной чертой советской пропаганды, что стало особенно заметно в конце десятилетия, когда культ принял редуцированную форму. Когда же после смерти Сталина культ Ленина возродился в полном объеме, использование указанного пропагандистского приема приняло невиданные ранее масштабы.

В 1924 г. некоторые партийные чиновники высказали мысль, что Ленинские уголки можно использовать также и для укрепления моральных качеств русского народа. Ленин должен был предстать вседушим и бессмертным образцом морали (каковым он и видел себя), мощным рычагом, способным возвысить русскую душу, освободить ее из вековых пут эгоизма и лениности. Эта идея высказана в брошюре, посвященной деятельности Ленинских уголков в жилых домах. Там же рассказывается следующая история. В мае 1924 г. было снято с должности большое число “нежелательных” управляющих кооперативными жилыми домами — это были прежние собственники строений, а также нэпманы, то есть дельцы, которые воспользовались возможностями, открывшимися благодаря НЭПу. Их заменили надежными партияцами и заводскими рабочими. Но несмотря на проведенную чистку, жильцы не отказались от эгоистического желания взять себе комнату лучше — это желание внушили им плохие домоуправы (говорится в брошюре). Как бороться с подобными собственническими инстинктами? Для этого необходимо оборудовать Ленинские уголки во всех жилых зданиях, в тех коридорах, где ходит особенно много народу; простые по устройству, они должны все же бросаться в глаза. Чтобы постоянно привлекать внимание жильцов, нужно не реже одного-двух раз в месяц менять иллюстративный материал: портреты, бюсты, фотографии⁴⁴. Таким образом, Ленин в постоянно обновляющемся виде, всегда будет

присутствовать в доме, побуждая жильцов к духовному росту.

Что касается заводов, то здесь Главполитпросвет рекомендовал устраивать Ленинские уголки в рабочих клубах, которые называл центрами “коммунистического перевоспитания пролетарских масс”⁴⁵. Энтузиазм должны были вселять не только готовые Ленинские уголки — сам процесс их устройства также считался полезным для рабочих, которые принимали в нем участие. Далее, партийные и правительственные пропагандисты рассчитывали, что члены рабочих клубов займутся организацией лекций о Ленине, экскурсий в музей Ленина и Мавзолей, Ленинских вечеров.

ЛЕНИНСКИЕ ВЕЧЕРА

Среди мероприятий траурной недели в России важное место занимали мемориальные Ленинские вечера⁴⁶. Программы, состоявшие из речей, художественного чтения, декламации и музыкальных выступлений, давали выход общему горю и солидарности. Организаторы агитационно-пропагандистской кампании 1924 г. воспроизводя эти “вечера” рассчитывали вновь вызвать у их участников прежние чувства.

Повсеместное проведение Ленинских вечеров было назначено на 21 февраля, когда исполнялся месяц со дня смерти Ленина. Один из рабочих клубов рапортовал Главполитпросвету, что к подготовке к вечеру привлечены все секции клуба. Хор разучивает любимые песни Ленина, художественный кружок проектирует декорации, драматическая секция готовит сценку «Там, в Америке» (об отклике американских рабочих на смерть Ленина), даже кружок шитья занят изготовлением скатерти для Ленинского уголка⁴⁶. Московский Городской Совет Профсоюзов принял решение сделать вечер 21 февраля в рабочих клубах обязательным мероприятием и издал циркуляр с подробными указаниями, как его проводить, отмечая, что программа должна быть обращена прежде всего к чувствам присутствующих. Мемориальный вечер включал в себя краткий обзор биографии Ленина (желательно с демонстрацией диапозитивов), сольные музыкальные номера и выступления музыкальных коллективов, сценки. Рабочие участвовали в хоровом чтении, наподобие следующего:

Все (*четко, отрывисто*): Ленин — вождь.

Ты не умер, ты — жив.

Ты весь слился с бессмертной славой...

Твоя мысль,

Твой гигантский порыв

В миллионы выльются лавой;

Чтоб вести их в решительный бой.

I группа: — к солнцу

II группа: — к счастью

Н.Шалимов, сочиняя эти строки. Однако профессиональные пропагандисты рекомендовали для мемориального мероприятия именно эти стихи и тем самым ясно дали понять, какой тон они в данном случае считают уместным. Ленинский вечер должен был напоминать групповое поклонение. Разумеется, более поздние “вечера” отличались от траурных январских — сценки, рассказы придали им развлекательный характер. Однако в намерения тех, кто придумал Ленинские вечера, входило вновь найти — а если понадобится, и вложить в души слушателей те ноты пылкого благоговения, которые звучали в них непосредственно после смерти Ленина.

Этот религиозный настрой, исполненный одновременно и почти-тельности и решимости, был необходим для успешного функционирования культа Ленина. Это был basso continuo*, задавший тон всему культу. Почитание, обожание, верность, преданность — вот что были призваны возбудить в народе Ленинские вечера и прочие ритуалы культа. Была ли достигнута эта цель, мы не знаем — советская печать нужных свидетельств не дает. С большой вероятностью можно предположить, однако, что по крайней мере часть населения откликнулась на пропаганду ленинизма должным образом. Это были дети.

ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ

После смерти Ленина организаторы его культа все большее значение придавали распространению ленинизма среди детей. Цель была двойной: истории о детстве Ленина должны были дать советской детворе совершенный образец: энергичного, прилежного мальчика Володю, который никогда не забывал о своем долге перед народом; а идеализированный Ильич — названный по отчеству, чтобы сделать его ближе и доступнее — служил олицетворением режима в образе улыбчивого добряка, который спасал Россию и любил детей. Ожидалось, что дети, воспитанные Ленинианой, вырастут лояльными советскими гражданами, а их юношеская любовь к Ленину в зрелости обратится в преданность советской власти. Далее, Дедушка Ильич представлял собой идеальную модель, на основе которой дети могли критически оценивать своих родителей — создавался таким образом противовес вредному влиянию домашних.

Портреты Ленина наводнили классные комнаты. Особенно много вывешивали портретов и фотографий Ленина в детстве и юности — чтобы дети полюбили его и старались быть похожими на него. Из тех же соображений большими тиражами публиковались иллюстрированные биографии Ленина для детей. Как правило, в них имелся рисунок, изображающий взрослого Ленина в окружении радостных, преданно смотрящих на него детей. Из рисунка следовало, что Ленин любил

*Постоянный, непрерывный бас (*итал.*)

детей, и что все дети, знавшие его, отвечали ему любовью. Одна из таких биографий называлась «Наш учитель Ильич»; ее написала в 1924 г. З.Лилина, жена Зиновьева. В ней описана жизнь озорного ребенка, который любил учиться, не меньше того любил играть и рано заинтересовался социальными и политическими вопросами. По ее версии, Володя принимал участие в спорах о политике, которые вели его старший брат Саша и Сашины друзья-народовольцы (чистой воды выдумка), а в гимназии собрал небольшой кружок однокашников и говорил с ними об угнетении бедных в России (еще одна выдумка). На одной из иллюстраций Ленин изображен в виде гимназиста в униформе, сжимающего в руках книги; к нему обращаются двое крестьян — он их внимательно выслушивает. На другой картинке Ленин — руководитель России, стоит в окружении группы взрослых людей. В биографии Лилиной Ленин предстает в качестве примера для подражания и защитника, милого мальчика и любящего дедушки⁵¹.

Среди других произведений о Ленине, предназначенных для детей, есть такие, которые написаны *детьми*. Как в рассказах, так и в стихах детей эмоциональное содержание, заложенное в культ Ленина его разнообразными создателями, выражено яснее, чем во всех прочих произведениях того же жанра. Дети, чьи произведения были выбраны для публикации, выражали те же чувства и идеи, которые усвоили в школе или в детских организациях, а также в домашнем окружении. Влияние домашних часто прослеживается в детских (или якобы детских) воспоминаниях о Ленине: те дети, которые встречались с вождем, росли, вероятно, в семьях высших партийных и правительственных руководителей: карьера родителей вывела этих детей на дорогу, которая пересеклась с ленинской⁵². В любом случае, чем бы ни были внушены детские произведения о Ленине, стараниями организаторов культа свет увидели только те из них, которые соответствовали нужному шаблону, то есть рисовали Ленина гением, любимым учителем, добрым, заботливым, вечным — и, подобно святым мощам, обладающим чудотворной силой:

Среди Москвы стоит могила
Перед Кремлевскою стеной,
В могиле этой наша сила,
Наш вождь, наш Ленин дорогой⁵³.

После смерти Ленина детские рассказы о нем ценились за свою наивность и считались настолько убедительным образцом народной любви к Ленину, что к ним нередко обращались наиболее видные деятели партии в своих собственных публикациях о Ленине, предназначенных для взрослых читателей. В 1925 г. Емельян Ярославский, крупный партийный чиновник, включил в повторное издание своей пространной биографии Ленина (первое издание появилось годом раньше) главу «Дети о Ленине», в которой он описывает любовь советских детей к

Ленину и цитирует их рассказы и стихи о вожде; в книге был помещен даже детский рисунок с изображением траурного митинга и портретов Ленина и Маркса на стене зала собрания. Весной 1924 г. в «Правде» появилась статья Троцкого, посвященная детским рассказам о Ленине. Автор допускал, что по большей части дети просто повторяли то, чему их учили взрослые, но все же усматривал в детских произведениях необычайную «свежесть». Далее Троцкий переходил к обзору богатого литературного материала — в нем имелись более чем явные следы спешной пропаганды ленинизма среди детей в 1924 г. Все юные авторы, которых цитировал Троцкий, усвоили себе идеализированное понятие о Ленине, вполне совпадавшее с официальным образом вождя. К примеру, в биографии Ленина, сочиненной ребенком, имеется такое описание: «Ленин любил удить рыбу. Жарким днем он брал удочку и сидел на берегу реки — и все время думал о том, как сделать лучше жизнь рабочих и крестьян». «Именно так Ленин и поступал», — добавляет с удовлетворением Троцкий⁵⁴. Собственно говоря, малолетний биограф либо повторяет как попугай миф, сочиненный кем-то другим, либо, пустив в ход фантазию, приукрашивает известные ему мифы. Это мифотворчество встречает открытую поддержку Троцкого, который видит в нем свидетельство тонкого понимания Ленина — перед нами небольшой, но конкретный пример того, как человек, все еще остающийся одним из наиболее видных политических лидеров России, сознательно содействует становлению культа.

Среди советских детей и подростков было не много таких, кому довелось увидеть свои сочинения о Ленине опубликованными, зато бесчисленному множеству вменялось в обязанность размышлять о вожде и принимать активное участие в отправлении его культа — в школе ученикам приходилось не только читать о Ленине и рассматривать соответствующие рисунки и фотографии, но и писать сочинения о Ленине, собирать материалы для Ленинских уголков, участвовать в мероприятиях, посвященных его памяти.

В одной казанской средней школе, например, учителя дали детям задание придумать и описать памятник Ленину. Казанские школьники сочиняли эффектные и замысловатые проекты монументов и прилагали к ним цветистые хвалы вождю. «И в гробу Ильич останется апостолом коммунизма», — писал один ученик. Далее он давал описание монумента из красного финляндского мрамора в форме пятигранной пирамиды увенчанной пятиконечной звездой. Автор другого проекта посчитал нужным использовать не красный мрамор, а черный — в знак траура. Предлагались статуи вождя, в различных позах. Один из сочинителей поместил Ленина на корму лодки; вождь «с большим трудом» поворачивал руль налево и вел судно, рассекая волны, которые состояли из голов царей, генералов, священников, монахов, бюрократов, крестьян и рабочих. Головы рабочих помещались слева, и чем ближе к ленинскому кораблю, тем большей надеждой светились их лица. Наи-

более сложная их этих юношеских фантазий изобилует неловкой символикой:

“Владимир Ильич стоит в гордой позе. Около него письменный столик. На нем стопа различных бумаг и книг. Это документ того, что он много работал умственно, за письменным столом.

В руке он держит скрещенные между собой молот и серп — союз рабочих и крестьян.

Нога Владимира Ильича попирает трехглавую змею буржуа. Одна голова змеи в цилиндре, другая в короне, третья в камилавке.

Змея раздавлена, но все же с признаками жизни, в предсмертной агонии.

Т. Ленин показывает рукой на трон, который стоит в стороне, и приглашает находящихся перед ним рабочего и крестьянина смело войти и сесть на трон.

Рабочий и крестьянин решительно поднимаются по ступеням трона. Рабочий держит в руках молот, а крестьянин — серп. Оба вместе высоко над головой несут красное знамя — знамя победы. Знамя гласит: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”. На пьедестале памятника золотыми буквами написано: “Вечная память дорогому вождю за свободу Владимиру Ильичу Ленину”⁵⁵.

По этим школьным проектам можно судить о том, какая степень участия в ритуалах культа требовалась от советских граждан, а кроме того, какие зрительные образы внушала им пропаганда культа. Ученики придумали картины, исполненные религиозного пыла и величия. Фантазия с Лениным, ведущим корабль в море голов — с одной стороны головы царей, а с другой рабочих — напоминает христианское видение Страшного Суда, где у ног Спасителя громоздятся головы спасшихся и осужденных — отличить их можно по выражению блаженства или муки. Проект, в котором Ленин приглашает рабочих и крестьян разделить с ним трон, представляет вождя во славе: он красуется в горделивой позе и в то же время милостиво дарует народу власть. На этой картине Ленин предстает в роли доброго царя, неутомимого, всемогущего и великодушного.

Сочиненные учащимися проекты свидетельствуют о том, что в сознании молодых людей крепко укоренились старые дореволюционные образы и концепции власти, которые они перенесли затем на советскую власть. Этому не приходится удивляться: в конце концов, после революции прошло всего лишь семь лет. Пропагандист, который опубликовал описанные выше проекты, либо считал приемлемой любую фантазию, рисующую величие и мощь Ленина, либо сделал это по недомыслию. Однако проекты включали в себя и революционные символы, которые, быть может, сохранились со старых времен, но известны были прежде всего из агитации времен гражданской войны. Образ Ленина как рулевого, трехголовая гидра, призывы, вышитые на знаменах — вся эта символика была знакома к 1924 г. рядовым учащимся, и ею

они воспользовались в своих политических фантазиях. Возможно, это говорит об успехе агитаторов, которые, начиная с 1918 г., старались приучить народ Советской России к политической символике с целью воспитать в нем преданность власти. Те же мифы, символы и образы, с помощью которых режим воздействовал на народ, всплыли в работах казанских учащихся. Это можно объяснить либо тем, что упомянутая символика пришла из народа, которым не была забыта, поскольку являлась частью местной культурной традиции, либо же тем, что шесть предшествующих лет Агитпроп трудился не зря и сумел прочно внедрить в народное сознание нужные политические образы. Имеющихся свидетельств недостаточно, чтобы с уверенностью сделать выбор в пользу того или иного предположения. Ясно одно, что казанский пропагандист, решивший ознакомить публику с проектами монументов вождю, выбрал те из них, которые понравились ему больше других. Или же выбор лучших работ сделал учитель или учительница и после вступительной речи ознакомил с ним учеников.

Все это заставляет нас обратиться к более общему вопросу: в какой мере Лениниана, будучи искусственно насажена в 1924—1925 г., являлась при этом продуктом стихийного народного сознания. Почему создали мемориальные проекты в честь Ленина казанские учащиеся, ясно: им велели это сделать. Но что сказать о тысячах других порождений фантазии, которые остались на бумаге или были воплощены в виде стихов, рисунков, бюстов, статуй и тому подобного? Что (или кто) заставило рабочих, крестьян, художников публично воздать дань Ленину в самых разнообразных формах? В какой мере были искренни их произведения, отражали они собственные идеи авторов или сообразовывались с образцами и директивами, спущенными сверху? Ленинский культ 1924—1925 гг. привлек к себе наряду с руководителями партии и партийно-правительственными агитаторами и пропагандистами широкий спектр обычных людей, ранее чуждых политике: все они приняли участие в общем хоре, поющем осанну Ленину, и таким образом отдали дань культу памяти вождя; в основе этого культа лежит сложное, не поддающееся до конца анализу сплетение политики и искренних чувств.

РОССИЯ СЛАВИТ ЛЕНИНА

Более года после смерти Ленина не иссякал вдохновенный поток стихов, портретов, бюстов, монументов и самых различных *memoriae** в его честь. Его лицо красовалось на фарфоровых кувшинах, чайных чашках и тарелках. Оно встречалось на ювелирных изделиях, конфетных обертках и папиросных пачках. Начиная с траурной недели, все-

*памятники (лат.)

возможные учреждения одно за другим стали присваивать себе имя Ленина. Отдельные люди следовали их примеру: многие родители называли своих новорожденных сыновей Владлен или Владилен, а дочерей — Нинель (Ленин наоборот). Выдвигались различные планы: планы создания музеев Ленина, планы кампаний по сбору денег на проекты во славу Ленина, планы монументов, планы жить лучше, учиться упорней, работать производительней. В 1924 г. было издано 17 миллионов экземпляров ленинских трудов и книг о Ленине, что составило около 16% всей советской книжной продукции. В 1925 г. этот процент был еще выше⁵⁶.

В газетных статьях шла дискуссия, как лучше почтить память Ленина; пресса публиковала предложения, присланные в редакцию, как утверждалось, энтузиастами из рабочего класса:

“Губ. комитеты пом. больным и ранен. воин. должны взять по одному ребенку — мальчику, которого должны воспитать в духе ленинизма. Мальчику присваивается фамилия ‘Ильич’. Из этих воспитанников по всей СССР составитя венок, достойный Ильича”. “Каждый понедельник в 6 час. 50 мин., в момент кончины В.И.Ленина, каждый, кто с уважением и любовью относится к личности Ленина, где бы он ни находился — на собрании ли, заседании, в школе и т.д., обязан предложить присутствующим почтить память покойного вставанием”...

К правительственному красному флагу добавить черную полосу или квадрат, как символ вечного траура и ответственности в борьбе за освобождение пролетариата.

В русском языке изменить слово “рабочий” словом, производным от “Ленин”⁵⁷.

Одна из минских газет высказала идею переименовать воскресенье в Лениндень и посвятить его памяти Ленина и изучению ленинизма⁵⁸. Здесь видна попытка заменить День Божий днем нового бога. Ленин должен был занять место Бога. Он должен был также заместить и царя — в резолюции, принятой в апреле 1925 г., самой северной оконечности территории предлагалось присвоить название Земля Владимира Ильича. Ранее она носила имя Николая II⁵⁹.

Фотографии Ленина часто публиковались с черной каймой, как и многие плакаты с его изображением. Один из наиболее броских плакатов был выполнен в красно-черных тонах и символизировал формулу “Ильич умер, Ленин жив”. Обычно в композицию плаката включался портрет Ленина — рисунок или фотография — и краткий биографический очерк, или какой-нибудь стихотворный панегирик. Зачастую обращает внимание иконографичность таких мемориальных плакатов: в центре помещен портрет Ленина в зрелом возрасте, а вокруг фотографии и рисунки, относящиеся к разным периодам жизни вождя — от младенчества до гроба; точно так же на иконах изображались наиболее важные моменты жизни православных святых. Иной раз в иконографии прочитываются личные предпочтения художника. Один из плака-

тов, относящийся к 1924 г., представляет собой монтаж из рисунков и фотографий, со сценами из жизни Ленина, но, помимо того, в него включен еще особый круг портретов: в середине Ганди, а вокруг головы Христа, Толстого, мученически погибшего германского спартаковца Карла Либкнехта, Мохаммеда, Будды и Ленина⁶⁰. Примечательно, что в качестве центральной фигуры этого кружка титанов избран не Ленин, а Ганди. Это может означать, что под маркой ленинского культа художник волен был избрать плеяду святых на свой вкус. В этом отношении в 1924 г. (в меньшей степени в 1925 г.) творческим деятелям различного масштаба предоставлялась определенная свобода в выборе средств прославления Ленина. Однако власти оставляли за собой право определять рамки этой свободы.

Вначале, в первое время после смерти Ленина, не существовало такой инстанции, которая бы просматривала или контролировала художественную продукцию, посвященную вождю. Готовилась эта продукция в спешке, зачастую бесталанными авторами — и качество ее оставляло желать лучшего. Комиссия по похоронам вскоре обратила внимание на эту проблему. Через десять дней после похорон Леонид Красин выражал крайнее недовольство по поводу бюстов Ленина, которые во множестве появлялись тут и там. Ни один из них не был в достаточной степени похож на покойного вождя. Напротив, “они были попросту отвратительны”. Кое-какие из них, с раздражением продолжал Красин, нужно бы уничтожить “за их безобразие, я бы сказал, кощунственное” — и за отсутствие сходства с Лениным⁶¹. В статье о памятниках Ленину Красин говорит, что те бюсты, которые похожи на Ленина *отчасти*, даже хуже тех, которые несколько не сходны с ним:

“Когда скульптору удалось схватить какую-нибудь одну—другую черту, напоминающую Владимира Ильича, а в остальном изображение несколько на него не походит, получается иногда непередаваемая словами пошлость и безобразие: вместо великолепного несравненного черепа Владимира Ильича, более интересного по своим линиям, нежели дошедшие до нас изваяния Сократа, перед нами голова какого-то рахитического приказчика или провинциального адвоката” (Красин, вероятно, не улавливал иронии того факта, что Ленин действительно был — по крайней мере, в соответствии с полученным им образованием — провинциальным адвокатом). “Страх берет, — [воскликнул Красин], — когда подумаешь, что десятки и сотни тысяч таких бюстов могут рассеяться по всему лицу советской земли, и в воображении миллионов людей настоящие черты Владимира Ильича навсегда будут перекрыты гримасами этих уродцев”⁶².

Красин настаивал на том, чтобы этот кошмар был остановлен правительственным декретом⁶³. Его предложение вскоре было принято. 24 апреля 1924 г. Центральный Исполнительный Комитет издал декрет, запрещающий воспроизведение, продажу и опубликование во всех средствах массовой информации портретных изображений Ленина (кроме

фотографий) — в том числе фотомонтажей, плакатов, произведений живописи, рисунков, барельефов и бюстов — без особого разрешения, которое полномочен дать любой из членов специального подкомитета Комиссии по увековечению. Декретом постановлялось далее, что все оригиналы, одобренные к воспроизведению, должны сдаваться на хранение в Институт Ленина. В конце указывалось, что нарушение декрета будет рассматриваться как наказуемый проступок⁶⁴.

В Москве оценка произведений искусства осуществлялась на практике исполнительным комитетом Комиссии по увековечению или тройкой; она же была ответственна за сооружение Мавзолея и саркофага, а также за сохранение тела. В тройку входили: Вячеслав Молотов, ее номинальный председатель — растущий партийный функционер, сделавший в дальнейшем, при Сталине, крупную карьеру; Абель Енукидзе и Леонид Красин, составитель всех отчетов комиссии⁶⁵. Продажа авторизованных портретов, плакатов и бюстов Ленина сопровождалась рекламой. Они были ходким товаром — судя по частым жалобам иностранных визитеров, что такого рода предметы попадают буквально на каждом шагу. Однако в то время как многие частные лица и организации ответили на продажу Ленинианы ее покупкой, нашлись и такие, кто осуждал эту практику. Одним из самых резких и красноречивых ее критиков был известный поэт Владимир Маяковский.

Автор нескольких стихотворений о Ленине, Маяковский в то время сочинял самое знаменитое из своих произведений в духе культа Ленина — эпическую поэму «Владимир Ильич Ленин». Поэт выступил с публичным призывом: «Не торгуйте Лениным». Так называлась передовая статья в журнале ЛЕФ (Левый Фронт в Искусстве), главным редактором которого был Маяковский. Соавтором статьи, возможно, являлся Осип Брик.

Маяковский не возражал против публичного возвеличивания Ленина — его возмущали дешевая и вульгарная форма такого прославления. Культ Ленина, в существующем виде, порочил и разрушал, по мнению Маяковского, бессмертный дух вождя. На первой странице передовой статьи имелась графическая иллюстрация, воспроизводившая одно из многих рекламных объявлений, которыми пестрела тогдашняя пресса (поэт находил эту рекламу крайне безвкусной):

Бюсты

В.И.Ленина

гипсовые, патинированные, бронзовые, мраморные, гранитные
в НАТУРАЛЬНУЮ и ДВОЙНУЮ ВЕЛИЧИНУ

с оригинала, разрешенного к воспроизведению и распространению

Комиссией по увековечению

памяти В.И.ЛЕНИНА

РАБОТЫ СКУЛЬПТОРА

С.Д.МЕРКУЛОВА

ПРЕДЛАГАЕТ

Государственное Издательство

для госучреждений, партийных и профессиональных организаций,
кооперативов и проч.

КАЖДЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР АВТОРИЗОВАН.

Осмотр и ПРИЕМ ЗАКАЗОВ

в ОТДЕЛЕ КОММЕРЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Москва, Рождественка, 4.

Иллюстрированные проспекты высылаются по первому требованию
бесплатно.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ И КОПИРОВАНИЕ БУДЕТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ ПО ЗАКОНУ.

Далее следует выразительный комментарий Маяковского:

“Мы против этого.

Мы согласны с железнодорожниками Казанской жел. дор., предложившими художнику оборудовать у них в клубе Ленинский зал без бюстов и портретов Ленина, говоря: “Мы не хотим икон”.

Мы настаиваем: —

Не штампуйте Ленина.

Не печатайте его портретов на плакатах, на клеенках, на тарелках, на кружках, на портсигарах.

Не бронзируйте Ленина.

Не отнимайте у него его живой поступи и человеческого облика, который он сумел сохранить, руководя историей.

Ленин все еще наш современник.

Он среди живых.

Он нужен нам, как живой, а не как мертвый.

Поэтому, —

Учитесь у Ленина, но не канонизируйте его.

Не создавайте культа именем человека, всю жизнь боровшегося против всяческих культов.

Не торгуйте предметами этого культа.

Не торгуйте Лениным!”⁶⁶.

Он остается среди живых. Такова главная тема собственных произведений Маяковского о Ленине: «Комсомольская» (март 1924 г.) и «Владимир Ильич Ленин» (закончено в октябре того же года). В этой эпической поэме, где жизнь Ленина описывается на фоне истории российской революции, Ленин предстает всемогущим, всезнающим и в то же время трогательно человеческим, “самым человеческим человеком”. Ленин к тому же бессмертен. На первой же странице поэмы Маяковский заверяет: “Ленин и теперь живет всех живых”. Он вечно живет в коллективе: в партии, в рабочем классе. Поэт приветствует энтузиазм, благодаря которому “Стала величайшим коммунистом-организатором/ даже сама Ильичева смерть”.

Маяковский имеет в виду Ленинский призыв, благодаря которому,

как пишет поэт, на место Ленина встали сотни тысяч рабочих-энтузиастов. Общее горе, которое потрясло Россию, когда Ленин умер, массовые проявления скорби и солидарности вселяют в поэта надежду. В то же время Маяковский опасается, что бесчисленные славословия, которые звучат по всей стране, вычеркнут из памяти человечность вождя, а “шестивия и мавзолеи, поклонений установленный статут” зачеркнут его простоту⁶⁷. Эти чувства уже звучали в передовице ЛЕФа: мы должны славить бессмертный ленинский дух, но так, чтобы этими славословиями не принизить Ленина. Однако Маяковский оказался не властен даже над своей собственной поэмой: ее кромсали на куски, нарушая общий замысел. Мелкие фрагменты поэмы использовались в качестве сопроводительных надписей к слашавым бездарным плакатам, которые были широко распространены в 1960—1970-е гг.

Маяковский не был единственным, кто осуждал грубую вульгарность ранней Ленинианы. В начале февраля 1924 г. в газете «Рабочая Москва» было опубликовано письмо, автор которого жаловался, что украинская табачная фабрика начала выпускать папиросы с портретом Ленина на пачке. Беда в том, писал недовольный, что пустые пачки валяются на улицах и прохожие волей-неволей наступают на изображение вождя⁶⁸. Власти решили пресечь такого рода злоупотребления. В мае 1924 г. Комиссия по увековечению опубликовала резолюцию, в которой все предприятия предупреждались, что помещать портрет Ленина на папиросных пачках и упаковках, на конфетных обертках и конфетах, на всевозможных наклейках и на ювелирных изделиях “категорически запрещено”⁶⁹.

Однако в 1925 г. хлынула новая волна безвкусицы: в первую годовщину смерти Ленина по всей стране стали открываться монументы и статуи, музеи и выставки, созывались бесчисленные памятные встречи. Мемориальные мероприятия длились целую неделю, ритуал соблюдался тот же, что и в траурную неделю после смерти вождя. Повсюду те же собрания с пламенными речами, те же стихи и воззвания в прессе, а 21 января 1925 г. народ вновь был призван на многолюдные демонстрации, кульминацией которых стала пятиминутка молчания. В Москве наблюдалось “массовое паломничество” к Мавзолею Ленина⁷⁰.

Все это соответствовало вкусовым канонам, принятым в компартии. Но в то же время, в 1925 г., один музыкальный критик ужаснулся, когда обнаружил, что мелодия одной из песен, исполнявшихся обычно на Ленинских вечерах, взята из “кабацкого романса”⁷¹. В том же году были выпущены две игрушки по мотивам Ленинианы. Одна из них представляла собой конструктор, из его деталей можно было собрать пять разных портретов Ленина и одно изображение ленинского Мавзолея⁷². Изготовители второй игрушки предлагали детям собрать картонную модель Мавзолея по приложенной инструкции⁷³. В конце 1925 г. литературный критик Виктор Якерин язвительно осудил в пе-

чати повсеместное опошление памяти Ленина: директор колбасной фабрики присвоил своему предприятию имя Ленина; ленинские портреты помещались в витринах рядом с рекламой спиртного; одна московская торговая фирма продавала чернильницы в форме мавзолея. "... Из синонима борьбы пролетариата делать домашнюю утварь? Далеко ли это от дикарского черепа-чашки?". (Ссылка на печенегов, которые в десятом веке убили киевского князя Святослава и сделали из его черепа чашу). Критик усматривал в Лениниане тот же декаданс, что и у Федора Сологуба и других писателей-символистов рубежа веков⁷⁴. Он глубоко заблуждался. Изысканный, обладавший прекрасным художественным вкусом русский символизм был бесконечно далек от безвкусицы, характерной для культа Ленина в тот период. Культ, назначением которого было пробудить русский дух от спячки аполитичности, под влиянием вкусов и запросов простых людей подвергся метаморфозе. Пытаясь воспитать в народе уважение к Ленину, работники агитпропа опирались на свои собственные представления о народной культуре. Те из партийных пропагандистов, кто принадлежал к слоям интеллигенции, сочиняли проекты, свидетельствовавшие о том, что от народа, на который они рассчитывали воздействовать, их отделяла пропасть. Они, вероятно, полагали, что ритуалы и символика культа Ленина легче найдут путь к сердцам, если будут напоминать традиционные формы почитания святых в православной церкви. Однако — и это важный вопрос — насколько глубоко народ чтит христианских святых? Каково было значение красного угла в избе с иконой и лампадой: являлся ли он истинным святилищем или простым собранием привычных предметов, лишенных духовного смысла? Что, если культу Ленина, который насаждался зимой и весной 1924 г. с такими лихорадочными усилиями, предстояло обратиться в череду рутинных, бессмысленных ритуалов?

В 1925 г. некоторые критики полагали, что так и произошло. Объектом неблагоприятной оценки стали множившиеся с большой скоростью Ленинские уголки. Один из чиновников Главполитпросвета жаловался, что во многих случаях Ленинские уголки являются всего лишь декорацией: их оборудуют с большой помпой, а затем оставляют без внимания, "точно храм, где все должно дышать "святой неприкосновенностью"⁷⁵. С ним были согласны и другие критики, которые сетовали, что Ленинский уголок быстро превратился в "иконостас"⁷⁶. Раздавались голоса, осуждавшие банальность плакатов, которые выставлялись в советских библиотеках, и низкое качество агитационных выступлений, посвященных Ленину⁷⁷. Организаторы ленинского культа видели в нем живую религию ленинизма. Взамен они получили недолгий порыв энтузиазма и порожденный им китч.

В 1924—1925 гг. Ленин занимал умы многих, однако в основе этого интереса лежали чувства и соображения, далекие от тех, которые старались внушить партийные и правительственные пропагандисты. Точ-

ную причину общенародного поклонения памяти Ленина установить невозможно. Вполне вероятно, что отчасти его породила широкая агитпроповская кампания, развернутая вскоре после похорон. Не исключено также, что интерес к Ленину внушали постоянные ссылки на него в печати и в особенности в опубликованных речах важнейших партийных фигур. Что испытывали люди, партийные и беспартийные, когда организовывали Ленинские мемориальные собрания, Ленинские уголки и прочее тому подобное? Энтузиазм? Покорное безразличие? Многие ли художники, посвящавшие ленинской теме свои рисунки, картины, плакаты, многие ли поэты, писавшие о Ленине стихи, руководствовались исключительно любовью к вождю и уважением к его памяти? И вновь перед нами встает критический, не поддающийся точному разрешению вопрос: до какой степени культ Ленина был стихией? Разумеется, трагическое напряжение траурной недели и быстрая организация мемориальных мероприятий указывают на следующие два обстоятельства: во-первых, агитационный аппарат партии и правительства оказался поразительно хорошо организован — явление беспрецедентное в те дни, когда все прочие политические и экономические структуры Советской России действовали неэффективно; и, во-вторых, траурная неделя и сама смерть Ленина побудили народные массы к искренним проявлениям восторженной привязанности.

Трудно даже предположительно оценить, в какой мере элемент стихийности был свойственен культу в последующий период, когда траурная неделя закончилась, а деятельность Агитпропа набирала силу. С учетом популярности Ленина, особенно после введения НЭПа, и русской традиции почтения к умершим вполне можно допустить, что находились люди, которые из искренней любви к вождю, не жалея времени, денег и труда, отдавали дань его памяти. Однако была это любовь к Ленину или к партии? Быть может, те, кто подписывался на собрание сочинений Ленина, проектировал монументы, предлагал назвать именем вождя свой завод, деревню или театр, поступал так не без задней мысли угодить начальству, продать товар, сохранить свое рабочее место, получить повышение? В таком случае публичные проявления скорби и симпатии, строго говоря, шли не от сердца: а *от культа*.

Чтобы культ существовал, необходимо массовое в нем участие. К участию в культовых ритуалах побуждают эмоциональные мотивы. Однако если учитывать лишь задачу успешного функционирования культа как системы символов и ритуалов, которая помогает сплотить народ вокруг партии и государственных органов и *схожа* с религией, то истинный характер эмоциональной мотивации приверженцев культа не важен. В самом деле, если власти проявили достаточно таланта и организационного умения и сумели убедить множество советских граждан, что карьера возможна лишь при условии публичного изъявления любви к вождю, то это следует признать их успехом.

Если же, напротив, оценивать ленинский культ исходя из стандар-

тов религии, то тогда чувства приверженцев культа представляют пер-востепенную важность. В этом случае нужно, чтобы Ленин вошел в повседневную жизнь советских граждан, в смутные времена вселял в них уверенность, чтобы они думали о Ленине, читали его труды, посещали места, где он бывал, устремлялись к его гробнице, дабы получить утешение и приобщиться к духу своего кумира. Ничто не свидетельствует о том, что в 1924—1925 гг. культу Ленина были свойственны черты истинной религии. Однако к культу было привлечено множество людей, которые по тем или иным соображениям сплотились вокруг Ленина и партии, им персонифицировавшейся. В характере культа заметно, в большей или меньшей степени, слияние политических и религиозных образов и чувств.

Култ Ленина быстро занял устойчивое место в партийном ритуале, а отдельные его проявления распространились еще шире. Уже в 1925 г. появились признаки того, что Ленин и его культ проникли в сознание необразованных крестьян, которые практически совсем не понимали новых порядков. В том же году при опросе крестьян Ярославской губернии их попросили дать определение некоторым терминам, которые вошли в обиход после 1917 г. Приводим в качестве образца несколько ответов: “Деклет — это правительство бумаги пишет”. Однако, при полном незнании послереволюционной терминологии, крестьяне могли объяснить, кто такой Ленин и что такое Ленинские уголки: “Марс, Карло-Марс — это как Ленин”, “Уголок: красный уголок — это патреты Ленина и слова крупные написаны”⁷⁸. За один 1924 г. пропаганда сумела, по крайней мере, внушить этим невежественным людям представление о Ленине и о самом распространенном атрибуте его культа — Ленинском уголке.

Пропаганде удалось также овладеть умами хотя бы части детворы в российской деревне. В 1926 г. был проведен опрос сельских детей в одной из волостей Тверской губернии. Участники опроса (им было 10—12 лет) не выказали интереса к политике. Например, на вопрос, кем они хотят стать, когда вырастут, большинство мальчиков ответило, что станут ремесленниками или учителями; девочки предпочитали профессию учительницы или швеи. Из числа мальчиков лишь 6% желали вступить в компартию, столько же — в комсомол. Те же 6% мальчиков в качестве любимой профессии назвали профессию пастуха или зоотехника. Несмотря на безразличие к политике, на вопрос “На кого ты хочешь быть похожим?” целых 15,9% мальчиков ответили: “На Ленина”. Больше никто, даже местные знаменитости, не оказался столь популярен. Из девочек 6,2% пожелало походить на Ленина, а еще 1,7% в качестве образца избрало Крупскую. Больше всего оказалось таких, кто предпочел свою учительницу. Детей попросили также обосновать свой выбор. Мальчики, которые выразили желание походить на Ленина, дали такие ответы: “Слышал о том, что Ленин хороший человек. Красивый. Старательный. Умный. Ласковый. Он защищал угнетен-

ных и бедняков. Очень любил детей. Много всего знал. Чтобы быть на легком месте, как Ленин жил. Хоть немножко на Ленина быть похожим. Чтобы быть умным и хорошим. У маленького Ленина красивые кудри и лоб". Из ответов следует, что на обследованную группу из 165 деревенских мальчиков Ленин произвел сильное впечатление. Учителя, без сомнения, читали или рассказывали им о Ленине, или знакомили учеников с соответствующей детской литературой. Дети видели, разумеется, очаровательную фотографию трехлетнего Володи Ульянова с улыбкой на обрамленном белокурыми локонами лице. Те из 120 принявших участие в опросе девочек, кто в качестве образца избрал Ленина, видели в нем, как ясно из ответов, сверхчеловека: "Ученый. Боролся за лучшую жизнь. Он правил всем миром. Очень ученый. Хочу быть похожей на трехлетнего Ленина, потому что он с малолетства был сознательный"⁷⁹.

Когда Наркомпрос возвел пропаганду ленинизма среди детей в ранг сознательной политики, он ставил перед собой две далеко идущие цели: усвоив идеи ленинизма, дети вырастут верными сторонниками той партии, которую Ленин олицетворяет, а также изберут его (а не своих родителей) в качестве ролевой модели. Нам не известно, как менялись в дальнейшем политические взгляды детей, участвовавших в опросе, однако ясно, что Ленин оказался способен послужить им, по крайней мере на короткий срок, ролевой моделью. Показательно, что в то время как почти 16% мальчиков мечтали походить на Ленина, только 3% надеялись вырасти похожими на своих отцов⁸⁰. Пропаганда ленинизма дала результаты.

Култ тела Ленина также продемонстрировал свою действенность. За четыре месяца после открытия Мавзолея дань покойному вождю отдало свыше полумиллиона человек⁸¹. В последующий год перед Мавзолеем все так же выстраивались длинные очереди паломников, что, вероятно, указывало на разрастание культа. "Култ Ленина за последний год сделал большие успехи", — писал Уолтер Дюранти в сентябре 1925 г. В своей статье он сосредоточил внимание на неизменных Ленинских уголках, которые называл "почти святилищем", и на "постоянной давке" паломников у Мавзолея. Корреспондент взял интервью у "типичной коммунистической девушки", в черном кожаном френче с красным платком на голове. Она призналась, что за последние три месяца посетила Мавзолей шесть раз. "Она сказала, что это ей как-то помогает... в жизни не всегда все ладится... и... и... это ей помогает", "Эти слова мог бы произнести обычный простодушный верующий, к какой бы религии он ни принадлежал, — комментирует Дюранти, — на поклонении святым реликвиям в храме"⁸².

Одновременно с пропагандой ленинизма была начата другая, антирелигиозная, кампания. В год смерти Ленина была основана первая антирелигиозная газета «Безбожник», а также организация, в задачи которой вошло проведение антирелигиозной кампании (в 1925 г. она

получила название Союз Воинствующих Безбожников)⁸³. Союз вел пропаганду путем публикации литературы, чтения лекций, демонстрации экспонатов, организации дискуссий, собраний, которым придавался отчасти развлекательный характер. Имелись, помимо других, экспонаты, с помощью которых доказывалось, что святые мощи не что иное, как подделка.

Партия взялась за создание советских праздников и ритуалов, которые должны были заменить православные, определявшие весь уклад деревенской жизни. Начиная с 1918 г. стали отмечаться с большой пышностью Первомай и 7 ноября как высшие точки священной истории революции. В 1924 г. центром новой религии сделался Ленин.

Его фигура была использована также в деле сплочения народов новообразованного Союза Советских Социалистических Республик⁸⁴. В ходе общих усилий по консолидации Советского Союза вокруг единого центра пропагандисты вели работу с широким спектром национальных меньшинств страны, чтобы побудить их признать главенство Москвы. Успехи заставляли себя ждать. Автор статьи, опубликованной в «Правде» в январе 1925 г., замечал, что некоторые горские народы Грузии смотрят на Ленина исключительно как на русского — «вашего Ленина». Далее, на одного горца не произвел должного впечатления портрет Ленина: «Этот не похож на хабреца. Как он одет!». Горским народам, пояснял автор, нужно видеть Ленина великим, бесстрашным героем в военной форме. Но «Придет время, и в горах Ленин-легенда станет жизнью, защищать которую горец выйдет по первому зову»⁸⁵.

Легенды о Ленине, действительно, были созданы. Легенды и рассказы о Ленине появились на языках малых народов задолго до его смерти, а агитационная кампания 1924 г. вдохновила на создание стихов и прозы многих преданных партии сочинителей. После смерти Ленина партийные и правительственные пропагандисты в рамках кампании по пропаганде ленинизма принялись за сбор посвященных вождю произведений фольклора; полученные материалы были впоследствии включены в антологию «Ленин в русской народной сказке и восточной легенде» (1930 г.); большая часть из них не датирована и задает исследователю ряд загадок. Что нам думать об узбекской сказке, где говорится, что Ленин рожден от «луны и звезд», чем и объясняется его особая способность приносить в мир людей счастье?⁸⁶ Быть может, ее сочинитель — простодушный сказитель, который описывает Ленина с помощью традиционных космологических представлений. С другой стороны, за его цветистыми, экзальтированными образами может скрываться сознательная попытка угодить начальству. И, наконец, сказку мог придумать кто-нибудь из работников издательства «Молодая гвардия», которое ее опубликовало. Как бы то ни было, появление в печати этой и прочих подобных легенд преследовало цель показать, что культ Ленина воспринят и усвоен всем населением страны, включая и отдаленные ее уголки.

К 1930 г. культ Ленина достиг периферии и его территориальное распространение было велико как никогда. Однако в центре он стал быстро клониться к упадку.

КУЛЬТ ЛЕНИНА ИДЕТ НА УБЫЛЬ

Широкая агитационная кампания 1924 г., утвердившая культ Ленина в общенациональном масштабе, преследовала целью открыть дорогу постоянной пропаганде ленинизма. К 1926 г. так оно и произошло.

На протяжении последующих четырех лет — до конца десятилетия — культ существовал в стандартной, хотя и урезанной форме. Продолжали открываться новые Ленинские уголки, однако новых кампаний, которые могли бы оживить деятельность тех, кто не имели успеха, не затевалось. Плакаты с портретами вождя, его фотографии и бюсты были распространены повсеместно, приобретая единообразие икононического изображения: всюду Ленин сохранял твердый, решительный взгляд, строго определенные жесты и позы. Православной иконографии присуща сходная стилизация, требующая строго обязательных, освященных традицией способов передачи облика Христа, унификация поз великомучеников, апостолов и так далее. Музеи Ленина процветали и открывались новые; особое внимание уделялось местам, где жил или останавливался вождь (в первую очередь следует назвать его кабинет в Кремле): там устраивались мемориальные квартиры, служившие объектом паломничества.

Ежегодно в день смерти Ленина, 21 января, по строго определенному сценарию проводились Ленинские вечера — в школах, на фабриках, а также в партийных, правительственных, армейских и профсоюзных учреждениях всех уровней. Несмотря на столь широкую практику, есть свидетельства о том, что далеко не на всех вечерах основной задачей было почтить память Ленина. Всего лишь за несколько дней до третьей годовщины смерти Ленина один из редакторов «Правды», Вячеслав Карпинский, опубликовал статью, в которой жаловался, что в иных клубах Ленинские вечера превратились в вечера отдыха. В январе 1926 г. в отдельных учреждениях к официальной части вечера были добавлены развлекательные программы, включавшие в себя выступления «известных артистов». Атмосфера на таких вечерах была скорее праздничной, нежели, как полагалось, траурной. Карпинский призвал местные партийные комитеты предотвратить повторение подобных мероприятий в 1927 г.⁸⁷

Тон и содержание собраний памяти Ленина задавались партийными вождями, собиравшимися на заседание в Большом театре перед огромным бюстом Ленина. 21 января номера «Правды», «Известий» и прочих газет под крупными заголовками, посвященными годовщине смерти вождя, помещали статьи и воспоминания о вожде, иллюстрирован-

ные фотографиями или рисунками. 22 января в газетах публиковались отчеты о траурных собраниях, приводились речи членов Политбюро. Одним из наиболее часто повторяющихся ритуалов ленинского культа было торжественное обещание дедушке Ильичу, произносимое юными пионерами при приеме в эту организацию.

Институт Ленина развернул активную деятельность по созданию ленинского архива; издавалось собрание его сочинений; регулярно выпускалась «Лениниана» — библиографический труд, в котором тщательно систематизировались и сопровождалась аннотациями все советские публикации, связанные с Лениным. Однако после 1925 г. количество аннотаций неуклонно уменьшалось; сокращалась и библиография, поскольку общее число работ о Ленине начало убывать. Особенно резкий спад наметился к концу 1926 г.⁸⁹. Список публикаций 1928 г., вышедший в свет в 1930 г., составил небольшой том, после чего издание библиографии прекратилось вообще. На протяжении 1920-х гг. стандартизированные биографии Ленина и воспоминания его современников были все еще легко доступны, поскольку издавались большими тиражами — так же, как и его труды, выходившие собраниями сочинений, отдельными книгами и в составе тематических сборников. Последние позволяли авторам, пишущим статьи и книги на самые разнообразные темы, платить необходимую дань почтения вождю цитированием его высказываний по данному вопросу (обычно это делалось в самом начале работы). К 1926 г. культ был полностью упорядоченным, направлялся и контролировался сверху; простор для полета фантазии был резко ограничен — и свойственное прежним годам разнообразие ленинианы больше не допускалось. Это более чем наглядно свидетельствовало о том, что исключалась даже сама возможность выражения искреннего народного чувства к Ленину — и подобную линию следует рассматривать как намеренно избранную теми, кто стоял в России у руля власти.

В 1926 г. партия всецело находилась в руках Сталина и его сторонников. Ограничение и шаблонизация ленинского культа являлись сознательной политикой. С каждым последующим после 1925-го годом неуклонно возрастало число книг, статей и речей о Ленине (наряду с лозунгами, появившимися в печати), которые связывали имя вождя и текущими политическими проблемами, возникавшими перед партией. Ленин против троцкизма, Ленин и борьба с правой оппозицией, Ленин о строительстве социалистической экономики — вот темы, начинавшие занимать все более значительное место в потоке публикуемой Ленинианы к концу десятилетия. Культ Ленина все менее концентрировался на оплакивании ушедшего вождя, память которого становилась теперь священным оружием в текущих политических битвах.

А битвы на пороге 30-х годов приобретали по-настоящему титанический размах. Железная хватка Сталина подавила в партии всякую оппозицию. Назревал Великий перелом — широкомасштабная индус-

триализация и коллективизация России. Процесс государственного строительства, начатый в середине десятилетия, получил наиболее полное выражение в возникновении монолитной партии, достаточно могущественной для того, чтобы развязать беспощадную войну против крестьянства посредством жесткого курса на принудительную коллективизацию, взятого зимой 1929/30 г вместе с первым пятилетним планом. К этому времени всякая политическая, экономическая, социальная и культурная деятельность была поставлена на службу государства. Не стал исключением и культ Ленина.

Показательны материалы газет, посвященные дню кончины Ленина. В январском номере «Правды» за 1929 г. основное внимание уделено взглядам Ленина на экономику социализма, включена статья Крупской о Ленине и о создании колхозов. Сушность нового отношения к Ленину воплощена в рисунке талантливого художника Дени. Мавзолей Ленина изображен на фоне заводов, изрыгающих клубы дыма. Над фабричным комплексом мускулистая рука рабочего с закатанным рукавом поднимает знамя с надписью: «Заветы Ленина — выполним!»⁸⁹. В 1929 г. собрания, посвященные памяти Ленина, являлись прежде всего демонстрациями партийной солидарности. В эту — пятую — годовщину со дня смерти вождя всех партийных работников призывали вести массовую агитацию, пропагандируя идеи ленинизма. В 1929 г. это означало «вести борьбу против уклонов, шатаний, против оппортунизма». Членам партии поручалось читать в местных городских советах лекции об успехах, достигнутых в строительстве социализма за предшествующие пять лет⁹⁰. Скорбный тон середины двадцатых исчез, сменившись тоном уверенного оптимизма.

Подобная тональность сохранялась и в 30-е гг. «Под знаменем Ленина — вперед к победе социализма в СССР!» — такой лозунг обнародовала «Правда» 21 января 1930 г. В номере «Известий» была помещена фотография Ленина на фоне фабричного строительства. Новая книга о Ленине, объявление о распродаже которой опубликовала «Правда» 20 января 1930 г., называлась «Ленин о коллективных хозяйствах и о борьбе против кулака». Спустя год, в годовщину смерти вождя, его идейное наследие прямо связывалось с Великим переломом: «Мы строим лучший памятник Ленину сплошной коллективизацией и ликвидацией на ее основе кулачества как класса»⁹¹. В 1932 г., наряду с аналогичными призывами, печатался фотомонтаж, изображавший заводы и машины, на фоне которых развевалось знамя с портретом Ленина⁹². Относительно собраний, посвященных памяти вождя, Центральный Комитет партии выпустил директиву с указанием точных правил их проведения. Всем партийным организациям предлагалось проводить такие собрания с участием рабочих, колхозников и служащих партийных, советских и профсоюзных организаций: на собраниях, посвященных восьмой годовщине смерти Ленина, должны были быть «освещены успехи трудящихся СССР под руководством Ленинской партии в борьбе за комму-

низм на основе заветов и указаний Ленина”. “В ленинские дни, — говорилось в директиве, — необходимо мобилизовать трудящихся вокруг выполнения и перевыполнения пятилетки в 1932—1933 г.”. Печатная директива завершалась лозунгами, посвященными восьмой годовщине со дня смерти Ленина. Первый из них гласил: “За выполнение пятилетки в четыре года, за успешное построение социалистического общества”⁹³. Ленина явно отодвигали в сторону даже в те дни, когда чтилась его память. Великий перелом победно отвоевывал себе главенство, подчиняя себе видоизмененную форму прежнего культа.

В 1933 г. ленинскому культу как таковому, своду ритуалов, сосредоточенных исключительно вокруг личности вождя, был положен конец. В этом году мемориальные мероприятия, связанные с годовщиной его кончины, вылились в кампании прославления пятилетнего плана и его зодчего — товарища Сталина. 21 января 1933 г. «Известия» поместили следующий заголовок: “Осуществляя заветы и указания Ленина, пролетариат СССР под руководством большевистской партии во главе с лучшим учеником и соратником Ленина тов. Сталиным выполнил пятилетний план великих работ в четыре года”. Таким образом, Сталин вторгся в священную область ленинского культа.

Начиналось это проникновение подспудно, едва ощутимо. Первое возможное указание обнаруживается в номере «Правды» от 7 ноября 1929 г. Специальный выпуск, посвященный годовщине Октябрьской революции, содержал заголовок, в котором выражалась решимость построить в СССР здание социализма — “под руководством стальной ленинской партии”. Всего лишь десять недель спустя, в годовщину кончины Ленина, «Правда» провозглашала, что под знаменем Ленина СССР построит социализм и сменит “крестьянскую лошадь на стального коня машинной индустрии!” Стальной конь... Было любопытно проследить, кому пришло в голову использовать в обоих этих случаях эпитет “стальной”, и не являлось ли это сознательной попыткой угодить Сталину. Представляется возможным следующий вариант сценария: дежурный редактор предлагает заголовок главному, главный, скользнув глазами по листу, бросает: “годится”; оба обмениваются понимающими взглядами.

Как бы то ни было, пока еще столь малозаметное совмещение имени Сталина с мероприятиями, проводимыми в память Ленина, совпало со временем зарождения его собственного культа личности. Культ открыто заявил о себе 21 декабря 1929 г. в день пятидесятилетия Сталина: событие сопровождалось беспрецедентной кампанией в печати, когда все газетные страницы заполнили хвалебные гимны в честь генсека. В речах соратников и в поздравительных приветствиях, направленных в редакции сотнями читателей, на все лады восхвалялся “неутомимый борец” и “прославленный вождь”. Пышность эпитетов только подчеркивала помпезность торжества, вступавшего в резкий контраст с несравненно более скромным празднованием пятидесятилетнего юбилея

Ленина в 1920 г. Наиболее часто повторявшимся комплиментом Сталину было усиленное подчеркивание и всяческое приукрашивание его близости к Ленину. Сталин изображался верным учеником Ленина, первым его сподвижником, лучшим другом, главным преемником⁹⁴. Развитие сталинского культа было необычайно сложным и многоаспектным, однако едва ли не главнейшим признаком его формирования стало красноречивое помещение фигуры Сталина непосредственно рядом с идеализированной фигурой Ленина. Подобная близость получила особое значение, если муссировалась на территории, законно принадлежавшей Ленину — на газетных полосах, выходявших 21 января.

Сталинский юбилей слился с церемониями в память Ленина 1930 г. еще в одном немаловажном направлении. В качестве составной части юбилейной кампании партия объявила в декабре 1929 г. “сталинский призыв” — предлагая рабочим вступать в партию в честь Сталина. В данных обстоятельствах не мог, разумеется, не вспомниться Ленинский призыв 1924 г. — событие, пятилетняя годовщина которого была отмечена пространной статьей, появившейся в «Правде» в январе⁹⁵. В январе 1930 г. юбилей Сталина и день смерти Ленина служили поводом для широкого выражения преданности со стороны рабочих, которые активно записывались в партию в честь и того, и другого события. 20 января 1930 г. «Правда» поместила статью о том, как “наиболее передовые рабочие” отмечают “юбилей товарища Сталина — преданного ученика Владимира Ильича — вступлением в партию”, отмечая тем самым и шестую годовщину смерти Ленина. К статье прилагалась подборка сообщений о числе вступивших в партию в различных городах страны. Например: “Пермь — в связи с годовщиной смерти Ленина и юбилеем товарища Сталина за последние полмесяца в округе подано свыше трехсот заявлений от рабочих, желающих вступить в партию, и 150 — от колхозников, батраков и бедняков”.

Начиная с этого времени, культ Сталина, ненадолго схлынувший, возрастал постепенно и неуклонно, пока не достиг полного расцвета в 1933 г.

19 января 1931 г. вышла в свет книга Сталина «О Ленине», широко разрекламированная в прессе; тираж ее составил 500 000 экземпляров⁹⁶. Заголовок в номере «Правды» от 21 января того же года восхвалял знамя Ленина и ленинизм. Автором его, явно обозначенным, был Сталин⁹⁷. В 1932 г. на первой странице газеты появился лозунг, также принадлежавший Сталину. В 1933 г. не только Сталин изображался как лучший ученик и наследник Ленина, но и сам Ленин был представлен (буквально) в немощном состоянии. 21 января этого же года «Правда» поместила на первой странице набранную крупным шрифтом “клятву”, произнесенную Сталиным накануне похорон — речь, в которой он торжественно обещал выполнить заветы вождя. Рядом была помещена фотография огромного формата, заметно отличавшаяся от снимков, публиковавшихся ранее по данному случаю. До того в день

21 января газеты публиковали обычно рисунки или фотографии лица Ленина; в полный рост он изображался в какой-либо выразительной позе или же занятый каким-то делом. Фотография, помещенная на сей раз, появилась в печати впервые. Она была сделана в Горках в 1922 г., во время болезни Ленина. Ленин запечатлен сидящим в плетеном кресле, со сложенными на животе руками. Вождь выглядит добродушным, но усталым пожилым человеком — “безвредной иконой”, согласно его собственному выражению. Именно таким, вероятно, хотел бы его видеть Сталин — лишенным внешних признаков власти. Стройность и целостность ленинского культа были заметно подорваны.

Процесс разрушения культа начался во второй половине 1920-х гг. с сокращения публикаций о Ленине и свертывания почти всякой деятельности по его поддержанию. В 1931 г. партия открыто заявила об уравнивании Ленина в правах с двумя другими лицами обожествляемой триады — Марксом и Энгельсом. Тогда же Институт Ленина прекратил свое существование в качестве отдельного учреждения: 31 марта 1931 г. его слили с Институтом Маркса-Энгельса⁹⁸. Новая организация получила название Институт Маркса-Энгельса-Ленина. Спустя год Институт начал публиковать библиографический свод изданий Ленинианы, однако ни трудам Ленина, ни работам о нем не было посвящено ни одного отдельного тома. Все работы о Ленине были включены в общий список публикаций 1929 г. о Ленине, ленинизме, об истории партии, комсомола и Коминтерна⁹⁹. Эта библиография замышлялась как продолжение «Ленинианы», однако после обзора публикаций 1929 г. издание выпусков прекратилось.

К 1933 г. культ Ленина находился в низшей точке, тогда как культ Сталина расцвел пышным цветом¹⁰⁰. 7 ноября 1933 г. американский журналист Юджин Лайонз, совершив прогулку по Москве, подсчитал количество портретов и бюстов — “политических икон” по его определению. На протяжении нескольких кварталов изображений Сталина оказалось 103, а изображений Ленина — только 58. Третье место занял Лазарь Каганович, верный соратник Сталина — 56¹⁰¹. Культ Ленина послужил для Сталина прецедентом и основанием для создания двойного культа Ленина и Сталина. Почему Сталин испытывал необходимость в том, чтобы сделаться более доступным зрительному восприятию объектом почитания? Каким образом мог умерший (вернее, “вечно живой”) Ленин представлять для него угрозу? Отчет ОГПУ, датированный 1931 г., проливает некоторый свет на обстоятельства дела.

В марте 1931 г. начальник ОГПУ города Смоленска докладывал о том, как местное население отнеслось к высылке кулаков — богатых крестьян. В целом реакция была положительной, однако отдельные рабочие заняли “негативную” позицию, вспоминая добрые старые дни и говоря о том, что если бы Ленин был жив, дела обстояли бы иначе. Один шорник, в частности, глядя на портрет Ленина, якобы сказал: “Это был вождь какой надо. При нем народ жил на широкую ногу, и

все были довольны. А эти правители — олухи, никак не сообразят, чтобы народу сделать лучше. Будь ЛЕНИН жив, он объявил бы свободную торговлю — и так привел бы [нас] к коллективизации, не силой, но добровольно, путем убеждения”^{102*}

Шорник, вероятно, был прав. Трудно поверить, что Ленин избрал бы курс на принудительную коллективизацию, приведшую к гибели миллионов людей, как это сделал Сталин. Культ Ленина, возбудивший в народе ностальгию по умершему вождю, разумеется, не мог быть терпим режимом Сталина. Если преданность масс Ильичу оборачивалась критикой в адрес нынешних “безмозглых правителей”, то подобные чувства представляли собой серьезную угрозу стабильности сталинской власти. Идеализированный Ленин был приемлем только в том случае, если шел рука об руку со своим “верным соратником”, Сталиным. Именно к этой цели и были направлены усилия Сталина на протяжении последующей четверти века.

*Цитата дана в обратном переводе. (Прим. переводчика).

ЭПИЛОГ: "ЛЕНИН ВСЕГДА С НАМИ"

Култ Ленина не продержался и до десятой годовщины со дня смерти вождя. К 1934 г. идеализированный образ Ленина занял почетное место в истории, исполняя роль священного предка, тогда как культ Сталина выдвинулся в советском политическом ритуале на передний план. На протяжении последующих двух десятилетий Ленин оставался объектом организованного преклонения, однако исключительно в контексте непомерного возвеличивания своего "достойного продолжателя".

Если ленинский культ 20-х г. напоминал собой сдержанный, хотя и проникновенный траурный марш, исполняемый на скорбно-торжественных церемониалах, культ Сталина сходствовал с непрерывной симфонией в мажоре. В мощном звучании оркестра доминировали медные духовые, и победные мелодии разносились по Советской России еще триумфальней во времена чисток 30-х г., когда волны массового террора безмолвно поглощали миллионы жертв. Каждый инструмент подхватывал бесконечные вариации на одну и ту же тему: Сталин — источник нашего счастья — или, как провозгласила партия, "Сталин — это Ленин сегодня"¹.

Этот главный девиз сталинского культа был внедрен в самую сердцевину культовой мифологии, связанной с Лениным. Ранее в культе Ленина систематически и настойчиво поднималась на щит возможность прямого, непосредственного общения преданных коммунистов с вождем, его отзывчивость и доступность. Способность к тесной связи вождя с массами не была утрачена и после его смерти: широко распространялись его книги, его идеи одушевляли сердца, а его жизнь служила примером для подражания; наконец, само тело Ленина было открыто для желающих совершить к нему паломничество. Все ритуалы ленинского культа как раз и были разработаны с целью укрепить эмоциональную связь между народом и вождем, пробудить в массах решимость продолжать работу, предпринятую Лениным для их блага.

Подобный расклад снимался с повестки дня, когда Сталин сделался живым воплощением Ленина. Мифология сталинского культа превращала его в связующее звено между Лениным и народом; дух Ленина становился доступным всем через посредство личности Сталина, через его слова и дела. "Гений Ленина продолжает пылать в Сталине", —

провозглашал казахский поэт Джамбул Джабаев². Но если Сталин был живым Лениным, Лениным во плоти, тогда основополагающая посылка ленинского культа — бессмертие Ленина как такового — теряла смысл. В 1938 г. в детском журнале «Мурзилка» появилось стихотворение, само название которого констатирует факт кончины живого Ленина:

ЖИВ ИЛЬИЧ

Ленин! Кто же его не знает?
От Кремля, где он крепко спит,
До хребтов голубого Алтая
Слава Ленина ярко горит.
Выше гор, шире всякого моря,
Тяжелее земли самой
Было наше народное горе,
Когда умер он, самый родной.
Умер Ленин... Но тверже стали,
Крепче горных кремнистых пород
Ученик его — доблестный Сталин —
Нас к победам и счастью ведет³.

Хотя с широкомасштабным культом Ленина было покончено, отдельные его проявления еще сохранялись в силе. Многие элементы вошли составной частью в сталинский культ, преобразовав тем самым ставшие к тому времени традиционными формы почитания Ленина: теперь общественность должна была поклоняться двойному богу — Ленину и Сталину вместе. Это полностью соответствовало исходному догмату сталинского культа: Ленин и Сталин всегда были духовными братьями, вернейшими соратниками, ближайшими друзьями и товарищами. «Сталин был правой рукой Ленина», — заявлял автор «Краткой биографии» Сталина в разделе, посвященном 1917 году⁴. Предполагаемая близость двух вождей постоянно и усиленно акцентировалась в исторических трудах и биографических сочинениях о Сталине на всем протяжении его пребывания у власти. Тезис этот нашел отражение и в изобразительных искусствах. Для 1930-х г. представляется типичным следующее скульптурное изображение: Ленин и Сталин беседуют стоя; фигура Сталина, однако, выглядит гораздо внушительней и монументальней; он что-то объясняет и втолковывает Ленину, сдвинувшему брови в напряженном внимании (по сравнению с собеседником, внешность последнего далеко не авантажна)⁵. Сходным образом кинокартина «Ленин в Октябре», выпущенная на экраны в 1937 г. (первый художественный фильм о Ленине) выводит Сталина (роль которого исполнял актер-красавец) едва ли не покровителем Ленина: попыхивая трубочкой, Сталин дает старшему товарищу советы на любой случай жизни.

Ежегодно 21 января продолжали появляться в печати отвечающие требованиям дня хвалебные статьи, произносились дифирамбы, проводились собрания, посвященные памяти вождя, однако Сталин видимым образом присутствовал, наравне с Лениным, в тематических выпусках газет; фотография, барельеф или статуя покойного вождя соседствовала, как правило, с аналогичным изображением вождя здравствующего.

Лениниана — в особенности памятные изображения вождя — также продолжала множиться в течение двух десятилетий, пока процветал культ Сталина, хотя и значительно уступала в количественном отношении огромной массе портретов Сталина, выпускавшихся миллионными тиражами. Фигура Ленина являлась предметом изображения лишь отдельных полотен или скульптур, в отличие от потока плакатов, наводнивших Советскую Россию после его смерти. Дирижеров сталинского культа вполне устраивало, чтобы возвеличивавшие Ленина произведения искусства отдавали почетную дань основателю большевизма и занимали места в музеях, тогда как Сталин должен был находиться бок о бок с Лениным (или же без него) в повсеместно распространяемых атрибутах культа. Иногда, впрочем, жизнь Ленина преломлялась в образной форме, напоминая о 1924 году. Например, к десятой годовщине со дня его смерти была выпущена серия почтовых марок, отображавших различные этапы жизни вождя: однокопеечная марка — кудрявый малыш; трехкопеечная — подросток в гимназической форме; на пятикопеечной — взрослый Ленин; на марке достоинством в десять копеек — вождь, обращающийся с речью к массам. Повторный выпуск этой серии относится к 1944 г., когда отмечалась двадцатая годовщина со дня смерти Ленина.

В этот период все усилия советской политической пропаганды были сосредоточены на задаче скорейшей победы над Германией. Все и вся было поставлено на службу главному делу; не стал исключением и Ленин. В номере «Правды» от 21 января 1944 г. утверждалось, что имя Ленина воодушевляет солдат на поле битвы. В красной Армии, заявлялось в редакционной статье, живет дух Ленина. Ленин — выдающийся «сын русского народа». Это новое определение было созвучно общему тону военной пропаганды, отличавшейся яркой патриотической направленностью и возбуждавшей чувства русского национализма (в противовес навязываемой сверху лояльности по отношению к советскому правительству, преданности делу рабочего класса или Коммунистической партии). В годы войны ритуальные выражения ленинского культа были сведены до минимума, так как страна мобилизовала всю свою энергию на противодействие ужасам оккупации.

В июле 1941 г., почти сразу после начала войны, тело Ленина — вместе с группой специалистов, ответственных за его длительное сохранение — было, в целях безопасности, эвакуировано в Тюмень. Вернули Ленина в Мавзолей не ранее апреля 1945 г.; реконструированное

сооружение открылось для доступа посетителей в сентябре того же года (появился новый саркофаг и была воздвигнута дополнительная трибуна). На этой трибуне, возвышающейся над Мавзолеем, Сталин стоял в дни революционных торжеств, выражая тем самым свое символическое родство с основателем большевизма. Мертвый Ленин служил подножием живому Сталину. Но не слишком долго: в марте 1953-го Сталин занял ложе рядом со своим былым сподвижником — в Мавзолее Ленина-Сталина.

В 1956 г. в своем “секретном докладе” на Двенадцатом съезде КПСС Никита Хрущев обрушился с резкими нападками на “культ личности”. В первую очередь имелся в виду, конечно же, Сталин. Хрущев говорил о “недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках”⁶. Вступительные слова доклада, с которым выступил первый секретарь ЦК Коммунистической партии, разом оборвали симфоническое звучание сталинского культа: Хрущев осудил злоупотребления, превратившие владычество Сталина над Россией в беспросветный кошмар. Знаменитая речь положила начало смелой хрущевской кампании по десталинизации, в ходе которой руководитель государства надеялся заручиться поддержкой со стороны широких слоев населения, продемонстрировав полный разрыв с правителем, с которым не мог соперничать при его жизни.

Хрущев решил разоблачить сталинские преступления перед слушателями, которые, за малым исключением, сами были в них замешаны, и за два десятилетия в совершенстве овладели искусством игнорировать то, что не подлежало упоминанию. Для успеха Хрущеву необходимо было тщательно выстроить систему аргументации, используя максимально действенное оружие. К такому испытанному оружию оратор и прибег, перед тем как приступить к разоблачению сталинских деяний. Этим оружием был Ленин — единственный авторитет, обладавший достаточным могуществом для низвержения тирана из стали.

Ленину — а до него Марксу — была присуща скромность: оба они решительно противостояли всякому идолопоклонству, заявил первый секретарь. Далее Хрущев принялся за развенчивание мифа о нерушимой тесной товарищеской связи Ленина и Сталина, мифа, являвшегося краеугольным камнем зарождающегося сталинского культа: среди делегатов были распространены сенсационные, дотоле не публиковавшиеся три документа, из которых недвусмысленно явствовало, что Ленин в период болезни (1922—1923 гг.) находился со Сталиным в крайне плохих отношениях. Сначала Хрущев огласил «Завещание», в котором Ленин, обвинив Сталина в чрезмерной грубости, рекомендовал снять его с поста Генерального секретаря партии. Далее Хрущев зачитал письмо Крупской Каменеву, в котором она жаловалась на оскорби-

тельный выпад Сталина против нее, а также письмо самого Ленина Сталину, написанное за несколько дней до постигшего Ленина 9 марта 1923 г. паралича: Ленин угрожал порвать со Сталиным всякие отношения, если тот не извинится перед Крупской за грубые нападки, допущенные им в разговоре с ней в декабре⁷.

Стенограмма съезда свидетельствует о смятении, которое вызвало среди делегатов чтение этих документов. И неудивительно: Хрущев представил неоспоримые доказательства дурного обращения “верного ученика” Ленина с его женой, которое вызвало у Ленина вспышку гнева. Не могла быть подвергнута сомнению и резко отрицательная оценка, данная Сталину вождем. Хрущев, таким образом, порвал легендарные узы, связывавшие Ленина со Сталиным, и проложил путь для собственной атаки на прежнего кумира, дав делегатам понять, что действует, хотя и с запозданием, по рекомендации самого Ленина. Опасения Ленина относительно грубости Сталина оправдались, — заявил Хрущев⁸. Затем Хрущев продолжил перечисление злодеяний Сталина, последовательно противопоставляя, по принципу контраста, его злоупотребления властью образцовому поведению Ленина. Ленин управлял посредством убеждения — Сталин прибегал к насилию; Ленин делил власть с Центральным Комитетом партии; Сталин был единоличным диктатором, и так далее.

Одновременно с ниспровержением Сталина и осуждением культа личности, Хрущев утвердил новый культ Ленина. Узаконенная партийная доктрина целиком была возвращена в исконное ленинское русло — русло, замутненное Сталиным в ненасытном стремлении к неограниченной власти, сопоставимом только с его всеобъемлющим тщеславием. Хрущев обвинил Сталина в недостатке уважения к памяти Ленина. “Соблюдались ли эти священные для нашей партии принципы после кончины Владимира Ильича?” — риторически спросил Хрущев. Сталин к тому же совершил тяжкий грех, пытаясь преуменьшить историческое значение Ленина с целью раздуть собственную роль в подготовке и осуществлении революции. Сталин желал внушить партии, будто в годы революции и гражданской войны именно он указывал Ленину, что делать и как. “Но ведь это же, — заявил Хрущев, — клевета на Ленина”. Дворец Советов, задуманный тридцатью годами ранее как монумент Ильичу, так и не был построен. Сталин учредил Сталинские премии (“даже цари, — отметил Хрущев, — не учреждали таких премий, которые называли бы своим именем”), однако Ленинские премии, учрежденные в 1925 г., не присуждались ни разу. “Это, — заявил Хрущев, — нужно исправить” (*бурные, продолжительные аплодисменты*)⁹.

Примерно за год до Двадцатого съезда Хрущев подготовил почву для возрождения культа Ленина в новом облики — не по образцу окаймленных траурной рамкой церемониалов 20-х г., но следуя примеру красочного и сентиментального культа Сталина. 11 января 1955 г. Хру-

щев подписал опубликованное в печати постановление, согласно которому годовые мероприятия, посвященные памяти Ленина, переносились с 21 января на день рождения вождя — 22 апреля. Этим решением в обиход был введен поверхностный и приторный культ Ленина. В постановлении ясно был изложен подход, лежащий в основе современного ленинского культа. “После смерти Ленина установилась традиция отмечать память В.И. Ленина — великого основателя и вождя Коммунистической партии и Советского государства — в день его кончины 21 января. В первые годы после смерти В.И.Ленина этот день в сознании советского народа и Коммунистической партии непосредственно связывался со скорбным событием — окончанием жизненного пути великого вождя В.И.Ленина; отсюда вытекал торжественно-траурный характер мероприятий, отмечавших светлую память В.И.Ленина”¹⁰. Прежний культ годился для эпохи, давно отошедшей в прошлое. За три десятилетия, минувших после смерти Ленина, указал Хрущев, — партия и советский народ, следуя путем, проложенным Лениным и под руководством Сталина, достигли гигантских успехов в деле построения социализма и вывели страну на дорогу, прямо ведущую к коммунизму. “Ленинизм является великим жизнеутверждающим учением, освещающим путь строительства коммунизма. Ленин живет в великих делах Коммунистической партии Советского Союза, в новых успехах нашей Советской Родины, уверенно идущей по пути к коммунизму... В сознании народов нашей страны и трудящихся всего мира с именем В.И.Ленина, с его учением связываются великие победы советских людей в строительстве коммунистического общества. Поэтому теперь более целесообразно отмечать память В.И.Ленина не в день его смерти, что накладывает печать траура и скорби, а в день рождения Ленина — 22 апреля, придав этой дате значение праздника, то будет более соответствовать всему духу ленинизма как вечно живого, жизнеутверждающего учения. ЦК КПСС постановляет: дань памяти В.И.Ленина, великого вождя трудящихся и основателя советского социалистического государства, торжественно отмечать в день рождения В.И.Ленина — 22 апреля. В этот день широко освещать значение всепобеждающих идей марксизма-ленинизма и достигнутые успехи в строительстве коммунизма”¹¹.

Итак, 21 января 1955 г. впервые за тридцать лет печать обошла молчанием годовщину смерти Ленина, хотя «Правда» и поместила передовую статью «Победоносное знамя ленинизма», в которой восхвалялся “основатель и мудрый вождь Коммунистической партии”. В этом году, а также во все последующие, день рождения Ленина отмечался проведением торжественных собраний и различных мероприятий, которым сопутствовала газетная кампания.

Возрожденный и тщательно управляемый культ Ленина быстро принял нужные очертания. Справочники и библиографические указатели помогали партийным пропагандистам находить требуемую литературу о

Ленине; вновь, как и в 1920-е г., появились удобные сборники высказываний вождя по различным вопросам¹². Тысячи новых публикаций о Ленине: биографии, воспоминания, хвалебные очерки — быстро заполнили полки советских библиотек. Рисунки, статуи, плакаты, значки выпускались в громадных количествах, тогда как вездесущая еще совсем недавно сталиниана стремительно исчезала с советского политического ландшафта.

В 1961 г. и сам Сталин исчез из поля зрения публики. Его набальзамированное тело вынесли из Мавзолея и опустили в землю у Кремлевской стены. Это была кульминационная точка процесса десталинизации, в 1961 г. достигшего своего апогея: миллионы экземпляров книг, изданных при Сталине убрали с полок библиотек, бесчисленные портреты и бюсты поспешно складывали в запасники музеев. Для удаления Сталина из Мавзолея на помощь были призваны священная память о Ленине и его вечно живой дух. Медиумом, сообщившим о желании Ленина избавиться от неприятного соседа, стала Дора Лазуркина, выступившая на Двадцать втором съезде партии в октябре 1961 г. с драматическим признанием: «Я всегда в сердце ношу Ильича и всегда, товарищи, в самые трудные минуты только потому и выжила, что у меня в сердце был Ильич и я с ним советовалась, как быть. (*Аплодисменты*). Вчера я советовалась с Ильичом, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии. (*Бурные продолжительные аплодисменты*)»¹³. В 1930 г. Сталин поместил Ленина на вечное успокоение в гранитный Мавзолей: его собственный восходящий культ постепенно затмил и в конце концов вытеснил формализованное почитание Ленина. Теперь, в 1961 г., произошел обратный процесс: бессмертный Ленин восстал, дабы низвергнуть Сталина к подножию Кремля. Сталин, подобно падшему ангелу из «Потерянного рая», воплотился в обличие сатаны, тогда как дух Ленина свободно взмыл на прежний простор, к новым высотам.

Ленинский культ 1960-х г. был гораздо более широкомасштабным, нежели культ конца 1920-х. Формы его следовали прежним образцам: повсеместные иконографические изображения жизненного пути вождя; идеализированные биографии, напоминающие евангелие; преклонение перед ленинизмом как перед священным писанием; Ленинские уголки как местные алтари, обязательные для каждого общественного учреждения; наконец, главное святилище — сам Мавзолей Ленина, продолжавший привлекать толпы посетителей. По размаху этот культ далеко превзошел мечтания пропагандистов из Главполитпросвета в 1924 г. Они рисовали себе в воображении такое прославление Ленина в будущем, которое не оставило бы в стороне ни единого советского человека: им хотелось, чтобы имя Ленина, его облик, его учение запечатлелось в сердце у каждого — по крайней мере, в дни ритуальных торжеств. Культ 1960-х гг. значительно усовершенствовался и оказался

столь всепроникающим, что затронул практически все стороны общественной жизни. И все же он столь разительно отличался от раннего культа, что пропагандист 20-х гг., несомненно, обнаружил бы гораздо больше сходства между позднейшим ленинским культом и культом Сталина, нежели между ленинскими культурами разных десятилетий.

Хрущевский культ Ленина был очищен от траурного налета, свойственного первоначальному культу. Больше всего он напоминал роскошно поставленный цветной фильм с участием сотен тысяч актеров — грозное, сентиментальное, изошренное до малейшей детали зрелище со слаженным хором, певшим в течение двух десятилетий дифирамбы Сталину. Стиль изображений Ленина в 60-е заметно отличался от скупой, суровой графики 20-х годов. Как правило, Ленин предстал в виде величественной, титанической скульптурной фигуры — или же в образе простого, доступного и дружелюбно настроенного немолодого человека, поданного в мягком освещении. Все чаще Ленина изображали — на рисунках и плакатах, на лакированных шкатулках и мелких безделушках — улыбающимся при виде взлетающих птиц или смеющихся детей. Рассказы о Ленине всячески подчеркивали его гуманность, доброту, любовь к семье, чувство юмора, непосредственность в общении.

Вновь Ленин был причислен к сонму бессмертных. Вновь лозунг «Ленин жив!» эхом прокатывался по всей Советской России. Крайне редко напоминалось, что Ильич умер. Для всех культовых мероприятий, статей и речей о Ленине был характерен тон безудержного оптимизма, соотносившего вечно живой дух Ленина с каждым новым достижением Коммунистической партии и Советского правительства. Ежегодные празднества в честь Ленина включали в себя стихи, песни (обычно написанные в мажорном ключе, даже песня под названием «У Мавзолея»), декламации, на все лады обыгрывавшие символичность того факта, что день рождения Ленина пришелся на вссну. Основной акцент делался не на смерти и не на загробном существовании, но на воскрешении и обновлении. Могучие российские реки взламывают лед, появляются первые подснежники и Ленин вновь рождается для того, чтобы вести народ к новым, еще более впечатляющим победам.

Гвоздем ежегодных празднеств были парады юных пионеров — «внуков Ильича», носивших значки с изображением Ленина и ярко-красные галстуки. Действительно, ленинский культ шестидесятых годов делал особый упор на пропаганде ленинизма для детей. Всеми способами подчеркивалась горячая любовь вождя к юному поколению, изобретались любые меры, дабы внедрить в сознание будущих граждан СССР ощущение непосредственной близости к Ленину и желание во всем быть на него похожим. Ленин был образцом для всех школьников, предметом бесчисленных рассказов, биографий, стихов, песен, вечеров, специально организованных экскурсий.

Основные функции ленинского культа для детской аудитории сво-

дились к тому, чтобы воодушевить подрастающую смену, подать ей выразительный пример. В целом, однако, культ Ленина замыслился ради многих целей. В качестве организованного поклонения “основателю и мудрому вождю Коммунистической партии” культ обеспечивал партию прочной легитимной основой, позволившей избежать разброда умов, когда в 1964 г. Никита Хрущев уступил свое кресло Леониду Брежневу.

Культ шестидесятых годов был от начала до конца унифицирован и регулировался сверху. Добившись полного единообразия политического ритуала, партия демонстрировала тем самым свое право требовать от любой общественной деятельности определенной дани официально насаждаемому ленинскому культу. К примеру, все без исключения авторы обязаны были (да так и поступали на деле) начинать свое произведение той или иной ссылкой на Ленина. По сути, подобная ссылка, строго говоря, не имела никакого значения. Однако смысл реверанса заключался в признании за партией законного права убеждать в послушности всякого, кто желал видеть свое имя в печати. Почетная дань Ленину являлась не просто данью Ленину как выдающейся личности (по крайней мере, так обстояло в подавляющем большинстве случаев), но принудительным жестом лояльности по отношению к основанной им партии и к возглавлявшемуся им правительству. Ленинский культ делал видимыми и обязательными цели, преследуемые властями.

Культ Ленина призван был также воодушевить население прославлением легендарного прошлого, которое убедило бы людей в достижимости легендарного будущего и помогло бы скрыть многие недостатки сегодняшней жизни в СССР. С начала 1960-х г. ленинский культ превратился в основную статью советского идеологического экспорта. Открытому соперничеству с Китайской Народной Республикой за роль лидера коммунистического мира еще только предстояло вспыхнуть, и советские пропагандисты превозносили Ленина на все лады через радиопередачи по всему белому свету — точно так же, как недавний режим побуждал коммунистические партии братских социалистических стран Восточной Европы чтить Сталина; директивам покорно следовали, одновременно имитируя сталинский культ раздуванием культов собственных вождей. В СССР пропаганда нередко подчеркивала общемировое значение фигуры Ленина, любимца угнетенных народов всех континентов. Советская пресса часто помещала фотографии прибывших с визитом иностранных делегаций, возлагающих венки к подножию Мавзолея — простейший и красноречивейший ритуал в честь Коммунистической партии Советского Союза.

В 1967 г. на праздновании пятидесятой годовщины Октябрьской революции, Ленин, разумеется, занимал главенствующее место в пышных церемониях: гигантский профиль его возвышался над толпами, глядя со стен зданий и даже с московских небес — портрет вождя был укреплен на воздушном шаре и по ночам иллюминирован (ранее подобная

техника использовалась на праздновании 70-летия Сталина 21 декабря 1949 г.: близкое соседство юбилейной даты с Рождеством превращало сияющее лицо Сталина в советскую разновидность Вифлеемской звезды). Мошное оркестровое звучание культа Ленина нарастало крещендо по мере того, как Коммунистическая партия и Советское правительство готовились к торжественному моменту — 100-летней годовщине со дня рождения Ленина, исполнявшейся 22 апреля 1970 г.

Ленинский юбилей представлял собой скрупулезно подготовленную феерию, далеко превосходящую по размаху пропагандистскую кампанию 1924 года, которая утвердила культ Ленина в национальном масштабе. Девизом столетнего юбилея были слова “Ленин всегда с нами”. Хотя основной смысл лозунга сводился к бессмертию ленинского духа, вездесущность ленинского облика поражала воображение. Заводы, издательства, ткацкие фабрики, плавильные печи, газоны, кондитерские — всюду, так или иначе, присутствовал образ Ленина. Страна превратилась в гигантскую выставку бюстов, статуй, плакатов, знамен, безделушек, памятных альбомов и книг всевозможного рода, посвященных великому событию. 16 апреля 1970 г. Брежнев лично направился в Ульяновск, чтобы присутствовать при официальном открытии величественного ленинского мемориала, возведенного к юбилею вокруг скромного дома, в котором родился Владимир Ульянов. Шесть дней спустя советские газеты, на протяжении целых недель печатавшие изо дня в день призывы к читателям достойно встретить славный юбилей, опубликовали доклад, сделанный Брежневым 21 апреля в Кремлевском Дворце Съездов перед Центральным Комитетом партии, Верховным Советом СССР и Верховным Советом РСФСР. Стоя на фоне огромного задника с изображением головы Ленина, генеральный секретарь ЦК читал свою речь, в то время как по всей стране проходили митинги, посвященные памяти Ленина, с участием миллионов тружеников. Пространный доклад Брежнева назывался “Дело Ленина живет и побуждает”. Ленин — гений, титан, основатель партии нового типа, создатель Советской власти. В далеком будущем Ленина будут вспоминать всегда — как основоположника Коммунистической цивилизации. “Нет ничего более святого для коммуниста, для ленинца, чем отдать всю свою энергию, весь ум и волю для того, чтобы приблизить будущее, за которое боролся Ленин”¹⁴. Заключительные слова Брежнева потонули в громовой овации. Присутствующие стоя аплодировали докладчику, который вновь процитировал расхожую формулу из шести слов, взятую из стихотворения Маяковского 1924 года: “Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!”

Целью столетнего ленинского юбилея было насытить политическую, общественную и культурную жизнь Лениным. Однако празднование юбилея бесповоротно подорвало доверие к коммунистической пропаганде и политическим ритуалам. Поток Ленинианы оказался столь необозримым и всепоглощающим, что само празднование приобрело ха-

рактик бурлескного представления. Избыток лозунгов и бюстов, нескончаемые речи, назойливо однообразные статьи, заполонившие периодические издания задолго до самого юбилея, приевшиеся тирады о бессмертии вождя превратили событие, долженствующее пробудить энтузиазм, в повод для осмеяния.

Пропагандистская кампания 1924 г. стремилась подчинить политическим задачам всплеск неподдельной народной скорби, вызванный смертью Ленина. Но в 1970 г. факт рождения Ленина отошел в далекое прошлое; помимо того, юбилейные торжества — как и сам культ в целом — прославляли не столько явление на свет определенного человека, сколько разработанную им теорию; последователей, вдохновленных новыми идеями — и лучезарное будущее, в достижимость которого вселяла неколебимую уверенность жизнь Ленина, ставшая образцом для всеобщего подражания. Одно дело — добиться ясности, доступности и эстетической привлекательности партийной мифологии. Однако совершенно нереалистичным было предположение, что народ, до тошноты пресыщенный лозунгами, всевозможными культовыми атрибутами и полубессмысленными ритуалами, с готовностью дрессированного животного счастлив будет прыгать по команде сквозь предложенные обручи. Был выработан своеобразный ритуал расшаркивания перед властью, что устраивало всех — но в строго определенных рамках... В 1970 г. эти рамки были явно нарушены. Неделю за неделей не только с начала года, но и на всем протяжении 1969-го, длилась непрерывная обработка умов: от повсеместных напоминаний о близящемся юбилее просто некуда было спрятаться. Невозможно было избежать репродукций Ленина — разве что дома, на кухне, в обществе друзей, “за рюмкой чая” предаться старинному русскому развлечению — отвести душу за шутками и анекдотами. В 1970 г. появилось множество новых анекдотов о Ленине — дурной знак для организаторов юбилея.

В магазине для новобрачных выставлена кровать на троих: ведь “Ленин всегда с нами”. В другой секции магазина продаются бюстгальтеры “Ленинские горы” (московские Воробьевы горы были переименованы в честь Ленина в 1924 г.). Анекдот, наглядно разоблачающий кричащий разрыв между рсальной действительностью в Советском Союзе и насаждаемыми культом мифами, рассказывает о гражданине, который долго и безуспешно добивался квартиры. Все его письма в местком, партком и даже в Центральный Комитет оставались без ответа. Наконец, в отчаянии он явился в ЦК самолично и потребовал встречи с Лениным. “С Лениным? — переспросил изумленный секретарь. — Но ведь Ленин давно умер, еще в 1924 году!” “Почему же так получается? — вскричал посетитель. — Когда Ленин нужен вам — он жив, а стоило только ему понадобиться мне, так сразу умер!”

О том, что власти вполне отдавали себе отчет в том, что юбилейные торжества превзошли все мыслимые и немыслимые пределы, ясно свидетельствует быстрота, с какой произошло снижение высокопарного

тона пропаганды и урезан ее размах. Очевидно, ленинскую тему и предполагалось потеснить сразу после 23 апреля 1970, однако сокращение культовых мероприятий было, тем не менее, необычайно резким и бросалось в глаза. На протяжении 70-х годов даже праздничные мероприятия, посвященные дню рождения Ленина, отличались заметной скромностью по сравнению с предшествующим десятилетием. Автор книги о советских праздниках соотносит непритязательность церемоний памяти Ленина с личиной скромности самого Ильича¹⁵. Очевидно, впрочем, что советские пропагандисты учили преимущества сдержанности только после того, как в 1970 г. потерпели фиаско. Поднятая тогда шумиха надолго притупила интерес к Ленину — и разжечь его хотя бы раз в году представлялось сложной задачей.

108-я годовщина со дня рождения Ленина, отмечавшаяся в 1978 г., протекала на редкость тускло и безрадостно. 22 апреля пришлось на субботу — и по всей стране люди участвовали в ежегодном Ленинском субботнике, дне бесплатного добровольного труда в пользу государства. Ранним утром 22 апреля жители Ульяновска — провинциального города, в котором день рождения Ленина является главным событием года, — принялись мести улицы и убирать общественные парки. Накануне вечером Ульяновский городской комитет Коммунистической партии и Исполнительный Комитет городского Совета народных депутатов провели в честь годовщины со дня рождения вождя торжественное заседание. Внушительный зал Ленинского мемориала, с полированными панелями и креслами, обитыми красным плюшем, заполнили приглашенные представители партийных, советских и профсоюзных организаций, посланцы Комсомола, а также делегация военнослужащих¹⁶.

Вечер прошел в высшей степени скучно. Избранные в президиум делегаты заняли свои места за длинным столом на сцене, и секретарь областного комитета партии приступил к чтению доклада. Монотонное чтение нагнало на слушателей тоску, которой они даже не пытались скрыть — и перешептывались друг с другом; одного из сидевших одолевала дремота, и он то и дело, вздрагивая, просыпался. Лишь самое начало речи — первые пять минут — имело отношение к Ленину, затем докладчик перешел к перечислению успехов Советского Союза и под конец обрушился с нападками на Джимми Картера и нейтронную бомбу. В целом, хотя над помостом висел огромный портрет вождя, о Ленине на этом собрании почти не говорилось. Читались, правда, посвященные ему стихи, исполнялись его любимые песни, но большую часть вечера занял концерт народных песен и плясок.

Столь же неинтересным оказался немногочисленный парад юных пионеров Ульяновска, состоявшийся 22 апреля. Один мальчик прочитал стихотворение о Ленине, который приходит к нам весной вместе с цветами; разноцветные воздушные шары оживляли необозримую главную площадь города, однако мероприятие в целом выглядело стандартным

и будничным. Многие аспекты современного ленинского культа столь же пусты, как и скамейки, которые были установлены для зрителей пионерского парада. В эти праздничные выходные дни великолепно оборудованный Ленинский мемориал в Ульяновске принял лишь небольшое количество посетителей: в основном это были группы туристов из Восточной Европы. К счастью для приезжих, Володя Ульянов родился на берегу Волги, и окрестности мемориала, воздвигнутого вокруг его отчего дома, незабываемо очаровательны: отсюда открывается вид на могучую реку и неоглядные просторы. Музей переполнен различными экспонатами, связанными с жизнью и деятельностью вождя. Но сердцем его является Церемониальный зал. Стены украшены красными лентами, золотыми лучами, изображениями серпа и молота. В центре находится гигантская скульптура Ленина из белого мрамора, перед которой проводятся торжественные церемонии приема новых членов в ряды пионерской и комсомольской организаций, а также принимают военную присягу солдаты Красной Армии.

Музеи в Москве и Ленинграде выполняют аналогичные политические функции. Малыши в белых рубашках и блузках беспокойно переминаются с ноги на ногу в ожидании того, когда старшие дети повяжут им вокруг шеи красные галстуки — знак принадлежности к юным пионерам. Вскинув правую руку, дети перед статуей Ленина торжественно обещают быть верными “заветам Ильича”. Этот культовый ритуал обязателен для вступающих в пионеры, и детей часто сопровождают родители, однако лишь немногие заглядывают в музеи Ленина сами, по собственной воле: обычно их посещают организованные группы, вместе с экскурсоводом. Стайки детей, к примеру, толпятся в Центральном музее Ленина в Москве, слушая избитые фразы гида о редкостном прилежании Володи Ульянова, вглядываясь в копию похвального листа, выданного ему Симбирской гимназией.

Самостоятельно музеи почти никто не посещает, не раскупаются и сочинения Ленина, грампластинки с записями его речей, бюсты всех видов и размеров. Студенты похваляются перед иностранцами тем, что ставят себе в обязанность как можно скорее забыть то, что учебными программами им предписано знать о Ленине и ленинизме. Иконографические изображения Ленина, его священные труды, торжественные собрания памяти вождя, монументальные музеи Ленина явно не вызывают у современных советских граждан заметного энтузиазма.

Однако существуют и области, где культ сохраняет свое воздействие на умы. Возвышенный культ вождя по-прежнему держит в плену детей. Журналы о коммунистическом воспитании детей изобилуют статьями, в которых излагаются рекомендации, как лучше и эффективнее прививать любовь к Ленину подрастающему поколению, атакуемому с малых лет бесконечными повествованиями о вожде. Юное воображение не может не откликнуться на образ легендарного Ильича, занимающий столь важное место в школьной программе.

Есть также ленинские памятные места, привлекающие толпы искренне заинтересованных посетителей. Одно из таких мест — дом, в котором Ленин провел свои детские годы, на бывшей Московской улице (ныне улице Ленина) в Ульяновске. Посетители допускаются сюда только отдельными группами: некоторые из них не скрывают волнения, когда шаркают по комнатам дома мимо отделенных шнуром экспозиций в парусиновых тапочках не по ноге, надетых поверх обуви (во избежание порчи пола). Дом меблирован с целью приблизить интерьер к тому, как он выглядел в те годы, когда здесь проживала семья Ульяновых. Экскурсовод рассказывает о юном Владимире Ульянове и о его окружении, не перемежая рассказ сопутствующей лекцией по истории партии. Подобная обстановка, вкупе с атмосферой личности, наполняющей подлинное пространство, где все дышит прошлыми судьбами, заметно отличает этот ленинский музей от прочих. В доме, где Ленин умер — в Горках, в тридцати километрах от Москвы, сохраняется атмосфера возвышенной, глубокой скорби — и посетители отзываются на нее соответственно.

Вне сомнения, наиболее притягательным местом паломничества является величественный Мавзолей Ленина на Красной площади. Здесь — самое средоточие ритуальной стороны политической жизни. На трибуну Мавзолея в дни революционных праздников поднимаются руководители партии и правительства. Мавзолей выполняет также роль официального духовного центра. Советские авторы, пишущие ныне о Мавзоле, называют его “святыней”, “нсиссякаемым источником революционной энергии”¹⁷. Именно к Мавзолею приходят перед полетом космонавты — набраться храбрости, сюда же приходят и после полета — с благодарностью. Вошло в обычай возлагать у Мавзолея цветы молодоженами — тотчас же после бракосочетания. Посетители, оказавшиеся у Мавзолея, ведут себя строго и сдержанно. Они молча выстаивают длинные очереди, переговариваясь между собой шепотом и урезонивая непоседливых детей, тяготящихся долгим ожиданием. Внутри Мавзолея люди медленно обходят саркофаг, не сводя глаз с тела, покоящегося в потоке света среди полутьмы. Со дня открытия Мавзолея в 1930 г. десятки миллионов паломников часами терпеливо дожидаются возможности в течение дозволенных восьми-десяти минут побыть рядом с набальзамированным телом основателя большевизма.

Западные наблюдатели, как правило, саркастически оценивают культ Ленина на том основании, что он представляет собой светскую религию в государстве, провозгласившем себя атеистическим. Но неужели нельзя отыскать в советской системе правления — как, впрочем, и во многих других — куда более разительные несоответствия между декларацией и реальной практикой? Культ Ленина получил развитие в крайне сложный и противоречивый период становления Советской власти. В истории культа совмещаются элементы разумного и иррационального, забавного и трагического, пошлого — и если не возвышенного, то,

по крайней мере, в высшей степени человеческого. В конце концов, ритуал везде и всюду играл важнейшую роль для целей политики. Какая страна не чтит своих героев, ушедших из жизни?

Культ Ленина возвеличивает покойного вождя, а не здравствующего: его отличие от культов многих других коммунистических вождей заключается в том, что Ленин как таковой не в состоянии злоупотребить необъятной властью, которой его наделяют. Культ Ленина поэтому, при всей своей видимой чрезмерности и примитивности, тем не менее достаточно безвреден. На ленинский культ советские руководители опираются, стремясь узаконить свои политические действия; ленинский культ призван прославить страну победившего социализма, несмотря на многие очевидные недостатки; но главное предназначение ленинского культа состоит в том, чтобы распахнуть перед умственным взором поколений захватывающую картину действительности высшего порядка, отменяющую необходимость бороться с изъятиями повседневности. Подобному намерению вполне отвечает широко распространенный лозунг: «Ленин и теперь живет всех живых!»¹⁸. Станным образом культ Ленина напоминает драматически перевернутую развязку романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Герой романа сохраняет юношескую красоту, тогда как его портрет старится день ото дня, делается все более уродливым и выказывая в своем облике свидетельства несправедливой жизни. Культ Ленина превозносит до небес бессмертие идеального вождя, живые преемники которого — обитатели Кремля — несут на себе бремя власти и груз дряхлости.

1. ИСТОКИ КУЛЬТА ЛЕНИНА В РОССИИ.

- 1 “Vae, puto deus fio”. Цитата из Светония в переводе Роберта Грейвза: “Вот так так! Должно быть, я обращаюсь в бога” // *Suetonius C. The Twelve Caesars. London, 1957. P. 261.*
2. *Taylor L. R. The Divinity of the Roman Emperor. Middletown; Conn., 1931. P. 53-57. См. также: Cerfaux L., Tondriau J. Le Culte des souverains dans la civilisation greco-romaine: un concurrent du christianisme. Tournai, 1957; Hopkins K. Conquerors and Slaves. Cambridge, 1978.*
3. *Taylor L. R. The Divinity of the Roman Emperor. P. 7-8. См. также: Farnell L. R. Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. Oxford, 1921.*
4. *Brinton C. A Decade of Revolution. 1789 -1799. New York; London, 1934.*
5. Цит. по: *Lipset S. M. The first New Nation. New York, 1963. P. 21.*
6. *Cunliffe M. George Washington. Man and Monument. New York; Toronto, 1958. P. 21.*
7. Я опиралась на определение религии, сформулированное Клиффордом Гиртцем в его кн.: *Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York, 1973. P. 87-125.*
8. *Stepniak [S. M. Kravchinskii]. The Russian Peasantry: Their Agrarian Condition, Social Life and Religion. New York, 1988. P. 218.*
9. *Васильев В. История канонизации русских святых // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. III, 166. 1893. С. 10.*
10. *Голубинский Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1892. С. 36-37.*
11. *Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 302.*
12. Цит. по: *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 297-298.*
13. *Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. London; New Haven, 1961. P. 13-14.*
14. *Fedotov J. P. The Russian Religious Mind. New York, 1960. P. 105, 110.*

15. О влиянии Агапита на русскую теорию монархизма см.: *Ševčenko I. A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // The Structure of Russian History / Ed. Michael Cherniavsky. New York, 1970. P. 80-107. Приведенную цитату см.: P. 83.*
16. Подробное рассмотрение наивного монархизма см.: *Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976. P. 1-21.*
17. Ibid. P. 17-18.
18. Цит. по: Ibid. P. 1.
19. *Cherniavsky M. The Old Believers and the New Religion // Slavic Review. 25 (March 1966). P. 1-39.*
20. Мотив “справедливого” царя в русском фольклоре см.: *Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970. Гл. 3.*
21. *Field. D. Rebels in the Name of the Tsar. P. 5.*
22. Ibid. P. 12.
23. *Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 354.*
24. Ibid. С. 353.
25. О легенде, связанной с Федором Кузьмичем, см.: *Любимов Л. Тайна императора Александра I. Париж, 1938. См. также его статью: Тайна старца Федора Кузьмича // Вопросы истории. 1966. N 1. С. 209-215.*
26. *Ломан Д. Н. Царь-Освободитель, царь-Мученик император Александр II. Чтение для народа, СПб., 1898.*
27. *Sablinsky W. The Road to Bloody Sunday: Father Gapon and the St. Petersburg Massacre of 1905. Princeton, 1976. P. 346.*
28. Филд высказывает предположение, что самодержавие не в состоянии было использовать наивный монархизм народа в собственных целях еще до 1905 года.
29. *Бунин И. А. Окаянные дни. Берлин, 1935. С. 58.*
30. *Ахматова А. Стихи и проза. Л., 1977. С. 18.*
31. См.: *Mochulsky K. Dostoevsky, His Life and Work. Princeton, 1967. P. 639.*
32. Эта фраза, принадлежащая Н. А. Ишутину, цит. по: *Venturi F. Roots of Revolution. New York, 1960. P. 331.*
33. *Valentinov N. (N.V.Vol'skii). The Early Years of Lenin / Transl. by Rolf H. W. Theen. Ann Arbor, 1969. P. 135.*
34. *Valentinov N. The Early Years of Lenin. P. 98.*
35. *Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Princeton, 1978. P. 144.*
36. *Валентинов Н. Недорисованный портрет.. М., 1993. С. 424.*
37. *Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 74.*
38. *Billington J. H. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. New York, 1966. P. 504.*

39. *Белый А.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 382. (Б-ка поэта. Большая серия).
40. *Блок А. А.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Л., 1980. С. 324.
41. Выразительный очерк личности Федорова см.: *Wiles P.* On Physical Immortality // *Survey*. 56 (July 1965). P. 125- 143; 57 (October 1965). P. 142-161. О влиянии Федорова в советскую эпоху см.: *Utechin S. V.* Bolsheviks and their Allies after 1917: The Ideological Pattern // *Soviet Studies*. 10. (October 1958). P. 129-135.
42. *Федоров Н.* Философия общего дела / Под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. М., 1913. С. III, 7.
43. Резолюция поручала также В. Д. Бонч-Бруевичу редактирование газеты под названием «Среди сектантов». См.: *Ленин В. И.* Соч. 4-е изд. Т. 6. М., 1946. С. 431.
44. Рассвет. Женева, 1904. N 1.
45. *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... С. 146.
46. Проблема связи Луначарского с богостроительством освещена в двух блестящих статьях Джутты Шерпер: *Scherrer J.* La Crise de l'intelligentsia marxiste avant 1914: A. V. Lunačarskij et le bogostroitel'stvo // *Révue des Études slaves*. 51. 1-2 (1979). P. 207-215; Culture prolétarienne et religion socialiste entre deux révolutions: les 'Bolcheviks de gauche // *Europa*. 2.2 (Spring 1979). P. 67-90.
47. *Kilne J. L.* Religious and Anti-Religious Thought in Russia. Chicago; London, 1968. P. 116-117; *Fitzpatrick Sh.* The Commissariat of Enlightenment. Cambridge, 1970. P. 2-3.
48. *Луначарский А. В.* Великий переворот. Пг., 1919. С. 31.
49. Там же. С. 30.
50. Там же. С. 18.
51. *Луначарский А. В.* Основы позитивной эстетики // Очерки реалистического мировоззрения / Под ред. С. Доратовского и А. Чарушникова. СПб., 1904. С. 181-182.
52. *Луначарский А. В.* Религия и социализм. СПб., 1911. II, 228.
53. *Луначарский А. В.* Будущее религии // *Образование*. 1907. N 10. С. 14.
54. *Fitzpatrick Sh.* Commissariat of Enlightenment. P. 3-4.
55. *Луначарский А. В.* Религия и социализм. СПб., 1908. I. 228.
56. *Луначарский А. В.* Будущее религии. С. 23.
57. *Луначарский А. В.* Религия и социализм. I. 104.
58. *Луначарский А. В.* Великий переворот. С. 31.
59. *Луначарский А. В.* Еще о театре и социализме // *Вершины*. СПб., 1909. С. 213.
60. Письмо Ленина Горькому 13 или 14 ноября 1913 г. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 228.

2. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН

1. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1954. С. 243.
2. Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 158-159.
3. Елизарова А. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. Ч. I // Пролетарская революция, 1927. N 1. С. 89.
4. Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993. С. 385, 433.
5. Елизарова А. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. Ч. II // Пролетарская революция. 1927. 2-3. С. 285.
6. Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 90-91.
7. Елизарова А. Воспоминания... // Пролетарская революция. 1927. N 2-3. С. 285-287.
8. Деляров Д. Как я познакомился с семьей Ульяновых // Север. Вологда, 1924, N 1. С. XVI.
9. Елизарова А. Воспоминания... // Пролетарская революция. 1927. N 1. С. 95-96.
10. Лалаянц И. Х. О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893-1900 // Пролетарская революция. 1929. N 1. С. 49.
11. А. И. Ульянов: Сборник. М., 1927. С. 346.
12. Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 73, 77.
13. Там же. С. 75-77.
14. Там же.
15. Термин условный; точнее сказать — «продолжатели дела прекратившей существование организации «Народная воля».
16. Письмо Ф. Зорге 5 ноября 1880. // *Marx K. und Engels F. Werke*. Bd. 34. Berlin, 1966. S. 447. Цит. в кн.: *Pipes R. Struve: Liberal on the Left, 1870-1905*. Cambridge, 1970. P. 46. Русскими переводчиками Маркса были Г. А. Лопатин и Н. Ф. Даниельсон.
17. Ленин В. И. Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180-181.
18. *Pipes R. The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin* // *Pipes R. (ed.). Revolutionary Russia*. Cambridge, 1968. P. 29n.
19. *Ibid.* P. 32n.
20. *Ibid.* P. 34; об А.П.Шкляренко см.: P. 34n.
21. Водовозов В. В. Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне. 1925. N 12. С. 176.
22. Там же. С. 175.
23. *Pipes R. The Origins of Bolshevism*. P. 36-37.
24. Водовозов В. В. Мое знакомство с Лениным. С. 176. В 1903 в Киеве он про-

должал делать те же самые предсказания в беседе с Валентиновым (*Valentinov N. The Early Years...* P. 156).

25. *Водовозов В. В. Мое знакомство с Лениным.* С. 175.

26. *Pipes R. Social Democracy and the St.Petersburg Labor Movement. 1885-1897.* Cambridge, 1963. P. 44.

27. *Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче.* М., 1924. С. 12-13.

28. *Pipes R. Social Democracy...* P. 53-54.

29. *Ленин В. И. Как чуть не потухла «Искра»? // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 345.* Обстоятельное изложение инцидента см. в кн.: *Haimson L. H. The Russian Marxists and the Origins of Bolchevism.* Cambridge, 1955. P. 139-141.

30. *Ленин В. И. Как чуть не потухла «Искра»? С. 346-347.*

31. *Ленин В. И. Что делать? С. 106-107, 127.*

32. *Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 42, 43.*

33. *Ленин В. И. Что делать? С. 24.*

34. *Mazlish B. The Revolutionary Ascetic.* New York, 1976. P. 111-156.

35. *Ulam A. The Bolsheviks.* New York, 1965. P. 171.

36. *Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче.* С. 8, 26.

37. Мазлиш утверждает, что настойчивые требования неустанной работы были для Ленина средством избавления и себя самого от обломовщины, которой и он сам — как все русские — не был чужд. *Mazlish B. The Revolutionary Ascetic.* P. 144.

38. *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 10.*

39. Крупская позднее вспоминала, каким тяжелым оказался для Ленина разрыв с Мартовым. См.: *Крупская Н. К. О Ленине: Статьи и речи / Сост. Людмила Сталь.* М., 1925. С. 47.

40. *Потресов А. Н. Ленин: Посмертный сборник произведений.* Париж, 1937. С. 301-302.

41. В любой книге по истории КПСС и в каждой биографии Ленина содержится упоминание этого события. См., например: *Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union.* New York, 1964. P. 46-53; *Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism.* P. 171-181; *Keep J. L. H. The Rise of Social Democracy in Russia.* Oxford, 1963. P. 107-148; *Ulam A. The Bolsheviks.* P. 187-193.

42. *Троцкий Л. Моя жизнь.* М., 1990. Т. I. С. 189.

43. *Луначарский А. В. Великий переворот.* Пг., 1919. С. 59. Этот сборник очерков о вождях революции был переиздан, с изменениями, в 1923 под названием «Революционные силуэты».

44. *Trotsky. My Life.* P. 163.

45. *Луначарский А. В. Великий переворот.* С. 60.

46. *Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче.* С. 7. Кржижановский описы-

вал Ленина Луначарскому так: "... а на вид он похож на ярославского кулачка, на хитрого мужичонку, особенно, когда носит бороду". — *Луначарский А. В.* Великий переворот. С. 61.

47. *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 79, 72-73. Согласно Валентинову, обращение "старик" являлось выражением почтительности по отношению к 34-летнему Ленину. Можно допустить, что так называли членов санкт-петербургского кружка Радченко середины 1890-х г. Во всяком случае, каково бы ни было его происхождение, к 1904 г. для Валентинова прозвище "старик" в устах последователей Ленина звучало в прямом смысле, подразумевая мудрость и величие духа.

48. Там же. С. 75.

49. *Луначарский А. В.* Великий переворот. С. 66.

50. *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. С. 55-56.

51. *Луначарский А. В.* Великий переворот. С. 68.

52. Там же. С. 67-68.

53. *Tucker R. C.* The Lenin Anthology. New York, 1975. P. 195.

54. Ibid. P. 291.

55. Роберт Ц. Такер высказывает мнение, что способность Ленина убеждать была, в сущности, подлинным источником его харизматического влияния в качестве революционного лидера. См.: *Tucker R. C.* Stalin as Revolutionary. 1879-1929: A Study in History and Personality. New York, 1973. P. 32-47.

56. *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power. New York, 1978. P. 14. В книге наиболее убедительно освещаются разногласия среди большевиков летом и осенью 1917 г.

57. *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 5.

58. *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power. P. 178-181, 187.

59. *Маяковский В.* Владимир Ильич Ленин // Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 6. М., 1957. С. 280.

60. См.: Prologue to Revolution: Notes of A. N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915. / Ed. and tr. Cherniavsky M. Englewood Cliffs, 1917.

61. *Блок А. А.* Последние дни старого режима // Архив русской революции. Берлин, 1922. IV. С. 28-29.

62. Ленинский фольклор изобилует воспоминаниями о встречах с "Ильичем". Два ранних рассказа см.: У т. Ленина // Беднота. 1920. 23 апр.; *Гусев А. И.* В гостях у Владимира Ильича. Тверь, 1921.

63. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. М., 1965. С. 225.

64. Там же. С. 221-222.

65. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 184.

66. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 182.

67. Ленин удерживал В. Р. Менжинского за пуговицу до тех пор, пока будущий комиссар финансов не согласился занять предложенный ему пост. См.: *Ломов Г.* В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. N 10. С. 172. Цит. в кн.: *Rigby T. H. Lenin's Government.* Cambridge, 1979. P. 122.
68. *Rigby T. H. Lenin's Government.* P. 65, 109.
69. *Ibid.* P. 108.
70. *Ibid.* P. 112.
71. *Елизарова А.* Страничка воспоминаний о Владимире Ильиче в Совнарком // Пролетарская революция. 1929. N 11. С. 89. Цит. в кн.: *Rigby T. H. Lenin's Government.* P. 75.
72. *Rigby T. H. Lenin's Government.* P. 221.
73. *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 86.
74. *Улат А.* The Bolsheviks. P. 442.
75. *Ленин В. И.* // Соч. 4-е изд. Т. 35. М., 1951. С. 272.
76. *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 91.

3. ЛЕНИН В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МИФОЛОГИИ.

1917-1922

1. *Avrich P.* Kronstadt 1921. New York, 1970. P. 12.
2. *Ленин В. И.* Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 66-67.
3. Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918-февраль 1919). Документы. М., 1961. С. 15; *Schapiro L.* The Communist Party. New York, 1960. P. 246-247. *Крупская Н.* Перспективы политпросветработы // Коммунистическое просвещение. 1922. N 1. С. 5.
4. См.: Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. М., 1971. С. 13, 67; *Stites R.* Iconoclasm in the Russian Revolution: Destroying und Preserving the Past // Occasional Paper 147 (19817, Kennan Institute for Advanced Russian Studies. The Wilson Center, Washington, D. C. (unpublished).
5. *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 50. С. 422-423.
6. Там же. С. 182.
7. *Волков-Ланнит Л. Ф.* Ленин в фотоискусстве. М., 1967. С. 106.
8. *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 169-172.
9. Агитационно-массовое искусство... Фотография N 50.
10. *Горький М.* О русском крестьянстве. Берлин. 1922. С. 14-15.
11. *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 79.
12. *Sampson Ch.* The Formative Years of the Soviet Press. An Institutional History. Ph. D. dissertation (University of Massachusetts, Amherst, 1970). P. 93.

13. Поездка и в самом деле оказалась утомительной. За два месяца Крупская произнесла 34 речи.
14. *Крупская Н. К.* На «Красной звезде» // Педагогические соч. Т. 1. М., 1957. С. 66. О летнем пребывании Крупской на «Красной звезде» см. также: *Крупская Н.* По градам и весям Советской республики // Новый мир. 1960. N 11. С. 113-130; *Герасимов Е.* Неслучайные встречи // Там же. С. 131-156; *Вознесенский В. П.* На «Красной звезде» // Воспоминания о Н. К. Крупской. М., 1966. С. 180-185; *Левидова С. М. Павлоцкая С. А.* Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962. С. 148-162.
15. «Десять заповедей пролетария». — Ед. хр. 12160/4 113-20 У. в. (Москва, 1918) — ЦМР (Москва).
16. *Бутник-Сиверский Б. С.* Советский плакат эпохи гражданской войны 1918-1921. М., 1960.
17. Ед. хр. 11843/36 L 113.20. ch.a. (Москва, 1918) — ЦМР (Москва).
18. Ед. хр. 11914/9 L 113-11L (Москва, 1918) — ЦМР (Москва).
19. *Бутник-Сиверский Б. С.* Советский плакат... С. 598, 588, 612.
20. *Крупская Н. К.* Перспективы политпросветработы... С. 5.
21. *Ингулов С.* Задачи и перспективы нашей агитации // Коммунистическое просвещение. 1922. N 2. С. 9.
22. Суть проблемы блестяще изложена в кн.: *Lewin M.* Lenin's Last Struggle. New York, 1970. P. 3-19.
23. *Ингулов С.* Задачи и перспективы... С. 7.
24. *Крупская Н. К.* Перспективы политпросветработы... С. 7.
25. *Годер М. Н.* Основы обучения взрослых // Коммунистическое просвещение, 1922. N 1. С. 63.
26. См., например, речи Смилги, Бубнова и Глебова: Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 131, 139, 230.
27. Там же. С. 121.
28. Там же. С. 2-3, 5.
29. Ед. хр. 17637/576 L III-ПК — ЦМР (Москва).
30. *Ольминский М. С.* О т. Ленине // Социал-демократ. 1917. 26 мая.
31. *Ольминский М. С.* Тов. Ленин // Вестник жизни. 1918. N 2. С. 8-14. То же // Пролетарская революция. 1924. N 3(26). С. 24-33. Обсуждение этой статьи см.: С. 87-88.
32. Страничка из истории партии // Солдатская правда. 1917. N 26(13). То же // Записки Института Ленина. 1927. N 2. С. 148-154. Эта публикация фиксирует фразы, вычеркнутые Лениным, и оговаривает вставки, сделанные его рукой.
33. Впервые опубликовано в газете «Правда», 16 апреля 1927. См. также: *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 21.

34. Данное предположение высказано Р. М. Савицкой в ст.: Разработка научной биографии В. И. Ленина // Вопросы истории. 1971. N 4. С. 4.
35. Предисловие Ленина предпослано как американскому (1922), так и русскому (1923) изданиям. См.: *Reed J. Ten Days that Shook the World. New York, 1967. P. XXIV.*
36. *Ibid.* P. 45. Рид пользуется западным, григорианским календарем. Я привожу даты по русскому, юлианскому календарю до февраля 1918 г., когда Советская Россия перешла на новый стиль.
37. *Ibid.* P. 86.
38. *Ibid.* Pp. 125-127.
39. *Крупская Н. К. Ленин в 1917 году // О Ленине (Сборник статей и выступлений). Москва, 1965. С. 54.* Эта статья, впервые опубликованная в 1960 г. (Известия. 20 янв.), представляет собой речь, произнесенную Крупской в 1934 г. на собрании преподавателей и студентов.
40. Фотография М. С. Наппельбаума предназначалась для тома избранных сочинений Ленина, выпущенного в свет Центральным Комитетом партии. См.: *Волков-Ланит Л. Ф. Ленин в фотоискусстве. С. 82.*
41. Плакат N 37428-45 (1918) — Российская государственная библиотека (Москва).
42. *Бутник-Сиверский Б. С. Советский плакат... С. 688.*
43. Владимир Ульянов (Н. Ленин) // Известия. 1917. 5 ноября.
44. Правда. 1917. 29 окт.
45. *Ганцев Б. Привет народному вождю // Солдатская правда. 1917. 18 ноября.* Цит. по: Ленин в советской поэзии. Л., 1970. С. 63.
46. Правда. 1918. 4 мая.
47. См., например: Петроградская правда. 1918. 31 авг.; Красная газета. 1918. 31 авг.
48. Красная газета. 1918. 31 авг.; Известия. 1918. 31 авг.
49. *Троцкий Л. Д. О раненом // О Ленине: Материалы для биографии. М., [б. г.] С. 151-156.* В английском переводе книга появилась под названием: *Trotsky L. Notes for a Biographer / Tr. T.Deutscher. New York, 1971.*
50. *Каменев Л., Троцкий Л. Вождь пролетариата. М., 1918.*
51. Материалы для биографии Ленина 1917-1923 / Сост. Л. В. Булгакова. Л., 1924. С. 203. Эта речь была также опубликована одновременно на французском, немецком и английском языках. См.: *Зиновьев Г. Соч. Т. 15. Л., 1924. С. 297.*
52. Это не соответствующее действительности утверждение изъято из позднейшего издания речи, вошедшей в 1924 г. в собрание сочинений Зиновьева (Т. 15. С. 5-50).
53. В эмиграции Ленин никогда не испытывал материальных лишений. Его парижская квартира была особенно просторной, светлой и отлично меблированной.

- ной. См.: *Валентинов Н.* Малоизвестный Ленин. Париж, 1972. С. 59-64.
54. *Сосновский Л.* К покушению на тов. Ленина // Петроградская правда. 1918. 1 сент.
55. *Страдающий Аким.* В. Ленину // Беднота. 1918. 11 сент.
56. *Гулов Г.* Дорогому товарищу Ленину // Беднота. 1918. 17 сент.
57. *К-в Ф.* Мировому вождю пролетариата В. И. Ленину // Беднота. 1918. 12 сент.
58. *Брихничев И.* В. И. Ленину // Пролетарский сборник. Кн. 1. М., 1918. С. 18.
59. *Ал-ов Н.* Такова воля пролетариата // Окарь. (Орган Московско-Окского областного комитета). 1918. 6 сент.
60. *Липатников И.* Удар в сердце. — «Вестник Главного военно-революционного комитета Московско-Киево-Воронежской железной дороги». 1918, 9 сентября. N 29 (неоф.). С. 1.
61. *Ольминский М.* Тов. Ленин // Вестник жизни. 1918. N 2. С. 8-14.
62. *Ярославский Е.* Великий вождь рабочей революции. М., 1918. С. 3, 4, 12, 14.
63. Партия эсеров собрала более 50% голосов на выборах в Учредительное собрание осенью 1917 г.
64. *М...в А.* [Митрофанов] Вождь деревенской бедноты. В. И. Ульянов-Ленин. М., 1918. С. 14.
65. Бонч-Бруевич пытался скрыть от Ленина процесс съемки, ввиду нелюбви вождя к фотографированию, однако операторам не удалось остаться незамеченными — и Ленин потребовал объяснить ему, с какой целью эти люди бегут по улице с камерами на плечах. См.: *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 358-363.
66. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 337-340.
67. *Сейфуллина Л.* Мужичий сказ о Ленине // Красная новь. 1924. N 1 (18). Январь-февраль. С. 167.
68. “Миколашка” — уменьшительное от имени Николай. Крестьяне часто смешивали буквы “м” и “н”. Так, они нередко называли автомобиль “автонобилем”. См.: *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. М., 1928. С. 214.
69. *Сейфуллина Л.* Мужичий сказ о Ленине. С. 162-169.
70. Известия. 1918. 3 сент.
71. Деревенская беднота о тов. Ленине // Петроградская правда. 1918. 21 сент.
72. *М. Е.* Не умирает солнце // Творчество, 1918. N 7. Ноябрь. С. 22-25.
73. *М. Э. О.* Вождь мировой революции Владимир Ильич Ульянов-Ленин // Железный путь. 1919. N 8. С. 2-4.
74. *Луначарский А. В.* Великий переворот. С. 66.
75. Там же. С. 69.
76. См. С. 50 наст. изд.
77. *Луначарский А. В.* Великий переворот. С. 65.

78. Воспоминания Луначарского о Ленине вышли в 1919 г. тиражом в 13 000 экз.
79. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 426.
80. Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 года. Протоколы. М., 1960. С. 71, 52.
81. Ни в 1918, ни в 1919 гг. дни рождения Ленина (48-й и 49-й) официально не отмечались.
82. Правда. 1920. 23 апр. Речь была перепечатана в кн.: *Троцкий Л.* О Ленине. С. 145-150.
83. Правда. 1920. 23 апр.
84. Там же.
85. Там же.
86. Беднота. 1920. 23 апр.
87. *Акопян А. В. И. Ленин; Токтогул.* Что за мать родила такого сына, как Ленин! // Ленин в советской поэзии. Л., 1970. С. 73-76.
88. Правда. 1920. 23 апр.
89. *Вечерний А.* Вождю мировой революции // Власть труда (Иркутск). 1920. 23 апр.; цит. по: Ленин в советской поэзии. С. 79-80.
90. *Маяковский В. В.* Владимир Ильич // Соч. Т. 1. М., 1965. С. 172-174. Поэт впервые прочитал это стихотворение на собрании издателей в честь Ленина 28 апреля 1920 г.; впервые оно было опубликовано в «Красной газете» 5 ноября 1922 г.
91. Беднота. 1920. 23 апр.
92. *Невский В. И.* В.И.Ульянов (Н. Ленин). М., 1920.
93. *Ходоровский И.* В.И.Ленин, великий вождь пролетарской революции. Казань, 1920.
94. Речи были впервые опубликованы в газетах «Правда» и «Известия» 24 апреля 1920 г. Они вошли также в отдельный сборник, выпущенный стотысячным тиражом: 50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина. М., 1920.
95. Правда. 1920. 24 апр.
96. См.: *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 51. С. 272.
97. *Ленинградский С.* Ленин среди крестьян деревни Кашино. М., 1924. С. 25.
98. Письма крестьян в связи с кончиной В. И. Ленина // Вопросы истории. 1968, N 7. С. 122.
99. *Луначарский А. В.* Штрихи: Ленин — товарищ, человек. 2-е изд. М., 1963. С. 179.
100. Ленин: Собрание фотографий и кинокадров. Т. 1. Фотографии 1874-1923. М., 1970. С. 178-179.
101. *Волков-Ланнит Л. Ф.* Ленин в фотоискусстве. С. 33. Цит. по: *Холодова П. А.* Родной и близкий // Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958. С. 335.

102. Ленинский сборник. Т. 34. М., 1942. С. 439.
103. Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 429. Резолюция была принята на заседании Политбюро 31 июля 1920.
104. Горький М. Владимир Ильич Ленин // Коммунистический Интернационал. 1920. N 12. С. 1929-1936; Письмо М. Горького к Г. Уэллсу // Там же. С. 2207.
105. Плакат N 4416-55. (Российская государственная библиотека).
106. Reswick W. I Dreamt Revolution. Chicago, 1952. P. 56-57.
107. Duranty W. I write as I Please. New York, 1935. P. 226.
108. Горький М. О русском крестьянстве. С. 43-45.
109. История Кронштадтского мятежа подробно описана в кн.: *Avrich P. Kronstadt 1921*.
110. Ibid. P. 172-177; «Известия» цит. по кн.: Правда о Кронштадте. Прага, 1921. С. 151.
111. Ibid. P. 178-179.
112. Валентинов Н. (Н. В. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина / Под ред. Дж. Беньяка и В. Бутенко. Stanford, 1971. С. 88.
113. Там же.
114. Daniels R. V. Conscience of the Revolution. P. 137-153.

4. БОЛЕЗНЬ И БЕССМЕРТИЕ

1. *Ulam A. The Bolsheviks. New York, 1965. P. 553.*
2. Розанов В. Н. Записки врача // Воспоминания о Ленине. Т. 2. М., 1957. С. 342.
3. *Ulam A. The Bolsheviks. New York, 1965. P. 555.*
4. «Страничка из дневника» написана 5 января; «О кооперации» — 4-6 января; «О нашей революции» — 16-17 января; «Как нам реорганизовать Рабкрин» — 23 января; «Лучше меньше, да лучше» — 6 февраля.
5. *Фотиева Л. А. Из жизни В.И.Ленина. М., 1967. С. 279.*
6. Розанов пишет, что в состоянии больного наблюдалось небольшое улучшение: “Так что против всякой врачебной логики у меня невольно закрадывалась мысль: а вдруг все наладится, и Владимир Ильич, хоть и не в полном объеме, а станет все-таки работником” (Записки. С. 345; курсив наш).
7. Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 710.
8. Там же. С. 485.
9. Об отношениях Ленина со Сталиным см.: *Lewin M. Lenin's Last Struggle; Ulam A. The Bolsheviks.*
10. Валентинов Н. (Н. В. Вольский). Новая экономическая политика и кризис

партии после смерти Ленина. С. 185-187. Далее — *Валентинов*. НЭП.

11. Беднота. 1922. 22 апр.
12. *Валентинов*. НЭП. С. 36.
13. *Snub D. Lenin: A Biography*. Baltimore, 1966. P. 428.
14. Правда. 1922. 28 апр.
15. Там же. 4 июня.
16. Там же. 18 июня.
17. Там же. 29 июля.
18. Тов. Ленин на отдыхе // Правда. (Приложение). 1922. 24 сент.
19. Правда. 1922. 7 ноября. До конца года ни в «Правде», ни в «Известиях» о болезни Ленина больше не упоминалось.
20. Страничка из дневника // Правда. 1923. 4 янв.; Как нам реорганизовать Рабкрин // Там же. 25 янв.
21. Известия. 1923. 14 марта.
22. Правда. 1923. 16 марта.
23. Там же. 17, 18 марта.
24. Там же. 23 марта.
25. Там же.
26. Там же. 2, 5 апр.
27. Там же. 11 апр.
28. Там же. 22 апр.
29. Там же. 25 апр.
30. Там же. 22 апр.
31. Там же. 29 апр. Здесь помещено сообщение о значительном уменьшении катаральных явлений; 1 мая 1923 г. «Правда» сообщила, что катар прекратился; 3 мая 1923 г. в «Правде» сообщалось о том, что состояние Ленина удовлетворительное.
32. Известия. 1923. 26 апр.
33. Владимир Ильич жив и преодолевает тяжелую болезнь // Правда. 1923. 30 авг.
34. Известия. 1923. 30 авг.
35. Там же. 8 окт.
36. Правда. 1923. 21 окт.
37. Там же. 16 дек.
38. Правда. (Приложение). 1922. 7 ноября.
39. Хотя статья «Лучше меньше, да лучше» написана Лениным в начале февраля, она была опубликована в «Правде» 4 марта 1923 г. с указанием даты “2 марта”.

40. *Валентинов*. НЭП. С. 46-53.
41. *Троцкий Л.* О больном // О Ленине. С. 159-161.
42. *Бабахан Н.* Марксизм и ленинизм // Правда. 1923. 6 апр.
43. *Материалист.* Трусливый оппортунизм будущего профессора // Под знаменем марксизма. 1923. N 2-3. С. 218-222.
44. Статья Ленина называется «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Статья С. Мицкевича «Первые литературные работы В. И. Ульянова-Ленина» опубликована в газете «Известия» 14 марта 1923.
45. Правда. 1923. 6 апр.
46. *Павлович Мих.* Ленин как разрушитель народничества // Под знаменем марксизма. 1923. N 4-5. С. 157.
47. *Зиновьев Г.* Пять лет // Правда. 1923. 30 авг.
48. *Кузьмин Н.* Молодежь — ни на шаг от “ленинизма” // Юный пролетарий. N 4(48). Март 1923. С. 5.
49. Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. 17-25 апреля 1923 г. М., 1923. С. 149.
50. Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 года. Стеногр. отчет. М., 1968. С. 537.
51. Там же. С. 520-524.
52. Там же.
53. Там же. С. 9.
54. Известия и Правда. 1923. 4 апр.
55. Бюллетень Института В. И. Ленина при ЦК РКП. 1923. N 1. С. 31.
56. Правда 1923. 22 авг.
57. Там же. 14 авг.
58. Там же. 22 авг.
59. Там же. 23 авг.
60. Там же. 4 сент.
61. Там же. 26 окт. Было также образовано правление, в состав которого вошли Каменев, Лядов и Аросев.
62. Там же. 27 окт.
63. Там же. 30 окт.
64. *Аросев А.* Институт В. И. Ленина // Пролетарская революция. 1923. N 11. С. 273.
65. *Волков-Ланнит Л. Ф.* Ленин в фотоискусстве. С. 106.
66. Известия. 1923. 26 апр.
67. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 298.

68. Правда. 1923. 31 авг.
69. Богомазова Э. Центральный Дом Крестьянина в Москве // Коммунистическое просвещение. 1922. N 6. С. 99-101.
70. Известия. 1923. 30 авг.
71. Уголок В. И. Ульянова-Ленина. Первая сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка СССР. М., 1923. См. также: Шелелева Т. Сельскохозяйственная выставка 1923 г. // Красный архив. 1940. N 100. С. 91.
72. Правда. 1923. 17 июля. Биографом был С. И. Мицкевич.
73. Известия. 1923. 30 авг.
74. Правда. 1923. 1 сент.
75. Известия. 1923. 28 авг. Имя Ленина было также использовано для сбора средств на постройку аэроплана, названного «Самолет Ильича». На выставке был открыт лоток, где продавались значки с изображением Ильича: деньги шли на строительство самолета. — Правда. 1923. 8 сент.
76. Шидловский Г. Ленин — мифическое лицо // Пролетарская революция. 1922. N 3. С. 334.
77. Образец того, как нельзя писать биографии // Молодая Гвардия. 1923. N 3. С. 237-238. Подвергнутая критике биография «Владимир Ильич» была написана И. Чеботаревым и опубликована в журнале «Юный пролетарий». 1922. N 1.
78. Изображение Федора Керенского в черных красках связано, без сомнения, с тем фактом, что он был отцом Александра Керенского.
79. Луначарский А. В. Революционные силуэты. М., 1923. С. 11.
80. Правда. 1923. 30 авг.
81. Известия. 1923. 14 марта.
82. Лепешинский П. Н. По соседству с Владимиром Ильичем // Ленин / Сост. В. Крайний, Н. Беспалов, ред. Д. Лебедь. Харьков. 1923. С. 76.
83. Девочка спросила вождя, почему у него на голове «два лица» — спереди и сзади. «Это оттого, что я много думаю», — ответил Ленин. Там же. С. 77.
84. Горев Б. Ленин // Ленин. С. 39-41.
85. Луначарский А. В. Революционные силуэты. С. 11.
86. Известия. 1923. 30 авг.
87. Правда. 1923. 2 ноября.
88. Беднота. 1923. 30 ноября.
89. Зиновьев Г. Покушение на т. Ленина // Прожектор. 1923. 31 авг. С. 7.
90. Правда. 1923. 30 авг.
91. Правда. 1923. 7 ноября.
92. Крупская Н. К. Что нравилось Ильичу из художественной литературы // Крупская Н. К. О Ленине, сборник статей и выступлений / Под ред. В. С. Дридзе. М.,

1965. С. 96. Впервые опубликовано: Народный учитель. 1927. N 1. С. 4-6.

93. *Осипов В.* Некоторые черты характера В. И. Ленина во время его болезни // Красная летопись. 1927. N 2(23). С. 244.

94. Известия. 1924. 20 янв.

5. СТРАНА В ТРАУРЕ

1. Правда. 1924. 24 янв. С. 4. Смерть Ленина вызвала, разумеется, в советской прессе целый поток статей. Поскольку каждый газетный выпуск в дни траура содержал множество материалов, посвященных этому скорбному событию, в примечаниях к главам 5 и 6 указываются номера страниц, на которых была помещена та или иная публикация.

2. New York Times. 1924. January, 23.

3. Правда. 1924. 24 янв. С. 4.

4. New York Times. 1924. January, 23.

5. Известия. 1924. 24 янв. С. 1.

6. *Farbman M.* After Lenin. London. 1924. P. 56. Russian After Lenin — Will Soviet Survive? // New York Times. 1924. January, 27.

7. Отчет комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина). М., 1925. С. 9. В состав комиссии входили также Ворошилов, Енукидзе, Зеленский, Молотов, Муралов, Лашевич, Бонч-Бруевич, Сапронов и Аванесов.

8. Бонч-Бруевич оставил записки, в которых рассказал о своей деятельности в комиссии по организации похорон. См.: *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. С. 422-437.

9. В 1919 г. в этом зале проходило прощание с телом покойного Якова Свердлова.

10. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 422.

11. Правда. 1924. 30 янв. С. 1.

12. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 427.

13. Петроградская правда, 1924. 24 янв. С. 1. В конце 6-го т. собрания сочинений Сталина помещена «Биографическая хроника» (1924) из которой явствует, что Сталин в числе прочих выносил гроб Ленина из дома в Горках 23 января. — *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. М., 1954. С. 418.

14. *Reswick W.* I Dreamt Revolution, Chicago, 1952. P. 72.

15. Есть некоторое сходство между данным церемониалом и церемониалом встречи покойного Александра III. Император скончался в 1894 г., находясь на лечении в Ливадии (близ Ялты). Когда поезд с гробом покойного подошел к перрону петербургского вокзала, оркестр заиграл траурную мелодию (“Коль славен...”) и все знамена были приспущены. Затем оркестр умолк, были громко прочитаны

молитвы, и все без исключения обнажили головы. На Павелецком вокзале в Москве никто не молился, однако частично обряд был соблюден.

16. Петроградская правда. 1924. 24 янв. С. 4.

17. *Абрамов А.* Мавзолей Ленина. М., 1969. С. 45.

18. Петроградская правда. 1924. 24 янв. С. 4.

19. Description des funérailles de feu l'Empereur Nicholas I de glorieuse mémoire précédée d'un aperçu historique sur les funérailles des tsars et des empereurs de toutes les russies et de quelques autres souverains européens. St.Petersburg, 1856. P. 7.

20. Специально подготовленный том «Ленину, 21 января 1924» (М., 1925) содержит фотографии 1070 таких венков.

21. Согласно Крупской, “день и ночь шел мимо народ (прошло 750 тысяч), смотрел на Ильича и плакал”. — *Арманд И. А.* Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1970. Т. 4. С. 330. Зиновьев называл цифру 700 тыс. (Правда. 1924. 30 янв. С. 1). Московский корреспондент подсчитал, что ежедневно в зал допускалось 7-8 тыс. человек, за сутки — около 200 тыс. (Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 2).

22. New York Times. 1924. January, 24.

23. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 429.

24. Известия. 1924. 27 янв. С. 2; *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 428.

25. *Farbman M.* After Lenin. P. 57.

26. *Валентинов.* НЭП. С. 89, 88.

27. Известия. 1924. 24 янв. С. 1.

28. Правда. 1924. 30 янв. С. 1.

29. Петроградская правда. 1924. 26 янв. С. 3; Об еще одном примере “беспредельной скорби” см.: Там же. 24 янв. С. 3.

30. См., например, Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 4, 5; 26 янв. С. 5.

31. Правда. 1924. 30 янв. С. 1.

32. Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 2.

33. Эта комиссия была образована 23 января 1924 г., в нее были включены А.С. Бубнов и Н. И. Смирнов. См.: Ответ комиссии... С. 23.

34. *Котырев А. Н.* Мавзолей В. И. Ленина. М., 1971. С. 23.

35. Известия, 1924. 26 янв. С. 1.

36. Петроградская правда. 1924. 26 янв. С. 3.

37. Там же. С. 5. В статье усиленно подчеркивается, что это заявление сделано рабочими, не являвшимися членами партии.

38. Там же. С. 4.

39. Там же.

40. Там же. 25 янв. С. 5.

41. Там же. 26 янв. С. 5. Статья, в которой содержится это утверждение, озаглавлена «Проклятие убийцам!»

42. Опубликовано в одной из смоленских газет и процитировано в кн.: *Payne R. The Life and Death of Lenin*. New York, 1964. P. 640.

43. Впоследствии Троцкий писал, что в конце февраля 1923 г. Сталин известил его, Зиновьева и Каменева о том, что Ленин вызвал его к себе и просил яду. Пораженные слушатели решительно настаивали, что об удовлетворении этой просьбы не может быть и речи, однако Сталин упорно повторял: “Старик мучается”. Троцкий затем дает понять, что Сталин мог так или иначе способствовать смерти Ленина: *Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence / F. Ch. Malamuth*. New York, 1941. P. 376-377. Впрочем, как справедливо указывает Валентинов, Ленину не свойственно было впадать в отчаяние и вряд ли он стал бы просить себе яду, даже если был бы тяжело болен. Характеру вождя гораздо более соответствовала стоическая борьба за жизнь, какую вел, например, герой рассказа Джека Лондона, прочитанного Ленину Крупской незадолго до смерти (о мнении Валентинова см. в его кн.: НЭП. С. 86). О причастности Сталина к возможному убийству Ленина какие-либо свидетельства отсутствуют. Известно, что Ленин страдал от сильнейшего артериосклероза (отец его умер от той же болезни в том же возрасте). Нетрудно, разумеется, допустить, что Сталин мог ускорить кончину Ленина косвенным образом. К 6 марта 1923 г. его взаимоотношения со Сталиным резко обострились (см.: *Lewin M. Lenin's Last Struggle*). Можно предположить, что крайнее волнение, вызванное поведением Сталина, содействовало тяжелому апоплексическому удару, от которого Ленин уже не сумел оправиться.

44. «Правда» из номера в номер печатала список партийных и правительственных организаций, приславших в газету свои соболезнования. К 27 января перечень насчитывал 438 организаций.

45. Петроградская правда. 1924. 26 янв. С. 3.

46. Там же. 25 янв. С. 4.

47. Правда. 1924. 26 янв. С. 4.

48. Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 4.

49. Там же. 26 янв. С. 4.

50. Там же. В газете указывалась не только общая сумма пожертвований, но и конкретный взнос каждого предприятия. Тем самым сбор средств на данный счет становился предметом соревнования.

51. Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 5. Возведение внушительного ленинского мемориала было особо важным вопросом гражданского престижа для жителей Петрограда. В других городах наблюдалось то же самое: всюду стремились продемонстрировать лояльность, а заодно пышностью проекта укрепить свой статус.

52. Петроградская правда. 1924. 26 янв. С. 3.
53. Там же. С. 4.
54. Там же. 25 янв. С. 4.
55. Там же.
56. Там же. 26 янв. С. 5.
57. Иногда исполнялись отрывки из «Реквиема» Моцарта, например, на собрании труппы Мариинского театра в Петрограде. — Петроградская правда, 1924. 25 янв. С. 4.
58. Петроградская правда. 1924. 26 янв. С. 3.
59. «Петроградская правда» так рьяно стремилась преуспеть в агитации за вступление а партию, что давала соответствующие заголовки даже статьям, далеким по теме. «Коллективно — в ряды РКП» — так была озаглавлена статья, в которой ни словом не упоминалось о новоиспеченных членах партии (Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 3).
60. Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 4.
61. См., например: Там же. 26 янв. С. 3.
62. Там же. 25 янв. С. 5. О большевистском идеале коллективизма, воплощенном в искусстве, см.: *Fuelop-Millen R. The Mind and Face of Bolshevism: An Examination of Cultural Life in Soviet Russia.* New York, 1928. P. 1-37.
63. Ленина нет // Правда. 1924. 24 янв. С. 2.
64. К партии. Ко всем трудящимся // Известия. 1924. 24 янв. С. 2.
65. Численность юных пионеров к началу 1924 г. составляла приблизительно лишь 10 тыс. Комсомол, напротив, насчитывал в 1924 г. 623 тыс. человек. См.: *Harper S. N. Civic Training in Soviet Russia.* Chicago, 1929. P. 46, 66.
66. Петроградская правда. 1924. 26 янв. С. 2.
67. Там же. 25 янв. С. 3.
68. Там же. 26 янв. С. 4.
69. Наиболее полно история ленинского призыва освещена в кн.: *Rigby T.H. Communist Party Membership in the USSR. 1917-1967.* Princeton, 1968. P. 110-131. См. также: *Carr E. H. The Interregnum. 1923-1924.* Baltimore, 1969. P. 358-363. О положении Троцкого в партии накануне ленинского призыва см.: *Deutscher I. The Prophet Unarmed, Trotsky: 1921-1929.* New York, 1965. P. 135-136.
70. Леонард Шапиро объясняет это явление тем, что по мере разрастания партийного бюрократического аппарата явилась потребность в членах партии с более высоким уровнем образования, нежели тот, каким обладали выходцы из пролетариата. Опрос 15 тыс. служащих в 1921 г. показал, что только треть из них пролетарского происхождения (Известия Центрального Комитета российской коммунистической партии (большевиков). 1922. N 39. Март). Кроме того, к этому времени, значительная часть старых большевиков пролетарского происхож-

дения вышли из партии и были заменены бюрократической прослойкой (*Schapiro L. Communist Party. P. 237-238*).

71. Поскольку общая численность рабочих возрастала в результате постепенного экономического подъема, характерного для послевоенного периода, влияние рабочих-коммунистов в среде рабочего класса соответственно уменьшалось (*Rigby T. H. Communist Party Membership. P. 117*).

72. Правда. 1924. 19 янв. С. 5.

73. См. С. 145-147 наст. изд.

74. ВКП(б) в резолюциях. М., 1941. С. 561. В результате ленинского призыва в партию влилось дополнительно около 200 тыс. рабочих и численность их возросла до 40%. В январе 1924 г. партия насчитывала 472 тыс. человек (*Rigby T. H. Communist Party Membership. P. 52*).

75. *Carr E. H. The Interregnum. P. 362-363*.

76. Множество заметок, описывающих подобные просьбы, см.: Петроградская правда. 1924. 24, 25, 26 янв. С. 5.

77. Там же. С. 3.

78. Там же.

79. Правда. 1924. 27 янв. С. 4.

80. См., например, статью с описанием митинга рабочих на фабрике «Красный ткач» (Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 5.); статью о митинге студентов и преподавателей Института Медицины и Радиологии (Там же. 1924. 26 янв. С. 5); статью с описанием собрания 20-й военной дивизии (Там же. 1924. 26 янв. С. 5).

81. Лениниана. 1924. N 1. М.; Л., 1926. С. 266.

82. Вот бепый перечень лишь некоторых из переименованных предприятий: завод им. Зиновьева, типография им. Зиновьева, Политехническая школа им. Зиновьева, бумажная фабрика им. Зиновьева, дворец им. Урицкого, железная дорога им. Урицкого, Лесопильный завод им. Калинина, рабочая школа им. Бебеля, Политехнический институт связи им. Дзержинского, фабрика им. Джапаридзе.

83. Петроградская правда. 1924. 24 янв. С. 4.

84. Там же. 26 янв. С. 2.

85. Эта речь, вместе с другими, произнесенными на траурном собрании, кратко изложены в газете «Правда». 1924. 27 января, С. 3. Полностью все речи впервые опубликованы в «Правде», 30 января 1924. С. 5-6 и 31 января 1924. С. 4.

86. *Deutschen I. Stalin: A Political Biography. New York. 1967. P. 269-272; Carr E. H. The Interregnum. P. 353-355; Schapiro L. Communist Party. P. 282*.

87. По мнению Адама Улама, «цветистый стиль» речи делал ее нелепой на Съезде Советов, однако она вполне была бы уместна на похоронах Ленина (*Stalin: The Man and His Era. New York, 1973. P. 235*).

88. Существует лишь одно исключение: речь, написанная Крупской приблизи-

тельно в 1924 г. и впервые опубликованная в 1965 г. в сборнике ее произведений о Ленине (О Ленине: Сборник статей и выступлений / Под ред. В. С. Дридзе. 2-е изд. М., 1965. С. 11-12). Эта речь, рукописный оригинал которой воспроизведен в книге, хранилась в Центральном партийном архиве в Институте марксизма-ленинизма. Датирована она 1924 г. Роберт Макнил, включивший английский перевод речи в написанную им биографию Крупской, утверждает, что она явно предназначалась к произнесению на похоронах. В доказательство он ссылается на тот факт, что редактор книги поместил эту речь перед речью, которую Крупская произнесла 26 января 1924 г. Более убедительным, однако, представляется довод Макнилла относительно ритуализированной формы самой речи: в этом плане она напоминает сталинскую. Первая часть речи состоит из ряда описаний Ленина, каждое из которых открывается его именем: "Ленин был врагом царей, помещиков и капиталистов, врагом угнетателей. Ленин был самым близким другом рабочих и работниц, крестьян и крестьянок, другом всех трудящихся". После девяти таких фраз Крупская перечисляет восемь заветов, составляющих наследие Ленина: "1) Крепить и дальше братский союз рабочих и крестьян. 2) Крепить и улучшать их власть — власть Советов. 3) Теснее смыкаться около Коммунистической партии". И так далее. Речь завершается призывами (заглавными буквами): "Неуклонно идти вперед, к светлой жизни, к социализму и коммунизму! Заветы Ленина исполним!" Макнил выдвигает предположение, что эта необычная речь, резко отличающаяся от обычного стиля Крупской, не была произнесена потому, что "все речи должны были быть согласованы с комиссией Дзержинского, принявшей решение, что только Сталину разрешалось толковать заветы Ленина". — *Bride of the Revolution: Krupskaya and Lenin*. Ann Arbor, 1972. P. 241.

89. Одна из статей озаглавлена «Клянемся!» Статья состоит в основном из клятв наподобие следующих: "Клянемся все, как один человек, клянемся все — рабочие, крестьяне и красноармейцы, — биться до конца за наше ленинское боевое красное знамя. Клянемся не допускать малодушных колебаний никогда, ни при каких обстоятельствах, несмотря ни на что". В статье содержится призыв Петроградского Совета крепить единство народа и быть ленинцами в борьбе и труде (Петроградская правда. 1924. 24 янв.).

90. Там же. 25 янв. С. 4.

91. Правда, 1924. 27 янв. С. 3.

92. Правда. 1924. 31 янв. С. 4.

93. Эти резолюции напечатаны в «Правде», 1924. 27 янв. С. 4.

94. *Trotsky L. My Life*. New York, 1930. P. 500.

95. *Ibid.* P. 509.

96. *Ibid.* P. 499.

97. *Ibid.* P. 509.

98. Троцкий цитирует этот отрывок из записей жены в своей кн.: *My Life*. P. 511.

99. *New York Times*. 1924. January, 28.

100. *Daniels R. V.* The Conscience of the Revolution. Cambridge, Mass., 1960. P. 236.
Цит по: *Duranty W.* I write as I Please. New York, 1935. P. 225-226.
101. *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 418-419.
102. Правда. 1924. 30 янв. С. 1.
103. Мое описание похорон основывается главным образом на материалах газеты «Правда», 1924. 30 янв.
104. Лозунг изображен на знамени ленинградской делегации (см. фото в кн.: *Котырев А. Н.* Мавзолей Ленина. С. 43). Другие лозунги: “Могила Ленина — колыбель свободы всего человечества”, “Ильич жив в сердцах рабочих”, “Ленин умер, но дело его переживет века”.
105. *New York Times.* 1924. January, 28. P. 1; «Петроградская правда». 1924. 28 янв. С. 5.
106. Правда. 1924. 27 янв. С. 5.
107. *New York Times.* 1924. January, 28. P. 1.
108. Мо-ги-ла Ле-ни-на... Ко-лы-бель сво-бо-ды... Все-го че-ло-ве-че-ства // Правда. 1924. 30 янв. С. 3.
109. *Котырев А. Н.* Мавзолей Ленина. С. 41.
110. Заведующий Московским поликлиническим отделением сообщил, что в день похорон Ленина медицинская помощь была оказана 3 196 человекам (по поводу обморожения, истерии и обмороков). — *New York Times.* 1924. January, 30.
111. *Абрамов А. С.* Мавзолей Ленина. С. 60.
112. Правда. 1924. 30 янв. С. 1.
113. Петроградская правда. 1924. 26 янв. С. 1.
114. Там же. 25 янв. С. 3.
115. Там же. 26 янв. С. 1.
116. Дюранти отмечает это в своем репортаже. — *New York Times.* 1924. January, 28.

6. ТЕЛО И ГРОБНИЦА

1. Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 2.
2. Там же. С. 5.
3. *Майская Т.* У гроба // *Известия.* 1924. 26 янв. С. 4.
4. “Чтоб Ильича уничтожить — смерти такой еще нет”. *Гуздев-Слесарь.* Для кого он умер // Петроградская правда. 1924. 25 янв.
5. Здесь приведены слова из выступления рабочего на комсомольском собрании. — Там же. С. 5.
6. *Известия.* 1924. 24 янв. С. 1.

7. Мануильский Д. Ленин и эпоха // Ленин. 1870-1924. Харьков. 1924. С. 9.
8. Перепечатывавшееся множество раз, впервые стихотворение было опубликовано в журнале «Молодая гвардия». 1924. N 2-3. С. 10-14.
9. Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 2.
10. Ярославский Ем. Жизнь и работа В. И. Ленина. М., 1924. С. 237.
11. Правда. 1924. 27 янв. С. 2.
12. Было бы наивным полагать, что формулировка “Ильич-Ленин” отражает непосредственное движение души Сосновского.
13. Стучка П. Наш Ильич // Правда. 1924. 27 янв. С. 1.
14. Там же.
15. Стеклов Ю. Могила Ленина // Известия. 1924. 27 янв. С. 1.
16. Правда. 1924. 30 янв. С. 1.
17. Правда. 1924. 27 янв. С. 1.
18. В состав бригады входили профессора О. Ферстер, В. П. Осипов, А. А. Дешин, Б. С. Вейсброд, В. В. Бунак; доктора Ф. А. Гетье, П. И. Елистратов, В. Н. Розанов, В. А. Обух — и нарком здравоохранения Н. Семашко. См.: Известия. 1924. 25 янв. С. 3.
19. Петроградская правда. 1924. 26 янв. С. 1.
20. Подробный отчет о вскрытии см.: Известия. 1924. 25 янв. С. 3. Статьи на ту же тему см.: Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 1, 2; 26 янв. С. 2; Известия. 1924. 25 янв. С. 1.
21. New York Times. 1924. January, 26. В определенном смысле, Дюранти, возможно, и прав. Мы видели, что на протяжении того периода, когда Ленин стоял у власти, а также во время болезни, Ленин изображался человеком, которого любит народ, именующий его “Ильичем”. Публикация детальных подробностей относительно того, что находилось внутри мертвого тела, могла быть демонстрацией желания руководства внушить народу убеждение, что от него ничего не утаивается, и что народ имеет право знать все.
22. Валентинов. НЭП. С. 87.
23. Там же.
24. Через несколько дней после вскрытия, 25 января, сердце и мозг вождя были отправлены в Институт Ленина. Прилагалась также и пуля, застрявшая в его теле при покушении в 1918 г. и оставшаяся невынутой. Ожидалось, что мозг Ленина будет использован в качестве объекта для изучения. Специалисты смогут подвергнуть исследованию лучший образец мозга человека, обладавшего могучим интеллектом, — так говорилось в статье, опубликованной вскоре после смерти Ленина: Исследование мозга В. И. Ленина // Отчего болел и умер В. И. Ленин. Л., 1924. С. 31. Накануне похорон мозг Ленина был сфотографирован. Профессору Абрикосову было поручено сделать тончайшие срезы тканей для последующего изучения под микроскопом.

25. Арманд И. Воспоминания о Ленине. С. 329-330.
26. Известия. 1924. 24 янв. С. 1.
27. Известия. 1924. 25 янв. С. 1.
28. Цит. по: *Shub. Lenin*. P. 438.
29. Правда, Известия. 1924. 24 янв. С. 1.
30. Петроградская правда. 1924. 26 янв. С. 2.
31. Семашко Н. Что дало вскрытие тела В. И. Ленина // Известия. 1924. 25 янв. С. 1.
32. Семашко Н. Отчего болел и умер В. И. Ленин // Отчего болел и умер В.И..Ленин. С. 6.
33. Мария Александровна Ульянова скончалась в 1916 г.
34. Семашко Н. Что дало вскрытие тела В. И. Ленина // Известия. 1924. 25 янв. С. 1. Абрикосов разделял мнение о том, что та форма артериосклероза, которой страдал Ленин, часто опирается на наследственные факторы. Как и Семашко, он указал, что отец Ленина находился на пороге смерти в том же состоянии, и добавил, что жировые отложения могут накапливаться в артериях с детства. По сравнению с Семашко, Абрикосов более подробно остановился на роли приобретенных факторов и на их влиянии на развитие болезни. В отличие от наркома здравоохранения, он ни разу не предположил, что смерть Ленина ускорила напряженная умственная работа над подготовкой и осуществлением революции. Абрикосов ограничился лишь замечанием, что мозговое переутомление и постоянная озабоченность способствовали обострению артериосклероза // Петроградская правда. 1924. 25 янв. С. 2.
35. Там же.
36. Семашко Н. Отчего болел... С. 6.
37. *Ulam A. The Bolsheviks*. P. 518.
38. Петроградская правда. 1924. 24 янв. С. 5.
39. Отчет комиссии ЦК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина). С. 42.
40. Валентинов, приводя эти сведения в своих мемуарах, указывает, что исходили они от Бухарина, однако сам он слышал нечто подобное из других источников. Это несколько снижает достоверность рассказа, но лишь отчасти, ибо Валентинов, как исследователь, отличался большой скрупулезностью и повторил бы слышанное только в том случае, если бы полностью полагался на правдивость рассказчика. Описанное заседание состоялось, по-видимому, в конце октября-начале ноября 1923 г. — *Валентинов*. НЭП. С. 90-92.
41. *Games E. O. Christian Myth and Ritual: A historical Study*. Cleveland; New York, 1965. P. 190.
42. "Resurget igitur caro, et quidem omnis, et quidem ipsa, et quidem integra". — *Tertullian. De carnis resurrectione*. P. 63. Цит. по: *Brown N. O. Life Against Death*:

The Psychoanalytic Meaning of History. New York, 1959. P. 309.

43. Правда. 1924. 13 июня. С. 4; Известия. 1924. 13 июня. С. 4.

44. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 435.

45. Впервые эта цифра встречается в Ветхом Завете. Тело Иосифа бальзамировалось в течение сорока дней: “И исполнилось ему сорок дней, ибо столько дней употребляется на бальзамирование” — Бытие. 50, 3.

46. Правда. 1924. 26 янв. С. 4; Известия. 1924. 26 янв. С. 1.

47. New York Times. 1924. January, 26.

48. Петроградская Правда. 1924. 26 янв. С. 2.

49. Известия. 1924. 27 янв. С. 1.

50. Известия. 1924. 29 янв. С. 1.

51. *Арманд И.* Воспоминания о Ленине. С. 330.

52. *Mc Neal R. H.* Bride of the Revolution. Ann Arbor, 1972. P. 241-242.

53. Ibid. P. 242.

54. Правда. 1924. 30 янв. С. 1.

55. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 435.

56. *Mc Neal R. H.* Bride of the Revolution. P. 242.

57. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 435.

58. Рабочая Москва. 1924. 26 янв.

59. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 435.

60. Правда, Известия, Петроградская правда. 1924. 30 янв. С. 1.

61. Правда. 1924. 13 июня. С. 4; Известия. 1924. 13 июня. С. 4.

62. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 435.

63. Задержка произошла главным образом ввиду конфликтов между египетским правительством и англичанами, финансировавшими раскопки и руководившие ими под началом лорда Карнарвона.

64. New York Times. 1923. February, 7.

65. Несколько лет спустя подобные истории вдохновили кинорежиссеров на создание знаменитого фильма ужасов «Мумия» (с Борисом Карлофф в главной роли).

66. Известия. 1924. 29 янв. С. 1.

67. *Мельников К. С.* В комиссию по постройке Мавзолея В. И. Ленина. 15 июля 1924 г. (архив Мельникова), цит. по: *Starr J. F. Melnikov: Solo Architect in a Mass Society.* Princeton, 1978. P. 249.

68. *Ольминский М.* Критические статьи и заметки // Пролетарская революция. 1931, N 1. С. 149-150.

69. О связи между Красным и культом Ленина см.: *Tumarkin N.* Religion, Bolshevism and the Origins of the Lenin Cult // Russian Review. 40 (January 1981). P. 35-46.

70. Правда. 1924. 3 февр. С. 5.
71. Котырев. Мавзолей Ленина. С. 56.
72. Известия. 1924. 4 марта. С. 6.
73. *Котырев А. Н.* Мавзолей Ленина. С. 62.
74. *Starr S. F. Melnikov.* P. 83. Ресторан назывался «Ущелье».
75. Отчет комиссии. С. 36.
76. *Хан-Магомедов С. О.* Мавзолей Ленина, история создания и архитектура. М., 1972. С. 55-56.
77. Отчет комиссии. С. 43.
78. Правда. 1924. 13 июня. С. 4; *Збарский Б. И.* Мавзолей Ленина. М., 1945. С. 30-31.
79. Dr Curtis G. Medical Examiner. City of Boston, telephone interview. March 1975.
80. *Збарский Б. И.* Мавзолей Ленина. С. 37.
81. Там же.
82. Там же. С. 38.
83. Там же. С. 32-33.
84. Известия. Правда, Ленинградская правда. 1924. 25 марта. С. 1, 2.
85. Известия. 1924. 25 марта. С. 1.
86. Известия. 1924. 31 июля. С. 4; Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 9. М., 1952. С. 97. Абрамов в книге «Мавзолей Ленина» утверждает, что Воробьев работал над проблемой бальзамирования в течение многих лет и основательно изучил предмет, однако ни в одном из современных источников упоминаний об этом нет.
87. В состав группы входили П. И. Карузин, Я. Г. Замковский, А. Л. Шабдаш и А. Н. Журавлев. — Известия. 1924. 25 марта. С. 1.
88. Там же.
89. *Збарский Б. И.* Мавзолей Ленина. С. 45.
90. Там же. С. 30.
91. New York Times. 1924. August, 4. P. 2.
92. *Збарский Б. И.* Мавзолей Ленина. С. 39-40.
93. New York Times. 1924. April, 28.
94. Отчет комиссии. С. 42.
95. Короткое извещение было опубликовано в «Правде» и «Известиях» 25 марта 1924 г.
96. Если точнее, то два с половиной месяца.
97. Правда, Известия. 1924. 13 июня. С. 4.
98. Первая бригада экспертов состояла из профессоров Мельникова-Разведенко-

ва, Тонкова и Яцути; вторая — из наркома Семашко, профессора Рязанова и доктора Савельева. — Известия. 1924. 25 июля. С. 5; 27 июля. С. 5.

99. Полный состав комиссии: Ф. Э. Дзержинский, А. С. Енукидзе, Л. Б. Красин, К. Е. Ворошилов, В. А. Аванесов, В. Д. Бонч-Бруевич, Н. А. Семашко, В. П. Воробьев, Б. И. Збарский, А. Л. Шабадаш, П. И. Карузин, В. Н. Розанов, А. Н. Журавлев, Я. Г. Замковский, А. П. Савельев, Н. Ф. Мельников-Разведенков, В. Н. Тонков, К. Е. Яцути и комендант Кремля А. Я. Беленький. — Известия. 1924. 27 июля. С. 5.

100. Отчет комиссии. С. 45.

101. Известия. 1924. 27 июля. С. 5.

102. Сразу по окончании бальзамирования Воробьев, возглавлявший проект, был удостоен звания “заслуженного профессора”. В 1927 г. он получил Ленинскую премию. В 1934 г. его наградили орденом Ленина, и он стал действительным членом Академии Наук УССР. В 1935 г. вошел в состав Центрального Исполнительного Комитета УССР. Сотрудники Воробьева также удостоились за свою работу почестей и наград. — Известия. 1924. 27 июля. С. 5; *Абрамов А. С. Мавзолеем Ленина*. С. 116. Збарский, ближайший коллега Воробьева, продолжавший наблюдать над сохранением тела после кончины Воробьева в 1938 г., также получил за свою деятельность официальное поощрение: в 1944 г. он стал лауреатом Государственной премии, а в 1945 г. был удостоен звания Героя Социалистического Труда. — *Котырев А. Н. Мавзолеем Ленина*. С. 139.

103. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 433.

104. Малевич К. Из книги о беспредметности // Архив Малевича, Музей Стеделик, Амстердам (25 января 1924). С. 20. Заметки из архива любезно предоставлены Робертом Ч. Уильямсом.

105. Там же. С. 7-8.

106. Щусев был хорошо известным архитектором. В 1919 г. он участвовал в разработке планов реконструкции Москвы, являлся главным архитектором сельскохозяйственно-промышленной выставки 1923 года в Москве. В 1922 г. он возглавлял Московское общество архитекторов. — *Котырев А. Н. Мавзолеем Ленина*. С. 32.

107. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 434.

108. *Хан-Магомедов С. О.* Мавзолеем Ленина. С. 48.

109. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания. С. 436.

110. Там же. Драматическое оформление интерьера принадлежит художнику И.И.Нивинскому.

111. Известия. 1924. 7 февр. С. 2.

112. Там же. 3 февр. С. 2.

113. Там же. 7 февр. С. 2.

114. *Котырев А. Н. Мавзолеем Ленина*. С. 70.

115. Известия. 1924. 3 февр. С. 2.
116. Правда. 1924. 22 февр. С. 4.
117. За исключением заявления Крупской 30 января 1924 г., эта статья от 22 февраля является единственным публичным протестом против постройки Мавзолея и бальзамирования тела, появившимся в тогдашней центральной прессе.
118. Отчет комиссии. С. 36.
119. Известия. 1924. 5 марта. С. 6; 1924. 11 марта. С. 6.
120. Подробное рассмотрение Мавзолея Ленина с архитектурной точки зрения, а также фотографии, рисунки и планы здания см.: *Котырев А. Н.* Мавзолей Ленина. С. 71-86; *Хан-Магомедов С. О.* Мавзолей Ленина. С. 61-71.
121. *Абрамов А. С.* Мавзолей Ленина. С. 79.
122. Известия. 1923. 11 мая. С. 4.
123. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 34; *New York Times*. 1924. May, 25.
124. Правда. 1924. 13 июня. С. 4; *Збарский Б. И.* Мавзолей Ленина. С. 41.
125. *New York Times*. 1924. June, 20.
126. Известия. 1924. 19 июня. С. 3.
127. Каждому району Москвы был выделен особый день для посещения. Приезжим доступ разрешался в любой день. Отдельные граждане не могли посещать Мавзолей, они должны были входить в группу. Мавзолей Ленина был открыт 3 часа в день, во время проведения конференций и конгрессов в Москве Мавзолей был открыт в течение 4 часов. — Известия. 1924. 30 июля. С. 4; 31 июля. С. 6.
128. Известия. 1924, 2 авг. С. 4.
129. Уолтеру Дюранти показалось, что дизайн и насыщенность цвета напоминали интерьер модного американского бара или французского кабаре. — *New York Times*. 1924. August, 4.
130. Ibid.
131. Ibid.
132. Ibid.
133. *Dreiser T.* *Dreiser Looks at Russia.* New York, 1928. P. 31.
134. *New York Times*. 19247 January, 30.
135. Наиболее забавной, пожалуй, является «Баллада о могиле Ленина» Роберта Сервиса. В этом юмористическом стихотворении Сервис рассказывает историю о том, как в тело Ленина бросили Бомбу, которая разорвала его на мелкие куски. Вскоре, однако, в Мавзолее Ленина появилось новое тело:

Нет, он червям
Не по зубам —
Из воска сделан он.

...

Не говори же: “Думаю,
Что вижу здесь я мумию”, —
Не верь глазам, браток.
Ах, чтоб прохвостов скрючило!
Тут пред тобою чучело —
Обман, труха, подлог.

Баллады из бара. Нью-Йорк, 1940. С. 88-89.

136. Lenin // *Lenin-Märchen: Volksmärchen aus der Sowjetunion*. Berlin, 1929. S. 32-34; Письма крестьян в связи с кончиной В. И. Ленина // *Вопросы истории*. 1968. N 7. С. 123.
137. *Адриан Вечерний* // Ильичу. Иркутск, 1924. С. 9; То же // *Ленин в советской поэзии*. С. 199.
138. *Акульшин Р.* Три сказки // *Новый мир*. 1925. N 11. С. 124-127; То же // *Акульшин Р.* О чем шепчет деревня. М., 1925. С. 114-117.
139. См. главу 1.
140. *Луначарский А. В.* Великий переворот Пг., 1919. С. 43-44.
141. *Kline L.* Religious and Anti // *Religious Thought in Russia*. P. 123. (Слова Луначарского приводятся в обратном переводе — Прим. переводчика.)
142. *Луначарский А. В.* Ленин. Л., 1924. С. 22, 31-32.
143. Стык. М., 1925. С. 90; то же // *Ленин в советской поэзии*. С. 329-330.
144. Отчет комиссии. С. 37.
145. Там же.
146. Там же. С. 38.
147. *Котырев А. Н.* Мавзолей Ленина. С. 104-108.
148. Отчет комиссии. С. 38.
149. *Котырев А. Н.* Мавзолей Ленина. С. 110-113.
150. *Ярославская И.* Трибуна народа // *Художник*. 1970. ° 4. С. 58.
151. Памятник изображен на мемориальном плакате, выпущенном в том же году. Надпись “Ленин — сталь и гранит” может служить едва ли не первым признаком зарождающегося двойного культа Ленина-Сталина (русское слово “сталь” использовано Сталиным для своего псевдонима).
152. *Хан-Магомедов С. О.* Мавзолей Ленина. С. 91.
153. *Збарский Б. И.* Мавзолей Ленина. С. 51.
154. *Валентинов.* НЭП. С. 89.
155. *Котырев А. Н.* Мавзолей Ленина. С. 118.
156. Там же. С. 123.

157. Правда. 1930. 10 ноября.

158. Правда. 1930. 11 ноября.

7. ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

1. См. главу 3.

2. См. содержательный анализ проблемы преемственности в кн.: *Tucker R. C. Stalin as Revolutionary*. New York, 1973. P. 304-324.

3. Ibid. P. 306.

4. Правда. 1923. 20, 21 дек.

5. Конфликт между вождями, а также их постоянные ссылки на Ленина подробно рассмотрены в кн.: *Carr E. H. The Interregnum*. Baltimore, 1969. P. 292-366; *Socialism in One Country*. 1924-1926. New York, 1960. P. II, 3-75. См. также: *Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union*. New York, 1964. P. 282-308; *Daniels R. V. The Conscience of the Revolution*. Cambridge, Mass., 1960. P. 235-252.

6. Правда. 1924. 12 февраля. Анализ этой речи см. также: *Ulam A. Stalin*. New York, 1973. P. 238-239.

7. Правда. 1924. 26, 30 апр.; 9, 11, 14, 15, 18 мая. Такер рассматривает эти лекции в своей кн.: *Stalin as Revolutionary*. P. 317-324.

8. *Trotsky L. Lenin: Notes for a Biographer*. P. 52-53, 119. “Ужасно пахнет революцией”, — заметил Ленин относительно наименования нового правительства // Троцкий Л. Моя жизнь. Т. II. М., 1990. С. 61.

9. Ленингр. правда, 1924. 13 июня. Карр также обращает внимание на выпад Зиновьева против Троцкого: *Carr E. H. Socialism in One Country*. Vol. 1-2. New York, 1960. P. 5-6.

10. См.: *Зиновьев Г. Соч.* Т. 15. Л., 1924. С. 146-288.

11. Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стеногр. отчет. С. 38.

12. *Попов К.* О пропаганде и изучении ленинизма. // Коммунистическое просвещение. 1924. N 1. С. 61; *Колесникова Н.* Год пропаганды ленинизма // Там же. 1925. N 1. С. 87.

13. *Попов К.* О пропаганде и изучении ленинизма. С. 61.

14. Там же. С. 62.

15. *Рындич А.* Ленинизм и совпартшкола // Коммунистическое просвещение. 1924, N 1. С. 67.

16. *Глан Б.* Ильич в клубах РКСМ // Коммунистическое просвещение. 1924. N 1. С. 117.

17. *Рындич А.* Ленинизм и совпартшкола. С. 63-64.

18. *Попов К.* О пропаганде и изучении ленинизма. С. 62-63.

19. Рабочая Москва. 1924. 7 марта. .
20. *Brooks G.* Discontinuity in the Spread of Popular Print Culture, 1917-1927 // Occasional Paper 138 (1981), Kennan Institute for Advanced Russian Studies. The Wilson Center, Washington, D. C. (unpublished).
21. *Хлебцевич Е.* Массовый читатель о сочинениях В. И. Ленина // Коммунистическое просвещение. 1925. N 1. С. 150-152.
22. *Brooks G.* Popular Print Culture. P. 16 (цитата из кн.: *Слуховский М. И.* Книга и деревня. М.; Л., 1928. С. 81).
23. Одной из наиболее доступных и широко читавшихся биографий Ленина в первое время после его смерти была переработанная речь Григория Зиновьева, произнесенная им после попытки покушения на жизнь Ленина. — *Хлебцевич Е.* Какие произведения Ленина больше всего читаются в библиотеках // Коммунистическое просвещение. 1924. N 1. С. 165.
24. *Окулова Г.* Изба-читальня. (При свете заветов Ленина) // Коммунистическое просвещение. 1924. N 1. С. 127.
25. *Хлебцевич Е.* Какие произведения Ленина... С. 165.
26. *Смушкова М.* Пропаганда ленинизма через библиотеку // Коммунистическое просвещение. 1924. N 1. С. 122.
27. *Крупская Н.* О культурной работе в деревне // Коммунистическое просвещение. 1924. N 2. С. 3.
28. *Окулова Г.* Изба-читальня... С. 129.
29. *Хлебцевич Е.* Собрание произведений устного творчества рабочих, крестьян и красноармейцев о Ленине // Коммунистическое просвещение. 1924. N 1. С. 118-120.
30. Рабкоры о смерти Ильича: сборник писем, статей и заметок рабкоров, селькоров и военкоров о смерти В. И. Ленина / Под ред. Ф. Лукьянова и М. Рафаила. М., 1925. С. 66, 70.
31. *Бубнов А., Рафес.* Изучение ленинизма в Красной Армии: (Инструкция Политического Управления Революционного военного совета ССС Республик) // Коммунистическое просвещение. 1924. N 1. С. 72.
32. Там же. С. 69, 71.
33. *Крупская Н.* О культурной работе в деревне. С. 4.
34. *Бубнов А., Рафес.* Изучение ленинизма в Красной Армии. С. 70.
35. См., например: Памятка красноармейцу-отпускнику. Новониколаевск, 1922; Памятка красноармейцу стрелковой дивизии. Камра, 1923; Памятка красноармейцу 9-й Донской стрелковой дивизии. Ростов-на-Дону, 1923.
36. Памятка отпускнику. Новониколаевск, 1924.
37. *Бубнов А., Рафес.* Изучение ленинизма в Красной Армии. С. 71.
38. *Виткич В.* Ленинские уголки в Красной Армии. М., 1925. С. 5-9.

39. Там же. С. 12-13, 14.
40. Там же. С. 13.
41. Ленпалатка территориальная. Харьков. 1925. С. 18.
42. *Менжинская В.* Уголки Ленина // Коммунистическое просвещение. 1924. N 1. С. 101.
43. Там же. С. 105.
44. *Григорьев Ю. В.* Уголки Ленина в жилищных товариществах. М., 1924. С. 3-7.
45. *Е. Ш.* Ленинизм в рабочих клубах // Коммунистическое просвещение. 1924. N 1. С. 100.
46. П. Будков. Пропаганда ленинизма в клубе «Красный луч» // Коммунистическое просвещение, 1924, N 1. С. 163.
47. Вечер памяти В. И. Ленина в рабочем клубе: Сборник материалов. М., 1924. С. 72-73.
48. Там же. С. 25, 65.
49. Клубные вечера на деревне: Материалы к вечерам памяти Ленина. Ростов-на-Дону, 1924.
50. Там же. С. 48-49.
51. *Лилина З.* Наш учитель Ильич. М., 1924.
52. Ленин, как правило, не искал общества маленьких детей — во всяком случае, до тех пор, пока тяжелая болезнь не вывела его из строя в 1922-1923 гг.
53. *Марголис С.* Его могила // *Шульгин В. Н., Свердлов К. Т.* Час Ленина в школе: Книга для чтения в трудовой школе I-й ступени. М., 1924. С. 55.
54. *Trotsky L.* Notes for a Biographer. P. 190-191.
55. *Камшилов М.* Изучать Ленина — значит изучать жизнь // Путь просвещения. 1924. N 4-5. Апрель-май. С. 114-122.
56. Лениниана, 1924. N 1. М.; Л., 1926. С. X-XI; в 1925 общий тираж опубликованных книг Ленина и о нем самом составил 20 898 727 экземпляров. — Лениниана. 1925. N 2. М.; Л., 1927. С. V.
57. Правда. 1924. 13, 15 февр.
58. *Кобанов.* Вместо воскресенья — Лениндень // Звезда (Минск). — Цит. по: Лениниана, 1924, N 1. С. 442.
59. Известия. 1925. 22 апр.
60. Собрание плакатов, Российская государственная библиотека Ленина (Москва).
61. Правда. 1924. 7 февр.
62. *Красин Л. Б.* О памятниках Владимиру Ильичу // О памятнике Ленину. Л., 1924. С. 13.
63. Там же. С. 18-19.

64. Отчет комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова-Ленина. С. 30-40.
65. В 1924 г. исполнительная тройка рассмотрела 405 рисунков, картин и фотографий Ленина; из них было забраковано всего лишь 26. Однако из 126 представленных бюстов и скульптур было отвергнуто 74, более половины. В соответствии с постановлением ЦИК, оригиналы одобренных работ направлялись в Институт Ленина, а забракованные произведения запрещались для общественного показа (там же).
66. "Не торгуйте Лениным!" // ЛЕФ. 1924. N 1 (5). С. 3-4. Некоторое время спустя после напечатания тиража весной 1924 г., редакционная статья, по-видимому, была сочтена непригодной для публичного распространения и изъята из нераспроданных экземпляров журнала. Однако заголовок статьи сохранился в оглавлении, а в экземпляре, направленном издателями в Библиотеку Ленина в Москве, статья осталась невырезанной. Приношу благодарность Ларсу Клебергу за предоставление мне его содержательной работы, в которой указанная статья приводится полностью. — *Kleberg L. Notes on the Poem "Vladimir Il'ic Lenin" // Vladimir Majakovskij: Memoirs and Essays / Eds. Jangfeldt B. and Nilsson N.A. Stockholm, 1978. P. 166-178.*
67. Маяковский В. Владимир Ильич Ленин // Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 6. М., 1957. С. 234.
68. Рабочая Москва. 1924. 22 февр.
69. Ленинградская правда. 1924. 7 мая.
70. Известия. 1925. 22 янв. С. 7.
71. *Корев С.* Обзор музыкальных произведений для Ленинских вечеров. М., 1925. С. 8-9. Возмущение автора мало обоснованно, поскольку русским революционным и политическим песням свойственны, как правило, на удивление неподходящие мелодии.
72. Известия. 1925. 25 марта.
73. Ленин у детей; Мавзолей В. И. Ленина. Модель для склеивания // Лениниана. 1925. N 2. С. 422.
74. *Якерин В.* Об использовании имени Ленина // Красная новь. 1925. N 9. С. 280.
75. *Шнеер А.* К вопросу об организации красных уголков: (По личным наблюдениям) // Коммунистическое просвещение. 1925. N 1. С. 117.
76. Рабочая правда (Тифлис). 1925. 29 окт.; Бакинский рабочий (Баку). 1925. N 20, 50. Резюме этих статей см.: Лениниана. 1925. N 2. С. 441, 446, 450.
77. *И. Ц-кий.* Ленин в библиотечном плакате // Книгоноша. 1925. N 5(86); *Шифрон Е.* Агитационный поход в деревню: (К неделе Ленина) // Красная Татария (Казань). 1925. N 6. — Цит. по: Лениниана. 1925. N 2. С. 469, 464.
78. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. М., 1928. С. 214-217.
79. *Большаков А. М.* Деревня 1917-1927. М., 1927. С. 264-275.

80. Там же. С. 271.
81. Точнее, 664, 122. Отчет комиссии. С. 41.
82. New York Times. 1925. September, 3.
83. *Powell D. E. Antireligious Propaganda in the Soviet Union. Cambridge, 1975. P. 35.*
84. СССР был образован в 1922 году, его конституция ратифицирована 6 июля 1923 г.
85. *Татишвили.* Пшавы и хевсурсы о Ленине // Правда. 1925. 21 янв.
86. От месяца и звезды родился Ленин // *Пясковский А. В.* Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. Л., 1930. С. 68-69.
87. Правда. 1927. 18 янв.
88. Лениниана. 1926. N 3. М.; Л., 1928. Предисловие (без пагинации).
89. Правда. 1929. 20 янв.
90. Там же. 5 янв.
91. Известия. 1931. 21 янв.
92. Правда. 1931. 21 янв.
93. Известия, Правда. 1932. 21 января.
94. См.: *Tucker R. C. Stalin as Revolutionary. P. 462-487.* Подробный анализ терминологии, использованный при сталинском юбилее, см.: *Heiger G. L. The Cult of Stalin. 1929-1939.* (Докторская диссертация. Университет Кентукки, 1977.)
95. Автором статьи был Емельян Ярославский. — Правда. 1929. 12 янв.
96. Правда, Известия. 1931. 14 янв.
97. Правда. 1932. 21 янв.
98. Учительская газета. 1980. 20 ноября.
99. Ежегодник ленинской и историко-партийной библиографии. Т. 1. М., 1932.
100. Анализ роли Сталина в развитии его культа см.: *Robert C. Tucker. The Rise of Stalin's Personality Cult // American Historical Review, 84 (April 1979), 347-366.*
101. *Lyons E. Moscow Currousel. New York, 1935. P. 40-41.*
102. Smolensk Archive // Harvard University Library. WKP 159. P. 2.

ЭПИЛОГ: “ЛЕНИН ВСЕГДА С НАМИ”

1. Сталин: к шестидесятилетию со дня рождения. М., 1940. С. 67.
2. Цит. по: *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. С. 549.
3. Цит. в кн.: *U'Dell F. Socialisation Through Children's Literature: The Soviet Example. Cambridge. Eng., 1978. P. 156.*

4. Иосиф Сталин: Краткая биография. М., 1941. С. 32.
5. Скульптура выполнена Г. Михальцовым. Фотография опубликована в кн.: Самое дорогое: Сталин в народном эпосе / Под ред. Ю. М. Соколова. М., 1939. С. 25.
6. Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях. // Свет и тени великого десятилетия. Л., 1989. С. 46.
7. Там же. С. 49-50.
8. Там же. С. 51.
9. Там же. С. 58-59, 95-96.
10. Правда. 1955. 11 янв.
11. Там же.
12. См., например: Ко дню памяти В. И. Ленина. М., 1955; *Талантова М. Н.* Что читать о В. И. Ленине. М., 1956; В помощь пропаганде В. И. Ленина и литература о нем. М., 1959; *Казаков С. В.* Ленин и теперь живет всех живых. М., 1958.
13. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. Т. 3. М., 1962. С. 121.
14. Правда. 1970. 22 апр.
15. Наши праздники. М., 1977. С. 28-30.
16. Я также присутствовала на празднествах в Ульяновске.
17. Советская Белоруссия. 1974. 20 янв.
18. Как и многие другие лозунги ленинского культа, этот также заимствован из эпической поэмы Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Для изучения периода формирования ленинского культа полезным библиографическим источником является книга: *Материалы для библиографии Ленина. 1917 — 1923* / Сост. Л.В.Булгакова. Л., 1924. Расцвет ленинского культа зафиксирован в обстоятельных библиографических выпусках «Ленинианы», издававшихся в 1926-1930 гг. Институтом Ленина. Содержателен также «Бюллетень Института В.И.Ленина при ЦК РКП», выходявший с 1923 г. Официальный «Отчет Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В.И.Ульянова (Ленина)», опубликованный в Москве в 1925 г., содержит ценную информацию о неделе траура, похоронах Ленина и о попытках сохранения его тела. Существенны и свидетельства тогдашней прессы. Наиболее интересные материалы, помещенные в «Петроградской правде», «Правде», «Известиях», «Рабочей Москве» и «New York Times». Важнейшим источником для уяснения кампании по «пропаганде ленинизма» 1924 года является журнал «Коммунистическое просвещение», N 1 (13) за 1924 год — отчет отдела политического образования Комиссариата просвещения. Напечатанные в нем многочисленные статьи отдельно в прилагаемую библиографию не входят.

Большое количество плакатов, посвященных Ленину, собрано в плакатном фонде Российской государственной библиотеки в Москве. Плакаты и прочие культовые артефакты выставлены также в Центральном Музее Ленина в Москве; хранятся они и в московском Музее Революции, сотрудники которого оказали мне помощь компетентными советами.

Ниже приводится список работ, цитированных в Примечаниях.

Абрамов А. С. Мавзолей Ленина. М., 1969.

Агитационно-массовое искусство первых лет Октября. М., 1971.

Акульшин Р. Три сказки // Новый мир. 1925. N 11. С. 120-127.

Аросев А. Институт В. И. Ленина // Пролетарская революция. 1923. N 11. С. 269-274.

Большаков А. М. Деревня 1917-1927. М., 1927.

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1965.

Бунии И. А. Окаянные дни. Берлин, 1935.

Бутник-Сиверский Б. С. Советский плакат эпохи гражданской войны 1918-1921. М., 1960.

Валентинов Н. (Н. В. Вольский). Малоизвестный Ленин. Париж, 1972.

Его же. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина / Под ред. Дж. Бэньян и В. Бутенко. Стэнфорд, 1971.

Его же. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953.

Васильев В. История канонизации русских святых // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. III, 166 (1893). С. 1-256.

Вечер памяти В. И. Ленина в рабочем клубе: Сборник материалов. М., 1924.

Виткюг В. Ленинские уголки в Красной Армии. М., 1925.

Волков-Ланнит Л. Ф. Ленин в фотоискусстве. М., 1967.

Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959.

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1-3. М., 1956-1960.

Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922.

Его же. Письмо М. Горького к Г. Уэллсу // Коммунистический Интернационал. 1920. N 12. Стб. 2207.

Его же. Владимир Ильич Ленин // Коммунистический Интернационал. 1920. N 12. Стб. 1928-1936.

Григорьев Ю. В. Уголки Ленина в жилищных товариществах. М., 1924.

Гусев А. И. В гостях у Владимира Ильича. Тверь, 1921.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923. Стеногр. отчет. М., 1923.

Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960.

Ежегодник ленинской и историко-партийной библиографии. Т. 1. М., 1932.

Елизарова А. Образец того, как нельзя писать биографии // Молодая гвардия. 1923. N 3. С. 237-238.

Ее же. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. Ч. 1 // Пролетарская революция. 1927. N 1. С. 70-124; Ч. 2 // Там же. N 2-3. С. 278-316.

Збарский Б. И. Мавзолей Ленина. М., 1945.

Зиновьев Г. Ленинский призыв и наши задачи // Большевик. 1924. N 1. С. 14-21.

Его же. Соч. Т. 15. Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Л., 1924.

Ингулов С. Задачи и перспективы нашей агитации // Коммунистическое просвещение. 1922. N 2. С. 7-14.

Камшилов М. "Изучать" Ленина — значит изучать жизнь // Путь просвещения. 1924. N 4-5. С. 114-125.

Клубные вечера в деревне. Материалы к вечерам памяти Ленина. Ростов-на-Дону, 1924.

Колесникова Н. Год пропаганды ленинизма // Коммунистическое просвещение. 1925. N 1. С. 86-88.

Корев С. Обзор музыкальных произведений для Ленинских вечеров. М., 1925.

Котырев А. Н. Мавзолей В. И. Ленина, проектирование и строительство. М., 1971.

Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче. М., 1924.

Крупская Н. К. На «Красной Звезде» // Крупская Н. К. Педагогические соч. 1957. Т. 1. С. 56-57.

Ее же. О культурной работе в деревне // Коммунистическое просве-

щение. 1924. N 2. С. 3-5.

Ее же. О Ленине. Сборник статей и выступлений / Под ред. В. С. Дридзе. 2-е изд. М., 1965.

Ее же. О Ленине. Статьи и речи / Сост. Сталь. М., 1925.

Ее же. Перспективы политпросветработы // Коммунистическое просвещение. 1922. N 1. С. 5-9.

Палаянц И. Х. О моих встречах с В. И. Лениным за время 1893-1900 // Пролетарская революция. 1929. N 1. С. 38-70.

Лебедь Д. Ленин. 1870-1924. Харьков, 1924.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1-55. М., 1967-1970.

Ленин / Под ред. Д. Лебедь. Харьков, 1923.

Ленин: Собрание фотографий и кинокадров. Т. 1-2. М., 1970-1972.

Ленин в советской поэзии. Л., 1970.

Ленин — товарищ, человек. Изд. 2-е. М., 1963.

Ленинградский С. Ленин среди крестьян деревни Кашино. М., 1924.

Ленину. 21 января 1924. М., 1925.

Ленпалатка территориальная. Харьков, 1925.

Лилина З. Наш учитель Ильич. М., 1924.

Луначарский А. В. Будущее религии. Ч. 1. // Образование. 1907. N 10. С. 1-25.

Его же. Великий переворот. Пг., 1919.

Его же. Ленин. Л., 1924.

Его же. Основы позитивной эстетики // Очерки реалистического мировоззрения / Под ред. С. Доратовского и А. Чарушникова. СПб., 1904. С. 8-182.

Его же. Революционные силуэты. М., 1923.

Его же. Религия и социализм. Т. 1-2. СПб., 1908, 1911.

Материалист. Трусливый оппортунизм будущего профессора // Под знаменем марксизма. 1923. N 2-3. С. 218-222.

Маяковский В. Соч. Т. 1. М., 1965.

Его же. Владимир Ильич Ленин. // Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 6. М., 1957. С. 231-309.

М. Е. О. «Вождь» мировой революции. Владимир Ильич Ульянов-Ленин // Железный путь. 1919. N 8. С. 2-4.

Митрофанов А. М. Вождь деревенской бедноты, В. И. Ульянов-Ленин. М., 1918.

Наши праздники. М., 1977.

Невский В. И. В.И.Ульянов (Н. Ленин). М., 1920.

О памятнике Ленину. Л., 1924.

Ольминский М. Критические статьи и заметки // Пролетарская революция. 1931. N 1. С. 148-152.

Его же. Тов. Ленин // Вестник жизни. 1918. N 2. С. 8-14; То же // Пролетарская революция. 1924. N 3. С. 24-33.

Осинин В. Некоторые черты характера В. И. Ленина во время болезни // Красная летопись. 1927. N 2. С. 236-247.

Отчего болел и умер В. И. Ленин. Л., 1924.

Павлович М. Ленин, как разрушитель народничества // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 157-182.

Памятка отпуснику. Новониколаевск, 1924.

Письма крестьян в связи с кончиной В. И. Ленина // Вопросы истории. 1968. № 7. С. 118-124.

Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937.

Пясковский А. В. Ленин в русской народной сказке и восточной легенде. Л., 1930.

Рабкоры о смерти Ильича: Сборник писем, статей и заметок рабкоров, селькоров и военкоров о смерти В. И. Ленина / Под ред. Ф. Лукоянова и М. Рафаила. М., 1925.

Савицкая Р. М. Разработка научной биографии В. И. Ленина // Вопросы истории. 1971. № 4. С. 3-19.

Сейфуллина Л. Мужичий сказ о Ленине // Красная нива. 1924. № 1. С. 162-169.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи. М., 1928.

Смута новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова. Париж, 1970.

Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.

Его же. Самое дорогое: Сталин в народном эпосе. М., 1939.

Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970.

Сталин: к шестидесятилетию со дня рождения. М., 1940.

Тринадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963.

Троцкий Л. О Ленине, материалы для биографии. М., 1924.

Уголок Ленина: Первая сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная выставка СССР. М., 1923.

Федоров Н. Философия общего дела / Под ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. М., 1913.

Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967.

Хан-Магомедов С. О. Мавзолей Ленина, история создания и архитектура. М., 1972.

Хлебцевич Е. Массовый читатель в сочинениях В. И. Ленина // Коммунистическое просвещение. 1925. № 1. С. 150-152.

Ходоровский И. В. И. Ленин, великий вождь пролетарской революции. Казань, 1920.

Чеботарев И. Н. Владимир Ильич // Юный пролетарий. 1922. № 1. С. 37-39.

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958.

Шидловский Г. Ленин — мифическое лицо // Пролетарская революция. 1922. № 3. С. 333-334.

Шнеер А. К вопросу об организации красных уголков: (По личным наблюдениям) // Коммунистическое просвещение. 1925. № 1. С. 115-119.

Шульгин В. Н., Свердлов К. Т. Час Ленина в школе: Книга для чтения

в трудовой школе 1-й ступени. М., 1924.

Якерин В. Об использовании имени Ленина // Красная новь. 1925. N 9. С. 280-281.

Ярославская И. Трибуна народа // Художник. 1970. N 4. С. 56-60.

Ярославский Е. М. Великий вождь рабочей революции. М., 1918.

Его же. Жизнь и работа В. И. Ленина. М., 1924.

Avrich P. Kronstadt 1921. New York, 1970.

Berlin J. Russian Thinkers. New York, 1978.

Billington J. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. New York, 1966.

Brooks J. Discontinuity in the Spread of Popular Print Culture. 1917-1927 // Occasional Paper 138, Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Washington, The Wilson Center, 1981.

Carr E. H. The Interregnum. 1923-1924. Baltimore, 1969.

Carr E. H. Socialism in One Country. 1924-1926. Vol. 2. New York, 1960.

Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haren, 1961.

Cunliffe M. George Washington, Man and Monument. New York, 1958.

Daniels R. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge. Mass., 1960.

Description des funérailles de feu l'Empereur Nicolas I de glorieuse mémoire précédée d'un aperçu historique sur les funérailles des tsars et des empereurs des toutes les russies et de quelques autres souverains européens. St.Petersburg, 1856.

Duranty W. I Write as I Please. New York, 1935.

Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston, 1976.

Fitzpatrick Sh. The Commissariat of Enlightenment. Cambridge; Erg., 1970.

Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York, 1973.

Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge; Mass., 1955.

Heizer G. The Cult of Stalin. 1929-1939. Ph. D. dissertation. University of Kentucky, 1977.

Kleberg L. Notes on the Poem «Vladimir Il'ic Lenin» // Vladimir Majakovsij: Memory and Essays / Eds. B. Jangfeldt and A. Nilsson. Stockholm, 1978.

Kline L. Religious and Anti-Religious Thought in Russian. Chicago, 1968.

Lane Ch. The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society — The Soviet Case. Cambridge. Eng., 1981.

Lenin-Märchen: Volksmärchen aus der Sowjetunion. Berlin, 1929.

Lewin M. Lenin's Last Struggle. New York, 1970.

Mazlish B. The Revolutionary Ascetic. New York, 1976.

Mc Neal R. II. Bride of the Revolution: Krupskaja and Lenin. Ann Arbor, 1972.

O'Dell P. A. Socialisation Through Children's Literature: The Soviet

Example. Cambridge; Eng., 1978.

Pipes R. The Origins of Bolshevism: The Intellectual Evolution of Young Lenin // Revolutionary Russia/ Ed. R. Pipes. Cambridge; Mass., 1968. Pp. 26-52.

Social Democracy and the St.Petersburg Labor Movement. 1885-1897. Cambridge; Mass., 1963.

Powell E. Antireligious Propaganda in the Soviet Union. Cambridge; Mass., 1975.

Rabinowich A. The Bolsheviks Come to Power. New York, 1978.

Reed J. Ten Days that Shook the World. New York, 1967.

Reswick W. I Dreamt Revolution. Chicago, 1952.

Rigby T. H. Communist Party Membership in the USSR. 1917-1967. Princeton, 1968.

Rigby T. H. Lenin's Government. Cambridge; Eng., 1979.

Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1964.

Sevcenko I. A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // The Structure of Russian History/ Ed. M. Cherniavsky. New York, 1970. P. 80-107.

Starr S. Melnikov: Solo Architect in a Mass Society. Princeton, 1978.

Stites R. Iconoclasm in the Russian Revolution: Destroying and Preserving in the Past // Occasional Paper 147. Kennan Institute for Advanced Russian Studies. The Wilson Center, Washington, 1981.

Stites R. The women's Liberation Movement in Russia. Princeton, 1978. Russian Institute, Columbia University.

The Anti-Stalin Campaign and International Communism. New York, 1956.

Trotsky L. My Life. New York, 1930.

Tucker R. C. The Lenin Anthology. New York, 1975.

Tucker R. The Rise of Stalin's Personality Cult // American Historical Review, 84 (April 1979). P. 347-366. Stalin as Revolutionary. 1879-1929: A Study in History and Personality. New York, 1973.

Tumarkin N. Religion. Bolshevism and the Origins of the Lenin Cult // Russian Review. 40 (January 1981). P. 35-46.

Ulam A. The Bolsheviks. New York, 1965. Stalin: The Man and His Era. New York, 1973.

Valentinov N. (N. V. Volskij). The Early Years of Lenin/ Fr. R. H. W. Theen. Ann Arbor, 1969.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абрикосов А.А. 154, 160, 162, 263, 262, 263
Авенариус Р. 29
Аксельрод П. 42, 43, 48, 49
Александр I 20, 180, 241
Александр II 21, 25, 35, 38, 82, 83, 96, 241.
Александр III 25, 35, 255
Александр Великий 13
Арманд И. 161, 256, 263, 264
Аросев 117, 253
Ахматова 23, 241
- Бабахан 113, 253
Бедный Д. 79, 95, 194
Белинский В.Г. 37, 47
Белый А. 27, 241
Бентам Д. 167
Бердяев Н. 27, 241
Блок А. 27, 241, 245
Богданов А.А. (Малиновский) 29, 30, 50, 164
Боголюбский А. 17, 102
Бонч-Бруевич В.Д. 28, 65, 86, 87, 127, 147, 160, 161, 162, 163, 171, 172, 180,
242, 245, 249, 255, 256, 264, 266
Брежнев Л.И. 6, 9, 233, 234
Бубнов А. 128, 196, 256, 270
Бухарин Н.И. 58, 94, 107, 117, 128, 129, 143, 147, 149, 158, 159, 160, 162,
174, 175, 263
- Валентинов Н. (Н.В.Вольский) 28, 34, 37, 45, 49, 76, 103, 108, 111, 131, 155,
158, 185, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 249, 251, 252, 253, 256, 257,
262, 263, 268
Вашингтон Д. 14, 91
Вейсброд В.Б. 166, 168, 262
Веспасиан 13
Владимир, князь 16,
Водовозов В.В. 40, 41, 243, 244
Воробьев В.П. 166, 167, 168, 169, 170, 171, 175, 176, 235, 265, 266
Ворошилов К.Е. 185, 186, 255, 266
- Ганди М. 209
Гоголь Н.В. 194
Гончаров И.А. 33, 243
Горев В.И. 122, 254
Горький А.М. 12, 28, 31, 44, 69, 101, 103, 143, 242, 246, 251
- Дарвин Ч. 24, 93

* Именной указатель составлен в соответствии с индексом оригинала.

Дени (Денисов В.Н.) 101, 220
Джабаев Д. 226
Дзержинский Ф.Э. 127, 147, 149, 168, 170, 259, 260, 266
Достоевский Ф.М. 16, 23, 240
Драйзер Т. 177
Дюранти У. 131, 146, 149, 155, 168, 176, 177, 216, 261, 262, 267
Евдокимов Г. 139, 148
Екатерина II 19
Енукидзе А. 126, 147, 170, 171, 210, 255, 266
Засулич В. 25, 26, 43, 46, 48
Збарский Б.И. 166, 167, 168, 170, 175, 176, 177, 184, 265, 266, 267, 268
Зиновьев Г.Е. 50, 54, 55, 74, 80, 81, 83, 93, 103, 114, 115, 117, 124, 126, 128
129, 131, 139, 141, 142, 143, 147, 148, 149, 154, 158, 162, 188, 189,
190, 191, 204, 248, 253, 254, 256, 257, 259, 269, 270
Иван IV 18, 20
Каганович Л.М. 223
Калинин М.И. 125, 126, 129, 131, 140, 141, 147, 148, 158, 159, 160, 175, 179
259
Каменев Л.Б. 54, 55, 74, 77, 80, 92, 98, 107, 110, 115, 116, 117, 126, 128,
129, 143, 147, 148, 149, 158, 159, 160, 162, 188, 189, 193, 228, 248,
253, 257
Каплан Ф. 100, 109
Карнарвон, лорд 264
Карпинский В.А. 218
Карпов Л.Я. 164
Карр Э.Г. 138, 269
Картер Д. 236
Каутский К. 98
Керенский А.Ф. 54, 121, 254
Керенский Ф. 36, 121, 254
Клемперер Ф. 106
Коллонтай А.М. 54
Кольцов М.Е. 122
Корнилов Л.Г. 54
Красин Л.Б. 22, 27, 30, 42, 128, 163, 164, 165, 166, 168, 173, 174, 180, 181,
182, 209, 210, 264, 266, 271
Крупская Н.К. 40, 42, 70, 72, 76, 78, 110, 117, 124, 125, 130, 141, 155, 161,
174, 193, 195, 197, 215, 220, 228, 244, 246, 247, 248, 255, 256, 257,
259, 267, 270
Куйбышев В.В. 147
Лазуркина Д.А. 231
Лайонз Ю. 223
Лассаль Ф. 94
Лежава А.И. 110
Лепешинский П.Н. 49, 87, 122, 254
Либкнехт К. 209
Лилина З. 204, 271

Линкольн А. 95
Лондон Дж. 124, 125, 257
Луначарский А.В. 22, 29, 30, 48, 49, 50, 54, 68, 74, 91, 98, 100, 117, 121, 122,
180-184, 242, 244, 245, 249, 250, 254, 268

Мазлиш Б. 46, 244
Макнил Р. 161, 260
Малевич К.С. 171, 266
Мандельштам М.Л. 40
Мао Цзедун 12, 15
Маркс К. 24, 28, 29, 35, 38, 40, 42, 44, 45, 54, 68, 69, 78, 93, 97, 100, 102,
113, 114, 121, 159, 194, 198, 205, 223, 228, 243
Мартов Ю. 42, 43, 46, 47, 48, 49, 244
Маяковский В.В. 56, 95, 96, 152, 202, 210, 211, 212, 234, 245, 272, 274
Мельников К. 164, 165, 264, 265, 266
Молотов В.М. 147, 149, 210, 255

Наполеон I Бонапарт 14
Невский В.И. 96, 97, 250
Николай I 22, 56, 98
Николай II 18, 21, 22, 27, 56, 57, 68, 208

Ольминский М.С. 164, 247, 249, 264
Осинский В.В. 60, 114

Павел I 18
Павлович М. 114, 253
Певзнер И.В. 185
Петр I 15, 18, 19, 20, 57, 130
Петр III 19
Плеханов Г.В. 29, 39, 40, 42, 43, 44, 46, 49, 99
Потресов А. 43, 47, 49, 244
Пугачев Е. 19, 69, 86, 103
Пушкин А.С. 22, 23, 64, 194

Радченко С. 42, 245
Разин Степан 69, 86, 103
Рид Д. 76, 77, 78, 248
Робеспьер М. 14
Розанов В.Н. 157, 166, 168, 251, 262, 266
Рыков А.И. 112, 129, 147, 158, 160
Рязанов Д. 77, 266

Савельев М.А. 111, 266
Сазонов Е.С. 26
Сапронов П. 92, 255
Свердлов Я.М. 69, 74, 79, 171, 190, 255, 271
Святослав, князь 213
Сейфуллин И.Л. 88, 89, 249
Семашко И.А. 107, 110, 118, 122, 155, 156, 157, 162, 166, 262, 263, 266

- Смирнов Е.Л. 155, 256
Сокольников Г.И. 147
Сологуб Ф.К. 213
Сосновский Л. 81, 94, 124, 152, 153, 249, 262
Сталин И.В. 9, 12, 14, 15, 63, 74, 93, 98, 105, 107, 110, 116, 117, 129, 138,
141, 142, 143, 145, 147, 148, 149, 157, 158, 159, 160, 164, 184, 185,
186, 188, 189, 190, 200, 210, 219, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227,
228, 229, 231, 232, 233, 234, 255, 257, 260, 261, 268, 273, 274
Стеклов Ю.М. 128, 161, 164, 262
Стучка П. 153, 262
- Такер Р. 188, 245, 269
Татлин В.Е. 173
Тито И.Б. 15
Толстой Л.Н. 194, 209
Троцкий Л.Д. 48, 49, 52, 54, 57, 60, 63, 74, 77, 80, 81, 91, 93, 103, 104, 105,
111, 137, 138, 140, 145, 146, 147, 156, 158, 159, 160, 162, 164, 175,
188, 189, 190, 205, 244, 248, 250, 253, 257, 258, 260, 269
Тургенев И.С. 24, 35, 40, 64
Тутанхамон 163
- Уайльд О. 239
Уитмен У. 95
Ульянов А.И. 25, 35, 26, 34, 35, 36, 37, 39, 41, 45, 64, 75, 97, 121, 162, 180,
243
Ульянова Анна И. 35, 243
Ульянов Д.И. 42, 162
Ульянов И.Н. 33., 80, 120
Ульянова М.А. 34, 259
Ульянова М.И. 107, 108, 263
Урицкий М. 79
- Федоров Н.Ф. 27, 30, 163, 164, 241, 242
Федосеев Н. 40
Фейербах Л. 29
Ферстер О. 156, 262
Филд Д. 241
- Хрущев Н.С. 228, 229, 232, 233, 274
- Цеткин К. 144
- Чернышевский Н.Г. 17, 22, 23, 24, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 64
Чивчивадзе 174
Чичерин Г.В. 147
Шалимов Н. 203
Шидловский А.П. 120, 254
Шкляренко А.П. 40, 243

Щусев А.Б. 171, 172, 174, 184, 185, 266

Якерин В. 212, 272

Ярославский Е.М. 85, 152, 204, 215, 249, 262, 273

Avrich P. 246

Billington J. H. 241

Brinton C. A. 240

Brooks G. 270

Brown N. O. 263

Carr E. H. 258, 259,

Carr H. D. 269

Cherniavsky M. 240, 241

Cunliffe M. 240

Daniels R. V. 251, 261

Deutschen I. 259, 258

Duranty W. 251, 261

Farbman M. 255, 256

Fedotov P. J. 240

Field D. 241

Fitzpatrick Sh. 242

Fuelop-Millen R. 258

Games E. O. 263

Harper S. N. 258

Heiger L. G. 273

Kilne J. L. 242, 268

Lewin M. 247, 251, 257

Lyons E. 273

Mazlish B. 244

Mc Neal R. H. 264

Mochulsky K. 241

Pipes R. 243

Powell E. D. 273

Rabinowitch A. 245

Reswick W. 255

Rigby T. H. 246, 258, 259

Sablinsky W. 241

Sampson Ch. 246

Schapiro L. 259

Shub D. 252, 263

Stites R. 241

Taylor L. R. 240

Trotsky L. 260, 269, 271

Tucker C. R. 245, 273

Tumarkin N. 264

U'Dell F. 273

Ulam A. 246, 251, 263

Venturi F. 241

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	6
ПРОЛОГ	8
ОТ АВТОРА	11
1. ИСТОКИ КУЛЬТА ЛЕНИНА В РОССИИ	13
Святые князья	15
Народ и царь-батюшка	18
Святые — герои пера и пистолета	22
Небесный град интеллигенции	26
2. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН	32
Володя Ульянов	33
Власть пера	36
Дорогами Революции	38
Проба преданности и превосходства	43
Лидер большевиков	46
Ленин в 1917 году	52
Правитель Советской России	56
3. ЛЕНИН В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МИФОЛОГИИ	66
Пропаганда первых лет революции	66
Начало ленинского мифа	74
Пятидесятилетие Ленина	92
Реакция Ленина	98
4. БОЛЕЗНЬ И БЕССМЕРТИЕ	106
Болезнь Ленина: официальная версия	109
Ленинизм	113
Институт Ленина	116
Ленинский уголок	119
Возникновение культа	120
5. СТРАНА В ТРАУРЕ	126
Прощание с покойным	130
“В ряды РКП!”	136
Именем Ленина	139

Накануне	140
Похороны	147
6. ТЕЛО И ГРОБНИЦА	151
Отчет о вскрытии	154
Решение о бальзамировании	158
Попытки сохранения тела	165
Гробница Ленина	171
Деревянный Мавзолей	173
Торжественное открытие	175
Поиски вечной гробницы	181
Место последнего упокоения	185
7. ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ ЛЕНИНА	187
Наследники Ленина и его культ	188
Пропаганда ленинизма	191
Красная Армия	196
Ленинские уголки	199
Ленинские вечера	201
Юные ленинцы	203
Россия славит Ленина	207
Культ Ленина идет на убыль	218
ЭПИЛОГ: “Ленин всегда с нами”	225
ПРИМЕЧАНИЯ	240
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	275
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	281

Нина Тумаркин

Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Пер. с англ. С. Л. Сухарева. СПб., Гуманитарное агентство "Академический проект", 1999. — 285 с. (Серия "Современная западная русистика", т. 12).

ISBN 5-7331-0145-8

В книге профессора Гарвардского университета Нины Тумаркин подробно изложена история формирования культа Ленина в СССР и его постоянной трансформации, раскрывается не только политическая, но и культурно-историческая и мифологическая подоплека этого культа.

НИНА ТУМАРКИН

ЛЕНИН ЖИВ!

Художник Ю. С. Александров
Художественный редактор В. Г. Бахтин
Корректор О. И. Абрамович
Компьютерная верстка А. Т. Драгомощенко

ЛР №066191 от 27.11.98

Подписано в печать 13.08.97. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times DL.
Усл. п. л. 18. Уч. изд. п. л. 20,1
Тираж 700 экз. Заказ № 3035

Гуманитарное агентство "Академический проект"
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии "Наука" РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12